

З Д Е С Ь

1) книга **«ДВЕНАДЦАТЬ СМЕРТ
НИКОВ. Суд над социалистами —
революционерами в Москве.» Берлин: Издание
Загр. Делегации ПСР, 1922.**

2) документы из приложения к книге «Суд над социалистами —
революционерами (июнь — август 1922): Подготовка. Проведение. Итоги.»,
М.: РОССПЭН, 2002

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

<http://socialist.memo.ru/books/lit/morozov2/pril.zip>

№ П-125

*Письмо В. Войтинского секретарю Заграничной
Делегации ПСР Б.Н. Рабиновичу о ходе работы
над книгой о процессе «Двенадцать смертников»*

22 августа 1922 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Получил Ваше письмо. Передайте Вас.Вас.¹³⁰, что на нем лежит, между прочим, и освещение
всей истории с выкраденными документами.

Я выбросил совершенно главу 3–6-ю («Как партия социалистов-революционеров боролась с
большевиками»), а главу 4-ую слил со 2-ой, дополнив их материалами из Вашего меморандума.

Новый план моего памфлета таков:

Осужденные.

Преследования социалистов в Советской России.

Провокаторы на службе у Советской власти.

Накануне московского процесса.

Инсценировка народного гнева.

Комедия суда.

Приговор.

О позиции партии при этом плане мне придется говорить исключительно в главе 6-ой, и при
том все время словами самих обвиняемых.

Глава 6-ая строится по такому плану: 5. Сперва описание хода процесса, затем рассмотрение
дела по существу, в заключение — об обвиняемых.

Таким образом, темы моя и Вас. Вас. отчетливо разграничиваются.

Если будете еще говорить с Вас. Вас., передайте ему мое мнение о его части задачи. Мне
кажется, что было бы хорошо, еслибы он мог привести текст постановлений партийных центров с
точными датами и, вообще, выдержать статью в стиле документальной справки, своего рода
делового досье. Это очень трудно, гораздо труднее, чем лирические излияния против
большевистской сволочи. Но это, по-моему, именно то, что нужно в предполагаемом издании¹³¹.

Не можете ли прислать мне [№] 14–15 «Рев. России»? Помещенное в этом № письмо
московских товарищей¹³², как мне кажется, должно войти в мою работу, а не в работу Вас.Вас.

Хорошо бы воспроизвести в брошюре прилагаемый автограф Вандервельда. Его можно было
бы вклеить в главу 6-ую.

С искр[енним] Приветом
жму руку

Вл. Войтинский

22 авг. 1922 г.

— ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 12. Л. 78–79. Подлинник.

**[источник: Суд над социалистами — революционерами (июнь — август
1922г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М.:
РОССПЭН, 2002 — сост.: С.А.Красильников, К.Н.Морозов, И.В.Чубыкин]**

OCR - Nina & Leon Dotan (05.2005)

<http://ldn-knigi.lib.ru> (ldn-knigi.narod.ru) (ldn-knigi@narod.ru)

(наши пояснения и дополнения - шрифт меньше, курсивом)

{X} - Номера страниц соответствуют началу страницы в книге.

В оригинале сноски находятся в конце соответствующей страницы, здесь - сразу за текстом! Даны отдельно: фотографии к книге и выдержки из речей подсудимых и защиты. Дополнение в конце книги: об авторе.

Старая орфография изменена.

ДВѢНАДЦАТЬ СМЕРТНИКОВЪ

СУДЪ НАДЪ
СОЦІАЛИСТАМИ-РЕВОЛЮЦІОНЕРАМИ
ВЪ МОСКВѢ

ИЗДАНИЕ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ П. С. Р.
БЕРЛИНЪ.
1922 г.

**СУД
НАД СОЦИАЛИСТАМИ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ В
МОСКВЕ.**

СОДЕРЖАНИЕ

КАРЛЪ КАУТСКІЙ

**Введеніе.
Московскій судъ и большевизмъ.“**

II

ВЛ. ВОЙТИНСКІЙ

**Судъ надъ соціалистами-революціонерами
въ Москвѣ.**

III

ПРИЛОЖЕНІЕ

**Тактическія позиціи партіи соціалистовъ-
революціонеровъ по документамъ.**

ВВЕДЕНИЕ

Московский суд и большевизм.

Между партией русских социалистов-революционеров и партией социал-демократов существует сильное расхождение, больше того, противоречия в основах мировоззрения и тактики. Несмотря на это, я охотно принял приглашение написать в качестве введения к изложению Московского процесса, издаваемому российской П. С. Р., несколько слов для характеристики этого процесса. Больше того, я чувствую, что не только имею право, но даже обязан написать это введение, и именно в силу исповедуемых мною социал-демократических принципов. Ибо принципы эти гласят, что пролетариат, наиболее униженный и поработанный из всех классов, не может освободиться, не освобождая при этом всех поработанных. Пролетарская социалистическая партия не может выполнить своей великой исторической задачи, не сделавшись защитницей всех поработанных и угнетенных. Поэтому Маркс и Энгельс вступились за угнетенную Польшу и встали на защиту Ирландии; поэтому, в области колониальной политики, социал-демократы всегда стремились к освобождению туземного населения колоний. При этом они часто поддерживали и не социалистические, буржуазные элементы.

Тем более обязаны мы заступиться за преследуемых и гонимых, когда они принадлежат к партии, которая так же, как и мы, хотя не всегда теми же путями, стремится к освобождению трудящихся и издавна вела самую решительную беззаветную борьбу с {8} заклятым врагом мирового прогресса, с русским деспотизмом. Борьба, которую ныне ведут социалисты-революционеры, есть только продолжение этой старой борьбы, ведь нет существенной разницы в том, является ли самодержавная власть наследственной или созданной вновь, властвует ли «законный» царь или клика случайно выдвинувшихся людей, родился ли тиран во дворце или он использовал, для того чтобы подняться в Кремль, рабочую и крестьянскую революцию.

И именно то обстоятельство, что новый русский деспотизм не царистский, а бонапартистский, делает особенно необходимым, чтобы социалистические партии мира вступились за преследуемых им русских социалистов. Ибо этот бонапартизм хочет сделать социалистов всего мира сообщниками его политики преследований, чего, по вполне понятным причинам, царизм никогда не пытался делать. Большевицкие властители хотели бы, чтобы социалисты всего мира рукоплескали предпринимаемым ими гонениям на социалистов-революционеров и меньшевиков. Но прошли те времена, когда они могли рассчитывать на то, что их заявления будут приняты без всякой критики.

Они стараются представить свою политику, как единственно-правильное применение марксизма, как строгое проведение принципов классовой борьбы. Но с этими принципами совершенно не совместимы грубые преследования и гонения, которым социалисты определенного направления подвергают рабочих, за то лишь, что эти рабочие признают социализм в ином толковании, чем они.

Мы, социал-демократы марксисты, в согласии со всеми почти остальными социалистами, требуем демократии и этим самым

возможности свободной пропаганды для всех политических партий. Эту возможность ничем нестесненной пропаганды мы должны прежде всего потребовать для всех социалистических партий России.

Совершенно неизбежно, что различные социалистические партии часто сильно борются друг с другом, но борьба эта должна быть только борьбой аргументов, борьбой за душу пролетариата. Социалисты, которые борются при помощи штыка, пулемета, Че-ки и тюрьмы против социалистических воззрений, расходящихся с {9} их взглядами, чинят этим огромное насилие над пролетариатом и над идеей классовой борьбы. Это чувствуют даже сами большевики. Поэтому они стараются оправдать свой режим насилия в глазах социалистов всего мира, утверждая, подобно волку в известной басне, что ягнята кощунственно мутят воду, которую они, большевики, хотят сохранить в чистоте. Убедить в этом мир — было главной целью московского процесса. Этим путем большевики желали уничтожить не только физически, но и морально наиболее выдающихся социалистов-революционеров. Но процесс дал обратные результаты. Он привел к моральной победе обвиняемых, к моральной казни обвинителей.

Большевизм первый применил насилие по отношению к другим социалистам. Он разогнал Учредительное Собрание не для отпора насильственным актам меньшевиков и эсэров, но потому, что признал свое бессилие привлечь на свою сторону большинство пролетариата и крестьянства при помощи пропаганды, наравне с другими социалистами. Отсюда переворот, направленный против большинства представителей революционных рабочих и крестьян; отсюда лишение прав всех социалистов, не склонившихся перед коммунистическим кнутом; отсюда создание политического положения, при котором оппозиции остается только одна форма открытого политического выступления — гражданская война.

Социал-демократия никогда не отрицала применения силы для преодоления насильственного угнетения, она только ставила это применение в зависимость от соображений целесообразности, от возможности рассчитывать на успех. Если она в этом отношении расходилась иногда с с. - р., то это было не по принципиальным, а лишь по тактическим соображениям. Но, если я хорошо осведомлен, то по этому пункту в настоящий момент нет существенных разногласий между меньшевиками и эсэрами: и теми и другими признано, что антибольшевистское восстание в настоящий момент не может быть успешным и даже, при некоторых обстоятельствах, может привести к ложному шагу обращения к иностранной или реакционной помощи. Вооруженное восстание против большевиков привело бы {10} в данный момент только к замедлению процесса, совершающегося в России и чреватого большими последствиями, — отхода пролетарских и крестьянских масс от большевизма и устремления их к другим социалистическим течениям. В этом процессе заключается смертельная опасность для большевистской диктатуры. Истинное преступление, в котором эсэры действительно повинны перед большевиками в настоящее время, состоит не в подготовке террористических актов и вооруженных восстаний, но в том, что эсэры, ряды которых быстро растут, так же как и меньшевики, а может быть в еще большей степени, приобретают доверие рабочих масс России, так что в скором времени за большевиками не будет стоять никого, кроме нескольких капиталистов и Красной Армии, да и

эти, пожалуй, останутся с ними недолго. Ибо военная диктатура требует военных успехов во вне, а не только подавления бунтов изголодавшихся крестьян.

Напрасно стараются большевики побороть поднимающуюся против них волну. Единственное, чем они владеют в совершенстве, — это искусство уничтожения противника при помощи насилия и лжи. Зато они обнаружили полное непонимание условий, при которых возможно социалистическое производство, и такое же полное отсутствие проницательности в определении условий, необходимых для развития капиталистического производства. В своем стремлении к осуществлению социализма они разрушили весь производительный аппарат России, и их попытка починить его теперь при помощи капитализма грозит еще большим его разрушением. Но если бы даже им удалось создать в России новый капитализм и с его помощью вновь пустить в ход производство, то это произошло бы при наличии пролетариата, которого сами большевики сделали совершенно неспособным к борьбе.

В том и другом случае, нищета и горе будут еще годы царствовать в русском государстве и будут порождать, с одной стороны, апатию отчаяния, с другой — вызванные отчаянием восстания масс. Московский процесс должен был отвлечь народное возмущение от большевиков и направить народный гнев против социалистов-революционеров. Напрасные старания: стрела, падая, поражает стрелка.

{11} Большевики надеялись повести процесс так, чтобы представить обвиняемых с. - р. и всю их партию, как сообщников контрреволюции и иностранных держав.

Для достижения этой цели они не остановились перед самым беззастенчивым применением всех грязных методов старого полицейского режима и крайним бесстыдством превзошли этот режим, опытным прокурорам которого достаточно было, как известно, двух строчек, писанных рукой подсудимого, чтобы отправить его на виселицу. И, несмотря на это, обвинители разоблачили в течение процесса лишь одно: собственную низость.

Когда в мае 1849 года Марксовская «Новая Рейнская Газета» была запрещена контрреволюцией, то Фрейлиграт заклеил это жалкое насилие пламенными словами. От имени запрещенного органа он сказал:

«Это — не открытый удар в открытой борьбе;
«Против меня — коварство и низость;
«Против меня — пресмыкающаяся подлость.
«Грязной мировой азиатчины».

Обвиняемые в московском процессе также сражены не открытым ударом в открытой борьбе, но тайной низостью грязных поборников татарского или калмыцкого социализма.

Но как невинна была «пресмыкающаяся подлость», которую бичевал Фрейлиграт, по сравнению с низостью, выявившейся в московском процессе!

Бесстыдная лживость, гнусная трусость и дьявольская жестокость обвинителей, судей и сыщиков, проявившиеся в этом деле, почти беспримерны в мировой истории и должны быть отмечены, как одна из ее позорнейших темных страниц.

Как героически возвышаются фигуры подсудимых, мужчин и

женщин, и какое отвратительное и жалкое моральное разложение являет свора, жадно требующая их крови, их оскорбляющая и преследующая их жестоко, чтобы насладиться их муками!

Моральная высота подсудимых и низость их противников выступили на процессе с такой очевидностью и убедительностью, что они произвели глубочайшее впечатление на всех, за исключением своры кровожадных {12} псов, которых московские палачи наняли для защиты их дела в европейской печати, и которые настолько бесстыдны, что пошли на это.

Обвиняемые с. - р. спасли честь социализма, которую большевизм попрадал ногами. Имена Гоца, Тимофеева и их товарищей запечатлеются в сердцах рабочих всего мира, без различия партий.

Не всегда большевики стояли на том низком уровне, до которого они упали теперь. Многих из них мы знали, как честных борцов и идеалистов.

Но переворот 1917 года поставил их в ложное положение, которое должно было их все более и более развращать.

С самого начала они построили свою власть на лжи и насилии над пролетариатом, на принципе, будто для достижения и удерживания власти хороши все средства.

Этот принцип всегда ведет к разложению партии, которая применяет его. Он развращает одних ее членов и парализует других, которые не борются с развращенными элементами.

Партии, преследующей великую цель, позволены лишь те средства, которые этой цели требуются. Партия, желающая освободить пролетариат, не может употреблять для завоевания и удержания своей власти такие средства, которые дезорганизуют и деморализуют пролетариат. Но только такими средствами могли утвердиться большевики, и поэтому они предпочли гибель русского и ослабление мирового пролетариата соглашению с другими социалистическими партиями России в целях создания революционного режима, опирающегося на народные массы и предоставляющего этим массам полнейшую свободу развиваться духовно и создавать свое экономическое благосостояние.

Прибегая для утверждения своей власти к средствам, ослабляющим и разлагающим пролетариат, большевики показали, что они не заботятся о поднятии и освобождении пролетариата, но что они представляют собой клику, знающую одну лишь цель: укрепление собственной власти.

{13} Это свойство большевизма роднит его с наследием французской революции, бонапартизмом. Как и этот последний, большевизм основывается на лжи и насилии. Но как первая, так и вторая империя открыли Франции эру экономического процветания и могли поэтому опираться на признание широких народных кругов, — не только на капиталистов, но и на крестьян. Большевизм, напротив того, разорил Россию и восстановил поэтому против себя весь народ. Поэтому его ложь и насилие должны значительно превосходить ложь и насилие французского бонапартизма. Но по этой же причине, несмотря на свою лживость, жестокость и подлость, большевизм не сможет держаться так долго, как режим Бонапарта во Франции.

Московский процесс был отчаянной попыткой большевиков опорочить в глазах русского пролетариата и вместе с тем всего мира их

самых опасных в настоящее время противников, представив их, как пособников контрреволюции, и вернуть коммунизму утраченные им симпатии пролетариата.

Этот процесс проигран большевизмом. Не подсудимые, а обвинители, судьи и их наемники вышли из этого процесса осужденными в глазах России и за пределами ее, клейменными, преданными глубочайшему презрению. Процесс этот показал тем, кто до сих пор это недостаточно ясно видел, всю гнилость и разложение большевистского режима.

Но московский процесс есть лишь один из сопутствующих моментов той великой всемирно исторической тяжбы, которую ведет большевизм. И из этого процесса он выйдет осужденным. Режим, подобный большевистскому, созрел для гибели. Пока еще нельзя сказать, когда и каким образом он падет, но одно можно утверждать с полной уверенностью и сейчас:

Большевизм падет со стыдом и позором, оплакиваемый, быть может, спекулянтами капиталистического мира, но сопровождаемый проклятиями всего борющегося за свое освобождение пролетариата. На этот конец большевистской диктатуры явно указывает нам московский процесс, и в этом его историческое значение.

К. Каутский.

СУД

над социалистами-революционерами в Москве.

Этот суд, потрясший совесть всего культурного мира, сплотивший в порывах негодования все течения социалистической и демократической мысли, все фракции рабочего движения, этот беспрецедентный суд завершился чудовищным приговором.

Двенадцать человек, отдавших всю свою молодость, всю жизнь, все силы, все помыслы делу освобождения рабочих и крестьян родной страны, делу российской революции и международного социализма, приговорены к смертной казни судом, претендующим на роль защитника интересов рабоче-крестьянской революции и социализма.

Намыленная веревка наброшена на их шею, но те, в чьих руках их жизнь, еще не затянули петли, еще ждут...

Ждут чего? Того ли, что осужденные, под влиянием психической пытки, которой подвергаются они и их близкие, падут перед ними на колени?

Того ли, что партия осужденных, ради спасения дорогих жизней, откажется от борьбы с советской властью?

Нет! На это большевики не рассчитывают. Они просто сохраняют за собой *выбор момента* для совершения казни.

Идет борьба за жизнь *двенадцати смертников*.

Цель настоящей брошюры — хоть в малой мере способствовать тому, чтобы в результате этой борьбы восторжествовала *правда*.

На следующих страницах читатель найдет краткие сведения об осужденных, о подготовке и ходе процесса, о приговоре и об отклике, который он получил в Европе. Стремясь дать возможно точное изображение относящихся к московскому процессу событий, автор пользовался отчетами большевистских газет, советскими радио сообщениями {18} иностранных защитников, участвовавших в первых заседаниях суда, свидетельствами очевидцев, официальными документами. Автор должен признать, что исчерпывающе полной картины эти источники не дают. Некоторые, особенно неприятные для советской власти, моменты остаются в тени. Но и того, что, вопреки усилиям большевиков, пробилось наружу, достаточно для суждения о московском процессе ...

Автор — социал-демократ, член партии, тактика которой существенно расходится с тактикой партии социалистов-революционеров. И не соображения партийной политики определяют его отношение к московскому процессу, а то представление о *праве*, т. е. *идеалы*, которые должны быть общими у *всех* социалистов всего мира.

1. Осужденные.

Кто они, эти двенадцать, приговоренные московским трибуналом к смертной казни за контрреволюционную деятельность? Вот их имена — дорогие для всей революционной России:

1. **Абрам Гоц** — с 1900 г. участник революционного движения, с 1904 г. — один из активнейших членов грозной для царизма боевой организации партии социалистов-революционеров (При непосредственном участии Гоца организовывались покушения: на министра внутренних дел Дурново, на усмирителей московского восстания 1905 г. генерала Мина и полковника Римана, на министра юстиции Акимова, на московского градоначальника Шувалова, на главу политического сыска при царизме вице-директора департамента полиции Рачковского.).

В прошлом за ним Петропавловская крепость, ожидание смертной казни, военный суд, 8 лет каторги, ссылка в Сибирь, где и застала его революция 1917 года.

2. **Евгений Тимофеев** — участник революционного движения с 1900 года. В 1905 году приговорен царским судом к 5 годам каторги. Перед окончанием срока заключения осужден вторично, еще на 10 лет. Из каторжного централа освобожден революцией.
{19}

3. **Гендельман** — вступил в революционную работу в 1899 г. В 1901 г. за участие в студенческих беспорядках сдан в солдаты. Провел в тюрьмах самодержавия около трех лет.

4. **Донской** — вступил в революционную работу в 1897 г. За студенческие беспорядки был сдан в солдаты. Три раза подвергался ссылке. Просидел шесть лет в царских тюрьмах.
(Idn-knigi; Дмитрий Дмитриевич Д. — врач, будучи в ссылке, в постоянном ожидании ареста, в 1939 году покончил с собой.)

5. **Евгения Ратнер** — в партии социалистов-революционеров с 1903 года. При царизме 8 раз была арестована, просидела в тюрьме свыше шести лет.

6. **Герштейн** — самоучка-рабочий, революционер с 1898 года. В прошлом — 4^{1/2} года тюрьмы и 5 лет ссылки.

7. **Николай Иванов** — революционер с 1906 г. Участник боевой террористической организации социалистов-революционеров. (Участвовал в подготовке и в исполнении террористического акта против начальника Главного Тюремного Управления Максимовского, которого партия социалистов-революционеров приговорила к казни за жестокое обращение с политическими заключенными. Участвовал также в подготовке взрыва Государственного Совета в 1907 году.). 10 лет провел на каторге. Был арестован Колчаком, спасся от расстрела лишь благодаря побегу из тюрьмы.

8. **Лихач** — в партии с. - р. с 1903 года. В прошлом 2 г. тюрьмы и 6 лет ссылки.

9. **Сергей Морозов** — в партии с. - р. с 1905 года. Дважды был присужден к каторге, 7 лет провел в каторжных централах.

10. **Николай Артемьев** — в революционном движении с 1903 года. Отбыл 4 года ссылки, частью в Туруханском крае, частью за полярным кругом.

11. **Елена Иванова** — в партии с. - р. с 1905 года, участница боевой организации. (При ее содействии был убит начальник тюрьмы Гудима и пристав Охтенской части Родзиевский, устроивший пытки рабочих в каземате своей части. Она же организовала убийство начальника Петербургской Одиной Тюрем «Крестов» Иванова и участвовала в исполнении террористического акта над начальником Главного Тюремного Управления Максимовским.) В 1908 году приговорена царскими судьями к смертной казни, которая была заменена бессрочной каторгой. Освобождена с каторги революцией.
{20}

12. **Владимир Агапов** — самый молодой из осужденных, в партии социалистов-революционеров с 1909 года, но уже подвергнулся ссылке при царизме.

Итак, за спиной двенадцати смертников, в общей сложности, около 240 лет революционной работы и борьбы за освобождение России. В общей сложности, при царизме они провели за железной решеткой 70 лет. Пятеро из них носили каторжанские цепи. Двое стояли под виселицей (Гоц и Елена Иванова). Двое отбывали каторгу дважды (Тимофеев и Морозов).

И этих людей большевистская власть пытается представить, как опасных контрреволюционеров, как злейших врагов трудового народа! И готовясь убить их, кремлевские самодержцы пытаются уверить весь мир, что крови этих людей требует спасение революции!

Но приведенные мною бесстрастные цифры — столько то лет революционной работы, столько то лет тюрьмы, столько то лет каторги — холодные цифры не передадут читателю духовный облик двенадцати смертников.

Все они вступили в политическую борьбу в тот период русской революции, когда она не знала ни живущих в царских палатах комиссаров, ни шумихи газетной рекламы, ни блестящих карьер, создающихся лестью, угодливостью, жестокостью, неразборчивостью в средствах, когда звание революционера не вело ни к почету ни к власти, ни к материальным благам, когда долей революционера были лишения, унижения, опасности. И они прошли свой путь, ни разу не изменив себе.

Представители социалистического Интернационала, встретившие этих людей в большевистской тюрьме, сразу почувствовали огонь, горящий в душах этих двенадцати и их товарищей.

Вот, что писал Э. Вандервельде об обвиняемых московского процесса:

«Почти каждый день мы посещаем тюрьму, старое здание темно кровавого цвета, где содержатся социалисты-революционеры.

«Это вообще одно из редких мест, где разговаривают — и, быть может, единственное, где я видел людей, которые говорят свободно, весело, не понижая голоса, не интересуясь тем, подсматривает ли за ними «око Москвы», подслушивает ли их ухо {21} Чичерина. Им угрожает смерть. Перед ними перспектива длинного тюремного заключения, а они смеются, они веселы, как бывают веселы люди, которые идут на борьбу за дорогое им дело.

«Нельзя, конечно, рассказать вам обо всех обвиняемых.

«На фоне общего героизма, как на золоте старинных картин, выделяется несколько особенно ярких фигур.

«Евгения Ратнер — одна из двух женщин этого большого процесса. Как жаль молодости, проведенной в стенах тюрьмы — сначала при царизме, потом при Ленине. Но вместе с тем, какое чудо видеть в таких условиях это упорство, соединенное с жизнерадостной грацией, с этой любовью к жизни, которая сверкает в черных глазах, и глубокой верой в будущее дела, которому отдана жизнь.

«Тимофеев — перед войной был на Сибирской каторге. Там он пользовался таким влиянием среди заключенных и администрации, что все называли его „начальником тюрьмы“.

«Это ему на предстоящем суде поручены объяснения по вопросам внешней политики. Нам, его защитникам, предстоит забота его защищать, его спасать, так как сам он думает только об одном — о нападении, о том, чтобы использовать процесс над ним и его товарищами, чтобы превратить его в процесс против их врагов.

«Если Тимофеев является в группе обвиняемых министром иностранных дел, то Гоц является руководителем общей политики. Я встречал его в Петербурге в 1917 году. Он был товарищем председателя рабочего парламента, всероссийского съезда советов ...

«Это именно Гоц в наших тюремных совещаниях всегда выступает от имени всех своих товарищей. Он родился в зажиточной семье и его жизнь могла быть легка: кроме нескольких месяцев в 1917 году, он провел свою жизнь в изгнании или в тюрьме ...» («Брюссельский Пепль»).

{22} Как о героях, говорили и писали об обвиняемых и другие их защитники.

«Таких людей нет у нас!» с глубоким волнением говорил о них Курт Розенфельд.

К этим отзывам мы хотели бы прибавить здесь лишь несколько слов.

С некоторыми из осужденных автору этих строк пришлось близко встречаться в революционной борьбе, с другими он познакомился в Сибири в Александровском каторжном центре.

Там, среди заключенных, были люди различных партий: меньшевики, эсэры, большевики, анархисты. И не было среди нас ни одного человека, который не относился бы с глубоким уважением и с теплой симпатией к Гоцу и Тимофееву. Оба они были «представителями» политических каторжан во всех сношениях с администрацией, оба считались среди товарищей хранителями лучших революционных

традиций, — бесстрашия перед врагом, стойкости при испытаниях, верности общему делу. Не могут не помнить Гоца и Тимофеева и большевики, сидевшие вместе с нами в тюрьме. Почему же эти бывшие товарищи нынешних смертников не возвысили своего голоса в дни процесса? Почему не крикнули они своим единомышленникам, опьяненным властью и кровью:

— Остановитесь!

Казалось, хоть в ком-нибудь из большевиков должна заговорить совесть. Казалось, должны выступить из рядов правящей партии хоть те, чью жизнь спас тот же Гоц, когда, рискуя собственной головой, он защищал большевиков от разъяренной толпы в дни июльского большевистского выступления 1917 года.

Но нет! Никто из большевиков не нарушил партийной «дисциплины». Не заставил задуматься коммунистическую партию и голос Горького, писавшего одному из членов московского правительства:

«Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, — это будет убийство с заранее обдуманном намерением, гнусное убожество. Я прошу вас сообщить Л. Д. Троцкому и другим это мое мнение. Надеюсь, оно не удивит вас, ибо за все время революции я тысячекратно {23} указывал советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране.

«Ныне я убежден, что если эсэры будут убиты, — это преступление вызовет со стороны социалистической Европы моральную блокаду России».

Кровавая расправа с политическими противниками слишком привычное дело для большевистской власти, чтоб она могла остановиться перед тем, что Горький заранее заклеил, как «убийство с заранее обдуманном намерением».

Ведь это началось не со вчерашнего дня! Ведь вот уже пять лет льется в России кровь крестьян и рабочих, и — ничего! Все сходило с рук московским самодержцам, и, несмотря ни на что, достаточно оставалось в Европе людей, готовых видеть в них носителей рабоче-крестьянской власти, знаменосцев торжествующей революции. Что же могло помешать большевикам сделать еще один опыт?

Московский процесс — последнее звено в длинной цепи преследования социалистов в советской России. Несколько слов о характере этих преследований облегчат нам понимание того, что представлял собой Верховный Трибунал, судивший социалистов-революционеров.

2. Преследования социалистов в России.

Чуть ли не с первого дня после захвата власти большевиками, начались в России преследования социалистов. Беспорядочные, случайные вначале, эти преследования вылились впоследствии в целую систему мероприятий, вызвали к жизни специальные государственные органы, стали одной из главных забот правительственной власти, одной из главных функций комъючеек.

Это вытекает из самой природы большевизма.

Основная идея большевизма — это диктатура меньшинства над большинством, партии — над рабочим классом и всем народом. Эта идея предопределила жизненный путь большевистской партии: начав с обоснования необходимости своей диктатуры интересами *революционного освобождения* всех трудящихся, {24} партия пришла к тому, к чему приходит, в конце концов, всякая диктатура, — к *деспотизму*, к беспощадному подавлению всех проявлений самостоятельности и активности в народе, к отказу от всех принципов во имя голого сохранения власти.

Так правительство, пришедшее к власти в ходе революции и сохранившее внешние атрибуты революционности, на деле воскресило все деспотические приемы управления царизма, уничтожило все завоевания революции.

Для большевистского правительства нет большей опасности, как пробуждение классовой сознательности и активности в широких массах крестьян и рабочих. Ибо народные массы, сознавшие свои интересы и свою силу, неизбежно пожелают взять власть над страной в свои руки и сбросят со своей шеи своих самодержавных повелителей, — каким бы флагом они ни прикрывались.

Здесь источник ненависти большевиков против социалистических партий, которые являются в России не только защитницами *народовластия*, *демократизма*, но и носительницами начал *активности*, *самостоятельности* трудящихся, крестьян и рабочих.

Меньшевики ненавистны московскому правительству, как партия классовой борьбы *пролетариата*; социалисты-революционеры, как партия, оспаривающая у большевиков влияние на *крестьянство*.

Какой враг опаснее? По этому вопросу давно идут споры среди советских охранников.

Одни из чекистов считают, что всего опаснее меньшевики, так как эта партия может, усилившись, двинуть против большевистской диктатуры *рабочие* батальоны; другие полагают, что главная опасность грозит со стороны социалистов - революционеров, так как *крестьянская* масса, подпав под их влияние, поглотит все результаты советского строительства.

Обе тенденции находят компромиссное решение своего теоретического спора, преследуя и меньшевиков, и эсэров, и беспартийных; хватая, запирая в тюрьмы, ссылая, а порой и расстреливая всех тех, чья деятельность грозит усилением активности, пробуждением сознательности, увеличением сплоченности крестьян и рабочих.

{25} Иными словами, советская власть преследует социалистов по тем же мотивам и за те же преступления, что и царизм.

Переменились носители власти, но остался *деспотический* государственный строй, и потому по прежнему полны тюремные камеры «политическими», и по личному составу эти «политические», в большинстве, при большевиках те же, что были при царизме.

Но аресты, тюремное заключение, ссылка — являются не единственными приемами в борьбе советской власти с крамолой; главное место среди этих приемов занимает *расстрел*, *смертная казнь*.

Большевики утверждают, что смертной казнью они пользуются для защиты рабоче-крестьянской революционной власти от посягательств со стороны контрреволюционеров, врагов трудящихся. Этому утверждение противоречит тот факт, что в России, со времени установления над ней большевистской власти, не прекращаются

массовые расстрелы крестьян и рабочих.

Достаточно напомнить такие события, как расстрел рабочей манифестации в защиту Учредительного Собрания в Петрограде, 5 января 1918 года; астраханскую бойню, во время которой несколько тысяч рабочих было расстреляно, зарублено шашками, потоплено в Волге за то, что они требовали хлеба, — точнее, даже не хлеба, а восстановления свободы хлебной торговли; расстрел из пушек Елисаветполя (Ганджи) в Азербайджане, при чем было убито до 20.000 чел. мусульман, в огромном большинстве крестьян и рабочих; многократные расстрелы забастовщиков почти во всех крупных городах советской России; стрельба по рабочим митингам за вынесение антибольшевистских резолюций; расстрелы крестьян-заложников за неявку рекрутов или за действия повстанческих отрядов; расстрелы крестьян и уничтожение целых деревень за невзнос продовольственного налога...

Часто рабочие и крестьяне, навлекшие на себя неудовольствие советской власти, расстреливаются (или избиваются иным способом) вместе с представителями других групп населения.

Кто подсчитает, сколько пролилось крови крестьян в те кошмарные дни 1918 года, когда по всей России шли казни заложников в вид репрессии за покушение на Ленина в Петрограде?

{26} Или такой случай. В 1921 г. большевики отправили на барже 600 заключенных из различных петрорадских тюрем в Кронштадте; на глубоком месте между Петроградом и Кронштадтом баржа была пущена ко дну: все арестанты потонули, кроме одного, успевшего вплавь достичь финляндского берега. Кто сосчитает, сколько крестьян и рабочих было среди потопленных?

Или другой пример. В конце 1918 года, в разгар гражданской войны, оставляя Сарапуль и затрудняясь эвакуировать местную тюрьму, большевики решили, в видах экономии, очистить ее, путем расстрела всех заключенных; в числе других был убит при этом один из вождей петроградских и уральских рабочих член Ц. К. социалистов-революционеров рабочий Иван Тетеркин. Сколько еще рабочих погибло вместе с ним?

Наряду с массовыми расстрелами идут в советской России и *индивидуальные* казни социалистов.

Так было расстреляно в 1918 году в Астрахани 15 человек социалистов-революционеров, собравшихся на губернскую партийную конференцию (Меморандум, поданный 2-го апреля партией социалистов-революционеров берлинской конференции трех интернационалов, отмечено, что в этом числе погиб старый революционер, член партии с. - р. с ее основания Струмило Петрашкевич, старый работник этой же партии Александр Торба, член Учредительного Собрания из крестьян Горелин, известный местный партийный работник Тимофеев, Ларионов, Ливсин, Курбатов и др.).

Так, в знаменитом Саратовском «овраге», где по особым спискам и безо всяких списков расстреляно за 1918-1919 годы около 1500 человек — убит целый ряд видных членов той же партии. Так, на Кубани в 1920 г. подверглись расстрелу народные вожди в борьбе с Деникиным, крестьяне, влияние которых на население тревожило советскую власть. Так, в том же 1920 г., после взятия Баку советскими войсками, большевики перебили главарей местного рабочего движения, при чем, в числе других, здесь был расстрелян социалист-революционер **Зимин**, тот

самый Зимин, благодаря которому было раскрыто дело об убийстве добровольцами 26 большевистских комиссаров. (Позже большевики объяснили, что Зимины они убили «по ошибке»).

{27} Впрочем, есть ли в России хоть одна губерния, хоть один город, где не было за эти годы расстрелов деятелей социалистического движения?

Среди расстрелянных социалистов можно назвать имена широко известные в России.

Онипко — депутат первой Думы, герой Кронштадтского восстания 1905 года.

Алмазов — крупный культурный деятель, писатель.

Коган-Бернштейн — старый партийный работник, социалист-революционер.

Борис Флекель — казненный по обвинению в том, что был секретарем Керенского, (каковым, кстати сказать, он никогда не был).

Самуил Файнберг — один из крупнейших деятелей партии социалистов-революционеров в Сибири...

О последнем я хочу сказать здесь несколько слов. Товарищ Гоца и Тимофеева по каторжному централу и близкий их друг, Файнберг, без сомнения, был бы их товарищем и по московскому процессу и вместе с ними был бы приговорен к смертной казни, если бы большевики уже раньше не расстреляли его безо всякого суда. Они расстреляли его, как «контрреволюционера», в Иркутске, в том самом Иркутске, который был отбит у Колчаковцев эсэрами после 2-дневного боя, в том самом Иркутске, в который были свезены арестованные большевики чуть ли не со всей Сибири и где около 1000 заключенных, главным образом, большевиков, были эсэрами освобождены из Колчаковской тюрьмы!

А в прошлом, при царизме, у этого человека было ожидание смертной казни, 15 лет каторги, долгие годы заключения в самой ужасной из всех царских тюрем — в Орловском центре ...

Нужно ли приводить здесь имена расстрелянных большевиками рабочих — социал - демократов, нужно ли перечислять «преступления», за которые они были казнены?

Вот — **Туляков** — рабочий, депутат 4-й Государственной Думы, вождь рабочих Донецкого угольного района. Расстрелян по приказу чека в 1918 году.

Вот — **Краковский** — рабочий Сестрорецкого завода. Расстрелян Тамбовской чека, как контрреволюционер.

{28} Вот — меньшевик рабочий **Самушкин**. Расстрелян в Витебске в октябре 1918 г. за расклейку воззвания к рабочим арестованной большевиками местной конференции представителей фабрик и заводов.

Вот — председатель Рыбинского совета профессиональных союзов, меньшевик **Левин**; вот — секретарь того же совета **Ром**; вот — председатель больничной кассы и Рыбинского социал-демократического комитета — **Соколов** — все трое расстреляны в сентябре 1918 г. за руководство однодневной забастовкой протеста с требованием свободы союзов, прекращения террора и изменения продовольственной политики.

Вот — **Миронов** — рабочий меньшевик, депутат 2-ой Государственной Думы. Расстрелян большевиками в 1918 г. в Сибири.

Вот — **Ридник** — секретарь Нижегородского Комитета Р. С -Д. Р. П. Застрелен большевиками якобы при попытке побега...

Еще легче расстреливали большевики анархистов и левых социал-революционеров, которые в октябре 1917 года помогли им захватить власть.

Это — не перечень погибших в советской России социалистов.

Это лишь несколько строчек бесконечного синодика, — но и этих строчек достаточно, чтобы понять психологию большевиков, недоумевающих, почему это социалисты Западной Европы подняли такой шум по поводу их намерения бросить в бездонную братскую могилу еще двенадцать трупов социалистов!

Читатель, который пожелал бы поближе познакомиться с этой стороной деятельности советского правительства, найдет подробности в сборнике «Че-ка», в меморандуме, представленном партией с.-р. берлинской конференции трех интернационалов, на столбцах «Социалистического Вестника», «Революционной России» и других зарубежных социалистических изданий.

Но физическое истребление противников не удовлетворяет большевиков. Они стремятся — употребляя излюбленное их выражение — к *«моральному уничтожению»*, к *«моральному убийству»* тех, кто стоит на их пути. Это достигается *публичным клеветническим шельмованием* обвиняемых и арестованных.

{29} Каждый массовый арест социалистов, каждый их перевод из одной тюрьмы в другую, каждая ссылка, каждое избиение заключенных, каждая казнь, а в особенности каждый суд сопровождаются на столбцах газет потоками ругательств, лжи, клеветы. И никакой возможности защищаться, отвечать, ибо все газеты в Советской России редактируются агентами правящей партии, и в ее руках — абсолютная монополия на печатное слово. Рот противников советской власти зажат раз навсегда.

То-то раздолье Радекам, Стекловым, Бухариным! Лги, клеветы, обливай грязью врагов, — они связаны, они безоружны, они беззащитны, они безгласны, — как безгласна ждущая их могила.

Нигде, никогда обманщик по призванию, лгун по природе, клеветник по профессии не был вооружен так, как при советском строе.

Это — целая система. И подобное «моральное уничтожение» противников имеет в глазах большевиков слишком большое государственное значение, чтобы доверить его исключительно прессе: рука об руку с публицистами Коминтерна работают чекистские следователи, прокуроры и судьи.

Напомню большевистские правительственные сообщения о «заговорах», — пространные сообщения, в которых имена социалистов умышленно переплетались с именами reactionеров. Иные из этих сообщений доходили до европейской печати. На Западе — в тех случаях когда ложь была чересчур очевидна, — объясняли измышления чекистов, как маневр, чтобы оправдать репрессии: аресты, ссылки, казни — это *цель*; сочинение заговоров — *средство*.

Но часто связь оказывается обратная: *цель* большевистской охраны — забрызгать грязью ненавистную партию; с этой целью фабрикуется «дело»; чтобы замаскировать вздорность выдвинутых обвинений, обвиняемые приговариваются к казни; чтобы «дело» не всплыло вновь, осужденных убивают в чекистском подвале.

На судебную трибуну советская власть переносит лишь те дела, которые она признает «выгодными в агитационном смысле», то есть, пригодными для устройства публичного шельмования подсудимых.

И судьи прекрасно понимают, чего ждет, чего требует от них правительство. Было бы поэтому наивно {30} искать в советских судах беспристрастия, независимости, уважения к закону.

По моральному уровню, по правосознанию, советский судья или прокурор ничем не отличается от чекистского палача. И судья и обвинитель, и палач одинаково получают приказ «прикончить такого-то», и выполняют волю начальства. Разница между ними лишь та, что судья и обвинитель работают при свете дня, а палач — в темном подвале.

Все отмеченные здесь элементы были на лицо в московском процессе: двойная задача физического и морального убийства, объединение судебного процесса газетной кампанией, судьи — чекисты, прокурор с психологией палача, глумление над подсудимыми.

Народу, требующему хлеба, власть предлагает зрелище казней. Этому зрелищу придается внешняя форма судебного разбирательства в доказательство того, что установление *«государственной законности»* в стране отнюдь не означает разоружения советской власти в борьбе с крамолой. Это должно успокоить правящую партию, поднять настроение среди ее членов, дать «идейную пищу» пропаганде. Так во всех деспотиях террор имеет свои приливы и отливы, и формы его видоизменяются в зависимости от того, усиливается ли или ослабевает тревога правительства за завтрашний день.

Материал для процесса был доставлен московскому правительству провокаторами Семеновым-Васильевым и Коноплевой. На их роли нужно остановиться.

3. Провокаторы на службе у советской власти.

Семенов и Коноплева, имена которых так часто упоминались за последнее время в печати, — люди абсолютно ничем не замечательные, — разве лишь болезненной жадой сильных ощущений и полной аморальностью.

Семенов (1891 - 1937 расстрелян – ldn-knigi) выплыл на поверхность политической жизни в 1917 г. Он был солдатом инженерного полка в составе XII армии и прошел от полка в армейский комитет. Называл он себя социалистом-революционером и так как в то время — после свержения царского самодержавия и до установления {31} самодержавия большевиков — все партии действовали открыто, не проверяя строго вливавшихся в их ряды новых членов, то и Семенова приняли в социал-революционную партию, не спрашивая его, откуда он взялся и каким путем пришел к революции и социализму. Дальнейшие этапы его деятельности могут быть установлены по его покаянной брошюре, изданной большевиками в Берлине при подготовке суда над социалистами-революционерами, и по показаниям свидетелей, частью прошедших перед судом, частью опубликовавших свои объяснения в зарубежной социалистической печати.

Во время октябрьского переворота, Семенов работал в военной комиссии при Центральном Комитете эсэров. Здесь уже в конце 1917 г. у него не раз выходили столкновения с партией, так как он то и дело требовал от организации активных уличных выступлений, а партия отвергала эти авантюристические планы. (См. берлинскую брошюру Семенова.).

После разгона Учредительного Собрания, Семенов вместе с Коноплевой организовал боевую группу, в которую вошло несколько человек рабочих, из зеленой, неустоявшейся молодежи.

От лица своей группы он предложил партии социалистов-революционеров открыть террористические действия против главарей советского правительства. Центральный Комитет ответил отказом. (Это обстоятельство ясно установлено на суде.)

Но несмотря на это, один из членов организованного Семеновым кружка, рабочий Сергеев, при случайной встрече с Володарским, убил его. Центральный Комитет партии социалистов-революционеров публично дезавуировал этот акт. Семенову было заявлено, что за столь вопиющее нарушение партийной дисциплины, при исключительных обстоятельствах, переживаемых партией, виновный подлежит самой суровой каре. (См. показания Б. Рабиновича в № 918 «Голоса России».) Но к сожалению, партия не избавилась сразу от проникшего в ее организацию опасного авантюриста. Вскоре Семенов представил партии ряд новых проектов авантюристического характера. Каждый раз партия отклоняла его предложения.

Тогда он пускается в боевые {32} предприятия *без санкции* партии и *вопреки* запрещениям ее ответственных центров, при чем обманывает своих товарищей и уверяет их, будто действует по полномочию Ц. К. (Это подтверждено на суде всеми свидетелями. Любопытные подробности имеются в показаниях М. Тисленко, напечатанных в № 923 «Голоса России».)

Так, Семенов устраивает экспроприации чисто уголовного характера, организует и подготавливает новые террористические покушения и т. д. (См. берлинскую брошюру.).

Летом 1918 г., в разгар гражданской войны, Семенова арестовывают. В Чека на Лубянской он стреляет в одного из охранников и пытается бежать. Его ловят. Смертная казнь для него неизбежна. Но он обращается с мольбой о помиловании к Ленину, вступает в сношения с шефом красной жандармерии Дзержинским, — и его выпускают на волю. Он выходит из тюрьмы уже, как член большевистской партии со специальным секретным заданием: работать в организации социалистов-революционеров в качестве осведомителя. И несомненно, уже тогда богатую жатву должен был принести этот человек большевистским палачам, совершенно исключительную низость должен был он обнаружить, чтобы получить для себя и для Коноплевой не только амнистию и свободу, но и почетное место в рядах Российской Коммунистической Партии!

Имеются основания предполагать, что уже *тогда* Семенов предал в руки советской охраны все подробности убийства Володарского и, вообще, весь тот материал, который 3½ года спустя лег в основание московского процесса. Но в то время велись разговоры об отказе социалистов-революционеров от вооруженной борьбы с советской властью, о легализации их партии, об амнистии — момент для использования показаний предателя был неудобный.

Во всяком случае, уже тогда большевики оценили, что Семенов для них ценное приобретение. Напомню, что в Советской России на провокаторов спрос огромный. Уже в начале 1918 года, большевистская партия пришла к заключению, что советская власть *должна* иметь провокаторов в эсэровских и меньшевистских {33} организациях. Несколько позже советское правительство создало такую

провокационную сеть, о какой департамент полиции при царизме — в виду скудости кредитов — не смел и мечтать. Вербовали провокаторов охранники Коминтерна тем же способом, как в прежнее время делали это царские жандармы — посредством угрозы расстрелом. Так, особой анкетой, произведенной в Бутырской тюрьме, установлено, что из прошедших через нее с ноября 1920 г. по февраль 1921 г. 150 слишком человек, 60 чел. получили предложение сделаться тайными агентами Чека и более 50 чел. испытали при этом угрозу расстрелом.

Итак, у Семенова при поступлении его в агенты Чека было много сослуживцев-конкурентов. Но в огромном большинстве, это была мелкота, — людишки, подлые лишь в той мере, в какой подлость является профессиональным свойством каждого провокатора.

Семенов - Васильев (а вместе с ним и его подруга Коноплева) быстро выдвинулся в этой среде.

Вот, что сообщает «Социалистический Вестник» об его дальнейшей карьере:

«Во время русско-польской войны Семенов, вместе с другими русскими, был арестован поляками по обвинению в шпионстве в пользу красной армии. Арестованные вместе с ним были казнены, но Семенов остался цел и невредим и стал агентом Бориса Савинкова...

«Получив от Савинкова деньги и инструкции, Семенов проник в Москву и... немедленно вошел в сношение с Чекой, которой и заявил, что Савинков поручил ему организовать покушение на Ленина. Он выдал Чека имена других агентов Савинкова, а также все планы организации взрывов стратегических железных дорог, арсеналов и проч.

«И вот тогда большевики впервые попытались использовать «чистосердечное сознание» этого провокатора для возбуждения обвинения против эсэров! Чека официально заявила, что один «разоблачитель» (имя которого опубликовано не было) утверждает о сотрудничестве эсэров с агентами Савинкова. В виду этого Чека объявила всех членов Центрального Комитета партии с.- р. заложниками и заявила, что в случай покушения на кого либо из членов Совнаркома — все эти заложники будут немедленно расстреляны.

{34} «Но занесенный над эсэрами удар сорвался. Утверждение о существовании заговора эсэров с Савинковым, другом Врангеля и «сумасшедшего» Бурцева, было настолько чудовищно и неправдоподобно, что даже коммунисты не поверили этому. Сам Дзержинский, глава и руководитель В. Ч. К., лично посетил в Бутырках Гоца и других вождей партии с.- р. и заявил им, что угроза Чеки ни в коем случае не будет приведена в исполнение.

Но то, что большевики не осмелились предпринять в 1920 году, они легко решили проделать 2 года спустя.

В конце февраля 1922 г. в Берлине вышла брошюра Семенова-Васильева, «разоблачающая» военно-террористическую деятельность партии социалистов-революционеров и являющаяся, по-видимому, воспроизведением показаний, данных Семеновым Дзержинскому в конце 1918 или в начале 1919 года. (Г. Семенов «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров в 1917 - 1918 г. г.». Берлин 1922 г. — ldn-knigi).

Автор кается здесь в своей эсэровской работе 1918 года, работы, «направленной против интересов крестьян и рабочих», и попутно выдает все преступления врагов советской власти. (Краткое содержание этой брошюры см. доп. материал — ldn-knigi)

Это — типичное донесение полицейского агента-провокатора: так

и мелькают экспроприации, убийства, покушения, а главным образом, — имена, имена. В общей сложности, в этой тощей брошюрке оговорено не больше, не меньше, как 93 человека!

Если столько же Семенов выдал через Савинкова в Варшаве, если столько же он оговорил по возвращении из Польши в Москву, то воистину этот человек достоин занимать одно из первых мест в рядах вдохновителей московского процесса, и прав был Фроссар, когда в своей корреспонденции в „Юманитэ" он характеризовал его, как *физически и морально совершенный тип коммуниста!*

Общий смысл показаний Семенова сводится к тому, что Ц. К. партии социалистов-революционеров *знал* обо всех его, Семенова, боевых подвигах и в *тайне* санкционировал их, хотя *гласно* от них отрекался.

Вандервельде дал в коротких словах юридическую оценку этих показаний:

{35} «Весь оговор Семенова, — заметил он, — основан на том, что он якобы с согласия Ц. К. устраивал покушения, которые затем Центральный Комитет дезавуировал. Однако после этого он снова устраивал покушения, партия снова от них отрекалась, а он, несмотря на такое поведение Центрального Комитета, продолжал готовить новые покушения. Правдоподобно ли это? Совершенно очевидно, что все это было придумано Семеновым впоследствии, совместно с теми, кто его инспирировал.»

Заключение Вандервельде — *«ни один нормальный суд не мог бы принять такого показания.»*

Но лидер бельгийского пролетариата не знает, что в России подобные показания соответствуют старой жандармской традиции: при самодержавии жандармский следователь, решив объявить на суде имя свидетеля-осведомителя, всегда норовил использовать это имя для возможно большого числа дел сразу.

В Екатеринославской тюрьме автор этой брошюры встречал одного полуграмотного железнодорожного сторожа, которому следователь приписывал оговор 102-х анархистов (сам сторож фигурировал сто третьим в том процесс). Выходило, что свидетель знал обо всех совершенных и готовящихся в губернии экспроприациях и покушениях. О каждом акте ему приходилось беседовать с кем-либо из руководителей анархической группы и, таким образом, не оставалось сомнений в том, что за каждое дело должна отвечать группа в целом ...

Так при царизме показания провокатора подвергались предварительной обработке, подгонялись к предстоящему процессу. И могла ли большевистская охранка отказаться от этого доброго обычая, могла ли она воздержаться от предварительной «ретуши» литературной исповеди своего агента? Разумеется, нет. Она *обязана* была указать ему, как группировать, как освещать факты, что опустить, что прибавить, ведь это так легко; два-три слова в случайном разговоре доносчика с членами Ц. К. обвиняемой партии меняют всю перспективу... И вполне естественно, что берлинская брошюра Семенова и его судебные показания — в значительной части плод коллективного чекистского творчества.

{36} Но это делает показания в целом неправдоподобными, лишает их всякой ценности в глазах нормального суда! — скажет товарищ

Вандервельде.

Что делать! Царские жандармы подобными показаниями не брезгали. А новая красная жандармерия, как показал московский процесс, отличается от старой лишь большим невежеством и бесстыдством.

4. Накануне московского процесса.

Когда появилось первое сообщение из Москвы о предании 47 социалистов-революционеров суду Верховного Трибунала за террористические акты, когда начались кровавые завывания большевистской прессы в России и в Европе, для всех стало ясно, что в Москве готовится судебное убийство.

На конференции исполнительных комитетов трех интернационалов в Берлине (в начале апреля) социалисты потребовали от большевиков прекращения террора в России. Само собой разумеется, большевики этого требования не приняли, но так как они добивались в то время создания «единого фронта» с социалистами, а западные социалисты, в силу своей буржуазно-предательской натуры, не соглашались на общий фронт с палачами, то представители Коминтерна, в конце концов, подписали вместе с представителями Второго Интернационала и Венского Объединения общую декларацию, в которой говорилось о предстоящем московском процессе следующее:

«Конференция принимает к сведению заявление представителей Коммунистического Интернационала, что на процессе против 47 социалистов-революционеров будут допущены все защитники, которых пожелают подсудимые; что, как уже было указано в советской прессе до конференции, на этом процессе не будет вынесено смертных приговоров; и что, в виду публичного рассмотрения дела, представители всех трех исполнительных комитетов могут присутствовать в качестве слушателей, которым будет разрешено вести стенографические отчеты заседаний, с целью осведомления примыкающих к этим исполнительным комитетам партий».

{37} Это соглашение, явившееся основой позднейшего участия в процессе представителей социалистических партий Запада, в Кремле было принято неблагосклонно. 11-го апреля в московской «Правде» Ленин, в статье под заголовком «Мы заплатили слишком много», писал:

«По моему мнению, наши делегаты поступили неправильно, когда они согласились на следующие условия:

1) Что советское правительство не вынесет ни одного смертного приговора в процессе 47 социалистов-революционеров; и 2) что представителям трех интернационалов будет позволено присутствовать на процессе. Эти условия представляют собой не что иное, как политическую уступку... Какие же уступки делает нам международная буржуазия? На это один ответ: никакой уступки... Какие же выводы можно сделать отсюда? По моему мнению, Радек, Бухарин и другие представители Коммунистического Интернационала поступили неправильно, когда

они сделали уступки, не обеспечив себе уступок с противоположной стороны. Но отсюда не следует, что мы должны разорвать подписанное ими соглашение. Этот вывод был бы неверен. Отсюда мы должны извлечь лишь тот урок, что на сей раз буржуазные дипломаты оказались искуснее наших дипломатов, и что на будущее время мы должны маневрировать и действовать искуснее.»

Итак, повелитель советской России, намылив голову своим неумелым послам, все же признал подписанную ими и утвержденную Исполнительным Комитетом Коминтерна декларацию *обязательной* для советской власти.

Но уже в мае на столбцах «Роте Фане» (нем., «Красное Знамя»; *ldn-knigi*) началась кампания в доказательство того, что берлинское соглашение ни мало большевиков не связывает: большевики, — писала газета, — были бы *идиотами*, если бы считали необходимым выполнить принятые обязательства относительно допущения защитников...

Впрочем, до поры до времени это оставалось частным мнением «независимой» коммунистической газеты. Московское правительство не сразу решилось объявить свои обязательства «клочком бумаги». Оно не решилось на это даже тогда, когда ему пришлось отказаться от {38} лицемерных попыток установления «единого фронта» с социалистическими партиями Европы. Так, при распадении «девятки» (смешанной комиссии из представителей трех интернационалов) делегат Коминтерна Радек счел необходимым совершенно официально подтвердить, что разрыв переговоров об «едином фронте» ничего не меняет в той части берлинской декларации, которая касается предстоящего суда над социалистами-революционерами.

Считая себя связанными этой декларацией, большевики, после некоторых колебаний и с видимой неохотой, должны были допустить на суд иностранных защитников. Какую роль с самого начала они отводили им в предстоящем процессе, показывает передовая статья московской «Правды» от 11-го мая:

«II-й интернационал прислал извещение, согласно которому он требует пропуска 10-ти социал-предателей, лакеев буржуазии, в качестве защитников эсэровских поджигателей и убийц. В числе этих молодцов находится один бывший буржуазный французский министр, 3 истинно-русских эсэра, которые сами ответственны за измену, подлость и предательство своих коллег по, с позволения сказать, «партии». Такой «полный» список сам по себе есть наглый... Пролетарская Россия отбилась от всех своих врагов, но эта пролетарская Россия вовсе еще не гарантирована от предательских нападений из-за угла... И если второй интернационал со своим привеском посылает таких людей, как своих «излюбленных лиц», то встреча их с нашей стороны будет вполне соответствовать. По Берлинскому соглашению трех интернационалов *мы обязались* пустить свободно избранных защитников для судебного процесса. Мы в точности выполним это *обязательство*. Но вне судебного процесса эти господа должны быть поставлены в такие

условия, которые бы обеспечили нашу страну от их военного шпионажа, от поджигательской тактики этих негодяев, которые с одной стороны убивают рабочих вождей, с другой — трусят признаться в этом, виляют хвостом, поджигают, лгут, обманывают... тех своих придурковатых {39} товарищей, которых они посылают на самые опасные места».

Трудно представить себе что либо более наглое по тону. Но все же, и в этой статье «Правда» стояла на почве обязательности берлинского соглашения. Это давало возможность продолжать переговоры с большевиками об организации защиты на предстоящем суде. В конце концов, Вандервельде, Вотерс, Курт Розенфельд и Теодор Либкнехт (первые два — представители бельгийской рабочей партии, последние два — представители независимой социалистической партии Германии), опираясь на берлинское соглашение, выехали в Россию, — прекрасно зная, что едут навстречу оскорблениям, унижениям, — быть может даже, смертельной личной опасности.

27-го мая представители социалистического пролетариата Запада прибыли в Москву.

8-го июня начался процесс. Точнее; начались одновременно *два* процесса, соответствовавшие *двойной* задаче, которую ставили себе большевики, — «моральное уничтожение» врагов и подготовка физического убийства. С одной стороны, шла газетная и митинговая травля и инсценировка «народного гнева», с другой стороны, переплетаясь с этой травлей, разыгрывалась комедия судоговорения.

5. Инсценировка «народного гнева».

Эта кампания была для большевиков не просто подготовкой смертного приговора: если бы все дело сводилось к тому, чтобы расстрелять еще двенадцать социалистов, это можно было бы сделать без большого шума, хотя бы под видом *попытки к побегу* где-нибудь вдали от Москвы. Но задача заключалась в том, чтобы *заставить* рабочих *требовать* казни обвиняемых, в том, чтобы, путем травли подсудимых и их защитников, поднять дух в коммунистической партии и подогреть настроение среди беспартийных рабочих.

Уже на границе советской России представителей Интернационала, ехавших на процесс, ждала враждебная {40} демонстрация; подобные демонстрации провожали их до самой Москвы. Советская печать с восторгом сообщала о свистках и угрозах по адресу защитников. Воспроизводить здесь эти сообщения было бы длинно. Ограничимся той характеристикой, которую дал этим инсценировкам «народного гнева» Мартов в № 12 «Социалистического Вестника»:

„На станции Себеж, в Великих Луках, в Волоколамске, и, наконец, на Виндавском вокзале в Москве толпы согнанного властями сброда, чекистская сволочь, совместно со всякого рода коммунистическими назначенцами, атаковала поезд защитников под видом «российского пролетариата», требующего от них отчета в контрреволюционном поступке защиты обвиняемых эсэров. В пограничном городке Себеж, все население которого, кроме мещан-евреев, состоит из чекистов и контрабандистов, «работающих» с ними исполу, обнаружился «авангард

мирового пролетариата», досконально знакомый со всеми «грехами» Эмиля Вандервельде и учинивший ему допрос с пристрастием по поводу того, что он подписал Версальский договор. Само собой разумеется, что этот «авангард» твердо знает еще до начала суда, что убийство Володарского и покушение на Ленина организованы именно Ц. К. эсэров и что, поэтому, самое желание выступить их защитником есть соучастие в преступлении. Не менее сведущим оказался и «пролетариат» в Великих Луках, с тем добавлением, что в этом мировом центре ему было поручено довести «моральное воздействие» на 2-й и 2^{1/2} -й Интернационалы до вышибания стекол, угроз рукоприкладством и, если верить корреспонденту «Дейли Геральд», то и до выстрела, сделанного из толпы переряженных в пролетариат чекистов».

В Москве, на Виндавском вокзале для встречи защитников были сделаны более солидные приготовления. Заимствуем описание их из «Правды» № от 27 мая:

«Уже к часу дня к Виндавскому вокзалу стали стекаться организованные группы народа со знаменами, оркестрами и пением. Демонстранты несут плакаты. На огромном полотне нарисован бельгийский король и рядом с ним Вандервельде. Под портретами аршинными буквами {41} надпись: «Господин королевский министр Вандервельде. Когда вы предстанете перед судом революционного трибунала?»

«На другом плакате, посвященном Теодору Либкнехту, вопрос: «Каин, Каин, где брат твой Карл?»

«На других плакатах пестрят лозунги: «Долой защиту тех, чьи руки обгарены рабочей кровью», «Позор Теодору Либкнехту, защитнику убийц своего брата». Надписи на знаменах на разных языках: русском, немецком и французском».

И тут же хор, заранее разучивший песню, сочиненную специально для этого случая каким-то казенным поэтом и наполненную ругательствами против Вандервельде. Я позволю себе привести целиком эту песню, как красноречивый показатель культурного и морального уровня инсценировавших эту встречу кремлевских диктаторов.

«Едет, едет Вандервельде,
Его встретим веселей,
Из лакеев меньшевистских
Всем лакеям он лакей.

«Он едет к нам,
Всемирный хам.
Конечно, рады мы гостям,
Однако, жаль,
Что нам, друзья,
Его повесить здесь нельзя.

«Сам убийца первоклассный,
Сразу понял он, подлец,
Коль засудим мы эсэров,
Что придет ему конец.»

В хаосе криков, свистков, угроз, одному из защитников, Курту Розенфельду, удалось поймать руководителя всей этой сцены, который и сам свистел изо всех сил, заложив пальцы в рот: это был — Бухарин, член Социалистической Академии Наук, один из руководителей Коминтерна, один из первых {42} сановников советского государства (и он же защитник Семенова-Васильева на суде (Впоследствии Бухарин, как передавали европейские защитники, признавался, что он, действительно, «был» у Виндавского вокзала во время демонстрации; но он утверждал при этом, что в кошачьем концерте не участвовал.)).

28-го мая, травле социалистов-революционеров и их защитников была придана новая форма.

По всей Москве в разукрашенных автомобилях разъезжали размалеванные клоуны с балаганами Петрушек и в пошлых куплетах выкладывали московской публике «факты» предательства партии с.- р., «факты» грабежа и убийства ими защитников рабочего класса.

На публичной эстраде Тверского бульвара, недалеко от памятника Пушкина, Петрушка сообщал почтенной публике «самые достоверные факты» о преступлениях эсэров, сваливая в одну кучу эсэров, меньшевиков, кадетов и черносотенцев. Все это подкреплялось демонстрацией убиения преступников здоровеннейшей дубиной. Сначала к Петрушке приводят предателя меньшевика Мартова, который тут же и убивается дубиной. Затем ведут Чернова и начинается остервенелая свалка Чернова с Петрушкой, при чем, конечно, «добродетель» торжествует, и дубина Петрушки раздробляет череп «бандита Чернова». Та же участь постигает Вандервельде и других защитников-иностранцев.

Одновременно шли митинги: большевистские ораторы — с Троцким во главе — объезжали фабрики и заводы, произносили зажигательные речи, проводили резолюции с требованием беспощадной расправы и смертной казни для социалистов-революционеров. От этих ораторов рабочие узнавали, что социалисты-революционеры затеяли в России гражданскую войну, что по их вине в России свирепствует голод, и что все изменится к лучшему, лишь только советская власть расстреляет этих врагов трудящегося народа... Впрочем, нередко эти сообщения имели лишь второстепенное значение: главное было то, что большевистское начальство *приказывало* голосовать за казнь эсэров. И на многих заводах, вместе с кучками фанатизированных и развращенных демагогией коммунистов, покорно подымали руки за предлагаемую им резолюцию и беспартийные рабочие.

{43} Такая покорность покажется, быть может, непонятной рабочим Западной Европы. Но вы, живущее в свободных странах, вы, имеющие партийные и профессиональные организации, места для собраний, газеты, вы, обладающие хоть крупицей человеческих прав, вспомните, что пролетарий в Советской России — бесправное существо, и что большое мужество требуется от него, чтобы, вопреки угрозам, осмелиться голосовать против резолюции, предлагаемой «самим» Троцким, приехавшим на завод с чекистской свитой, в сопровождении красноармейского конвоя!

Но на митингах и резолюциях с требованием смертной казни социалистов большевики не остановились. Были пущены по заводам петиции, рабочих *заставляли* подписываться под состряпанными в

Кремле требованиями крови.

Порою рабочие отказывались ставить свои имена под призывами к убийству.

— Не хотите подписываться? — спрашивали коммунисты строптивых: А вылетать с завода, а в Чека прогуляться — хотите?

И петиции покрывались подписями. И столбцы «Правды» и «Известий» заполнялись кровавыми призывами, скрепленными названиями заводов, именами рабочих, цифрами подписей.

Если бы вы, рабочие Запада, могли прочесть весь этот бред, вы подумали бы, что русские рабочие—это сброд каких то кровавых дикарей. Но нет! Эти петиции — клевета на русский пролетариат, вопиющее злоупотребление его именем, подлая ложь. А правда в том, что во всех деспотиях от имени поработанного народа говорят те, в чьих руках плеть и ружье.

Неудивительно, что большевикам удалось протащить по заводам несколько сот кровавых резолюций. Большого внимания заслуживает тот факт, что, несмотря ни на что, из среды русских рабочих за время этой кампании все же раздавались голоса протеста против совершаемого над их совестью насилия.

Так, рабочий Иванов на площади у Виндавского вокзала, во время манифестации против европейских защитников, громко протестовал, — его тут же арестовали и отвезли в тюрьму.

{44} На митинге Богородско-Глуховской мануфактуры, рабочий Терентьев обратился к товарищам и к большевикам с речью, в которой сказал:

«Товарищи, каковы бы ни были эсэры, едва ли бы сгоняли они нас на собрания, как овец, под угрозой лишения наших семейств необходимых продуктов из государственных лавок и кооперативов, как это сделали с нами; едва ли требовали бы они от нас штемпелевания постановлений правительства, состоящего из членов правящей партии, как это делаете вы, коммунисты. Я — старик, и вы мне не страшны, угроз ваших я не боюсь, а потому откровенно скажу, что в 1917 году, когда в правительстве были эсэры, мы, рабочие, без различия партий, чувствовали себя прежде всего гражданами России, а не рабочим скотом. Тогда нас не заставляли плясать под ту дудку, на которой вы сейчас играете в угоду вашим заправилам, которые вот уже четвертый год ездят на наших спинах.» (Передаю эту речь по сообщению собственного корреспондента «Голоса России».)

На целом ряде заводов («Голос России» отмечает такие протесты на Тульском Гос. Ружейном заводе, на Николаевском Судостроительном заводе и других.) рабочим удалось собраться тайком от большевистского начальства и вынести резолюции протеста против подготовляющегося убийства социалистов. Но не было в России ни одной газеты, в которой они могли бы огласить свой протест!

6-го июня московский Совет обсуждал доклад Радека о предстоящем суде. Раздавались речи о том, что нечего считаться с берлинским соглашением, что нужно, без долгих разговоров, расстрелять обвиняемых.

Высшей точки эта кампания достигла две недели спустя: на 20-ое июня, в годовщину убийства Володарского, большевики назначили в Москве и Петрограде уличные манифестами рабочих и красноармейцев с требованием казни социалистов-революционеров.

Красноармейцы были выведены на демонстрацию по наряду, как на парад. Рабочие и правительственные служащие получили приказ явиться к сборным пунктам по именным спискам. Было официально объявлено, что участники манифестации получают дневной заработок {45} (а в некоторых районах сверх того и горячий обед). Было дано знать рабочим, что назначенная манифестация — проверка их благонадежности, и что строптивых ждут суровые репрессии.

Вот несколько фактов, показывающих, как готовилась в Москве эта манифестация «народного гнева», и как относились к ней рабочие:

1. Фабрика „Богатырь“. Несмотря на запертые ворота, большинству рабочих удалось с собрания уйти (прыгали через забор, разбрелись по корпусам.) Вместо 2500 оказалось 300-400 человек.

«Кровавая резолюция» собрала 35-40 голосов. Остальные просто не голосовали. Директор завода вопрос поставил ясно и определенно: «Неявившимся на демонстрацию — вычет трехдневного заработка». Кроме того, был распространен слух об увольнении. У рабочих забирали контрольные карточки, как это делалось в рабочие дни. Но, несмотря на это, в демонстрации участвовало не больше 400-500 человек.

2. Завод Калинкина (200 рабочих). На собрании вместо резолюции было предложено принять официальное воззвание Р. К. П. по поводу процесса. Аудитория ответила молчанием, и только раздался один робкий голос «проголосовать надо было бы». Но резолюция так и не была проголосована.

По вопросу о демонстрации представители Заводоуправления и Завкома заявили определенно; кто не явится — будет уволен. И все-таки, на демонстрацию пошло незначительное меньшинство.

3. В Центросоюзе за несколько дней до демонстрации было вывешено объявление за подписью заведующего хозяйственной частью следующего содержания: «Явившимся будет предложен обед». Обещание было сдержано.

4. На собрании сотрудников и рабочих «Транспортного отдела» Московского Потреб. Общества из 300 сотрудников присутствовало около 120 человек. За резолюцию, требующую «беспощадной» меры наказания для обвиняемых, голосовали 9 человек, причем 6 голосов принадлежали администрации. Результаты голосования привели в ярость докладчиков и вызвали прямые угрозы увольнением. После этого резолюция голосовалась еще пять раз. Но цифра голосующих за оставалась неизменной — 9 человек. Тогда резолюция {46} снимается и голосуется вопрос об участии в демонстрации 20-го июня. За участие голосует 13 человек.

5. Фармазавод № 2 (120 рабочих). За резолюцию, предложенную председателем, голосовало 5 человек. На собрании раздавались голоса, требующие ораторов других партий ... В демонстрации приняли участие те же пять человек.

6. На Электрической станции бывшей Об-ства 1886 г. За несколько дней до демонстрации комъячейкой был пущен для подписей лист с резолюцией, требующей смертной казни для эсэров. По некоторым

отделам с листом ходили члены Завкома и начальство. Несмотря на приставание к каждому рабочему, собрать много подписей не удалось. В самый день демонстрации был устроен предварительный митинг. Но из 1500 рабочих явилось на собрание 100 человек. В демонстрации приняли участие 200—300 человек.

7. Миусский трамвайный парк. На собрании раздавались многочисленные протесты: «Мы против смертной казни!» Резолюция не голосовалась. На демонстрацию не пошли.

8. Пресненский трамвайный парк. Собрание разошлось, как только рабочие узнали о том, что в повестке дня вопрос о процессе эсэров. На демонстрацию не пошли.

9. Мастерские Савеловской жел. дор. (рабочих 4.000). В свое время рабочие решительно отказались идти «встречать» Вандервельде. На собрание по вопросу об с.-р. пришло очень мало людей. За резолюцию о смертной казни голосовало 19 человек. После голосования резолюцию разносили для подписи по цехам, угрожая всевозможными репрессиями. Так заполучили 60-100 подписей. В демонстрации участвовало всего 60-70 человек.

10. Московское интендантство. В механическом слесарном цехе, благодаря листовкам Р. С.-Д. Р. П., разбросанным среди рабочих накануне демонстрации, единогласно было решено не участвовать в ней. Когда рабочие явились на работу 21 июня, цех оказался запертым, а помощник начальника цеха опрашивал каждого о причинах неявки на демонстрацию. Выслушав объяснения, он заявил, что с каждого неявившегося будет вычтено жалование за пять суток (17 $\frac{1}{2}$ милл. руб.).

В швейном цех, комъячейка написала знамя за рабочих, никого {47} не спросив о лозунгах (в цехе 700 рабочих). Под знаменем шло несколько десятков человек.

11. Фабрика тонких сукон. На демонстрацию записалось около 40 рабочих (из 400 человек). Шли только коммунисты и кандидаты.

12. Фабрика «Майкапар». Явившись на работу и увидев знамя с требованием смерти с. - рам, рабочие потребовали уничтожения знамени. Комячейка отказалась, но зато вынуждена была участвовать в демонстрации в полном одиночестве.

13. 27-ая типография М. С. Н. Х. На общем собрании по вопросу об эсэрах, резолюция, предложенная от имени комъячейки, не получила ни одного голоса. На следующий день в «Правде» появилась грозная статья, требующая разогнать «меньшевицское гнездо». Сказано, сделано. Назначили нового начальника типографии, небезызвестного Полонского, который, несмотря на перегруженность типографии работой, «отпустил 200 рабочих (всего в типографии 300) «по домам» до осени. После этого, он собрал новое собрание, на котором выступал сам, и так таки провел резолюцию о применении к эсэрам «высшей меры наказания».

И, наконец, вот как изображает «Социалистический Вестник», из которого мы заимствуем приведенные сведения, манифестацию огромного Пресненского района:

«В демонстрации со всего района участвовало не больше 4.000 человек, насильно согнанных разными угрозами. Рабочие шли вперемежку с военными (без оружия). Среди них много женщин и подростков (12-13 лет). Бросалось в глаза отсутствие брянских железнодорожников. Лозунги со страниц «Правды». Настроение самое будничное и унылое. Все стремились скорее отбыть повинность — и домой. Характерен разговор, происшедший между красноармейцами и

группой женщин-демонстранток: «Вы чего, бабье, пришли?» — «А вы зачем?» — «Да мы люди казенные — нас погнали». — «Ну и нас погнали».

Разумеется, были мобилизованы дня участия в манифестации и все силы «комъячеек», все те рабочие, которые до сих пор верят большевикам, и которым правительственные «Известия» и «Правды», путем повторяемой изо дня в день клеветы, сумели внушить исступленную ненависть против социалистов.

{48} Эти элементы составляли в толп незначительное меньшинство, но они то и придавали манифестации желательный для инициаторов этого зрелища характер «народного гнева».

Так был подготовлен этот позор — манифестация, в которой смешались обманутые большевистской демагогией или запуганные угрозами начальства рабочие, развращенные преторианцы советского строя и те люмпены, которые еще недавно составляли главное ядро толпы, громившей евреев под руководством царской полиции, и которые теперь готовы идти туда, куда поведут их советские чекисты.

В 4 часа дня к толпе, наполнявшей Красную площадь, вышли члены ревтрибунала, генерал-прокурор Крыленко, председатель Московского совета Каменев и представители Коминтерна Радек, Клара Цеткин, Садуль и Шмераль. Первым оратором выступил председатель Трибунала Пятаков, заявивший толпе, что хотя он и не может предупреждать событий, но может с уверенностью сказать, что ревтрибунал сурово накажет подсудимых, которые посягали на советскую власть.

Вслед за ним говорил Радек, осыпавший ругательствами иностранных защитников. Затем Бухарин произнес речь в прославление Семенова и Коноплевой, которые дали в руки советской власти материал для суда над социалистами-революционерами.

И вот манифестанты дефилируют мимо суда. Члены Трибунала, вернувшиеся с митинга на свои судейские места, приказывают подвести обвиняемых к открытому окну, под которым бушует толпа, Социалисты стоят под градом угроз, оскорблений, издевательств. Впереди всех те из подсудимых, которые стояли во главе партии и готовы первые встретить смерть. В Гоца летит из толпы доска с надписью «смерть социалистам-революционерам». Судьи гогочут; визжит, захлебываясь от восторга, прокурор; ликуют защитники провокаторов...

Пять часов продолжается эта потеха. Но и этого мало большевикам.

В 10 час. вечера председатель сообщает, что делегация митинга просит Трибунал впустить ее и выслушать.

Прокурор Крыленко дает «разъяснение», что, хотя это по законам не предусмотрено, но по духу советской власти — вполне возможно! И «народ» предстал в «суде», в зале Трибунала бесновалась толпа наэлектризованных демагогами фанатиков, разнузданных чекистов и темных люмпенов. Раздавались дикие угрозы, лилась грязная ругань.

И судьи внимательно выслушивали «ораторов», жали им руки, благодарили за проявленную преданность советской власти, обещали все сделать согласно воле народа!

Два с половиной часа подлинной пытки выдержали социалисты-революционеры. Но, может быть, переживания этих закаленных борцов ничто по сравнению с теми муками, которые перенесли за эти часы их близкие — их жены, матери, сестры, допущенные присутствовать в суде

в качестве зрителей.

Я не могу воспроизвести здесь письма этих мучениц большевистского правосудия, письма, писанные кровью сердца, письма, которых нельзя читать без слез жалости и негодования. Мысленно они уже простились с дорогими для них людьми; они были уверены, что приблизился последний час, что этот ужасный день закончится самосудом, линчеванием подсудимых.

И так же оценивали свое положение сами подсудимые, до конца сохранявшие полное спокойствие, — ласковую, ободряющую улыбку для своих, взгляд, полный мужественного презрения, для палачей.

Но ни подсудимые, ни их родные не знали, что наемная сволочь, изображавшая в трибунале «разгневанный народ», получила от начальства приказ — болтать языком, но рукам воли не давать; кричать, ругаться, но не убивать тех, на кого у большевиков были иные виды... После манифестации 20-го июня кампания народного гнева как будто приутихла.

Почему? Устыдились ли большевики? Испугались ли они впечатления, произведенного на общественное мнение Европы? Или просто иссякла их изобретательность? Или появились у них новые планы? — Не знаю.

Обратимся к тому, как шла в эти дни работа Верховного Трибунала. Проследим прежде всего, в каких *формах* протекал процесс.

6. Комедия суда.

Первоначально большевики предполагали предать суду Верховного Трибунала 47 человек, затем, уже после берлинской конференции трех интернационалов, число обвиняемых было сокращено до 32. В этом числе было 22 человека, действительно принадлежащих к партии социалистов-революционеров, они представляли в процессе «1-ю группу обвиняемых». Рядом с ними на скамье подсудимых сидела еще «2-я группа», состоящая из десяти человек и возглавляемая Семеновым и Коноплевым: это были перебежчики из эсэровского лагеря, по большей части, давно уже вступившие в ряды правящей партии и предательством товарищей заранее купившие себе прощение и милость.

Точно так же делилась и защита; обвиняемых «1-й группы» защищали русские адвокаты Муравьев, Тагер и др. и представители западноевропейского социализма Вандервельде, Либкнехт и Розенфельд; в роли защитников «2-ой группы» выступал десяток коммунистов с Бухариным во главе, и рядом с ними Грациаден, Садуль, Шмераль и Феликс Кон. (*О защитнике Тагере, и его книгу см. у нас на стр.; ldn-knigi*)

Свою позицию в процессе защитники «2-й группы» определили следующим официальным, скрепленным их подписями, заявлением:

«Защитники, как единое целое, не считают себя солидарными в защите». Мы не имеем ничего общего с господами Вандервельде и Розенфельдом. Мы не считаем возможным защищать врагов пролетарской революции, находящихся в лагере русской Вандеи. Однако, среди обвиняемых имеется группа лиц, которые признали, что участвовали в контрреволюционных деяниях и убедились в том, что политика Ц. К. П. С.- Р. была преступной. Эти лица честно перешли в лагерь пролетарской революции.

На этом основании мы считаем своим революционным долгом взять на себя их защиту.»

Обвинение поддерживали: генеральный прокурор Крыленко, член правительства Луначарский, Покровский, Клара Цеткин, Муна, Садуль, Бокани.

В качестве членов Трибунала заседали три большевика. «Публику» или «народ» изображали 1200 человек {51} коммунистов и чекистов, — семьям обвиняемых было предоставлено всего лишь 22 билета.

В руках коммунистической охраны были и стенографирование, и переводы.

Фактически обвинение против 22 социалистов-революционеров велось с четырех сторон:

- 1) со стороны официальной прокуратуры,
- 2) со стороны предателей (т. н. 2-ой группы),
- 3) со стороны защитников этих предателей,
- 4) со стороны членов Трибунала.

И это — в обстановке непрерывной газетной травли, посреди разнузданной, специально подобранной толпы!

Защитникам «1-й группы» не давали говорить, их слова искажались переводчиками, их ходатайства с издевательствами отклонялись Трибуналом.

Речи обвиняемых, как это показывают даже большевистские тенденциозные отчеты о процессе, прерывались на каждом слове и председателем, и прокурором, и рядовыми чекистами из публики.

Трибунал отказался выслушать вызываемых обвиняемыми свидетелей, отказался допустить к участию в процессе четырех приглашенных ими русских защитников-социалистов, отказался от приобщения к делу документов, вскрывавших лживость и вздорность обвинения.

Нужно ли упоминать еще о том, что обвиняемые «1-ой группы» не были своевременно допущены к ознакомлению с обвинительным материалом, что иностранные защитники были лишены права свободного общения со своими русскими товарищами по защите, что стенограммы прений велись до такой степени недобросовестно, что ни обвиняемые, ни защитники не могли узнать в них свои собственные речи ?

Вся комедия суда была лишь подготовкой кровавой развязки.

На первом же заседании председатель трибунала Пятаков заявил, что суд *заранее отказывается от беспристрастного рассмотрения дела и намерен руководствоваться исключительно соображениями об интересах советской власти.*

{52} Это не был суд, как представляют себе суд в Европе. Это была пляска каннибалов вокруг связанных и ждущих смерти пленников.

Когда защита попыталась сослаться на берлинское соглашение, большевики возразили, что это соглашение для них необязательно, что они им не связаны, и что Трибунал может делать все, что пожелает.

После 7 дней отчаянной борьбы за справедливость, за соблюдение берлинского соглашения, за жизнь обвиняемых, иностранные защитники подали в Трибунал следующее заявление :

„Мы констатируем, что во время заседания Трибунала постановления берлинского соглашения трех интернационалов неоднократно нарушались:

«1. Суд отклонил допущение четырех новых защитников и не разрешил, вопреки берлинскому соглашению, вести стенографическую запись.

«2. Суд объявил о своем желании при известных условиях поставить вопрос о том, должны ли иностранные защитники быть допущены в дальнейшем к участию в процессе.

«3. Обвинители Крыленко и Луначарский заявили, что берлинское соглашение не является для суда связывающим.

«4. Представитель делегации 3-го интернационала на берлинской конференции Бухарин заявил, что берлинское соглашение разорвано.

«Мы руководствуемся исключительно интересами защиты и потому, несмотря на изложенные выше факты, находимся в распоряжении обвиняемых, если они того пожелают.»

К этому моменту характер суда выяснился настолько, что дальнейшее участие в нем европейских защитников было явно бесцельно. Они не могли обеспечить соблюдение на суде норм процессуальной справедливости, не могли своим присутствием гарантировать гласность разбирательства, а фактически, благодаря фальсификации переводов и стенограмм и превращению судебных заседаний в сплошной митинг, лишены были даже возможности активного участия в прениях.

С другой стороны, присутствие европейских защитников на процессе создавало иллюзию, будто суд {53} протекает нормально, согласно условиям берлинской декларации трех интернационалов. Защитники чувствовали, что укрепление этой иллюзии приносит делу больше вреда, чем та польза, которую могут принести их выступления перед судом.

Это подсказало им решение отказаться от дальнейшего участия в процессе, — решение, которое было одобрено единодушно и обвиняемыми.

19-го июня Вандервельде, Либкнехт, Розенфельд и Вотерс покинули Москву (*причем им пришлось объявить голодовку, чтобы получить от большевиков разрешение на выезд!*)

Вернувшись в Европу, защитники в обращении к социалистическим партиям всех стран дали отчет об обстоятельствах, заставивших их уйти с суда:

«Берлинское соглашение, — писали они, — имело целью создать для пролетариата уверенность, что московский процесс против социалистов-революционеров будет вестись при соблюдении всех правовых гарантий свободной защиты и на строго объективной почве ...

«Тот способ, которым ведется процесс, не оправдал наших ожиданий, и с самого начала стало ясно, что вопреки обещаниям, данным третьим интернационалом в Берлине, обвиняемые были поставлены не перед судьями, а перед своими политическими противниками, намерением которых было осудить обвиняемых по государственным соображениям. Было уже знаменательно, что председатель суда вскоре после

открытия заседания сделал заявление, что этот суд является классовым судом и будет сознательно проводить классовую юстицию.

«Председатель верховного трибунала Крыленко явился перед подчиненным ему, как председателю, судом в качестве обвинителя, вопреки сделанному им самим только что распоряжению, которое воспрещает, по само собой понятным основаниям, председателю суда выступать на своем же суде в качестве обвинителя. Вместо себя Крыленко назначил председателем подчиненного ему в известном смысле Пятакова, зятя его жены. Последняя, то есть жена Крыленко, вела следствие и подписала обвинительный акт. Пред началом процесса Крыленко лично предлагал на публичных собраниях резолюции, в которых требовалось осуждение обвиняемых.

«Когда мы приехали в Москву, мы были встречены демонстрацией, по-видимому, хорошо подготовленной; демонстранты несли знамена и плакаты с оскорбительными для нас надписями. По нашему адресу раздавались ругательства и угрозы. Требовали бросить нас в тюрьму. Правительство утверждало совершенно ложно, что настроение, сказавшееся против нас на демонстрации, господствует во всем рабочем классе Москвы, и под этим предлогом заставило нас поселиться в двух часах езды от города и приставило к нам нескольких чиновников для наблюдения за всей нашей деятельностью. Поэтому мы чувствовали себя в Москве пленниками, да и были ими.

«Накануне процесса арестовали двух свидетелей и произвели обыск у одного из русских защитников. У этого защитника конфисковали на время часть его защитительного материала.

«Суд, у которого имелось в распоряжении 1200 входных билетов, не дал из них обвиняемым достаточного числа даже для их ближайших родственников. Почти все эти билеты, несмотря на наши возражения, были распределены при помощи политических и профессиональных организаций коммунистов между надежными членами партии и агентами Чеки. Вследствие этого в зале суда происходили порою такие шумные манифестации, что, в конце концов, должен был вмешаться даже председатель.

На 20-ое июня в годовщину смерти Володарского, московская коммунистическая партия организовала большую демонстрацию перед судом с лозунгом: «Строгое наказание для обвиняемых». В самом здании суда, рядом с залом заседаний, была устроена выставка брошюр и картин, которые имели целью наглядно представить мнимые «преступления» социалистов-революционеров. В то время, как те из обвиняемых, которые оспаривали всякое свое участие в террористических актах, содержались в тюрьме, доносчики Семенов и Коноплева, которые признались в том, что они убили Володарского и совершили покушение на Ленина, — были оставлены на свободе. Во время перерывов можно было видеть, как они самым дружеским образом разговаривали с коммунистическими вождями, близкими партийными

товарищами тех, кого они убили и на кого совершали покушение. На самом процессе происходили инциденты, которые вызвали в обвиняемых и в нас окончательное решение оставить защиту... Берлинское соглашение не было соблюдено. Этим была отнята почва у нашей защиты. Наше дальнейшее пребывание могло бы вызвать ложное впечатление, будто обещания, данные в Берлине, были сдержаны.

«Вследствие нарушения берлинского соглашения ставилось под вопрос и важнейшее из его постановлений; на процессе социалистов - революционеров исключается вынесение смертных приговоров. В течение целых недель коммунисты в печати и на собраниях ведут кампанию, чтобы не только добиться осуждения на смерть социалистов-революционеров, но и исполнения смертных приговоров. Суд заявляет, что ему нет никакого дела до берлинского соглашения. Представители 3-го интернационала утверждают, что соглашение порвано, и что все обещания 3-го интернационала потеряли значение. Если бы мы выслушивали такие заявления, не выражая против них немедленно же самого резкого протеста и не обращаясь всеми нашими силами к международной социалистической совести, то мы подвергались бы опасности внезапно очутиться перед совершившимся фактом.

«Но до этого не должно дойти! Ни при каких условиях смертный приговор не приемлем. Жизнь обвиняемых должна быть сохранена!

«Пропась, разделяющая рабочие партии, уже затруднила всякое общее действие против капитализма и реакции. Этой пропасти не должно углублять. Если она будет залита кровью обвиняемых эсэров, то через нее долго нельзя будет переступить.

«Лозунгом рабочих партий всех стран и всех направлений должно быть: «Да не будет вынесено смертного приговора обвиняемым эсэрам!»

{56} Так из проституированного, опозоренного здания московского Трибунала процесс социалистов революционеров был перенесен на суд мирового пролетариата.

Три дня спустя после того, как европейские социалисты покинули Москву, отказались от участия в процессе и русские защитники. Их отказ был вызван всем тем, что разыгрывалось в стенах Трибунала и перед его окнами 20-го июня.

По поводу событий этого дня Муравьев от имени всей защиты первой группы обвиняемых подал Трибуналу следующее заявление:

«20-го июня председательствующим, несмотря на наш протест и отказ государственного обвинителя высказаться по формальным соображениям по поводу допущения оглашения в зале заседания резолюций, принятых на митинге 20-го июня, были допущены демонстранты, нанесшие оскорбления защите и подсудимым и огласившие резолюцию о применении высшей меры наказания к обвиняемым, которая была принята на митинге якобы от имени всех рабочих организаций Москвы и Петрограда.

«Появление демонстрантов в зале суда и объявление ими Трибуналу резолюции митинга нарушило нормальное течение процесса и предрешило приговор суда, лишив его законной силы, и уронило значение высшего судебного органа республики — процессуальным нарушением судебного разбирательства. Указанные данные заставляют защиту просить прервать процесс и возобновить его при новом составе Трибунала и при участии других государственных обвинителей».

Трибунал ответил на это, что «просьба защиты о перерыве процесса и о самораспусчении Трибунала не подлежит рассмотрению, так как Трибунал допустил рабочие депутатии на заседание, вполне сознавая значение своих действий».

Защита настаивала на своем требовании, ссылаясь на законы советской России, в которых предусмотрен вопрос о появлении в заседании суда посторонних лиц.

В самом деле, *наказ кассационным коллегиям Верховного Трибунала о поводах к отмене приговоров* в (см. сборник циркуляров пленума трибунала В. Ц. И. К., изд. управления {57} судебного надзора Верх. Трибунала В. Ц. И. К., 1922 г., Москва) прямо указывает, что, независимо от содержания кассационных жалоб, *приговор подлежит безусловной отмене* «во всех случаях допущения к участию в деле лиц, не предусмотренных процессуальными нормами трибунального производства, то есть, кроме членов суда, обвиняемых, обвинителей и защитников, свидетелей, экспертов по делу, и во всех случаях допущения, в течение судебного разбирательства, не предусмотренных теми же процессуальными нормами моментов, имевших или могших иметь влияние на существо приговора.»

Текст совершенно ясен. Выступление на суде делегаций и обмен речами между ними и членами суда, как справедливо отметил это «Социалистический Вестник», был именно «моментом, не предусмотренным процессуальными нормами», и столь же несомненно этот момент «мог иметь влияние на существо приговора». Стало быть, даже и юридически *приговор Верховного трибунала заранее подлежал безусловной отмене.*

Но закон для большевиков имеет не больше значения, чем подписанные ими *обязательства*: члены Трибунала лишь смеялись над ссылками защитника на закон. Муравьев бросил им с гневом: «Горе той стране, горе тому народу, которые с неуважением относятся к своим законам и смеются над людьми, закон защищающими».

Ответом было возбуждение против защитника судебного преследования за оскорбление советского правительства !

Защитники, после совещания с обвиняемыми, заявили тогда, что не могут дальше участвовать в процессе. Верховный Трибунал ответил на это постановлением, которое 24-го июня было опубликовано в советских газетах. Вот это произведение творчества советских судей :

«Только полной безграмотностью защитника Муравьева и его полным непониманием юридической природы суда можно объяснить ходатайство, направленное к данному составу суда об его самоликвидации. Верховный Трибунал с полным

сознанием того, что {58} он делает, допустил делегацию рабочих в зал заседания и сам присутствовал на демонстрации 20-го июня. Трибунал действовал не случайно, а с полным пониманием смысла и значения своих действий. Трибунал усматривает в заявлении защитников, что под прикрытием юридической аргументации ведется определенная политическая борьба против того приговора, который будет вынесен революционным Трибуналом. Только полной заско-рузлостью буржуазного мышления Трибунал объясняет себе тот аргумент защитника Муравьева, который был направлен на то, что суд может выносить свой приговор лишь в том случае, если он находится под стеклянным колпаком. Судьи живые люди и изолировать их от общественной жизни нельзя. В данном случае, важно не то, что произошло, а как суд реагировал на происшедшее. Трибунал считает, что многое из того, что было заявлено здесь 20-го июня, неправильно, но он заявил: что, может быть, кое-что из заявленного правильно. Трибуналу важно было установить только два факта, которые и были засвидетельствованы делегацией рабочих: 1) что рабочие массы поддерживают советскую власть и 2) что суд действует не изолированно от рабочих масс, а в атмосфере доверия и поддержки этих масс. Поэтому председателем Трибунала было заявлено, что нам ценны те заявления, которые были сделаны демонстрантами.

«Что касается до протеста защиты против оскорблений, нанесенных демонстрантами подсудимым, то Трибунал заявляет, что рабочие не окончили юридического факультета и не знают правил хорошего тона, почему и позволили себе такие выражения, которые не следовало произносить в зале заседания. Исходя из этих соображений, Трибунал считает недопустимым придирается к грубым выражениям, раздавшимся из уст рабочих.

«Относительно пристрастности суда, то Трибунал еще в первый день заявил, что он смеется над лицемерными заявлениями буржуазных стран о том, что суд должен стоять вне классовой борьбы и выносить приговоры какого то неземного беспристрастия. Поэтому опорочить приговор пролетарского классового суда защитнику Муравьеву, может быть, удастся в какой либо другой стране, но не в рабоче-крестьянском государстве. Поэтому Верховный Трибунал оставляет заявление защиты без рассмотрения и предлагает ей, в случай недовольства действиями Трибунала, направить свою жалобу народному комиссариату юстиции и президиуму ВЦИК-а.» (Эти высокие учреждения уже рассмотрели заявления защитников и вынесли свое решение: защитники арестованы и высылаются в Архангельскую губернию.)

Нет надобности останавливаться на оценке этого документа ...

Итак, защита вынуждена была покинуть Трибунал».

С 23-го июня обвиняемые остались одни лицом к лицу со своими палачами.

Гендельман от имени своих товарищей в этот же день сделал

судьям следующее, дышащее гордой смелостью заявление:

— «С первого дня процесса все законные требования наших защитников неизменно отклонялись Трибуналом и всегда сопровождалось ироническими замечаниями. Такое поведение Трибунала заставило покинуть процесс сначала иностранных защитников, которых к тому же буквально травили везде и всюду — даже это высокое учреждение, именуемое Верховным Революционным Трибуналом, не спасало их от оскорблений и насмешек со стороны не только откомандированной на процесс публики, но и со стороны прокуратуры и членов Трибунала. В дальнейшем — вчера и русская защита была вынуждена сложить с себя свои обязанности в виду явного нарушения революционного закона его блюстителями.

«При таком положении едва ли наш процесс может быть назван судом: его члены и его обвинители во время перерывов выступают на митингах, устраиваемых компартией, где делятся своими впечатлениями и заключениями, вынесенными ими за время процесса.

«И если мы до конца остаемся здесь и не требуем отправить нас обратно в тюрьму, то только для того, чтобы доказать инициаторам настоящего процесса, что он нам не страшен.

{60} «Участие членов Трибунала и обвинения на митинге, где была вынесена резолюция о применении к нам высшей меры наказания, то есть смертной казни, заставляет нас предполагать о солидарности наших суде и с теми руководителями и организаторами казенной демонстрации, которые угрозами сгоняли рабочих для одобрения нужной им резолюции. Нам известно, что перед демонстрацией и митингом 20-го июня на фабриках и заводах были произведены среди рабочих массовые аресты ...»

Председатель перебил обвиняемого:

— Трибунал ни отрицать, ни утверждать указанного факта участия его членов на митинге не может, но просит доказательств об арестах рабочих и о сгоне их на демонстрацию.

Гендельман указывает:

— Массовые аресты были произведены на фабриках Прохорова, Носова, Рябова, Раненберга, в ж. - д. мастерских и пр., при чем рабочим было заявлено, что если они не пойдут на демонстрацию, то тем самым признаются, что они за одно с эсэрами, а перед выходом на демонстрацию с каждой фабрики и завода рабочие проверялись по спискам.

Председатель вторично прерывает Гендельмана и требует не оскорблять московских рабочих, пошедших на демонстрацию добровольно. Тогда Гендельман, указывая рукой на листки, имеющиеся у некоторых лиц из публики, заявляет:

— Я всегда воздерживался от голословных утверждений. Прошу Трибунал рассмотреть выпущенное московскими рабочими воззвание, протестующее против оперирования их именем в резолюции, вынесенной 20-го июня.

Председатель спрашивает Гендельмана :

— Больше вы ничего не можете добавить?

Гендельман:

— Мне кажется, ко всему мною сказанному и указанному вообще трудно что либо добавить — и так все ясно.

— (Передаю эту сцену по отчету «Голоса России»).

Да, все было ясно. «Суд» продолжался.

{61}

7. В чем их обвиняли.

Вандервельде в следующих словах резюмировал политическое и юридическое содержание московского процесса:

«Большевики выставили против эсэров четыре обвинения:

1. — эсэры с оружием в руках защищали Временное Правительство.

Эсэры признают этот факт и гордятся этим.

2. — эсэры с оружием в руках защищали Учредительное Собрание.

Эсэры признают это и жалеют, что им этой защиты не удалось довести до конца.

3. — эсэры вели вооруженную борьбу с советской властью.

Эсэры признают, что это несомненно исторический факт. Но все три обвинения теперь падают, так как советская власть издала по этим деяниям акт об амнистии и даже легализовала партию.

4. — эсэры принимали участие в убийстве Володарского и в покушении на Ленина.

Но этому нет ни одного доказательства, ни одного свидетеля, — кроме признаний провокаторов Семенова и Коноплевой, словам которых никто не верит.»

Первые три обвинения относятся к участию партии социалистов - революционеров в гражданской войне за время от конца 1917 года до начала 1919 г.

Эта гражданская война была начата *большевиками*, которые путем заговора захватили в октябре 1917 г. власть, разогнали всенародное Учредительное Собрание, отвергли все предложения социалистических партий об едином фронте. Поэтому на коммунистической партии лежит вся ответственность за пролитую в ходе этой войны кровь крестьян и рабочих.

Память у большевиков не настолько коротка, чтоб они могли забыть, как Ленин уже в *апреле* 1917 г. призывал рабочих к гражданской войне. Это было его первое слово после переезда русской границы. Большевики помнят, как в *июле того же года* двигались по улицам Петрограда их грузовики с {62} вооруженными людьми, с пулеметами и с плакатом: «Да здравствует гражданская война!» Они помнят, какие усилия прилагали в то время социалисты-революционеры и меньшевики, чтобы спасти единство демократии, чтобы предупредить братоубийственную войну в ее среде. Какое же право имеют эти люди обвинять теперь социалистов-революционеров за то, что те участвовали в гражданской войне, защищая Временное Правительство и Учредительное Собрание?

Можно как угодно оценивать политику Временного Правительства первого периода российской революции. Как угодно можно оценивать и лежавшую в основе этой политики идею коалиции социалистов с

буржуазно-демократическими элементами. Но одно ни в ком не может вызывать ни малейшего сомнения: что партия, делегировавшая в составе правительства своих членов, не только имела право, но была *обязана* всеми силами защищать его против посягательств заговорщиков-путчистов, каковыми были большевики, имевшие в своем распоряжении штыки, но не имевшие за собой большинства народа.

Точно также по разному можно смотреть на принципы народовластия и на Учредительное Собрание, являющееся воплощением этих принципов. Но ясно, что партия, стоящая на почве народовластия и получившая при всенародном голосовании большинство голосов, была *обязана* исчерпать все средства для защиты Учредительного Собрания от насильственных посягательств на его суверенные права.

А гражданская война и Волжский фронт весны 1918 г. явились историческим продолжением защиты Учредительного Собрания, той защиты, которую большевики так легко сломали в январе 1918 г. И опять таки, можно по разному оценивать политику партии социалистов-революционеров в этот период; можно осуждать линию поведения, которой следовали в это время отдельные члены партии, входившие в состав правительства, руководившего борьбой на Волжском фронте и в Сибири (так называемой „Директории“), — но это — вопрос *политической* или *исторической* оценки, вопрос, который ни в коем случае не может быть подменен вопросом об *юридической*, судебной ответственности партии, защищавшей в ходе гражданской войны {63} идею народовластия, перед партией, затеявшей эту войну ради утверждения своей диктатуры.

С точки зрения *юридической* вопрос исчерпывается тем, что после решения партии социалистов-революционеров отказаться от вооруженной борьбы с советской властью — решения, окончательно утвержденного советом партии в феврале 1919 года, — большевистское правительство объявило *амнистию* всем членам партии, участвовавшим в гражданской войне.

Партия была вслед за этим легализована и получила даже возможность издавать в Москве свой орган.

Правда, этот орган был закрыт на десятом номере; правда, две недели спустя после легализации партии начались массовые аресты ее членов; правда, в том же 1919 году партии пришлось вновь уйти в подполье, — но в течение 2½ лет оставалось все же бесспорным, что амнистия, объявленная советским правительством, исключает всякую возможность судебного преследования за деяния, покрытые этим актом.

И вот теперь, в 1922 году, большевистский суд подымает вновь эти старые дела.

Победители гражданской войны, захватчики власти судят, как мятежников, тех людей, которые пытались 4-4½ года тому назад защитить народных избранников от насилия! Судят их в нарушение собственного закона, в нарушение собственной клятвы, — ибо акт об амнистии является одновременно и законом, и клятвенным обещанием! По-видимому, большевики сами чувствовали невозможность подобного суда. Но советские юристы нашли выход из положения и внесли в обвинительный акт по делу социалистов - революционеров следующие соображения:

«Члены Центрального Комитета партии социалистов-

революционеров руководили контрреволюционной деятельностью партии с. - р. по подготовке вооруженного свержения советской власти, как до амнистии 1919 года, так и после указанной амнистии, в силу чего, согласно точному смыслу амнистии, таковая на них распространена быть не может.»

{64} Справедливую отповедь творцам этого толкования дал в «Социалистическом Вестнике» Мартов:

«Отцы-иезуиты, — писал он, — во истину, «мальчишки и щенки» в сравнении с коммунистическими казуистами. Воображаем, какой взрыв негодования поднялся бы в Коминтерне, если бы какое-нибудь буржуазное правительство попыталось истолковать данную им коммунистам амнистию в том смысле, что она распространяется лишь на тех из них, которые, будучи освобождены, не возобновили своей прежней деятельности по борьбе с буржуазией! Даже царское правительство, амнистировав нас в Октябре 1905 года, не придумало после посадить нас обратно в казематы для наказания за старые «преступления» на том основании, что мы занялись новыми!»

Но сами обвиняемые в московском процессе не пользовались этим метким и сильным аргументом: согласно своему пониманию политического смысла процесса, они не хотели формально-юридическими доводами парировать направленные против них удары и предпочитали отвечать на них ссылками на свой революционный долг.

Так, Гоц, в ответ на запрос председателя, имеет ли он что-нибудь добавить к обвинительному акту, заявил:

«Как член Ц. К. партии, пославшей своих членов во Временное Правительство, обязанный поддерживать последнее и всегда бывший в курсе правительственных решений, я принимаю на себя всю ответственность за вооруженное выступление в октябре 1917 г. Другого исхода для Центрального Комитета быть не могло, тем более, что наши политические противники во время борьбы с нами в октябре выкинули народным массам лозунг: «мир во что бы то ни стало»!

«После октябрьского переворота мы считали своим прямым долгом перед родиной начать вооруженную борьбу с захватчиками власти, подписавшими позорные условия Брест-Литовского соглашения и готовыми на дальнейшие уступки, ведущие к порабощению русского народа, только что сбросившего с себя оковы самодержавной власти.»

{65} Эта позиция обвиняемых сделала бесцельными и жалкими попытки обвинения «разоблачить» борьбу социалистов-революционеров против советской власти. И потому кремлевская прокуратура перенесла свое внимание с общего вопроса о гражданской войне на частный вопрос о сношениях социалистов-революционеров, во время гражданской войны, с иностранными миссиями.

Ответ на эти обвинения дал Тимофеев в своих объяснениях по поводу обвинительного акта:

«Выставленные против нас обвинения в сношениях с иностранными державами и получение от них военной и финансовой помощи в 1917 году следует адресовать Временному Правительству, признанному всем русским народом, в состав которого, на правах членов правительства, входили члены нашей партии. Это правительство стояло на страже соблюдения договоров и обязательств с союзниками, и члены нашей партии, входившие в его состав, считали охранение чести русского народа и насущных интересов Родины своими высшими обязательствами. Они признавали необходимым дальнейшее участие России в мировой войне, надеясь, исходя из своих социалистических идей мира, добиться при будущих переговорах приемлемых для России условий. Заключенный в 1918 году Брест-Литовский договор вызвал дальнейшее сотрудничество с союзниками, необходимое для спасения Родины от германского империализма, поддерживаемого советской властью. Наш контакт с союзниками продолжался до германской революции.»

Показания свидетелей, прошедших перед судом, в полной мере подтвердили эти объяснения.

Единственной опорой обвинения в этом пункте остались голословные утверждения предателей-перебегчиков. Но и они не могли привести ни одного существенного факта и лишь ссылались друг на друга, как на первоисточник осведомления.

Тринадцать заседаний Трибунал посвятил на уличение социалистов-революционеров в террористических актах против представителей советской власти. Конкретно речь шла о двух актах, — об убийстве Володарского 20 июня 1918 г. и о покушении на Ленина в сентябре того же года.

Относительно первого террористического акта с полной точностью установлено, что это убийство было совершено рабочим Сергеевым, входившим в {66} Семеновский отряд, и что Центральный Комитет партии не только не санкционировал этого акта, но отнесся к нему с самым резким осуждением.

Что же касается до покушения на Ленина, то оно было совершенно без ведома партии экзальтированной девушкой Дорой Каплан, бывшей анархисткой, чуть ли не накануне покушения вступившей в партию социалистов-революционеров, доведенной до исступления зрелищем зверств большевизма и мечтавшей своей смертью купить русскому народу освобождение от ярма диктатуры. На выстрел Доры Каплан большевики ответили массовыми убийствами заложников. Тысячи ни в чем неповинных людей были перебиты и зверски замучены.

Но эта груда трупов показалась главарям большевизма недостаточно высокой. И вот, четыре года спустя, выдвигается вопрос об ответственности партии социалистов-революционеров за этот роковой выстрел Доры Каплан.

Доказать *прямо* связь партии с этим делом, разумеется,

невозможно. Но пускаются в ход косвенные улики: партия *обсуждала* вопрос о терроре, *сочувствовала* террористическим актам, была *склонна* приступить к террористической борьбе . . .

В самом начале процесса Гоц заявил:

«Что касается предъявленных мне, как члену Центрального Комитета, обвинения в санкции отдельных выступлений некоторых членов партии, покушавшихся на жизнь вождей наших политических противников, то эти обвинения я отвергаю, как необоснованные, не имеющие фактических данных и построенные исключительно на голословных показаниях, данных бывшими членами нашей партии при переходе их в коммунистическую партию. Такие выступления резко расходятся с постановлениями Центрального Комитета.»

По вопросу об обсуждении партией вопроса о террористической борьбе против большевиков, Тимофеев привел следующую справку:

«Первый раз Ц. К. обсуждал вопрос о терроре в середине января 1918 г., но абсолютным большинством вопрос был снят с очереди. Второй раз тот же вопрос был поднят в январе и в третий раз в июне месяце в Москве, и всегда решался отрицательно тем же абсолютным большинством.»

{67} Но почему же этот вопрос снова и снова вставал перед партией ?

Свидетельские показания с полной несомненностью доказали, что все террористические планы исходили от Семенова и Коноплевой, и что этой же четой провокаторов и завербованными и обманутыми ею людьми, без ведома партийного центра, были совершены те действия, ответственность за которые большевики хотели взвалить на партию социалистов-революционеров. Это был решительный провал главного пункта обвинения.

Тогда большевики выдвинули против подсудимых новое обвинение — принялись судить их за деяния парижского «внепартийного объединения».

Это новое обвинение большевики основывали на документах, выкраденных монархистами из парижского архива руководящего центра названной организации.

Когда большевистский прокурор Крыленко возбудил перед Трибуналом вопрос о приобщении к делу полученного материала, Гоц от имени обвиняемых заявил:

«Мы, обвиняемые, члены Ц. К., не раз заявлявшие Трибуналу, что принимаем на себя всю ответственность за действия всех групп партии, поскольку эта деятельность имела место в России, а также отвечаем за все выступления нашей заграничной делегации в настоящее время. Что же касается предъявления нам Трибуналом совершенно новых, сомнительного происхождения документов, освещающих якобы деятельность каких то групп, которые выступали за границей от имени нашей партии и, по мнению государственного обвинителя, были тесно связаны с нашей работой, мы заявляем Трибуналу, что принять на себя

ответственность за неизвестную нам деятельность неизвестных нам лиц — мы не можем, а потому ходатайствуем об изъятии полученных документов из судебного производства, как не имеющих прямого отношения к приписываемым нам обвинениям.»

Суд отказал обвиняемым в их ходатайстве. Документы были приобщены к делу. С вопроса о том, что делали в России Гоц, Тимофеев и другие обвиняемые, Трибунал перешел, таким образом, к вопросу о том, что делали третьи лица в Париже в то время, как обвиняемые томились в тюрьме.

{68} Тогда Гоц обратился к суду с новым заявлением:

«Подсудимые первой группы поручили мне передать Трибуналу, что они отказываются участвовать в обсуждении новых документов и просят Трибунал избавить их от присутствия в зале заседания при оглашении и обсуждении этих документов».

Эта просьба подсудимых была удовлетворена. Им предоставлено было покинуть зал, и судьи без них занялись рассмотрением доставленных из Парижа бумаг.

Что это за бумаги? Что представляло собой «беспартийное объединение», и какое отношение имеют к этой организации московские узники советской власти?

На эти вопросы отвечает опубликованное 14-го июля заявление заграничной делегации партии социалистов-революционеров:

Большевики совместно с монархистами выкрали некоторые документы из парижского архива бывшего Административного Центра Внепартийного Демократического Объединения. Крыленко через несколько дней после кражи передал часть этих документов «ревтрибуналу», прося приобщить их к делу о членах Ц. К. ПСР. Большевицкий суд, несмотря на протесты обвиняемых, удовлетворил это ходатайство.

«Заграничная делегация ПСР заявляет:

«1. Ни один из членов партии с.- р. обвиняемых на московском процессе не принадлежал к заграничному беспартийному объединению.

«2. Во время деятельности этого объединения, (1920-21 г.г.) обвиняемые находились в тюрьме.

«3. Деятельность объединения протекала за границей и, как явствует из декларации Административного Центра, опубликованной год тому назад в газете „Воля России“, заключалась в содействии объединению сил революционной демократии, в создании и поддержке органов печати, ставящих своей задачей борьбу с интервенцией и белой и большевистской диктатурами, и в осведомлении в духе этих задач европейского общественного мнения.

«4. Отдельные члены партии с.- р., находящиеся за границей, входили в это объединение и принимали участие в таких созданных им или пользовавшихся его поддержкой

органах, как «Воля России» и {69} «Пур ля Руси», которые, не будучи партийными, ни в чем не расходились, однако, с политическими директивами партии.

«5. Административный Центр этой внепартийной организации не находился ни в какой зависимости от партийных центров и действовал вне контроля партии, которая поэтому никакой политической ответственности за его действия нести не может.

«6. Попытка «уличить» партию с. р. в организации восстаний на основании выкраденной у заграничного внепартийного объединения информационной и административной переписки (не говоря уже об уголовных приемах добывания документов для обвинения и о нелепости самой попытки установить связь между организацией данного типа и местными восстаниями в России) свидетельствует лишь о полном бессилии большевистских прокуроров найти в полицейских доносах и провокаторских показаниях достаточный материал для обоснования заготовленного заранее приговора.

„Партия с. - р. не намерена уклоняться от исторической и политической ответственности за всю ту борьбу, которую она вела и ведет против большевистской и белогвардейской диктатуры, в том числе и за тот период ее, когда она подымала оружие на защиту народовластия. Но она с презрением отмечает полицейские попытки навязать ей ответственность за действия, в которых она не принимала и не принимает участия.»

Я не буду останавливаться здесь на рассмотрении *по существу* украденных из парижского архива документов, не буду оценивать деятельность „внепартийного объединения“. Ибо я говорю здесь не о преимуществах той или иной доктрины, той или иной тактики, а о *двенадцати смертниках*. И возможны ли два мнения о суде, который изрек им смертный приговор за действия организации, в которую они, обвиняемые, не входили, о которой они знали лишь по смутным слухам, и на которую они *не могли* оказывать ни малейшего влияния!

Но чтобы оценить в полной мере этот момент московского процесса, нужно припомнить еще, что люди, {70} сидевшие на скамье подсудимых, давно уже, задолго до начала, процесса, открыто и со всей решительностью выступили против тенденций парижского «внепартийного объединения» и примыкающего к нему «совещания членов Учредительного Собрания» — я имею в виду опубликованное в № 14-15 „Революционной России» (ноябрь-декабрь 1921 г.) письмо «к зарубежным товарищам», подписанное Тимофеевым, Гендельманом, Гоцем, Донским, Б. Ивановым, Лихачем, Раковым, Евгенией Ратнер и другими.

«В чем на наш взгляд состоит основная задача зарубежных представителей партии? — писали товарищам заключенные в Бутырской тюрьме социалисты-революционеры: В том, чтобы связать ту борьбу, которую ведет наша партия, как партия социалистическая и революционная, в России, с борьбой международного рабочего класса. Знакомить европейское социалистическое мнение с уроками русской революции, с

опытом русских социалистических партий, с их ошибками, поражениями и победами, с одной стороны, и с другой — *интернационализировать* нашу борьбу с диктатурой большевистской партии, приобщать, вовлекать в нее рабочий класс всех стран, подкреплять усилия наших организаций, борющихся в неимоверно тяжелых внешних условиях, моральной и идейной поддержкой международного рабочего класса — вот на что должно быть устремлено главное внимание наших зарубежных товарищей, долженствующих всегда помнить, что наша партия является лишь одним из отрядов международного рабочего класса. И с этой точки зрения мы самым решительным образом отмечаем все попытки «великодержавной» политики, которой так увлекаются некоторые из заграничных товарищей. Какие бы широкие перспективы в будущем ни открывались пред нашей партией, какие бы заманчивые дали ни рисовались в воображении отдельных ее руководителей, — надо помнить постоянно о нашем — увы — скромном настоящем. Здесь не должно быть места никаким иллюзиям, самообольщениям, «нас возвышающим обманам.» С одной стороны, загнанная в подполье, израненная, жестоко преследуемая партия, а с другой, распыленные, {71} усталые, истекающие кровью народные массы — такова действительность. В этих условиях было бы непоправимой ошибкой отрывать партию от той единственно правильной работы собирания, накопления, воспитания народных масс в процессе напряженной политической борьбы против диктатуры большевистской власти, которой заняты в России все активные ее элементы.

«В этой борьбе у русских социалистических партий и русских трудящихся масс — один только союзник в Европе и Америке»; это международный рабочий класс. И в эту сторону должны быть направлены все усилия наших зарубежных товарищей. Все демарши перед европейскими правительствами и так называемыми «серьезными» кругами, предпринимаемые отдельными товарищами, опирающимися либо на свой личный авторитет, связанный с деятельностью в прошлом, либо на надежды, возлагаемые теми или иными западноевропейскими правительствами и кругами на партию социалистов-революционеров в связи с ее ролью в будущем, — не только не способны облегчить ту трудную задачу по борьбе с большевистской диктатурой, которую возложила история на плечи нашей партии, но, наоборот, лишь запутывают положение, затемняют нашу линию, отбрасывают от нас европейские социалистические партии и широкие народные массы и этим самым затрудняют и без того трудную борьбу с большевистской властью. Изоляция большевизма в международном рабочем движении, — вот первая и основная задача, стоящая перед зарубежными представителями партии. Тактика же некоторых из нас приводит лишь к изоляции партии от международного рабочего движения. Если партии социалистов-революционеров волею трудящихся масс суждено будет снова стать во главе русской революции, — тогда она, в меру реальных сил, представляемой ею

государственной власти, сумеет установить с западноевропейскими правительствами отношения, соответствующие интересам государства и народа. Но такое предвосхищение грядущих событий, бесполезное для будущего, для настоящего только вредно, отвлекая внимание товарищей — повторяем — от единственной задачи, {72} стоящей перед ними, — установления тесной идейной и организационной связи между партией социалистов-революционеров и международным рабочим классом.

«Ту же подстановку партийной работы за границей фиктивным государственным представительством должны мы отметить и в другом вопросе, продолжающем волновать умы действующих товарищей в России, в вопрос о так называемом Парижском Совещании. Партия в лице X Совета уже достаточно отчетливо высказала свою точку зрения на этот вопрос и в целом решительно и бесповоротно осудила все это начинание, как беспочвенную затею группы лиц, никем не уполномоченных, никого не представляющих, ни на кого не опирающихся. Уже тот факт, что партия в этом вопросе со столь поразительным единодушием отвернулась от столь многих заслуженных своих вождей и не постеснялась дезавуировать их перед лицом социалистического европейского общественного мнения, — уже одно это должно было дать понять всем участникам этого злополучного совещания, на сколько их предприятие в корне противоречит всей политике партии и бьет по интересам русской революции. Не боязнь демагогической травли большевистской прессы, как по-видимому склонны думать вы, — а сознание опасности, которая грозит срывом основной линии, с таким трудом вырабатываемой сейчас партией, — вот та единственная причина, которая заставляет сейчас всех членов партии социалистов-революционеров, работающих в России, и ее руководящие органы с таким единодушием и настойчивостью требовать от зарубежных товарищей ликвидации всего парижского начинания. И если на одну чашку весов положить *мифические* политические выгоды, вытекающие из коалиции или блока с группой Милюкова, являющейся, по вашим же словам, «жалким осколком кадетской партии», никого не представляющей, а на другую *реальные опасности*, связанный для дела единства партии с дальнейшим упорствованием в курсе политики, намеченном некоторыми из зарубежных товарищей, нам думается, что выбор для каждого, дорожащего интересами партии, не труден. {73}

«Из очерченной выше концепции, вытекает для зарубежных представителей партии только одна позиция по отношению к западноевропейскому и американскому правительствам, — неустанная борьба со всякого рода интервенционистскими поползновениями в скрытой или явной форме.

«Высшей инстанцией в решении вопросов тактики являются потребности текущего момента. А если бы вы более внимательно отнеслись ко всем указаниям, исходящим от товарищей, работающих в России, то вы легко согласились бы с нами, что не коалиция или блок с «осколками партии»,

представляющей в России в данный политический момент лишь ирреальные величины, а соглашение с социал-демократами меньшевиками с целью координации политической борьбы и установления единого развернутого демократическо-социалистического фронта — вот, что стоит *реально* в порядке сегодняшнего дня. И, несмотря на ряд значительных расхождений в позиции нашей партии с партией с. - д. меньшевиков, объединенное наступление по отдельным вопросам двух делегаций перед лицом международного рабочего класса мы считали бы наиболее целесообразной защитой интересов русской революции на Западе. Подобное более тесное координирование с заграничной делегацией с. - д. меньшевиков приобретает тем большую реальность, чем быстрее происходит среди с. - д. меньшевиков процесс изживания под ударами «упрямых» фактов русской действительности и большевистской практики утопических представлений о социалистическом характере русской революции в *данной ее большевистской стадии* и мечтании о возможности мирного перерождения «кремлевской диктатуры» в «рабоче-крестьянскую демократию».

«Таковы, по нашим убеждениям, задачи, стоящие сейчас перед зарубежными представителями партии. Мы считаем своим долгом высказать свое мнение со всей решительностью и резкостью, чтобы устранить почву для всякой неясности и недоговоренности. Мы никогда не считали возможным посягать на бесспорное признание в нашей партии права свободного высказывания своих воззрений. Партия с. - р. {74} никогда не страдала пороком догматизма и сектантской непримиримостью. Но никогда еще партия не нуждалась так в единстве действия, в сплоченности, сомкнутости рядов, как сейчас. Преодоление большевистской диктатуры, поставленное в порядок дня всем ходом событий русской революции и выдвинутое в качестве тактического задания X-м советом партии, требует от партии с.- р. огромного напряжения всех сил, выдержанности и методичности работы, ликвидации в ее рядах шатания и колебаний, прекращения междоусобной борьбы внутри ее. Таков единодушный голос всех товарищей с «передовых позиций» революции. Прислушайтесь к нему.»

Авторов этого письма большевики осмелились обвинять в интригах с Антантой, в подготовке интервенции, в поддержке блокады вокруг России! Этих людей они приговорили к смертной казни за те самые действия, которым подсудимые дали в цитируемом документе столь полную критику с точки зрения революционного социализма!

Впрочем, будем справедливы к большевикам! Не будем представлять московских судей глупее, наивнее, чем они суть на самом деле.

Не за гражданскую войну, покрытую амнистией, осудили они социалистов-революционеров, и не за террористические акты и грабежи, совершенные Семеновым и Коноплевой, и не за документы, выкраденные

в Париже монархистами. Нет! Они приговорили обвиняемых к смерти за то, что те, сидя на скамье подсудимых, оставались грозными обвинителями советского самодержавия.

Может быть, заявления обвиняемых, приведенные на предыдущих страницах, уже приоткрыли перед читателем души этих людей. Но я хотел бы представить здесь их образ полнее и ярче. И можно ли сделать это лучше, чем воспроизведя их письма, их слова, их речи?

Вот, что писали обвиняемые своим иностранным защитникам на другой день после описанной выше демонстрации у Виндавского вокзала:

{75} «Дорогие товарищи! С тяжелым чувством мы узнали, что кампания клеветы и заушений, поднятая против вас всей большевистской прессой, привела к тому, к чему она должна была неизбежно привести: к диким сценам, разыгравшимся около вокзала в момент вашего приезда в Москву. Раболепно приветствуя в свое время представителей германского империализма графа Мирбаха и Гельфериха в «красной» Москве и расценивая их приезд, как «победу революции», большевики ныне в прибытии представителей международного социализма усматривают оскорбление русского рабочего класса... Русский рабочий класс так же мало повинен в этих отвратительных эксцессах, как мало повинен и в той политике кровавого террора и насилия, которую ведет большевистское правительство, кощунственно прикрываясь именем рабочих и крестьян.

«Инсценировка «народного негодования» с помощью платных агентов чрезвычайек и комьячеек настолько очевидна, что она вряд ли кого способна ввести в заблуждение даже из лиц, мало знакомых со всеми методами и приемами большевистского властвования.

«Подобные факты, бессильные в какой бы то ни было мер оскорбить вас, старых испытанных вождей международного пролетариата, обрушиваются всей тяжестью позора лишь на подлинных организаторов — Центр. Ком. Росс. Ком. Партии, лишней раз свидетельствуя перед лицом всего мирового социализма, что нет тех бесчестных средств, перед которыми останавливались бы большевики в борьбе со своими противниками.

«Народное негодование», инсценируемое агентами чека, так же мало выражает подлинное настроение русских широких народных масс, как мало пышные военные парады, устраиваемые в честь третьего интернационала, свидетельствуют о приверженности русского пролетариата и крестьянства идеям большевистского коммунизма. К подобного рода «народным» движениям мы уже привыкли со времен самодержавия, когда царская полиция с таким же успехом, как нынешняя большевистская чрезвычайка, инсценировала верноподданнический восторг и негодование против социалистов.

{76} «Но в большевистских эксцессах, связанных с вашим приездом, было нечто такое, что заставляет нас, слишком хорошо знакомых с практикой большевистской власти, поднять свой предостерегающий голос. К обычным приемам коммунистической партии — клевете, лжи, инсинуациям — прибавились и откровенные призывы к самосуду уличной толпы. Иначе мы не можем расценивать резолюции, принимаемые комьячееками, якобы от имени рабочих отдельных фабрик и заводов, с требованием беспощадной расправы над членами партии социалистов-революционеров, привлеченными к суду, и их

защитниками — представителями второго и венского интернационалов, и циничные кроважанные песенки, специально изготовленные казенными поэтами к вашему приезду. У нас нет уверенности, что к моменту суда эти сцены в увеличенном масштабе вновь не будут иметь места.

Мы, пленники большевистской власти, давно уже свыклись с мыслью о возможности расправы над нами, в виде инсценированного чекой самосуда. Но мы чувствуем себя не в правоте подвергать той же опасности и вас, вождей международного пролетариата. И если власть не откажется немедленно от травли против вас, грозящей вылиться в форму самосуда, и не прекратит инсценировки уличных сцен, мнимого «народного негодования», — мы готовы скорее лишиться вас, как защитников в предстоящем процессе, нежели подвергать международный социалистический пролетариат опасности гибели, в настоящий напряженный момент борьбы мирового капитала с социализмом, его наиболее выдающихся вождей.

«Заключенные в Лефортовской тюрьме члены К. и члены партии С.-Р.:

А. Гоц, М. Гендельман, С. Марков, Е. Ратнер, М. Веденяпин, П. Злобин, Л. Герштейн, В. Утгоф, Д. Донской, Е. Горьков, Добролюбов, Ф. Федорович, Е. Тимофеев, Д. Раков, Н. Иванов, Е. Иванова, А. Либеров, М. Лихач, Н. Артемьев, В. Агапов, А. Альтовский, Б. Иванов.»

{77} Поведение обвиняемых на суде было проникнуто теми же чувствами, которыми дышит это благородное и смелое письмо.

С первого же момента появления этих людей на «суде», все почувствовали, что это пришли не подсудимые, а неумолимые обвинители. Громовыми волнами прокатились первые же слова оглашенной Гендельманом декларации:

— Мы не признаем вашего суда, не признаем не только в силу вопиющих нарушений ваших же законов, но главным образом потому, что здесь будет политический бой между партией социалистов-революционеров и партией большевиков, а судьбы этого боя не третья, не нейтральная сторона, не беспартийные или члены других партий, свободно избранные народом, а члены той же партии большевиков, назначенные их Центральным Комитетом и явившиеся на суд с заготовленным Ц. К. РКП приговором.

— В вашем обвинительном акте имеются не только неточности, с которыми и вы соглашаетесь, но и прямые подлоги, — бросает далее в лицо Трибуналу тот же Гендельман.

— Не за головами ли подсудимых приехала издалека Клара Цеткин? — спрашивает Евгений Тимофеев.

— Где ваши клятвы, данные на берлинском совещании интернационалов о свободе суда и защиты — спрашивают подсудимые, — когда 11 свидетелей защиты вы не приводите в суд и держите под стражей?

— Мы пришли сюда только потому, что вы перед лицом международного пролетариата обещались в Берлине и уверяли в вашей

прессе, что суд будет свободный, гласный и доступный для всех. Но ваша каучуковая честь и темная совесть не помешали вам нагнать в этот зал злопыхательствующих и жаждущих крови коммунистов — бросает в лицо Трибуналу Лихач.

— Вы отказываете нам в вызове наших свидетелей, потому что боитесь их, а мы — заявляет Тимофеев — просим ваших свидетелей, ждем всех их сюда.

Каким гордым презрением к смерти проникнуты обращенный к судьям слова Гендельмана:

{78} — С того момента, как мы попали в ваши руки, мы были уверены в том, что вы нам вынесете смертный приговор. Но с этих скамей вы просьбы о помиловании не услышите !

Вотерс так обрисовал в брюссельском «Пепль» подсудимых на московском процессе:

«Они сидят сзади нас. Они торжествуют. Их деятельность обсуждают публично! И они с гордостью принимают на себя ответственность за всё содеянное ими.

«Первым выступает Гендельман. Он начинает с резкого нападения:

« — Мы не признаем вашего трибунала. Он получил приказ нас осудить. Он получил свои полномочия от правительства, подобного правительству 18 брюмера, которое состояло из осужденных преступников, бродяг, сутенеров, проституток и продажных журналистов.

«Выступает Тимофеев:

« — Мы пришли сюда не для того, чтобы спасти свои головы — они принадлежат революции!

— «И дальше: — Отказаться от священного права на восстание — никогда! Это священное наследие французской революции и неписанный закон каждой социалистической партии.

«Лихач, так хорошо владеющий собой, выжидающий, когда толпа перестанет неистовствовать против них, обдающий ее презрительным взглядом; Гоц, приветствуемый оскорблениями, этот вождь с его ясной головой; рабочий Берг, который на вопрос: «признаете ли вы себя виновным?» — отвечает: «да, я признаю себя виновным перед революцией в том, что слишком мало сделал для того, чтобы уничтожить вашу зловредную диктатуру.»

«Их нужно цитировать всех, потому что они все равны между собою по мужеству и смелости...

«Среда, 14-го июня. Обвиняемые просили нас сложить с себя их защиту. Мучительная минута. Мы расстаемся с ними, мы обнимаем их, эти двадцать две головы, над которыми продолжает висеть мрачная угроза.

{79} «Раздаются звуки «Интернационала» — меланхолические, раздирающие душу . . . Мы уходим потрясенные . . .»

Деспоты рубят негнушаяся перед ними головы. При Николае Романове эти люди томились в каторжных тюрьмах, при Ленине они приговорены к смертной казни.

8. Приговор.

После допроса свидетелей говорили обвинители. Из них один лишь Садуль попытался отграничить свою роль от роли чекистского палача: он обвинял партию социалистов-революционеров, но не требовал казни подсудимых.

Остальные — от Луначарского до Клары Цеткин — если не вызывались сами расправиться с подсудимыми, то проявили готовность намыливать веревку перед их казнью. Наиболее кровожадную речь произнес Крыленко. Затем слово было предоставлено подсудимым. Тимофеев закончил свою речь словами:

— У нас с вами нет общих путей. Мы остаемся теми, кем были.

Гоц подтвердил:

— Мы были и останемся навсегда социалистами.

И со своим обычным спокойным мужеством он прибавил:

— За эти годы я не мог дать отчета моей партии о своей работе, пусть же мой отчет с высоты этой трибуны — скамьи подсудимых — послужит завещанием для оставшихся членов партии. Если нас ожидает смерть, мы ее примем без страха, если же мы останемся в живых, то мы после нашего освобождения будем вести с вами борьбу так же, как вели до сих пор.

Снова получил слово обвинитель. В своей речи он коснулся меры наказания и сказал, что с точки зрения пользы или опасности, которую могут принести обвиняемые, этот вопрос решен заявлениями Гоца, Гендельмана и Тимофеева, сказавших, что пока они живы, они будут действовать, как они действовали до сих пор, и что от них нельзя ожидать ни отказа от их тактики, ни просьбы о помиловании. «Что можно сделать после таких {80} заявлений? Что мы видим, обращаясь к прошлому? В Петрограде юнкерское восстание и кровь, в Москве октябрьское восстание и кровь, в Архангельске кровь, в Самаре и Сибири кровь, в Тамбове и недавно в Кронштадте опять кровь. Поэтому я совершенно спокойно заявляю: «Кровь должна быть пролита здесь, чтобы в будущем не проливалось крови, или, по крайней мере, проливалось ее меньше.»

Не иначе говорили версальцы, расстреливая коммунаров, не иначе мотивировали казни Деникин и Хорти...

Но мы знаем уже, что большевикам мало физического убийства, что они стремятся к «моральному уничтожению» противников. С этой целью после повторных призывов обвинителя к расстрелу подсудимых, обвиняемым было предложено заявить о раскаянии и об отречении от партии. Перед подсудимыми приоткрылась дверь к жизни, к свободе. Никто из них не вошел в эту дверь.

Отвечал судьям Тимофеев.

— Государственные обвинители Луначарский и Крыленко, поддерживая против нас обвинение по всем пунктам и будучи сами не вполне уверены в нашей виновности, сочли необходимым в облегчение своей задачи предложить нам покаяться и отречься от прошлой деятельности. В ответ на это предложение я уполномочен от имени всех подсудимых первой группы категорически заявить Трибуналу и государственным обвинителям:

ни о раскаянии, ни о каком либо отречении речи быть не может, и вы никогда с наших скамей ничего подобного не услышите. Как мы стояли раньше, так и в дальнейшем мы будем всегда стоять на своих прежних позициях, и в этом отношении мы всегда останемся для вас нераскаянными рецидивистами.

Не довольствуясь этим заявлением, Трибунал, удаляясь на совещание для вынесения приговора, вторично обратился к подсудимым первой группы с вопросом: «каково было бы их отношение к советской власти, если бы вынесенным приговором они получили свободу?»

На это последовал ответ Тимофеева:

{81} — Мы остаемся при неизменном решении, каковое вам известно из первоначальных допросов каждого из нас на прошлых заседаниях.

7-го августа Трибунал вынес свой приговор:

а) Двенадцать человек — Гоца, Донского, Герштейна, Гендельмана, Лихача, Николая Иванова, Елену Иванову, Евгению Ратнер, Тимофеева, Морозова, Агапова, Альтовского — *расстрелять*.

б) Десять человек: Злобина, Утгофа, Берга, Львова, Либерова, Артемьева, Ракова, Федоровича, Веденяпина, Горькова — *заклЮчить в тюрьму* на сроки от 2 до 10 лет.

в) Предателей *освободить*.

Этот приговор поступил на рассмотрение происходившей в то время в Москве конференции большевистской партии. Здесь члены советского правительства, за исключением Троцкого, часть президиума ВЦИК-а, члены конференции, прибывшие из провинции, и начальники советских заграничных миссий высказались за замену приговора изгнанием осужденных навсегда из пределов РСФСР.

Группа Троцкого, Сталина и Бухарина, возражая против этой меры, предложила потребовать от всех осужденных первой группы дать в 24-х часовой срок обязательство отказаться навсегда от всяких выступлений против советской власти, порвать сношения с партией и ее членами, и если такое обязательство будет ими дано, заменить расстрел — пятилетней ссылкой в Северные губернии на принудительные работы, а тюремное заключение — принудительными работами в концентрационных лагерях сроком на один год. В случае же отказа осужденных дать такое обязательство — приговор привести немедленно в исполнение.

После бурных прений заседание приняло компромиссное предложение Каменева: считать вынесенный приговор *условным* и не

приводить его в исполнение, если члены партии с. - р. откажутся от фактических выступлений в России и за границей против советской республики.

В таком виде приговор был утвержден и опубликован Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом — в формулировке, которая ясно показывает, как далеки большевики от мысли выпустить из своих рук добычу:

{82} «Относительно двенадцати обвиняемых приговоренных к высшей мере наказания ВЦИК постановил: приговор утвердить, а исполнение его приостановить.

«Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против советской республики, приговор в исполнение приведен не будет».

«Если же партия социалистов-революционеров в дальнейшем будет применять методы вооруженной борьбы против советской власти, то это неизбежно приведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контрреволюционного террора и мятежа.»

Большевики квалифицируют свой приговор, как применение принципа *условного осуждения*. Невежество это или лицемерие?

Если партия прекратит подпольно-заговорщическую работу...

Но кто будет решать, носит ли работа партии социалистов-революционеров подпольно-заговорщический характер, или нет? Чека? И если в рядах чекистов возникнут разногласия по вопросу о характере работы эсэровской партии, то к каким экспертам обратятся кремлевские комиссары для разрешения этого спора? К Семенову, Коноплеву и другим предателям! И разве не ясно заранее, что в *каждом* выступлении партии, лишенной возможности действовать открыто, легально, *можно* найти признаки подпольно-заговорщической работы?

Если партия откажется от террористической борьбы против советской власти ...

Но и подсудимые, и центральные учреждения партии социалистов-революционеров уже неоднократно заявляли о том, что партия в борьбе с советской властью никогда не прибегала к террору. И несмотря на это руководители партии приговорены к смертной казни, на основании оговоров проникших в ее среду авантюристов-предателей. Что же стоит Чека выдвинуть на сцену нового иуду, который по приказу начальства покажет, что такой то эсэр подговаривал его взорвать на воздух всю Москву?

{83} *Если партия откажется от военно-шпионской деятельности...*

В чем проявлялась до сих пор подобная деятельность партии социалистов-революционеров? На этот вопрос московские судьи не дадут ответа. Но мы помним, как у большевиков чуть-чуть не попал в польские шпионы благонамереннейший французский коммунист Лафон. Мы помним, как большевики расстреляли русского ученого Ухтомского, подведя под понятие шпионажа его корреспонденции о состоянии музейного дела в России. Что же помешает им объявить шпионажем любую эсэровскую газету, выходящую в России или за границей и

освещающую положение советской России иначе, чем казенные «Известия» и «Правды»?

Повстанческая работа...

Но мы знаем, что большевики возлагают на эсэров и меньшевиков ответственность за выступления контрреволюционных генералов, за местные восстания, за действия бандитских отрядов. И при первом же военном восстании, при первой вспышке крестьянских или рабочих волнений, при первом выступлении Врангеля, Петлюры или Савинкова, московские самодержавцы могут заявить:

— Итак, повстанческая деятельность партии социалистов-революционеров не прекратилась — к стенке осужденных социалистов, к стенке Гоца, Тимофеева, Гендельмана, Донского и их товарищей!

Короче: *по точному смыслу* московского приговора, двенадцать смертников могут быть казнены в любой день, в любой час.

Недаром московская «Правда» (в № 178) пишет:

«Первый подожженный завод, первое убийство из за угла, — и эсэры будут наказаны по закону.»

«Наказаны по закону» — это значить, убиты. И для этого не требуется даже, чтобы поджигателями или убийцами были социалисты-революционеры, — достаточно факта поджога или убийства.

И вот сейчас я пишу о них, вижу перед собой Гоца, этого стойкого революционера, которому страх столь же неведом, как тщеславие, вижу его милое, ласково улыбающееся, умное лицо, припоминаю его {84} спокойную, всегда уверенную, всегда целомудренно простую речь, — и не знаю, не прикончат ли его в ближайшие дни московские палачи.

Вспоминаю Тимофеева, его гордую голову, к 30 годам уже белую как снег, его полные огня, мысли и воли глаза, его быстрые движения, вспоминаю его таким, каким был он на каторге в годы реакции, и не знаю, что с ним теперь. . .

Мы, русские революционеры, помним смертничьи секретки царизма. Никогда ничто не сотрет из нашей памяти то, что переживалось в камерах приговоренных к казни. Но даже в худшие времена черного террора при самодержавии не был возможен приговор, хоть скольконибудь приближающийся к приговору московского трибунала.

Передовая в № 102 «Голоса России» дает верную оценку этому приговору, когда пишет:

«Он хуже и бесстыднее голого убийства.» Жажда крови и гнусный политический шантаж соединились в нем с утонченнейшей *пыткой смертью*.

«Что означает условность приговора? «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет оставляет себе право привести в исполнение приговор, когда ему вздумается. Осужденные подвергнуты постоянной пытке смертного ожидания. Они пожизненные заложники. Они отвечают своими головами за каждую новую клевету на партию с. - р., за каждое выступление своих товарищей, находящихся на свободе.

«Большевикам мало простого расстрела. Они — точно торговцы живой человеческой кровью — устраивают

небывалую в истории политическую спекуляцию головами своих жертв. Они хотят вечной угрозой казнью Гоца, Тимофеева, Донского и других приговоренных — связать, привести к бездействию всю партию с. - р.

«Они надеются обмануть возмущенное чувство рабочих всех стран, протестовавших против смертной казни; они не расстреливают сейчас подсудимых, но они могут расстрелять их каждую минуту. Когда движение протеста затихнет, когда {85} внимание социалистической Европы будет чем либо отвлечено — тогда, втихомолку, в каком-нибудь из чекистских застенков или каторжных централов, большевики прикончат этих «вечных смертников», прикончат поодиночке или всех вместе.

«Самая изощренная фантазия может ли вообразить себе более острое надругательство, более утонченное мучительство?

«Наши товарищи приговорены к ужасающей, мучительной, каждодневной казни.»

Эта казнь началась сразу вслед за вынесением приговора.

Осужденные переведены в ужасные «секретки» внутренней тюрьмы при Чека. Строжайшим образом изолированные от внешнего мира, они похоронены заживо. Ни свиданий с родными, ни писем, ни газет, ни передач, ни книг, ни письменных принадлежностей. Близкие не знают, что с ними.

Ходят слухи об объявленной осужденными голодовке. Ходят слухи о новом изобретении большевистских палачей: будто осужденным умышленно не сообщено о приостановке исполнения смертного приговора, будто тюремщики держат их в ежечасном ожидании казни.

Эта бесчеловечная игра усугубляется прямым издевательством советских властей над родными и близкими осужденных. Так, сразу после суда, еще до объявления приговора в окончательной форме, были арестованы и в неизвестном направлении отправлены из Москвы жены подсудимых Лихача, Герштейна, Либорова и других.

Вот *этот* приговор, эти мероприятия восхваляет Исполнительный Комитет Коминтерна в своем воззвании, обращенном к рабочим всех стран, В *этом* приговоре он видит доказательство того, что «революционное рабочее правительство не знает политики мести и руководится исключительно соображениями революционной целесообразности».

Если имеются в Коминтерне отдельные порядочные, искренние люди, лишь по ошибке попавшие сюда, привлеченные не звоном московского золота, а блуждающими огнями демагогии, которые они приняли за маяк революции; если имеются здесь, в толпе {86} угодливой московской челяди, люди, в душах которых горит огонь революционного идеализма, люди, которым дороги лучшие стремления пролетариата и ненавистно варварство старого мира; если еще не настолько одурачены они большевиками, чтобы утратить навсегда способность соображать и судить о том, что они делают — то они сгорят от стыда, когда поймут, какую невыразимую низость совершили они, приложив свою руку к этой бумажке, подписав ее в то самое время, когда двенадцать смертников с гордо поднятыми головами возвращались в тюрьму, а во след им смотрели затуманенные слезами глаза их близких, — их жен, матерей, —

уже при царизме издевавших пытку ожидания казни любимых людей.

9. Московский процесс и Европа.

Уже при первом сообщении о подготовке суда над социалистами-революционерами мировая совесть почувствовала, что в Москве готовится не суд, а кровавая расправа.

Это впечатление усиливалось по мере того, как приближался день суда и все громче становились злобные завывания большевистской и оплачиваемой большевиками печати.

И когда взвился занавес и на подмостках московского трибунала показались с одной стороны узники-подсудимые, а с другой стороны их судьи и палачи, сдержанное до этой поры возмущение вырвалось наружу, и по Европе прокатилась волна единодушного протеста.

Затем — клятвопреступнический отказ от берлинского соглашения, уход иностранных защитников, «манифестация» 20-го июня, уход русских защитников, длинный ряд издевательств над всеми принципами судебной справедливости.

И, наконец, приговор и кампания политического шантажа, поднятая Коминтерном вокруг двенадцати смертников.

Совесть культурного мира и, в частности, совесть пролетариата не могла примириться с подобным надругательством, — как 20 лет тому назад не могла она примириться с осуждением Дрейфуса во Франции, {87} как 10 лет тому назад протестовала она против суда над Бейлисом в царской России.

Оба эти дела приходят на память, когда думаешь о московском процессе. Но между этими, уже вошедшими в историю делами, и московским судом остается огромная разница.

Дело Дрейфуса было соткано из лжи. Но как низко ни стоял суд, отправивший заведомо невинного человека на Чортов Остров, рядом с московским трибуналом он показался бы все же *судом*.

Дело Бейлиса по своей природе ближе к московскому процессу. Тогда — это было незадолго до войны, в разгар беспросветной реакции в России — русское правительство прилагало все усилия к тому, чтобы натравить темный народ на евреев. С этой целью, при помощи лжесвидетелей, был инсценирован процесс, который должен был доказать, что евреи для своих обрядов употребляют христианскую кровь. За основу процесса было принято убийство под Киевом мальчика Ющинского: на суде было установлено, что он был убит шайкой воров с некоей Верой Чеберяк во главе; но эта шайка купила себе прощение и милость правительства тем, что свалила убийство на евреев. Вера Чеберяк была, таким образом, в деле Бейлиса Коноплевой. Был в этом деле и свой Семенов. Эту роль играл ренегат-ксендз Пранайтис, взявшийся доказать по еврейским книгам, что евреи ловят христианских младенцев, убивают их и употребляют их кровь.

Судьи превосходно знали, что представляют собой Чеберяк и Пранайтис, но делали вид, будто верят им. Правые газеты прославляли бескорыстие и правдивость этих свидетелей.

Одновременно шла инсценировка народного гнева.

Отделы Союза Русского Народа (игравшие в России времен Николая II роль нынешних комьячеек) выносили резолюции с

требованием беспощадной кары обвиняемым. Устраивались уличные демонстрации под лозунгом истребления убийц христианских младенцев. Раздавались угрозы самосудом и еврейскими погромами, в случае, если судьи проявят «преступную мягкость».

Правительство, поддерживавшее всю эту кампанию и втайне руководившее ею, делало вид, будто {88} прислушивается к голосу общественного мнения. В то же время оно закрывало газеты, писавшие правду об этом процессе.

В конце концов, суд вынес приговор, заявлявший, что убийство мальчика Ющинского с ритуальной целью *доказано*. Но в царской России, где были уже свои Коноплевы и Семеновы, не нашлось судей, равных по низости Пятакову, Бухарину или Крыленко: Бейлис, как и другие обвиняемые, был оправдан.

Как видит читатель, московский Верховный Трибунал во многом просто *повторили* дело Бейлиса, лишь расширив его рамки, заменив обвинение евреев в употреблении христианской крови обвинением социалистов в грабежах, убийствах и шпионаже, да еще приделав к процессу трагическую развязку в вид известного приговора.

Что же удивительного в том, что общественное мнение, в свое время возмущавшееся делом Бейлиса, с двойной энергией восстало против московского суда над социалистами-революционерами?

Можно было бы наполнить десятки и сотни страниц резолюциями, телеграммами, всевозможными выражениями протеста против этого суда, гнусность которого была разоблачена перед Европой заграничными делегациями партии С. - Р. и Р. С. Д. Р. П. и вернувшимися из Москвы представителями Интернационала.

Во главе движения шли *социалистические* партии. *Второй Интернационал и Венское Объединение* в числе первых бросили миру призывный клич — энергичным протестом вырвать жертвы из рук московских палачей. К их голосу присоединились: французские социалисты (S. F. I. O и P. S. F), Германская социал-демократическая партия, германские независимые социалисты, Британская Рабочая Партия (L. P.), Английская независимая социалистическая партия (I. L. P.), Британская социал-демократическая федерация, Бельгийская социалистическая рабочая партия, социалистическая и социал-демократическая партии Чехо-Словакии, социалистическая партия Италии, социал-демократические партии Швеции и Голландии, социалистические партии Болгарии, Польши, Латвии, Литвы, Белоруссии, Украины, Бунд и партия социалистов-сионистов, объединенные социалистические партии Индии.

{89} Восстали против московской комедии суда также и *синдикальные* организации пролетариата всего мира с *Амстердамским Интернационалом* во главе. Протестовали: Всеобщая Конфедерация Труда Франции (C. G. T.), конгресс профессиональных союзов в Германии, Всеобщее Германское объединение профессиональных союзов, Национальный Комитет бельгийских рабочих синдикатов, Генеральная Конфедерация Труда Италии. Протестовали и в отдельности крупнейшие рабочие синдикаты Европы, и рабочие митинги, собиравшиеся во всех концах мира.

Особенно широко разлилось движение во Франции. В этой стране, где большая часть рабочего класса до сих пор хранит заветы Великой

Революции, пролетариат боролся за жизнь и свободу русских социалистов-революционеров с тем же чувством, с каким 20 лет тому назад, под руководством Жореса, боролся он за торжество правды в деле Дрейфуса.

Вот опубликованный в № 1023 «Голоса России» список французских рабочих организации, которые выступили с протестами против московского суда за первые три недели процесса:

1) *Федерации синдикатов.* Федерация кожевников, Федерация транспортных рабочих, Федерация шляпочников, Фед. рабочих химической промышленности, Фед. синдикатов банковских служащих, Фед. портовых и доковых рабочих, Фед. строительных рабочих, Федерация рабочих, работающих под землей, Фед. моряков, Фед. санитаров, Фед. рабочих, занятых в государственном флоте, Фед. текстильщиков (80.000 чел. синдицированных), Фед. рабочих, изготавливающих одежду, Фед. рабочих, занятых на общественных службах, Федерация земледельцев, Фед. парикмахеров, Фед. гражданского персонала военного министерства.

2) *Департаментские союзы и Биржи труда.* Союз металлургических рабочих Сены, Союз федеральных синдикатов Сены, Союз синдикалистов Иль и Вилэн, Союз Бирж труда Роны, Союз синдикатов Дромы, Союз синдикатов в Эпернэй, Союз синдикатов на Севере, Союз синдикатов Коррезы, Северный Союз, Союз синдикатов Сены и Уазы, Союз синдикатов Об и Ионн, Союз синдикатов Жиронды, Союз синдикатов Финистер, Союз синдикатов Соммы, Союз {90} синдикатов Бельфора, Союз синдикатов Кальвадоса, Союз бирж труда в Рубэ, Туркоин и Ланнуа.

3) *Рабочие синдикаты.* Синдикальная палата служащих Сенской области, Синдикат рабочих химической промышленности, Синдикат горно-рабочих Севера, Синдикат служащих парижских колониальных магазинов, Синдикат горнорабочих Гард и Арденн, Синдикат шляпочников в Сефонд, Главный синдикат служащих почты и телеграфа, Синдикат горнорабочих в Па-де Калэ, Синдикат служащих госпиталей и больниц, Синдикат рабочих газовой промышленности в Либурне, Синдикат работающих под землей во Флэ, Синдикат работающих по изготовлению одежды в Сенском департаменте, Синдикат портных и портных Сены, Синд. железнодорожников линии Париж - Север, Синдикат горнорабочих бассейна Анзен, Синдикат металлургов в Коментри, Синдикат железнодорожников линии Париж — Орлеан, Синдикат кровельщиков в Трелаз, Синдикат металлургов Лиля, Главный синдикат муниципальных служащих в Виллербан.

4) *Политические организации.* Социалистическая группа в Пантэн, Секция в Авэн, 14-ая секция Сенского департамента, 5-ая секция Сенского департамента, Молодежь Юры, Федерация Нижней Сены, Социалистическая федерация Юры, Социалистическая федерация в Бувэ, 20-ая секция Сенского департамента, 18-ая секция Сенского департамента, Социалистическая федерация Роны, Социалистическая федерация Верхней Саоны.

Пусть Троцкий утешает своих приближенных уверениями, что это — западноевропейская буржуазия заступает за социалистов-революционеров, как за своих союзников в борьбе против советской власти! Единодушный крик негодования, рвущийся из груди миллионов

рабочих, нельзя заглушить подобной мелочной и неумной ложью.

К протестам пролетариата против московского процесса присоединили свой голос также лучшие представители науки, литературы, искусства всего мира. Под обращенным к московскому правительству призывом «отказаться во имя человечности и всеобщего примирения от того, что будет воспринято всем цивилизованным человечеством, как акт мести» подписались:

А. Олар, профессор Сорбонны; Поль Пенлевэ, член Института; {91} А. Мельэ, профессор Коллеж де Франс, корреспондент Петербургской Академии Наук; Габриэль Сеайль, профессор Сорбонны; Эмиль Борель из Академии Наук; Р. Шнейдер, профессор Сорбонны; Аллеман, бывший депутат Сены; Ксавье Леон; Анри Озер, профессор Сорбонны; Шарль Жид; Эмель Терквям, инженер; Ж. Адамар, член Института; Анри Леви-Брюль, профессор права в Лилле; П. Альфандери, профессор Высшей школы; Жанна П. Альфандери; Л. Леви-Брюль, проф. Сорбонны; Доктор Марсель Леви-Брюль; Л. Брунвиг, профессор Сорбонны; Ж. Бруншвиг; Виктор Баш, профессор Сорбонны; Ш. Сеньобос, профессор Сорбонны и многие другие.

Английский писатель Г. Уэллс также подписал этот протест.

В Германии с протестами выступили: Проф. Эйнштейн; Г. фон Герлах; Гарри граф Кесслер; Эрнст Федер; д-р Фортман, главный редактор «Парламентскорреспондент» центра; д-р Рудольф Гильфердинг, член рейхстага; д-р Пауль Натан; проф. Гуго Прейс, бывший министр, член Ландтага; Фридрих Штампфер, гл. редактор «Форвертса»; Карл Феттер, редактор «Берлинер Фольксцейтунг»; д-р Б. Гутман, редактор «Франкфуртер Цейтунг»; Габриеле Рейтер, Бернгард Келлерман, Феликс Либерман, проф. Алоиз Риль, д-р Рудольф Брейтшейд, Г. Зудерман, Г. Штребель, И. Сассенбах, и др.

Но наиболее красноречивым показателем того, как глубоко взволновал московский процесс совесть всего человечества, является публичное выступление против него целого ряда общественных деятелей, которых Европа знает, как пламенных поклонников и защитников советской власти.

На первом месте я хочу поставить Максима Горького, который нашел на этот раз слова, достойные его большого таланта и его большого сердца: он первый из защитников советской власти крикнул большевикам, что своими действиями они провоцируют *моральную блокаду* России социалистами всего мира.

К протесту Горького присоединились во Франции Анатоль Франс, Анри Барбюс и Ромэн Роллан, — три ярких имени, которыми французский коммунизм старался все эти годы прикрыть свое ничтожество и идейное {92} бессилие. Протестовала, вместе со всем социалистическим пролетариатом, и большевистствующая синдикальная организация Франции (С.Г.Т.У).

В Италии выступил против московского преступления старый анархист Малатеста. Громко прозвучал здесь и голос Туринского конгресса рабочих профессиональных союзов, конгресса, где, казалось бы, было обеспечено преобладание друзьям московских диктаторов.

В Англии решительно отмежевались от палачей такие проповедники большевизма, как Тернер и редактор «Дейли Геральд»

Ленсберри.

Но нет возможности перечислить всех ... Волна протестов растет и ширится, каждый день приносит большевистской власти новые доказательства того, что даже самодержавцам *не все дозволено*.

Политическое значение этой волны протестов далеко не исчерпывается непосредственным влиянием ее на решения и действия московского правительства. Значение ее неизмеримо глубже и шире, — в ходе ее пролетариат Европы освобождается от остатков иллюзий относительно русского большевизма, научается понимать его истинную сущность.

Так, полтора года тому назад, предательское нападение большевистских армий на демократическую Грузию и порабощение этой маленькой свободолюбивой страны «красными» штыками открыло европейским рабочим глаза на внешнюю политику Коминтерна, вскрыло империалистические вождения царизма, лежащие в основе интриг кремлевских комиссаров с реакционными силами Востока. Этим была убита легенда о миротворческой международной миссии большевизма, о роли Москвы, как защитницы угнетенных народностей. Осталась другая легенда, — легенда о том, что свирепствующий в советской России террор является самообороной рабоче-крестьянской власти против происков контрреволюционеров. И вот теперь московский процесс показал Европе, против кого в действительности направлено оружие большевистского террора.

Завоевание Грузии разоблачило *империалистическую внешнюю политику* большевизма, — суд над социалистами-революционерами вскрыл гнойник его *террористической внутренней политики*.

{94} Недаром оба вопроса были поставлены рядом на берлинской конференции трех интернационалов, недаром II Интернационал ввел оба вопроса в свой ультиматум, предъявленный Коминтерну ...

Двенадцать смертников, отдавшие всю свою жизнь освобождению трудящихся масс России и международному социализму, оставались на скамье подсудимых верны своему двойному призванию; разоблачая диктаторов России, они бились за освобождение русских крестьян и рабочих — от цепей рабства, за освобождение рабочих всего мира — от последних иллюзий. Бились с беззаветной храбростью, не думая о спасении своей жизни.

Теперь за их жизнь, за их головы идет борьба: за них — совесть человечества, общественное мнение мирового пролетариата, против них — Чека.

Кто победит?

Нужно ли говорить о неисчислимых последствиях того или другого исхода этого спора? Победа Чека и примирение с нею совести человечества не только означали бы смерть двенадцати стойких борцов за социализм, не только явились бы сигналом к новому небывалому разгулу террора в России и в завоеванных большевиками странах, но привели бы к новому усилению волны одичания во всем мире. Победа человеческой совести в этом вопросе, напротив, явилась бы, быть может, прологом к ее торжеству на более широком мировом фронте.

Моральная блокада тюремщиков и палачей социализма — вот оружие всемирного пролетариата в разгоревшейся борьбе.

Пользуясь этим оружием, идя твердо и последовательно по пути *социалистической моральной интервенции*, всемирный пролетариат добьется того, что намыленная веревка спадет с шеи двенадцати смертников, и будет положен конец красному террору в России.

Вл. Войтинский.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тактические позиции партии социалистов-революционеров по документами

Хотя формально партия социалистов-революционеров образовалась только в 1901 году, а первый съезд ее мог собраться лишь во время революции 1905 года (29 декабря 1905 г. — 4 января 1906 г.), она является старейшей русской социалистической партией.

В 1901 году объединились между собой и образовали единую партию различные социально-революционные группы в России и среди заграничной политической эмиграции. Но эти группы лишь продолжали традицию разбитой правительственными репрессиями в 1881-85 гг. «социально-революционной партии Народной Воли».

Наиболее видные деятели этой партии были казнены или осуждены на пожизненное заточение в Шлиссельбургской крепости, другие сосланы на Сибирскую каторгу, третьи скрылись за границу.

Лишь лет через десять после этого поражения начали вновь возникать в России социально-революционные группы, которые постепенно разрастались, параллельно с оживлением рабочего и политического движения в России к началу нового столетия.

В возрождении социально - революционной партии приняли деятельное участие вернувшиеся из ссылки или находившиеся за границей члены разбитой партии «Народной Воли». Когда П. С. Р. была, наконец создана, они заняли в ней, наряду с новыми молодыми деятелями, руководящее место. За границей это были старые члены партии «Народной Воли» Феликс Волховской, Шишко, Егор Лазарев, а из более молодого поколения того времени — Михаил Гоц, Виктор Чернов.

В России — бежавшая из Сибири и ведшая необычайно {98} энергичную пропаганду среди крестьянства, рабочих и интеллигентной молодежи «бабушка» Екатерина Брешковская, Григорий Гершуни, Степан Слетов и др.

В промежутке между поражением партии «Народной Воли» и возникновением ее идейной и политической преемницы — партии с. р., в России образовались социал-демократические группы, которые тоже к концу девяностых годов слились и образовали Российскую социал-демократическую рабочую партию, которая, как известно, в 1903 году распалась на большевиков и меньшевиков.

Социал-демократы отличались от эсэров тем, что все внимание обращали исключительно на городских рабочих, главным образом, на промышленный пролетариат.

Они смотрели на мелкое трудовое крестьянство, как на класс, по своему социальному положению и интересам, близкий буржуазии, и поэтому долгое время не выставляли никакой аграрной программы, не вели в деревне пропаганды (за исключением сельскохозяйственных рабочих) и считали, что аграрная программа, которую эсэры предлагали

крестьянам, «реакционна», так как она задерживает развитие капитализма в сельском хозяйстве.

Эсэры же, продолжая в этом вопросе политику социалистов 1878-1885 гг., полагали, что интересы громадной массы малоземельного трудового крестьянства, эксплуатируемого помещиками, капиталистами и государством, могут быть согласованы с интересами городских рабочих. Они видели в крестьянстве ту основную революционную силу, без которой невозможно было свергнуть самодержавное правительство. Но вместе с тем социалисты-революционеры всегда стремились объединить трудовое крестьянство и промышленный пролетариат в один мир труда, полагая, что осуществление социалистических задач лежат в интересах всего трудового народа России. Объединение крестьянства, пролетариата и трудовой интеллигенции всегда составляло основу социально-революционного мирозерцания.

Партия с. р. выдвинула аграрную программу, требовавшую социализации всей частной земельной собственности.

{99} Программа эта скоро создала партии большую популярность среди масс крестьянства.

Во время революции 1905 года партия с. р. вела успешную агитацию в деревне, во время выборов в первую Государственную Думу (1906 г.) многочисленные сельские общества выносили резолюции в духе ее программы и посылали в Петербург в этом смысле указы своим избранныкам. Партия с. р. не выставила своих кандидатов на этих выборах (она бойкотировала выборы, находя избирательный закон слишком недемократичным и самое Государственную Думу слишком несовершенным учреждением); но в Государственную Думу прошло большое количество крестьянских депутатов-трудовиков, которые приняли основы земельной программы партии с. р. и во всех политических вопросах согласовали свои действия с партией с. р., поддерживавшей с их фракцией живейшую связь.

На выборах во вторую Государственную Думу (1907 г.) партия с. р. выставила своих кандидатов. Было выбрано несколько десятков эсэровских депутатов, а аграрный законопроект партии с. р. собрал подписи 106 депутатов.

В третью и четвертую Госуд. Думу партия с. р. своих кандидатов не выставляла. Керенский, будучи эсэром, был выбран от крестьян-трудовиков и был, в качестве депутата от крестьян-трудовиков, председателем их фракции.

Аграрный законопроект был партией разработан заново в 1917 году и был внесен в Учредительное Собрание, которое заседало только один день — 5 января 1918 года — и было разогнано большевиками. Этот законопроект был составлен в согласии с Советом Крестьянских Депутатов, собравшихся в 1917 году, председателем которого был член партии Авксентьев, в период Временного Правительства; в громадном большинстве Совет Крестьянских Депутатов поддерживал партию с. р. В Учредительном Собрании, как известно, партия с. р. получила абсолютное большинство. (На первом заседании Учр. Собрания было 244 депутата с. р. и 153 большевиков и так называемых «левых» с. р., вышедших из партии).

{100} Считаю нужным привести текст основных положений аграрного законопроекта, принятых Учредительным Собранием по предложению партии с. р.

«1. Право собственности на землю в пределах Российской республики отныне и навсегда отменяется.

«2. Все находящееся в пределах Российской республики земли со всеми их недрами, лесами и водами составляют народное достояние.

«3. Распоряжение всей землей с ее недрами, лесами и водами принадлежит республике в лице ее центральных органов и органов местного самоуправления, на основаниях, установленных настоящим законом.

«4. Самоуправляющиеся на государственно-правовых началах области Российской республики осуществляют свои земельные права на основаниях сего закона и в согласии с федеральной конституцией.

«5. Задачи государственной власти в области распоряжения землей, недрами, лесами и водами составляют:

а) создание условий, благоприятствующих для наилучшего использования естественных богатств страны и для наивысшего развития производительных сил;

б) справедливое распределение всех естественных благ среди населения.

«6. Права лиц и учреждений на землю, недра, леса и воды осуществляются только в форме использования.

«7. Пользователями этой земли, недрами, лесами и водами могут быть все граждане Российской республики, без различия национальностей и вероисповедания, и их союзы, а равно государственные и общественные учреждения.

«8. Земельные права пользователей приобретаются, осуществляются и прекращаются на началах, установленных настоящим основным законом.

«9. Принадлежащие ныне отдельным лицам, союзам и учреждениям земельные права, поскольку они противоречат настоящему закону, отменяются.

«10. Отчуждение в народное достояние земель, недр, лесов и вод, находящихся ныне у лиц, союзов и учреждений на праве собственности, или ином вещном праве, производится без выкупа».

Большевики из демагогических целей заимствовали у П. С. Р. некоторые положения этого закона, в {101} виду его громадной популярности, но не сумели ни приспособить его к реальным потребностям и условиям сельского хозяйства, ни провести его в жизнь — что требовало большой статистической и землеустроительной работы, при поддержке населения и с участием всех необходимых для этого интеллигентных сил. Все эти условия были уничтожены большевистской диктатурой и заменены анархическим призывом, обращенным в деревню: берите землю сами, где, как и сколько хотите!

Ленин и другие большевики сами впоследствии признавали, что они не верили в возможность разрешения аграрной проблемы в России при помощи закона, который они провели на съезде советов — демонстративное принятие этого закона продиктовано ими было исключительно тактическими соображениями: они хотели продемонстрировать перед российским крестьянством, что большевики

защищают крестьянские интересы; этим они стремились укрепить в крестьянских массах свою власть.

Что касается программных требований партии с. р. в сфере рабочего вопроса, то в этой области с. р. мало чем отличались от любой европейской социалистической партии. Конечная цель была — обобществление средств производства, ближайшие задачи — введение 8-часового рабочего дня, контроль производства и пр.

Кроме аграрной программы, другой особенностью партии с. р. были ее резко-революционные, наступательные и террористические методы борьбы с самодержавием.

Социально-революционные группы, возникшие в 1895-1899 гг., видели свое отличие от существовавших тогда социал-демократических групп в том, что эти последние на первый план выдвигали защиту **экономических** интересов рабочих и относились очень сдержанно к непосредственной политической борьбе, тогда как эсэровские группы призывали рабочих к революционной борьбе за политическую свободу и республику. Эти первые группы занялись агитацией и устройством политических уличных демонстраций, не останавливаясь перед неизбежным столкновением с полицией, имея в виду необходимость развития революционного движения в народ и полагая, что {102} смелая революционная инициатива может его стимулировать.

В дальнейшем, когда в 1901 году была основана партия с. р., она признала необходимость резкой политической борьбы, а в ответ на репрессии царского правительства решила отвечать прямым нападением на ответственных сановников и членов царствующего дома, иначе говоря, высказалась за применение террористической тактики.

Необходимо отметить, что террор партии с. р. не имел ничего общего с «красным террором большевиков». Партия с. р. считала возможным казнь таких врагов народа, как министр внутренних дел Сипягин и Плеве, или вел. кн. Сергей Александрович потому, что они были ответственны за политику подавления всякой свободы и самых элементарных гражданских прав, за беспримерное угнетение, голод и нищету трудящихся масс и свирепые расправы со всеми попытками освободиться от этого гнета или даже помочь народу понять и улучшить свое положение.

Лишь полное отсутствие возможности призвать к ответственности перед народом, парламентом или судом самодержавных повелителей России и беззащитность против их произвола всего населения и, в особенности, рабочего класса и социалистических партий, скрывавшихся, разумеется, «в подполье», оправдывало в глазах партии с. р. применение кровавых методов убийства царских министров и руководителей царской политической полиции.

При этом партия публично всегда принимала на себя ответственность за все совершаемые ею террористические акты и оглашала их.

Партия с. р. всегда решительно осуждала, тактику политических убийств в странах с демократическим образом правления и со свободой печати и общественного мнения. Она всегда заявляла, что немедленно прекратит террористическую борьбу, лишь только в России будут осуществлены элементарные политические гарантии, существующие во всех цивилизованных странах.

Она всегда категорически осуждала послереволюционный террор — то есть смертные казни и убийства побежденных представителей старого режима. Партия с. р. полагала, что побежденный рабочий класс может и должен быть великодушен и не должен {103} следовать примеру французских буржуазных революционеров 1793 года. И морально, и политически террористические акты революционеров, шедших всегда на верную смерть для того, чтобы поразить какого-нибудь всемогущего временщика в роде фон Плеве в самом центре его власти, окруженного тучами сыщиков и жандармов, — самым резким образом отличаются от приказа члена Ц. К. о расстреле какого-нибудь бывшего полицейского офицера или даже министра, великого князя или самого царя, обезоруженных, беззащитных, бессильных, жалких.

В то время, как террористическая борьба партии с. - р. с самодержавием выковывала самоотверженных, благородных, беззаветно преданных революции, глубоко-человечных **героев**, — чрезвычайная комиссия при большевистском режиме открыла широкое поприще для деятельности людей нравственно тупых, озлобленных, мрачных фанатиков или просто преступных садистов, не героев, а палачей.

Нужно отметить, что большевики всегда осуждали до 1917 г. партию с. р. за применение ею террористических методов и, вообще, считали ее партией мелкобуржуазной интеллигенции, по недоразумению называющей себя социалистической.

Главным теоретиком партии с. р. был Виктор Чернов.

Наиболее видными деятелями партии со времени ее образования были: Михаил Гоц, Шишко, Лазарев, Волховской, Гершуни, Брешковская, Минор, Рубанович, Слетов.

Позиция партии с. р. во время революции была определена третьим съездом партии (Москва, май 1917 г.), четвертым съездом (Петроград, декабрь, 1917 г.) и. затем восьмым (май 1918 г.), девятым (июнь 1919 г.) и десятым (июль 1921 г.) съездами партии. Для суждения об ее политике и тактике необходимо ознакомиться также с резолюциями и письмами ее Ц. К., которому, в виду невозможности в условиях советского режима созвать партийные конференции, приходилось самостоятельно принимать важные политические решения.

Из постановлений московского съезда партии в 1917 г. отметим относящееся к войне, к Интернационалу и о Временном Правительстве.

{104}

Об отношении к войне.

Настоящая война возникла на почве империалистических стремлений господствующих классов всех великих держав, направленных к захвату новых рынков и подчинение своему экономическому и политическому влиянию мелких и отсталых государств, стремлений, эксплуатировавших в своих целях как желания национальностей, еще не получивших своего самоопределения, так и пережитки бессознательного шовинизма. До сих пор правящие классы воюющих стран питают эти захватные стремления, враждебные интересам трудового народа.

Мы призываем народы воюющих стран заставить свои правительства и господствующие классы отказаться от захватных стремлений и взять дело мира в свои руки. С своей стороны, мы заявляем,

что русскому народу, широким массам рабочих и крестьянства империалистические войны чужды, и что русская демократия не желала и не желает никаких захватов.

Исходя из этих положений и стоя на точке зрения совпадающих между собою идеалов международного социализма и насущных интересов трудящихся масс России, III Съезд партии с. р. полагает, что перед русской демократией в настоящий момент стоят следующие ближайшие задачи:

1. В виду того, что ликвидация войны возможна лишь при условии объединенных усилий демократии всех стран, партия с. р. признает необходимым:

а) чтобы социалистическая демократия России всеми мерами содействовала скорейшему воссозданию революционного Интернационала и созыву международного социалистического съезда для восстановления международной солидарности трудящихся, выработки окончательных условий мира и мер к проведению их в жизнь;

б) чтобы социалистическая демократия России обратилась с призывом к демократии всех государств с тем, чтобы они присоединились к лозунгу «мир без аннексий и контрибуций» и в этом направлении воздействовали на свои правительства.

{105}

2. III Съезд партии с. р., признавая, что Временное Революционное Правительство в основу своей международной политики положило выдвинутую российской демократией программу мира без аннексий и контрибуций с осуществлением права всех народов на самоопределение, и полагая, что вопрос о спорных областях должен быть разрешен путем свободного и обставленного международными гарантиями опроса самого населения считает необходимым, чтобы Временное Революционное Правительство в кратчайший срок приняло все зависящие от него меры для присоединения остальных союзных России держав к этой программе мира. Равным образом, путем международного соглашения должны быть переложены финансовые — как в отношении государств, так и в отношении частных хозяйств — последствия войны на господствующие классы всех стран, захваченных прямо или косвенно войной.

3. III Съезд партии с. р. требует, чтобы Временное Революционное Правительство приняло все меры к пересмотру и ликвидации тайных договоров, заключенных царским правительством с союзными державами и чтобы в своей дальнейшей международной политике оно руководствовалось исключительно интересами трудового населения России и интересами демократии всего мира.

4. III Съезд партии с. р., полагая, что осуществление этих задач возможно лишь в международном масштабе и объединенными усилиями трудовых масс всех воюющих стран, категорически отвергает сепаратный мир и сепаратное перемирие, как в корне противоречащее методам интернационального действия.

5. Отвергая безответственную пропаганду шовинисткой прессы в пользу форсирования наступления во что бы то ни стало, способную при недостаточной организованности революционной армии толкнуть ее на гибельную авантюру, чреватую самыми опасными последствиями для

всего дела русской революции, и усматривая в этом газетном походе стремление снять с очереди вопрос о целях войны, III Съезд партии с. р. равным образом считает недопустимым внесение в армию демагогической проповеди отказа от всякого движения вперед из окопов и неповиновение распоряжениям {106} революционного правительства и полагает, что как первое, так и второе может лишь затормозить создание, рост и укрепление новой революционной армии, способной быть надежной опорой для всей новой международной политики революционной России.

6. Пока эта война продолжается, революционная Россия идет навстречу необходимости стратегического единства фронта с союзниками и выдвигает в то же время необходимость единства фронта политического, считая их двумя необходимыми сторонами одного и того же дела — прокладывания дороги миру на основе самоопределения национальностей и отказа от политики аннексий и контрибуций.

7. III Съезд партии с. р., настаивая на ведении со всей энергией борьбы за всеобщий мир, считает необходимым в то же время, в интересах самой борьбы за мир, в интересах защиты русской революции и ее политических и социальных завоеваний от всяких посягательств как изнутри так и извне, приведение армии в полную боевую готовность и создание из нее силы, способной к активным операциям во имя осуществления задач русской революции и ее народной политики.

Об отношении к Временному Правительству.

III Съезд партии с. р. видит в создании коалиционного Временного Правительства, с одной стороны, новое свидетельство роста силы трудовой демократии городов и деревень, с другой стороны, неизбежный шаг для неотложной борьбы с грозной опасностью всероссийской разрухи, — борьбы, необходимой для укрепления новой революционной России, этой первой цитадели «третьей силы» в современной Европе.

Вместе с тем, он выражает твердую уверенность в том, что только дальнейший рост общественно-организационных сил социалистической демократии в стране может изменить еще более в пользу социалистов соотношение сил во Временном Правительстве.

{107} Считая основной политической задачей момента реорганизацию местной власти на началах органического народовластия и подготовку выборов в Учредительное Собрание, III Съезд партии с. р. отвергает и осуждает все, что может затормозить или отодвинуть их осуществление авантюристскими попытками захвата власти на местах или в центре, и всякую безответственную проповедь в этом направлении.

III Съезд полагает, что только единая сплоченная социалистическая группа во Временном Правительстве, соподчиняя все выступления отдельных министров принятой ею общей линии поведения, при контроле как нашего рабочего предпарламента, в лице советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, так и соответственных социалистических партий, может справиться с неотложной задачей: приложить руки рабочей демократии к укреплению завоеваний революции в то переходное время, когда цензовая Россия уже не в

состоянии справиться с роковыми проблемами современности, а социалистические партии еще не вынуждаются взять в свои руки власть.

До тех пор, пока решением социалистической демократии группа министров-социалистов остается в составе Временного Правительства и через нее осуществляется воля этой демократии и ее контроль над всей внутренней и внешней политикой Правительства, последнему обеспечивается самая энергическая поддержка в проведении его мероприятий против всех элементов распада и дезорганизации. III Съезд партии полагает, что, идя этим путем, партия социалистов-революционеров совместит двуединую задачу: участия в строительстве настоящего и приготовления грядущего, и тем подготовит свое торжество в Учредительном Собрании, завершая одновременно великую международную задачу русской революции: ускорение ликвидации войны силами воскрешенного русской революцией рабочего интернационала.

III Съезд партии считает необходимым, чтобы министры – социалисты - революционеры положили в основу своей деятельности постановления, принятые высшей партийной инстанцией, то есть настоящим полномочным собранием представителей партийных организаций.

{108}

Об интернационале.

I. III Съезд партии соц. - рев., руководясь воззрениями, выраженными в принятых им резолюциях о текущем моменте и о войне, постановляет послать своих делегатов:

1. на Международную Социалистическую конференцию мира, созываемую по почину Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов;

2. на иные предварительные конференции, в том числе и на третью Циммервальдскую, имеющую задачей обмен мыслей между трудовыми демократиями всего мира.

II. Съезд поручает Ц. К. сформировать с этой целью соответствующие делегации.

Партия с. р. принимала участие в выработке знаменитого воззвания к международному рабочему классу (14 марта 1917 г.) Петроградского Совета Рабочих Депутатов, в котором ей, вместе с социал-демократами меньшевиками, принадлежало в то время большинство.

В согласии с этой позицией, партия приняла деятельное участие в подготовке Стокгольмской международной конференции, для чего командировала в 1917 г. за границу Н. Русанова. Конференция эта, как известно, не состоялась, ибо правительства Антанты отказались дать паспорта делегатам социалистических партий их стран.

В апреле-мае 1917 г. партия с. р., как и соц. - дем. рабочая партия, решила делегировать своих представителей в коалиционное Временное Правительство, председателем которого был сначала кн. Г. Е. Львов, а затем А. Ф. Керенский. Большевики до сих пор обвиняют партию с. р. за это в «измене пролетариату» и в союзе с буржуазией.

В действительности, партия вошла тогда в коалиционный кабинет для того, чтобы спасти нарождавшийся и еще слабый демократический режим от возможного натиска контрреволюции. В это время социалистические партии, только что вышедшие из подполья, не успевшие еще организовать и опиравшиеся на плохо организованные, только что {109} скинувшие с плеч трехвековое рабство рабочие массы, не могли взять полностью власть в свои руки.

Революция развивалась во время войны с сильнейшим врагом, и перед правительством стояла в высшей степени сложная и опасная задача: произвести необходимые преобразования, не разрушая фронта, не губя народного хозяйства и ведя одновременно дипломатические переговоры с союзниками для прекращения войны на основах, приемлемых для всех. Вызывать в этот момент гражданскую войну в стране было чрезвычайно опасно и грозило потерей ее национальной самостоятельности, а во всяком случае, таким ее ослаблением, которое могло свести на нет все завоеваны революции и сделать возможными реставрацию и реакцию.

Поэтому партия с. р. пыталась заключить соглашение с левой, демократической частью буржуазии, чтобы заставить реакционное дворянство, а также правые и империалистические партии подчиниться революционному народу.

Однако, это соглашение не удалось. Буржуазия, в массе своей испугавшись революции, предпочла пойти с дворянством, а не с рабочим классом, с монархией против демократии и республики. Буржуазные члены кабинета чинили всякие препятствия революционным преобразованиям и саботировали дело Временного Правительства. Видные лидеры буржуазии, одно время присоединившиеся к революции, начали конспирировать с военными контрреволюционными кругами (что привело к памяtnому выступлению генерала Корнилова против Временного Правительства).

Коалиционное правительство пережило несколько кризисов. Партия с. р. продолжала участвовать в правительстве, но поставила определенные условия, в числе которых было требование активной внешней политики, направленной к скорейшему заключению общего и справедливого мира. С этой целью партия настаивала на созыве конференции союзных держав, на которой должна была быть изложена точка зрения революционной России, и на созыв Стокгольмской социалистической конференции. Ц. К. партии не находил возможным для социалистических партий брать целиком власть в свои руки накануне выборов в Учредительное Собрание, считая, что лишь оно установит {110} окончательно государственный строй России и назначит «законное», ответственное перед Учредительным Собранием правительство. Накануне самого созыва Учредительного Собрания большевики произвели переворот 25 октября 1917 г. и немедленно стали осуществлять режим террористической диктатуры.

Партия осудила этот захват власти, но не отказывалась войти в переговоры с большевиками относительно возможного компромисса с целью образовать единое социалистическое правительство. Компромисс этот оказался невозможным. Опираясь на вооруженную силу,

большевики хотели диктовать лишь свою волю. Партия с. р. решила перенести борьбу на почву выборов в Учредительное Собрание, на созыве которого большевики первоначально очень настаивали, но от которого отrekliсь, когда увидели, что большинство на выборах получила партия с. р.

Четвертый съезд партии (декабрь 1917 г.) высказался против коалиции с буржуазными партиями и даже осудил политику Центрального Комитета, который, по мнению съезда, слишком затянул коалиционный опыт. Вот резолюция этого съезда:

«Съезд партии с. р. вынужден констатировать, что Ц. К. в течение 6 месяцев работы не всегда соответствовал своему назначению быть органом, руководящим деятельностью партии. Съезд признает, что Ц. К. не осуществлял в должной мере своей обязанности контроля над деятельностью членов партии, занимавших самые ответственные посты в органах государственного управления и руководящих органах демократии. Этим Ц. К. делал партию ответственной пред трудящимися массами за политику, ею не санкционированную, за события, о которых она даже была не осведомлена, за действия, не соответствующие ни партийной программе, ни ее коллективной воле. Этим Ц. К. невольно способствовал подрыву доверия масс к партии, ее лозунгам, ее деятелям».

Другая резолюция того же съезда гласит:

«Современная русская революция является народно-трудовой, пробивающей первые бреши в крепости буржуазной собственности и буржуазного права; она открывает собою промежуточный переходный {111} исторический период между эпохой полного расцвета буржуазного строя и эпохой социалистического переустройства. Истина эта не была достаточно осознана руководящими слоями нашей социалистической демократии, и в результате наша революция доселе не нашла для себя правильного и прочного русла ...

«Для социалистической демократии нужно было пройти опыт смешанного правительства с цензовыми элементами. Этот опыт сослужил свою службу, как только воочию показал всему народу, что цензовые элементы не могут примириться с разрешением в пользу трудового народа тех широких социальных задач, которые выдвинуты нашей революцией, в особенности в области неотложного и коренного переустройства наших поземельных отношений. Начиная с этого момента, повторение и продолжение этих опытов с коалицией вело лишь к тому, что творческая работа революционной власти приостанавливалась, борьба за демократический мир велась недостаточно энергично, а попытки идти навстречу реальной потребности страны в твердой власти, не сопровождаемая современным удовлетворением жгучих потребностей трудового населения, оставались без успеха и вызывали недовольство.

«Наша партия, к сожалению, не проявила в трудные моменты достаточной решимости, не взяла во время власти в свои руки и оставляла ее до конца в руках ослабленного, обесцвеченного, потерявшего популярность правительства, сделавшегося легкой добычей первого же заговора.

«Партия обязана — гласил заключительный абзац резолюции

съезда — приложить всю энергию для того, чтобы сосредоточить вокруг охраны всех прав Учредительного Собрания достаточные организованные силы, чтобы в случае надобности принять бой с преступным посягательством на верховную волю народа, откуда бы таковое ни исходило и какими бы лозунгами ни прикрывалось».

На выборах в Учредительное Собрание пария с. р., как мы уже сказали, получила подавляющее большинство. За эсэров голосовали 20.893.734 избирателей (52 проц.), за большевиков — 9.023.963 (25 %), за все буржуазные партии вместе — 4.130.376 (меньше одной седьмой).

{112} Мы не будем здесь останавливаться на изложении событий, связанных с первым и единственным заседанием Учредительного собрания, выбранного всеобщей подачей голосов по избирательному закону, изготовленному Временным Правительством Керенского. Но для того, чтобы положить конец клеветническим измышлениям коммунистов, необходимо привести подлинный текст постановлений, принятых эсэровским большинством Учредительного Собрания на заседании 5 января 1918 года, происходившим под председательством Виктора Чернова. Мы привели уже первые 10 статей аграрного закона. Приведем резолюцию о мире и закон о федеративном устройстве России.

Резолюция о мире.

«Именем Народов Российской Республики Всероссийское Учредительное Собрание, выражая непреклонную волю народа к немедленному прекращению войны и заключению справедливого всеобщего мира, обращается к союзным с Россией державам с предложением приступить в совместному определению точных условий демократического мира, приемлемых для всех воюющих народов, дабы представить эти условия от имени всей коалиции государствам, ведущим с Российской Республикой и ее союзниками войну.

«Учредительное Собрание исполнено непоколебимой уверенностью, что стремление народов России к прекращению губительной войны встретит единодушный отклик в народах и правительствах союзных государств и что общими усилиями достигнут будет скорый мир, обеспечивающий благо и достоинство всех воюющих народов.

«Выражая от имени народов России сожаление, что начатые без предварительного соглашения с союзными демократиями переговоры с Германией получили характер переговоров о сепаратном мире, Учредительное Собрание, именем народов Российской Федеративной Республики, продолжая установившееся перемирие, принимает дальнейшее ведение переговоров с воюющими с нами державами на себя, дабы, защищая {113} интересы России, добиваться, в согласии с волей народной, всеобщего демократического мира.

«Учредительное Собрание заявляет, что оно окажет всемерное содействие начинаниям социалистических партий Российской Республики в деле немедленного созыва международной социалистической конференции в целях достижения всеобщего

демократического мира.

«Учредительное Собрание постановляет избрать из своего состава полномочную делегацию для ведения переговоров с представителями союзных держав и для вручения им обращения о совместном выяснении условий скорейшего окончания войны, равно как и для осуществления решения Учредительного Собрания по вопросу о мирных переговорах с державами, ведущими против нас войну.

«Данная делегация имеет под руководством Учредительного Собрания немедленно приступить к исполнению возложенных на нее обязанностей».

Основной закон о государственном устройстве России. О контрреволюционной опасности.

«Именем народов, Государство Российское составляющих, Всероссийское Учредительное Собрание постановляет:

Государство Российское провозглашается Российской Демократической Федеративной Республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеральной конституцией пределах, суверенные».

После того, как Учредительное Собрание проголосовало эти законы, большевистские матросы, по приказанию Ленина, разогнали его якобы «за измену пролетариату» и за союз с помещиками, буржуазией и монархией. Невежественные и обманутые, возбужденные бессовестными демагогами, матросы по истине «не ведали, что творили».

В то же время другие матросы расстреливали на улицах Петрограда мирную манифестацию рабочих и убили крестьянского депутата с. р. Логинова, женщину социалистку-революционерку Горбачевскую и др.

{114} После насильственного разгона большевиками Учредительного Собрания, партия с. р. решила попытаться вести политическую борьбу за свое понимание задач революции в рамках легальности. Но очень скоро выяснилось, что большевистское правительство не терпит никакой свободной критики и готово для сохранения своей власти к самым худшим видам насилия, не останавливаясь перед нарушением даже собственной «советской» конституции. Эсэровские газеты беспощадно закрывались, их типографии ликвидировались, социалистические организации разрушались, выборы в советы производились в атмосфере беспримерного административного давления, советы с сильной социалистической оппозицией систематически распускались. Постепенно советское рабочее самоуправление было упразднено и заменено иерархической централизованной бюрократией, которая только носит название «советского строя», но в действительности не имеет ничего общего с ним. Международный социализм теперь уже достаточно осведомлен о банкротстве коммунистического эксперимента большевиков, об уничтожении промышленности, о разорении деревни, о

разочаровании масс в большевистской демагогии и о борьбе, которую большевики ведут с народом для сохранения своей неограниченной власти. Известно, что они держатся при помощи террора, насилия, беспощадного подавления всякой оппозиции, беспримерного политического гнета, при котором народ осужден на апатию, прозябание и медленное вымирание от голода и эпидемий, прерываемых стихийными возмущениями, бунтами, слепыми вспышками голодных, забитых и измученных масс.

Летом 1918 года конфликт власти с народом принял характер гражданской войны. Партия с. р. была на стороне народа. На Волге и на Урале она организовывала крестьянские и рабочие полки, которые сражались с большевиками на так называемом «фронте Учредительного Собрания». Им помогали в этом чехословацкие легионы, составленные из военнопленных, которых Троцкий попытался разоружить по требованию императорской Германии. Уже в то время большевики, подписавшие позорный сепаратный Брест-Литовский мир, приглашали в Россию германских {115} капиталистов, возвращали им их конфискованное имущество, давали им новые концессии и вообще всячески заигрывали с германскими империалистами. Граф Мирбах был в Москве, а представитель советской власти Иоффе добивался в Берлине приема у кайзера Вильгельма.

Украина, Юг России, Кавказ, Польша, Финляндия, Прибалтийские провинции были в руках немецких империалистов. Политической и экономической независимости России был нанесен тяжелый удар, и победа императорской Германии угрожала всему будущему нашей страны, угрожала полным уничтожением всех завоеваний революции, восстановлением старой монархии и возвращением помещиков.

Свою точку зрения на положение России и Европы, партия с. р. высказала в это время в декларации Ц. К., в которой указывалось, что партия с. р. начала борьбу для свержения большевистской диктатуры и для отмены позорного Брест-Литовского мира, отдавшего Россию в рабство Императорской Германии. С этой целью партия намерена, по восстановлению народовластия, возобновить войну с Германией «в согласии с народами» Франции, Англии, Италии и Америки.

Партия с. р. потерпела неудачу в борьбе за восстановление демократической власти, ибо в тылу у нее контрреволюционные буржуазно-монархические группы подготовили заговор и одновременно с большевиками напали на начавшую организовываться вокруг знамени Учредительного Собрания на Волге и в Сибири демократию. Позднее, уже во время борьбы большевиков с Деникиным, партия с. р. прекратила вооруженную борьбу с большевиками в виду опасности возвращения старого режима и сосредоточила все свои силы на борьбе с реакцией. Приведем соответствующие резолюции 9-го совета партии, собравшегося нелегально в июне 1919 г. В Москве.

О контрреволюционной опасности.

«Перед лицом страшной опасности, грозящей всем завоеваниям революции, на половину ликвидированной большевистским режимом террора, от рук {116} Колчака, Деникина, Юденича и других представителей внутренней и внешней реакции, учитывая соотношение наличных сил, IX совет партии с. р. одобряет и утверждает принятое всеми правомочными партийными органами решение прекратить в данный момент вооруженную борьбу против большевистской власти и заменить ее обычной политической борьбой.

«Констатируя полную неспособность этой власти встать выше своих узко-партийных интересов и во имя спасения революции пойти путем уступок к созданию общесоциалистического и революционного фронта, П. С. Р. лишена в настоящее время возможности слить свою борьбу против попыток контрреволюции с борьбой большевистской власти и центр своей борьбы против Колчака, Деникина и др., должна перенести в их территории, подрывая их дело внутри и борясь в передовых рядах восставшего против политической и социальной реставрации народа всеми теми методами, которые партия применяла против самодержавия.

«П. С. Р. возлагает всю ответственность за возможные успехи контрреволюции на самоубийственную политику большевиков, подрывающих возможности **единого** боевого фронта демократии против контрреволюции разрушением единства политического фронта демократии. В то же время IX совет П. С. Р. считает необходимым вскрыть перед трудовым народом сущность того режима, который несет с собой реакция Колчака, Деникина и др.»

Тогда же была вынесена следующая резолюция

об интервенции

«IX Совет партии констатирует, что уже на VIII Совете партией было торжественно заявлено, что в рядах ее нет течения, которое бы искало опоры для внутреннего возрождения страны вне ее собственных материальных, духовных и социальных ресурсов.

«Таким образом еще тогда была отвергнута всякая мысль о союзнической интервенции, то есть о {117} вмешательстве в наши внутренние дела. В виду Брестского мира, ставя себе задачей его отмену и возрождение восточного фронта, партия все же считала допустимым появление на русской территории союзной вооруженной силы лишь на тех началах, на каких русские вспомогательные корпуса сражались в рядах союзных армий на территории Франции.

«Сохраняя свое отрицательное отношение к интервенции, П. С. Р. после победы союзников и падения Брест-Литовского мира не могла не признать, что никакого основания для дальнейшего пребывания союзников на русской территории более не существует.

«Принимая кроме того во внимание печальный опыт недавних попыток союзнической интервенции, вырождающейся в эксперименты с обращением целых областей России в объекты колониальной политики и владычества реставрационных сил, IX Совет партии выражает решительное порицание всем тем находящимся за границей партийным товарищам, которые, вопреки неоднократным решениям, выступают с проповедью или с ходатайствами об интервенции, и вменяет им в обязанность полное прекращение такой деятельности, как несовместимой с дальнейшим пребыванием в рядах П. С. Р.

«IX Совет поручает Ц. К. принять самые энергичные меры к тому, чтобы побудить социалистические партии всех стран заставить империалистические правительства прекратить хищнические набеги на Россию, блокаду ее и военную и материальную помощь российской контрреволюции.

«Вместе с тем совет партии считает необходимым заявить, что признание союзниками правительства Колчака она будет рассматривать, как акт враждебный по отношению к русской демократии.»

Тот же Совет принял следующую резолюцию

об интернационале.

«Ликвидация грандиозной мировой катастрофы, какой явилась всемирная война, исторически неизбежно {118} завершается огромным социальным сдвигом, колеблющим в целом ряде государств все основы старого землевладельческого и плутократического порядка.

«В этой новой эре революции идет усиленная организация в мировых размерах контрреволюционной силы, опирающейся на современные правительства Европейских стран-победительниц, старающихся превратить Лигу Наций в ширмы для нового «Священного Союза Буржуазии», в новую форму гегемонии союзного империализма.

«В связи с этим IX Совет П. С. Р. признает главной задачей всего современного мирового социализма, немедленное восстановление Интернационала.

«Это восстановление должно быть не только формальным воскрешением организационной связи между всеми разобщенными и частично деморализованными войной национальными социалистическими партиями, но еще более внутренним возрождением и обновлением социализма и превращением его в действенную мировую силу, способную держать курс на революцию и противостоять замыслам организованной Мировой реакции.

«Первым испытанием действенности и боеспособности обновленного Интернационала должны быть его непримиримая борьба против попытки стран победительниц навязать странам побежденным такие условия мира, которые могут лишь пробудить в них неистребимую жажду реванша и потому таить в себе зародыш новых войн. Средством для этого является использование всех благоприятных течений в Лиге Наций и энергичное давление на нее и на правительства стран-победительниц, действенным выявлением массового народного негодования.

«Лозунгом массовой агитации должно быть свержение тех правительств или кабинетов, которые своими стяжательскими националистическими аппетитами становятся в противоречие могучей всенародной жажды длительного мира. Вместе с тем IX Совет партии решительно осуждает попытку создания III Коммунистического интернационала, рассматривая ее как явление сектантской политики, направленной объективно к срыву единства социалистического движения и к его дезорганизации.»

{119} Для суждения о позиции партии в настоящее время необходимо обратиться к резолюциям X Совета партии (июль 1921 г.) и к заявлениям ее Ц. К.

Резолюция по текущему моменту.

«Мировая война, обострившая и обнажившая все классовые антагонизмы и глубокие противоречия, скрытые в буржуазном обществе, поставила перед трудящимися классами во всем объеме вопрос о коренном переустройстве этого общества, таящего в себе вечную угрозу прогрессу человечества и самым жизненным интересам трудящихся.

«Вместе с тем война, революционизировавшая трудовые массы и облегчившая возможность завоевания ими политической власти, особенно в странах, потерпевших поражение, истощила до крайних пределов производительные силы по обе стороны фронтов и вызвала общий кризис мирового хозяйства, чрезвычайно ограничив тем самым возможности непосредственных материальных достижений революции.

«Все это дает право утверждать, что непосредственная борьба за социализм, в которую вступил мир в результате войны, независимо от ее форм, будет длительной и тяжелой, в процессе которой трудовым массам предстоит ряд столкновений со старым миром за расширение своих прав в управлении производством и обменом, за расширение в этой области прав коллектива за счет прав отдельного предпринимателя.

«X-й Совет, подтверждая правильность этого неоднократного анализа сущности переживаемой исторической эпохи, устанавливает, что гибельная для дела российской и международной революции 4-х летняя политика большевистской власти поставила Россию под непосредственную угрозу империалистической интервенции и крайне осложнила дело борьбы международной демократии за социализм, — но ни в какой мере не сняла с очереди этой борьбы и не изменила общих перспектив переживаемой эпохи.»

Дав характеристику политике большевиков, X Совет заявляет:

{120} «В этом сознании необходимости и неизбежности грядущего революционного движения, партия должна учитывать, что многочисленные за время большевистской диктатуры восстания против нее трудовых масс города и деревни каждый раз терпели поражения вследствие полной неорганизованности и малой политической зрелости масс, не умевших до сих пор в своей борьбе с большевистской властью

подняться до понимания обще государственных задач и методов этой борьбы.

«Распыленность демократии города и деревни, психологическая усталость, глубокое разочарование в своих чаяниях, деморализация и значительная деклассация широких слоев трудящихся в результате уродливого социального экспериментаторства большевиков — все это представляет собой наибольшую угрозу делу революции, является тем подводным камнем, на котором она может потерпеть последнее и окончательное для долгого периода лет крушение.

«Поэтому первой и основной задачей партии для ближайшего момента является работа по организации активных сил города и деревни и идейной кристаллизации широких масс трудящихся классов.

«В этой работе партия должна выдвигать свой основной лозунг — последовательной системы народовластия, как единственной политической системы, обеспечивающей развитие народной самостоятельности, этого основного условия победы революции и социалистического строительства.

«Не упуская вместе с тем никаких возможностей открытой работы в тех общественных органах, которые под давлением жизненной необходимости создали или должны будут создать большевики, партия должна выявлять скрытые в них классовые противоречия, подчеркивая свою позицию «третьей силы», силы трудовой демократии.

«Как в первый подготовительный период, так и в дальнейшей борьбе, партия должна строго отмежевываться от всех элементов справа, отказаться от какой либо, хотя бы временной, хотя бы тактической коалиции с буржуазией.

{121} «В связи с этим руководящие партийные органы должны принять самые решительные меры к устранению на будущее всех попыток навязать партии отвергаемые ею методы и цели, и к недопущению самой возможности сепаратной политики, как отдельных товарищей, так и целых организаций». Резолюция X Совета об Интернационале гласит:

«Подтверждая обращение Ц. К. в Венское Бюро Международного Объединения Социалистических Партий от 23-го апреля 1921 г., X Совет П. С. Р. поручает, со своей стороны, заграничной делегации принять самые энергичные шаги к проведению его в жизнь. Вместе с тем Совет поручает избираемому им Партии по вопросу о восстановлении боевого революционно-социалистического интернационала.»

Особый интерес представляет декларация об общей политики партии, составленная и подписанная в тюрьме вождями партии, членами Ц. К., осужденными теперь большевиками на «условную смертную казнь».

В письме к новому Центральному Бюро партии по поводу резолюции X Совета они пишут (5 сентября 1921 г.):

«Дорогие Товарищи!

«С радостью мы узнали о благополучном исходе X-го Совета Партии.

«Это огромная и моральная и политическая победа нашей партии, свидетельствующая с несомненностью, что все жестокие гонения и

преследования, обрушившиеся за последнее время на партию Социалистов-Революционеров, бессильны были сломить ее моральный дух и потушить ее революционный энтузиазм. Загнанная в подполье, сметенная с открытой арены политической борьбы, изгнанная из всех легальных организаций, преследуемая властью с неслыханной жестокостью, распинаемая и заушаемая клеветой и растленной ложью, партия Социалистов-Революционеров, ни на минуту не выпускала из своих рук старого славного знамени, не покидала своего революционного поста, стойко боролась в первых рядах рабочего класса, и в дни революционных бурь, и в дни временного затишья, во имя революционного социализма и демократии.

К каким только грязным {122} приемам, недостойным методам, бесчестным средствам ни прибегала власть в своей борьбе о партией Социалистов-Революционеров! От клеветы до провокации все было мобилизовано и брошено на этот фронт большевистской властью. И не только недругам, но и малодушным друзьям порой казалось, что партия не справится с бурей преследований, не устоит под ударами, обрушившимися на нее, и падет, раздавленная тяжестью гонений, истекающая кровью, разорванная в клочки, распыленная.

«Х-й Совет — лучший и красноречивый ответ и недругам и малодушным друзьям. Самый факт созыва многочисленного Совета в момент разгара большевистского террора в пределах Советской России — непреложное свидетельство глубокой жизненности нашей партии. На разгром Центрального Комитета Партия ответила не растерянностью и паникой, а еще более тесным сплочением поредевших рядов и новой мобилизацией работников среди пролетариата и трудового крестьянства.»

Нарисовав картину положения страны, авторы письма говорят:

«Два пути открывались перед большевистской властью, две возможности лежали перед ней. Она должна была, либо круто порвав со старыми методами диктаторского господства и со старыми приемами бесконтрольного, монополично-партийного управления, вернуться к демократии, протянуть руку всем социалистическим партиям, чтобы общими усилиями, опираясь на раскрепощенную самостоятельность самих трудящихся масс, спасти от крушения все то, что можно еще спасти свободным героическим напряжением воли трудящихся из достижений революции. Ибо она должна была пойти на капитуляцию перед иностранным и отечественным капиталом, пойти, посыпав голову пеплом и с веревкой на шее, в капиталистическую Каносу.

«На первый путь звали большевистскую власть и гром кронштадтских пушек, и бесчисленные голоса петроградских и московских пролетариев, и та наиболее сознательная часть трудового крестьянства, которая, разочаровавшись в {123} партизанщине и повстанчестве, жадно искала выхода из мучительного тупика, и социалистические партии, лишь чутко отражавшие настроение рабочего класса.

«Но коммунистическая партия, охваченная одной только мыслью удержания власти в своих руках во что бы то ни стало и какой бы то ни было ценой, соглашению с социалистической демократией и примирению с рабочим классом предпочла путь капитуляции перед отечественным и

иностранным капиталом, путь соглашения с международной и своей — новой и старой — буржуазией.

«В этом весь смысл столь пышно возведенной Лениным «новой экономической политики» большевизма, рекламируемой растленными перьями продажных казенных публицистов, как «мудрый стратегический маневр», как «глубокий обход с тыла», или «хитро задуманное обходное движение», которое должно через расцвет мелкой промышленности, торговли, кредита, банков, через реставрацию X тома Свода Законов и восстановление прав частной собственности, через укрепление основ буржуазного строя привести нас к коммунизму.

«Но большевистская власть, восстанавливая одной рукой хозяйственные отношения буржуазного строя, а другой — удушая со все большим ожесточением самодеятельность и выявление воли трудовой демократии, готовит себе в наследники буржуазную реакцию.»

Охарактеризовав политику советского правительства, как «большевистский термидор», авторы письма продолжают:

«X Совет совершенно правильно заявляет в своей основной резолюции, что главным центральным заданием, властно выдвинутым развитием событий последнего времени, является преодоление диктатуры правящей парии, политическая борьба с самодержавием Центр. Ком. Коммунистической партии. В этом — основная сущность, жизненный нерв, главное содержание переживаемого момента.

«Но в силу этого этот пункт нашей платформы требует сугубо отчетливой формулировки. Партия социалистов-революционеров в прошлом — в лице {124} своего Центрального комитета — неоднократно уже заявляла, что хотя ликвидация большевистской диктатуры и является основной целью всех политических устремлений партии, но далеко не всякую ликвидацию она будет приветствовать, и не всякую борьбу против нее она будет поддерживать. Отметая самым решительным образом идею коалиции с буржуазными группировками, Центр. Ком. тем самым определенно подчеркивал, что для него приемлема ликвидации большевистской диктатуры, только во имя демократии и только силами пролетариата и трудового крестьянства.

«Рассеивая иллюзию о возможности мирного демократического перерождения большевистской диктатуры, партия соц.-рев. должна особенно фиксировать внимание масс на опасности готовящейся смены большевиков реакцией и на необходимости для пролетариата и трудового крестьянства в решительную минуту не только утвердить на место большевистской диктатуры народовластие, но и защитить последнее против всяких посягательств реакции.

«Именно поэтому Центральный Комитет неустанно подчеркивал, что в своей непримиримой борьбе с большевистской диктатурой, он считает возможным звать трудящиеся классы только на те пути борьбы, которые, быть может, и не сулят решительных успехов, но за то в самом процессе борьбы способствуют сплочению, организационному объединению, идейной консолидации рабочего класса. Исходя из этой точки зрения, Центральный Комитет постоянно отвергал методы партизанщины и повстанчества, как распыляющие единство трудящихся,

расточающие бесплодно народные силы, рассеивающие революционную энергию рабочего класса в ряд разрозненных вспышек, внутренне обессиливающих его.

«Мы не сомневаемся, что Совет разделял главные черты очерченной выше политики. В этом нас убеждают и те пункты в резолюциях Совета, где он решительно осуждает подмену классовой революционной социалистической политики трудящихся масс, как политиканством отдельных зарубежных групп, пытающихся вновь, вопреки ясно выраженной воле {125} партии, увлечь ее на путь бесплодных соглашений с буржуазными элементами, лишь тормозящих ее работы среди рабочего класса России, так и авантюризмом отдельных, оторвавшихся от основного ствола партии ячеек, на свой страх и риск примыкающих к разрозненным повстанческим движениям. Но именно поэтому мы считаем нужным указать на некоторую неясность формулировки в той части резолюции, где говорится о том, что «вопрос о революционном свержении диктатуры коммунистической партии со всей силой жизненной необходимости ставится в порядок дня». Чтобы не впасть в противоречие со всем духом вышеизложенной концепции, под «революционным свержением большевистской диктатуры», следует разуметь лишь ликвидацию этой диктатуры силами революционных трудящихся масс, осуществляемую самостоятельным политическим выступлением этих масс, вне какого либо союза с классово враждебными рабочему классу группировками. Для нас ясно, что всего ошибочнее было бы вкладывать в данную формулу какое либо прикровенное признание методов партизанщины и повстанчества. Мы опасаемся, что неотчетливая и смутная формулировка этого пункта способна породить некоторую неясность в умах неопытных, политически неискушенных товарищей.

«Распыленность рабочего класса, дезориентация, царящая в его рядах, отсутствие крепких классовых организаций трудящихся, глубокая рознь, посеянная большевистской политикой между работниками города и деревни, все это заставляет партию социалистов-революционеров при данной внутренней и международной ситуации поставить, как основную и первоочередную задачу, сплочение трудящихся масс в партийные организации и классовые объединения в процессе напряженной, пропагандистской, агитационной и организационной работы. К разрешению этой задачи должны быть отныне прикованы все усилия избранного X-м Советом нового руководящего органа партии. Вне ее всякое выступление трудящихся неизбежно окажется преждевременным и приведет лишь к бесплодному расточению живой маневренной силы революции — рабочего класса.

«Но этот отказ для данного момента от метода вооруженной борьбы, когда при распыленности {126} трудящихся масс победа не достанется в руки революционной демократии, ведущей свое начало еще от IX Совета партии, конечно, отнюдь не означает ослабление той политической борьбы, которую вела и будет вести партия соц. - рев. за ликвидацию большевистской диктатуры. Вместе с вами мы склонны рассматривать X Совет, как клич к сбору всех распыленных партийных сил, как сигнал к мобилизации новых работников на смену вырванных из рядов партии террором большевистской власти.»

Приветствуя решение X Совета о присоединении к Венскому Интернационалу, авторы письма прибавляют:

«Мы надеемся, что вы напомним заграничной делегации партии о том, какая ответственная задача стоит сейчас перед ней. В связи с огромным ослаблением сил Республики, вызванным голодом, среди некоторых империалистических правительств Запада вновь оживают планы военной интервенции, надежда вооруженной рукой сокрушить большевистское правительство, а за одно и взять в железа всю русскую революцию. Эту новую угрозу, нависшую над революцией, заграничная делегация должна отвести энергичной кампанией среди западного пролетариата против интервенционистических замыслов их правительств. Но столь же решительно она должна выступать и против скрытых форм интервенции под прикрытием помощи голодающему населению России. Взывая ко всем классам Америки и Европы о спасении миллионов жизней наших граждан, — мы просим у них хлеба и только хлеба.

«Как ни дорога для нас идея Учредительного собрания, демократии, народовластия, но мы решительно отвергаем всякое вмешательство иностранных правительств в нашу борьбу с диктатурой коммунистической партии. Эти идеи должны быть завоеваны рабочим народом, а не ввезены в Россию на остриях иностранных штыков или выторгованы чужими правительствами, как условие помощи голодающим.

«На X-м Совете произошла смена выбывшего из строя часового новым. И сдавая важный ответственный пост, на котором вы призваны охранять старые революционные традиции Партии и ее старое славное знамя, мы должны вам передать и наш пароль и лозунг:

{127} «Социализм и демократия» — таков наш лозунг. «Объединение трудящихся города и деревни в борьбе с большевистской диктатурой во имя политического раскрепощения рабочего класса» — таков наш пароль.» Подписали это письмо члены Центрального Комитета Партии Социалистов-Революционеров: А. Р. Гоц, М. Я. Гендельман, М. А. Веденяпин, Д. Д. Донской, М. Я. Лихач, С. В. Морозов, Д. Ф. Раков, Е. М. Ратнер, Е. М. Тимофеев, М. С. Цетлин.

Такова в общих и беглых чертах политическая позиция партии с.-р. Мы не могли, конечно, дать в краткой статье исчерпывающее освещение роли партии с. - р. в революции, но того, что мы здесь сказали, достаточно для того, чтобы разорвать клеветнические измышления, распространяемые о партии за границей большевистскими агентами.

*Заграничная делегация
Партии Социалистов-Революционеров.*

Дальше дополнение – ldn-knigi:

[с исправлениями S.N., 2011]

Об Авторе :

<http://www.hrono.ru/biograf/voitinski.html>

Войтинский Владимир Савельевич (12 ноября 1885, Петербург - 11 июня 1960, США). Родился в семье преподавателя математики реального уч-ща [ставшего впоследствии профессором СПб Электротехнического Института — S.N.]. В 1904 поступил на Юрид. ф-т Петерб. ун-та. С ранних лет проявил матем. способности; написал работу "Рынок и цены: теория потребления и рыночных цен" (рекомендована к печати М.И. Туган-Барановским и опубл. с его предисловием в 1906). С 1905 чл. РСДРП, **большевик**. Участник Революции 1905-1907 (в Петербурге и Екатеринославе). [Бессменный председатель Совета безработных (1906 — 1907) — S.N.] В 1908 арестован, в 1909 приговорён к тюремному заключению [к каторжным работам, отбывал их в Александровском центале — S.N.]. С 1912 в ссылке в Иркут. губ., где **сблизился с меньшевиками**, особенно с И.Г. Церетели. В годы 1-й мир. войны начал отходить от большевизма (обвинял ленинцев в "пораженчестве", политике раскола с. - д. движения).

После Февральской революции 1917 с 20 марта - в Петрограде. 29 марта выступил с докладом на Всерос. (Мартовском) совещании парт. работников по вопросу об отношении к Врем. пр-ву:

"Будучи в корне своём контрреволюционным.... оно тем не менее по деятельности своей революционно... Все симпатии партий, образовавших Врем. пр-во, были направлены не в сторону участия в рев-ции, а противодействия ей... Врем. пр-во получило власть из рук народа. Совет РСД мог не признать его, и его не было бы. Почему же контррев. силы выполняют дело рев-ции? Почему рев. демократия не взяла в свои руки власть, а передала её в руки умеренно-либеральной буржуазии?.. когда была возможность осуществить диктатуру демократии, взять тогда власть в свои руки - значило погубить бурж-демокр. рев-цию. Пролетариат не справился бы с анархией... взять власть в руки социалистам было невозможно... Они выполняют, ненавидя нас, не скрывая этого, нашу рев. программу... ввиду этого внутр. противоречия необходим контроль со стороны Совета РД. Пока контроль этот есть, оно программу осуществит... Милюков со списком министров вышел за утверждением к Совету РД; угроза отставкой была также обращена к Совету РД, т.е. к Совету РД обращались с тем, о чём в конституц.-монархич. странах обращаются к монарху... Взять власть целиком в свои руки невозможно при бурж. строе... наша задача - орг-ция сил, подготовка к переходу власти в наши руки..." ("Вопросы истории КПСС", 1962, №5, с. 114-15); вошёл в комиссию по выработке резолюции. На собр. большевиков и меньшевиков - участников Всерос. совещания Советов 4 апр. настаивал на объединении с меньшевиками, избран чл. оргбюро по подготовке Объединит, съезда РСДРП; резко возражал против Апр. тезисов В.И. Ленина: "Мы все объединимся без него и против его программы, придуманной в поезде" ("Единство", 1917, 5 апр.). [Участвовал в работе Апрельской конференции большевистской партии, поняв, что партия становится на ленинские позиции, ушёл. - S.N.] В нач. апр. перешёл к меньшевикам, где присоединился к сторонникам Церетели - "рев. оборонцам". Был чл. исполкома Петрогр. Совета РСД. 23 апр. избран чл. Бюро исполкома Петрогр. Совета РСД. 30 апр. на многотыс.

митинге в Кронштадте доказывал необходимость создания коалиц. пр-ва, но поддержки матросов не получил. 1 мая вошёл в комиссию исполкома Петрогр. Совета для переговоров с Врем. пр-вом по поводу Апр. кризиса и условий вхождения в пр-во социалистов. 12 мая введён исполкомом в редакцию "Известий Петрогр. Совета". 2 июня на совещании с.-д.-делегатов 1-го Всерос. съезда Советов РСД в докладе о власти предложил поддерживать коалиц. Врем. пр-во, т.к. коалиция диктуется тем, что "огромная часть населения, крест-во, правее нас" ("Рев-ция 1917", т. 3, с. 13-14). От имени фракций меньшевиков и эсеров выступал на съезде с резолюцией в поддержку наступления на фронте, говорил, что солдаты и офицеры "выполняют свой долг перед рев-цией там. на полях сражения" ("1-й Всерос. съезд Советов", т. 2, с. 88-89). В докладе на секции по нац. вопросу указывал, что нац. вопрос может быть решен Учред. Собр., что надо высказаться против попыток захватным порядком решить на местах нац. вопрос. От меньшевист. фракции избран чл. ВЦИК, затем и чл. Бюро ВЦИК.

В период Июльских событий по поручению ВЦИК вечером 3 июля выступил перед солдатами 1-го пулемётного запасного полка, пришедшими к Таврическому дворцу с требованием передачи всей власти Советам, призывая "к преклонению перед волей всей демократии" и предлагая им разойтись ("Известия", 1917, 4 июля). Был чл. особой Воен. комиссии ВЦИК и Исполкома Всерос. Совета КД для восстановления и поддержания рев. порядка в Петрограде.

5 июля на объединённом заседании ВЦИК и Исполкома Всерос. Совета КД доложил о мерах, принятых в ходе Июльских событий:

"...У входных дверей Таврического дворца стояло только 6 человек, которые не в силах были сдерживать толпу. Первая часть, пришедшая нам на помощь, - это броневые машины. У нас было твёрдое решение, в случае насилия "со стороны вооруженных банды" открыть огонь... боясь рисковать ослаблением фронта, но, видя всю опасность, грозящую революции, мы дали приказ некоторым частям грузиться и направляться сюда. Когда это стало известно в Петрограде, то произошёл перелом в сознании революционных войск Петроградского гарнизона... часть пришла нам на помощь... Но в городе по-прежнему царили вооружение банды... При разоружении нам пришлось особенно остро столкнуться с пулями "мирной кронштадтской демонстрации"... Мы выставили против них больше силы, чтобы избежать кровопролития. Тогда кронштадтцы сдались..." ("Рев-ция 1917", т. 3, с. 151).

Июльские события вызвали у Войтинского разочарование в возможностях революционного движения. По его просьбе в середине июля он был назначен комиссаром Врем. пр-ва на Сев. фронте, направлял усилия на укрепление армии, изоляцию большевиков, боролся с пораженческой пропагандой. По воспоминаниям генерала П.Н. Краснова, это был "... идейный человек, ставший на защиту армии от разрушения" (Краснов П.Н.. На внутреннем фронте, Л., 1925, с. 48). В конце августа участвовал в ликвидации выступления ген. Л.Г. Корнилова. Чл. президиума Всерос. Демокр. совещания. 16 сентября выступил с предложением ряда мер для повышения боеспособности армии, первоочередная из них - твёрдая революционная власть, к-рой доверяет демократия. 21 сентября от имени спец. комиссии предложил совещанию проект резолюции об образовании Всерос. Демокр. Совета Республики; после создания Предпарламента вошёл в его состав.

Узнав о созыве 2-го Всерос. съезда Советов РСД, подал 25 октября заявление об уходе с поста комиссара Сев. фронта, но, получив сведения, что ВЦИК 1-го созыва покинул съезд, взял заявление обратно и участвовал в подготовке отряда Краснова для похода на Петроград. Организовал встречу Краснова с А.Ф. Керенским утром 26 октября в Пскове и способствовал быстрому продвижению отряда; участвовал в сосредоточении частей Северного фронта, включая авиацию, для похода. С 27 октября находился в сводном отряде Краснова, осуществляя связь с ВЦИК 1-го созыва и Комитетом спасения Родины и Рев-ции. После поражения под Пупковым пытался организовать подкрепление с Сев. фронта. 1 ноября был арестован и отвезён в Смольный, затем препровожден в Петропавловскую крепость.

Освобожден в начале 1918 и вместе с И.Г. Церетели уехал в Грузию. Ред. [русскоязычной] газеты груз. меньшевиков "Борьба". В кон. 1920 выехал с делегацией груз. меньшевист. пр-ва в Италию. [Инициатор коллективной поездки руководителей социалистических партий Европы в Грузинскую Демократическую республику в 1920 г. - S.N.] С 1921 эмигрант. Поселившись в Германии, занимался науч. исследованиями в области экономики [с конца 1920-х руководитель Экономического отдела Объединения немецких профсоюзов. Автор (вместе с левыми профсоюзниками Фрицем Тарновым и Бааде) знаменитого WTB-Плана активной борьбы с кризисом с широким использованием методов государственного вмешательства в экономику. Осуществление WTB-Плана было сорвано из-за нерешительности руководства СДПГ и активного противодействия её главного экономического теоретика Рудольфа Гильфердинга — S.N.] ; после прихода к власти Гитлера переехал в Швейцарию [где работал в МОТ], в 1935 - в США. [Работал на высоких постах в администрации Рузвельта — по вопросам труда, борьбы с безработицей и социальной защиты — S.N.] В последние годы жизни окончательно отказался от марксизма.

Использованы материалы статьи Г.И. Ильяшука и А.А. Корникова в кн.: Политические деятели России 1917. биографический словарь. Москва, 1993

Сочинения:

К чему стремится коалиц. пр-во, П., [1917] Крестьянин, рабочий и солдат, П., 1917;

Ответственность министров при царизме и в рев. России, П., 1917;

Годы побед и поражений, кн. 1-2, Берлин -П.-М, 1923-24.

Литература:

Николаевский Б.И, В.С. Войтинский, "Соц. вестник", 1960, № 8/9;

Бургина А. Социал-демократическая меньшевистская литература. Библиографический указатель. Станфорд, 1968 г.

CASCADE RUSSIAN NEWSPAPER
Published in Baltimore Since 1995

Георгий Чернявский , Доктор исторических наук
[с исправлениями S.N., 2011]

ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Как большевик Владимир Войтинский стал советником президента США

Владимир Савельевич Войтинский родился 12 ноября 1885 года в Петербурге в семье преподавателя математики реального училища (позже его отец стал профессором Лесного [Электротехнического — S.N.] института).

Домашняя атмосфера, разносторонние интересы родителей - принявших христианство евреев, либерально мысливших разночинных интеллигентов второй половины позапрошлого века - обусловили острое внимание юного Владимира, его братьев Иосифа и Николая, сестры Надежды к русской и мировой литературе, истории и особенно к проблемам экономического и социально- политического развития общества. Родители привили детям не только разносторонние интересы, но и высокие нравственные требования и нормы. Младший брат Владимира Николай скончался в детстве [ошибка: в августе 1954 - S.N.]. Старший брат Иосиф и младшая сестра Надежда стали в СССР сравнительно известными в своей среде личностями.

Родившийся в 1884 году Иосиф уже в молодом возрасте приобрел репутацию видного юриста. Первые книги "Стачка и рабочий договор по трудовому праву" и "Коллективные соглашения об условиях труда" он издал в 1911 году, когда ему было 27 лет. В советское время Иосиф выпустил первый краткий учебник "Основы советского права" (1927), многочисленные исследования по трудовому праву, был блестящим лектором Ленинградского [ошибка: Московского — S.N.] университета. Но во время "большого террора" Иосифу Войтинскому припомнили и "юридический объективизм" (страшно подумать, в своих книгах он обсуждал возможность забастовки в советских условиях!), и политический путь младшего брата [и членство в меньшевистской партии во время гражданской войны - S.N.]. В середине 30-х годов имя Иосифа Войтинского перестало появляться в печати, а вскоре после этого он был арестован и расстрелян по приговору "особого совещания". [ошибка: он умер во время войны в закрытой больнице НКВД под Москвой. - S.N.]

В 1886 г. на свет появилась Надежда, ставшая художником и искусствоведем, юношеским писателем и переводчиком. И она не избежала сталинской дубинки, - в 1938 году была арестована за "антисоветскую агитацию", твердо держалась на допросах и через год, во время бериевской псевдооттепели, когда была освобождена незначительная часть политзаключенных, также вышла из тюрьмы, хотя

реабилитировали ее только через 15 лет. Надежда скончалась в 1965 г. В наши дни выставки ее работ прошли в Русском Музее и в других художественных галереях.

Девятнадцати лет Владимир Войтинский поступил на юридический факультет Петербургского университета. Он добросовестно штудировал правовые и экономические курсы (экономика изучалась именно на этом факультете), но наибольший интерес вызывали у него [теории Петражицкого и] проблемы теоретической экономии, к изучению которых юноша пытался применить математические методы - благо, способности к математике были им унаследованы от отца. Знакомство с историком и экономистом М.И. Туган-Барановским - видным либералом и сторонником так называемого "легального марксизма" [к 1904 году Туган перешёл на более левые позиции — S.N.] (приверженцы этого течения использовали марксову аргументацию для обоснования неизбежности капиталистического развития России и необходимости введения демократических свобод) привлекло внимание Владимира к спорам в среде русских последователей Маркса и к взглядам других западных экономистов, которые полемизировали с Марксом.

Поначалу теория стоимости, разработанная в "Капитале", воспринималась им сугубо критически, и за выступления на студенческих семинарах с ее нелицеприятным анализом Владимир даже получил прозвище "марксоеда". Более последовательной и логичной студент считал теорию предельной полезности австрийца Ойгена Бем-Баверка, которая разрабатывалась и другими обществоведами на Западе. Эта теория, противопоставляемая прибавочной стоимости, исходила из того, что ценность благ определяется соотношением оценок покупателя и продавца. Она подкупала большей жизненностью, чем абстрактные построения "отца научного социализма". Ей Войтинский посвятил свою первую книгу "Рынок и цены. Теория потребления и рыночных цен", написанную в основном еще тогда, когда автор оканчивал гимназию, и опубликованную в 1906 году с предисловием Туган-Барановского (почти через 60 лет эта работа была переиздана в США).

Но еще до этого бурные события 1905 года повернули жизнь Войтинского в совершенно ином направлении: 20-летний студент был охвачен стихией начавшейся революции, и его смелости, боевитости, энергии более импонировала большевистская тактика революционного напора на царизм с перспективой "перерастания" революции в социалистическую (именно так формулировал существо своей тактики большевистский лидер Ленин [Ленин, как и Каутский это подразумевали, но такими словами не формулировали. Такой всегда была официальная позиция партии эсеров, осенью 1905 её по сути восприняли социал-демократы, причём меньшевики тогда оказались левее большевиков. - S.N.]), чем более осторожная линия меньшевиков и тем более мирно-конституционные планы либералов.

Вскоре Владимир Войтинский, вчерашний "марксоед", так и не ставший последовательным марксистом, по крайней мере, в ленинском истолковании термина (впрочем, этого от него никто и не требовал, прагматические соображения были куда важнее), начал сотрудничать в большевистской печати. Юношу среднего роста с огненно-рыжими всклокоченными волосами охотно слушали на студенческих собраниях и рабочих митингах. У Войтинского была сильная близорукость, но, выступая, он не страдал от этого, так как очень быстро привык

произносить свои речи не только без текста, но даже без конспектов или записок. Известный в то время в социал-демократических кругах под псевдонимом Сергей Петров, Владимир проявил инициативу в создании профсоюза приказчиков, а вслед за этим стал руководителем Совета безработных Петербурга (сам он безработным не был, но над этим никто тогда не задумывался). Он [в действительности - рабочие активисты, уволенные в результате всеобщего локаута в Петербурге 1905-06 годов, но при активном участии «Сергея Петрова». См прекрасное исследование Н. В. Михайлова «Совет безработных и рабочее движение Петербурга в 1906-1907 гг.» СПб: ИРИ РАН, 1998 – S.N.] развернул кампанию, в результате которой столичная Городская Дума выделила Совету безработных средства для организации общественных работ и раздачи бесплатных обедов.

К 1906 [ошибка: 1907 – S.N.] году относятся и первые контакты молодого социал-демократа с воинскими частями - результатом стал написанный им наказ подразделений гарнизона, адресованный социал-демократической фракции Второй Государственной Думы. [по существу это было провокацией охранки с целью дать в руки Столыпину документ для обоснования постановки в Думе вопроса об аресте с.-д. фракции. Правительство знало о готовящемся большевиками широкомасштабном выступлении русских войск в Финляндии, но не хотело представлять в Думе эти секретные данные - S.N.]

В ноябре 1905 и в январе 1906 годов Войтинский подвергался арестам, но в условиях продолжавшегося еще бурного общественного подъема его вскоре освобождали.

Наш герой не раз встречался с Лениным. Вначале он был очарован лидером крайне революционной социал-демократической фракции. Но постепенно авторитарные повадки "старшего товарища", непререкаемость его суждений, их злобный тон, истеричность, многократные повторения одних и тех же утверждений, которые Ильич как бы стремился вколотить в головы своих слушателей, начинали вызывать раздражение, а затем и неприязнь. [несмотря на критическое отношение, всё возраставшее с весны 1917, а особенно в период большевистской диктатуры, «неприязни» к Ленину как личности у Войтинского не сформировалось. См его мемуары, изданные в 1924 и 1961. В отличие от таких личностей, как, например, Зиновьев, а с 1917 и Троцкий. - S.N.] Однако Войтинский в то время относил это чувство еще только к личности человека, который волею истории возглавил революционно-экстремистское течение в более или менее единой тогда еще социал-демократической партии, но не к большевистской программе и тактике по существу. Политическое прозрение придет позже.

В начале [ранней осенью, когда стало ясно, что режим, установленный третьеиюньским переворотом, это надолго- S.N.] 1907 года Войтинский отказался принять предложение Ленина бежать за границу, чтобы стать там руководителем [членом редакции — S.N.] большевистского журнала, и в третий раз он был арестован уже после государственного переворота, организованного главой правительства Столыпиным летом 1907 года. Жандармы взяли Владимира 15 октября 1907 года, но он смог бежать из арестного дома на Васильевском острове, перешел на нелегальное положение и по заданию большевистского центра уехал в Екатеринослав, где примерно месяц возглавлял партийную организацию большевиков.

Здесь в январе 1908 года его застал четвертый и последний арест. Два года - до суда в мае 1909 г., вынесшего приговор (четыре года и восемь

месяцев каторжных работ) и непосредственно после него - Войтинский провел в Екатеринославской тюрьме.

По сравнению с другими тюрьмами тогдашней империи Екатеринославский централ отличался особо тяжкими условиями. Переполненные камеры, грязь, эпидемии, избиения и даже убийства заключенных - таковы были ее реалии. Для Войтинского они стали источником нового опыта, который был положен в основу меморандума, нелегально переданного в социал-демократическую фракцию Третьей Государственной Думы и использованного ею в парламентских выступлениях. Вскоре Войтинский написал серию ярких очерков о тюремных порядках, печатавшихся в журнале "Русское богатство" и других первоизрядных периодических изданиях.

Попытка бежать из тюрьмы, точнее из сыпнотифозного барака, куда он был переведен, симулировав болезнь, оказалась неудачной. Из Екатеринославского централа в 1910 году Войтинского перевели по этапу в Александровскую каторжную тюрьму, находившуюся рядом с Иркутском, где он и провел оставшуюся часть заключения (срок пребывания в тюрьме включал и предварительный арест).

С конца 1912 года Войтинский находился в ссылке вначале в селе Илкино [Жилкино – S.N.], а затем в Иркутске. Этот город был в то время центром общественно- политической и культурной жизни Восточной Сибири. Здесь Владимир участвовал в попытках создания социал-демократической печати. В 1914-1915 гг. ему вместе с единомышленникам и удалось выпустить всего лишь два номера журнала, носившие разные названия: первый - "Сибирский журнал", второй - "Сибирское обозрение". Он активно занимался журналистикой. В 1913-1916 гг. одна за другой в местных издательствах вышли его книги "Призраки" (о жизни заключенных), "Безработица и локауты", "Вне жизни: Очерки тюрьмы и каторги" (частично в этой книге были использованы материалы работы "Призраки"), "Евреи в Иркутске", "В тайге". Статьи Войтинского публиковались не только в иркутских журналах "Сибирское слово" и "Новая Сибирь", но также в столичных периодических изданиях и в западной социалистической печати.

[источник: Суд над социалистами — революционерами (июнь — август 1922г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2002 сост.: С.А.Красильников, К.Н.Морозов, И.В.Чубыкин — приложение]

Содержание:

I. ПРЕДПРОЦЕССНАЯ СТАДИЯ:

- Политическое обеспечение (П1 — П21)**
- Документы предварительного следствия и Верховного Революционного трибунала (П22 — П43)**
- Документы, исходящие от подследственных (П44 — П50)**
- Документы организаций ПСР и РСДРП в Советской России (П51 — П55)**
- Документы зарубежных организаций ПСР (П56 — П64)**
- Документы представителей и организаций международного социалистического движения (П65 — П67)**

II. ПРОЦЕСС:

- Документы органов власти о ходе процесса (П68 — П74)**

Из выступления Рязанова на IX московской губпартконференции 25 июня 1922 (П72)

Заключительное слово Каменева на IX московской партконференции [ответ Рязанову] (П73)

- Выступления подсудимых на суде (П75 — П89)
- Документы, исходящие от обвиняемых (П90 — П91)
- Отклики на процесс (П92 — П101)

III. ПОСЛЕПРОЦЕССНАЯ СТАДИЯ:

- Документы органов власти (П102 — П118)
- Документы, исходящие от осужденных (П119 — П124)
- Кампания в поддержку осужденных (П125 — П128)

I. ПРЕДПРОЦЕССНАЯ СТАДИЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

№ П-1

Письмо полномочного представителя ГПУ по Сибири И.П. Павлуновского начальнику Секретного отдела ГПУ Т.П. Самсонову о препровождении в Москву для дачи показаний И.С. Юдина и В.И. Игнатьева

14 марта 1922 г.

Лично

Начальнику Секретного Отдела ГПУ. тов. Самсонову.

Уважаемый товарищ.

При сем препровождаю с.-р. Юдина и н.-с. Игнатьева.

Вы уже знаете, что Юдин вышел из партии с.-р., а Игнатьев из партии н.-с. Поэтому они могут дать ценный материал для процесса. Весь вопрос в получении от них этого материала. Я уже говорил по этому поводу с Игнатьевым. Выясняется, что в форме показаний он вряд ли эти материалы даст, считая для себя этот способ неприемлемым, но он не отказывается дать весь материал, ну хотя бы в форме целого ряда воспоминаний фактического характера в Советской прессе.

Что же касается содержания их^а под арест[ом], мне казалось бы, что эта мера уже не целесообразна, и мое мнение, что их в Москве можно было бы освободить. В тюремной обстановке, вряд ли, Юдина и Игнатьева можно максимально использовать. Но^б их окончательно можно выпотрашить^в, предоставив право проживания на воле. Но это Вам там виднее, я только высказываю свои соображения.

Мое мнение, что дать ценные показания по процессу могут следующие члены Крестьянского Союза Сибири: Юдин, Игнатьев и Тяпкин. Тяпкин и Юдин, главным образом, могут установить связь с ЦК Партии с.-р. и Омского Комитета п.с.р. с Крестьянским Союзом. Юдин и Тяпкин были членами Омского Комитета П.-ср. Юдин о Крестьянском Союзе имел разговоры с Гернштейном^г.
^аОстальные члены Крестсоюза барахло. Члены Красноярского Крестсоюза разстреляны^д.

^а Вписано от руки над строкой.

^б Вписано от руки.

^в Так в документе.

^г Так в документе, здесь и далее следует Герштейном, Герштейн.

^д Вписано Павлуновским от руки.

С товарищеским приветом   Павлуновский
П.С.: Сообщаю Вам, что Федорович и Гернштейн, когда им было объявлено, что они едут в Москву, передавали членам Крестьянского Союза следующее: что их де везут в Москву для переговоров о власти. Хотел бы я видеть их рожи, когда вместо переговоров о власти они *в Москве³ получили Трибунал.

Павлуновский

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 51–52. Машинописный подлинник на бланке представительства ГПУ по Сибири. Подпись – автограф. На л. 51 штамп Секретного отдела ГПУ о получении от 21 марта 1922 г.

№ П-2

*Записка Л. Д. Троцкого в редакции центральных газет
о необходимости контрпропагандистских мер в связи
с травлей в эмигрантской печати бывших эсеров Г.И. Семенова и Л.В.
Коноплевой*

19 марта 1922 г.

В РЕДАКЦИЮ «ПРАВДЫ»
В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИЙ»
копия ПОЛИТБЮРО ЦК

Вся эмигрантская печать травит Семенова (Васильева), как ренегата. «Руль» иначе не называет его. Надо полагать, что и «Новое Время» считает его ренегатом общего священного знамени. Я полагаю, что нашей печати надо дать политическое и психологическое разъяснение и оправдание образа действий Семенова, Коноплевой и др. Нельзя ни в коем случае создавать впечатления, будто бы в оценке Семенова мы^а молчаливо сходимся с эсерами, но только считаем нужным использовать его.

Л. Троцкий

19 марта 1922 г.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 13. Машинописный подлинник, подпись – факсимиле. Вверху листа справа штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 116, п. 8 от 23 марта 1922 г.

№ П-3

*Постановление ЦК РКП(б) о необходимости
использования находящихся за границей видных
большевиков Л.С. Сосновского и Ю. Ларина с целью ведения
контрпропаганды против меньшевиков и эсеров¹.
Из протокола заседания Политбюро № 3, п. 20*

от 20 апреля 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

20. – О работе т. Сосновского.

а) Предложить т. Сосновскому по возвращении с Генуи остаться на три месяца в Берлине с целью контрагитации против меньшевиков и эсеров.

б) Поручить т. Троцкому отправить Сосновскому через т. Крестинского соответствующую директиву.

в) Поручить т. Ларину во время его пребывания в Германии принять участие, если позволит здоровье, в разоблачениях в печати неправильности выдвигаемых против коммунистов меньшевиками и эсерами обвинений.

СЕКРЕТАРЬ ЦК.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 14. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

^{ж-3} Впечатано над строкой.

^а Вписано от руки над строкой.

№ П-4

*Письмо членов комиссии Политбюро ЦК РКП(б) («тройки») Г.Е.
Зиновьеву о позиции Коминтерна
в связи с подготовкой процесса*

29 апреля 1922 г.

Совершенно секретно.
Лично.

ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ.
Тов. ЗИНОВЬЕВУ.

Если считаете безусловно необходимым дать разъяснение Коминтерна, то, по нашему мнению, оно должно иметь характер действительного разъяснения заявления т. Курского, который даст ясную и отчетливую опору в том смысле, что обязательства, данные представителями нашей партии, будут выполнены. Курский объясняет: суд, независимо от данных политических обязательств, будет решать по совести, сообразно со следствием дела. Если бы, однако, суд вынес кому[-]нибудь из обвиняемых смертный приговор, то выполнение нами политического обязательства состояло бы в амнистии через высший политический орган страны, через Президиум ВЦИК. Всякие в этом смысле лже-толкования являются прямым и злым умалчиванием ясного и точного заявления т. Курского. Но есть другая сторона, которую нельзя обойти: дает ли это обязательство с нашей стороны ЦК партии Эс-еров, и в том числе тем его членам, которые сидят в тюрьме и фактически сносятся с волей, право участвовать^а в террористической вооруженной борьбе с советской властью? Или же соглашение предполагает и обязательство другой стороны отказаться от методов вооруженной борьбы? Об этой стороне молчать нельзя.

29 апреля 1922 г.

КАМЕНЕВ Л. ДЗЕРЖИНСКИЙ
ТРОЦКИЙ.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 27. Машинописная заверенная копия того времени.

№ П-5

*Протокол № 1
заседания комиссии Политбюро ЦК РКП(б) («тройки») по руководству подготовкой и проведением процесса*

29 апреля 1922 г.

С. секретно

ПРОТОКОЛ № 1
СОВЕЩАНИЯ ТРОЙКИ 29 апреля 1922 г.

Присутствовали: т.т. Каменев, Троцкий, Дзержинский, Луначарский, Крыленко, Уншлихт, Агранов.

Об обвинительном акте.

1. Заносится в протокол, что т. Луначарский опоздал на 15 мин.

2. Обвинительный акт в рукописи должен быть представлен тройке 15 мая к 12 час. дня, в зависимости от чего начало процесса наметить приблизительно на 20-е мая. Окончательный срок процесса установить после просмотра обвинительного акта.

3. Дать телеграмму т. Радеку:

Начало процесса намечено на 20-е мая. В зависимости от приезда заграничных защитников начало можно отсрочить до 23 мая, но никак не позже. Просим немедленно сообщить имена намеченных защитников и предполагаемый день их приезда.

По поручению Политбюро Каменев.

4. Обязать т. Крыленко завтра же разослать тройке список ответственных следователей по отраслям работы с тем, чтобы особому следователю было поручено детальнейшее изучение состава, деятельности, резолюций и пр. Ц.К. эсеровской партии.

5. Обязать т. Крыленко назначить ответственного человека, который мог бы из всех соответственных учреждений (Соц. Академия, Гос. Архив и пр.) собрать полный комплект всех партийных изданий эсеров, начиная с 17-го года, предложить ГПУ, т. Рязанову и т. Пок-ровскому временно предоставить в распоряжение т. Крыленко специального человека для подбора материалов.

^а Так в документе.

	Рекомендовать т. Крыленко в качестве библиотекаря т. Знаменского.
	6. Т. Крыленко снести с Вардиным и Яковлевым для выяснения местонахождения т. Шафира, вызвать его к прямому проводу и дать ему точное задание для получения обвинительных материалов по делу эсеров на Кавказе, в частности относительно Донского ² .
	7. Обвинительный акт написать пропагандистски, в том смысле, чтобы исходить из фактов, давать их внутреннюю связь, не предполагая у читателей и слушателей наличности готовых обобщений, а приводя их к этим обобщениям из обнаруженных следствием фактов.
	8. Обвинительный акт должен быть написан так, чтобы, переведенный на иностранные языки, мог послужить пропагандистской брошюрой в рабочем движении при строго деловом характере изложения.
О построении обвинения.	9. Одобрить предположения т. Крыленко.
Об объеме следственной работы.	10. Одобрить предположения т. Крыленко.
О количестве обвиняемых.	11. Одобрить предположения т. Крыленко.
Об инкриминировании в вину ^а деятельности эсеров в конце 1917-го года.	12. Одобрить предположения т. Крыленко и добавить: особенно выдвинуть, что октябрьский переворот в Петрограде, в центре политической жизни, произошел почти совершенно бескровно и что ⁶ фактическими инициаторами кровавой гражданской войны явилась, рядом с Красновым и др., партия эсеров против бескровной революции рабочего класса ^б .
О формуле подписи.	13. Одобрить предложение т. Крыленко.
Организационные вопросы.	14. Для полной согласованности следственного аппарата с предшествовавшей и текущей работой ГПУ и для устранения всяких трений, недоразумений и несогласованностей между этими двумя органами учреждаются периодические или по мере надобности совещания следователей под председательством т. Крыленко с участием в таких совещаниях т. Агранова, как представителя ГПУ, при чем по всем тем вопросам, где из хода работы вытечет необходимость прямого участия в ней т. Агранова, соответственные задания на него с согласия ГПУ возлагаются. Эти совещания ни в какой мере не изменяют общего порядка следствия, силой коего руководство и ответственность полностью и целиком остаются на т. Крыленко. Было бы желательно, чтобы т. Луначарский для собственной информации по возможности присутствовал на таких совещаниях ³ .
	15. Тройка рекомендует т. Крыленко привлечь в качестве защитников для известной части подсудимых т. Знаменского, Яковлева-Эпштейна, Евдокимова и, м[ожет] б[ыть], Вардина (Мгеладзе) по предварительному соглашению с обвиняемыми, а также поручить т. Знаменскому вместе с т. Аграновым организовать защиту коммунистов и отколовшихся, организовав группу защитников и обеспечив правильность и целесообразность ее работы с процессуальной стороны.
	16. Вопрос о председателе суда сейчас не решать. В качестве кандидатов называются: т.т. Карклин, Галкин, Глузман, Межин, Ульрих, Смирнов ⁴ .
	17. Обязать т. Луначарского немедленно оставить всякие работы кроме абсолютно неизбежных и неотложных по Наркомпросу и по партийной линии и сосредоточиться целиком на изучении процесса, особенно его политической стороны, во всей детальности и конкретности. (Довести это постановление ⁵ до сведения Оргбюро).
	18. Т. Крыленко освободить от партийной работы не безусловно необходимой и незаменимой и по возможности от других менее существенных судебно-административных работ.
	19. Считать безусловно необходимым полное освобождение т. Розмирович на время подготовки процесса от работ по РКИ.
	20. Обязать ГПУ освободить т. Агранова в

^а Так в документе.

^{б-в} Так в документе.

^г Исправлено взамен напечатанного ранее постановления.

максимальной степени от всяких других работ и обязанностей, кроме связанных с процессом.

21. Выразить пожелание, чтобы ГПУ в максимальной мере свои силы предоставило для этого процесса.

п/п за Председатель Л. Троцкий

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 2–3. Машинописный экземпляр того времени, заверенный секретарем Л.Д. Троцкого М. Глазманом. Внизу на л. 3 рукописная помета о рассылке копий протокола Л.Б. Каменеву, Ф.Э. Дзержинскому, Н.В. Крыленко.

№ П-6

Протокол № 2
заседания комиссии Политбюро ЦК РКП(б) («тройки»),
созданной для руководства процессом

6 мая 1922 г.

Совершенно секретно.

ПРОТОКОЛ № 2
Заседания ТРОЙКИ
6 мая 1922 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т.т. Троцкий, Каменев, Дзержинский, Зиновьев, Бухарин, Луначарский.

П о с т а н о в и л и:

1. Послать шифром телеграмму т. Радеку⁵.

В соответствии с точным текстом протоколов берлинского соглашения Коминтерн вошел в соглашение с Наркомюстом относительно допущения поименованных Вами десяти лиц, в качестве защитников, на процессе эсеров, и получил от Наркомюста нижеследующий ответ:

Наркомюст считает возможным допустить в Россию в качестве защитников перечисленные 10 лиц^а.

Но, принимая во внимание, что некоторые из них (Сухомлин, Комяков^б, Гуревич) являются активнейшими членами партии эсеров, которая вела и продолжает вести против советской республики вооруженную борьбу в условиях непрекращающегося военно-капиталистического окружения Советской Республики и особенно в данный момент, когда наглые империалистические требования, предъявленные России, в чрезвычайной мере затрудняют ее международное положение, Наркомюст считает необходимым создать такие условия пребывания защитников, связанных единством политической позиции и фактической круговой порукой солидарности с непримиримыми врагами советской Республики, которые исключали бы возможность их активно-враждебной деятельности против советской республики во время их пребывания на ее территории. Само собой разумеется, что эти меры ни в какой степени не будут стеснять или ограничивать свободу действий защитников в пределах их прямых задач^в.

2. Поручить т. Бухарину, Суварину и Стеклову здесь, Радеку в Берлине начать печатание в «Правде» и «Известиях» серии статей, посвященных специально выяснению и разоблачению личности выдвинутых 2-м и 2 1/2 Интернационалами защитников⁷. Необходимо, чтобы не позже 11-го мая биографии всех этих лиц были составлены, а потом пополнялись по мере получения сведений.

3. Послать шифром телеграмму Радеку:

Немедленно пришлите⁸ ряд статей, разоблачающих политическую деятельность и роль названных вами защитников эсеров. При составлении биографии Гуревича имейте в виду разоблачения «Накануне» о связи Гуревича с чехо-словацким правительством. Срок процесса назначен на 23 мая.

4. Бухарину и Суварину поручить соответственным иностранным делегатам составить краткие фактические доклады об убийствах, расстрелах и арестах коммунистов¹ (более яркие факты)^а в соответственных странах при участии социалистических партий, члены которых входят в число защитников.

5. ГПУ назвать тройке лицо, на которое будет возложена ответственность за выполнение условий, указанных в телеграмме Курского.

6. Петроградскому, Московскому, Харьковскому и др. губкомам по соглашению с секретариатом Ц.К. поручить немедленное начало подготовки кампании по ячейкам с тем, чтобы она к началу процесса могла вылиться в форме демонстрации.

7. В тоже время указать редакциям «Правды» и «Известий», «Рабочей Москвы» и «Рабочего» на необходимость немедленно приступить к подготовке широкой кампании по поводу процесса⁸.

8. т. Луначарскому поручить в недельный срок написать популярную брошюру^{с9}.

9. Московскому Комитету издать прокламацию по поводу процесса.

10. Рекомендовать в большом количестве издать фотографии Урицкого и Володарского и распространить их как можно шире.

11. Ускорить написание и издание биографий Урицкого и Володарского и распространить в большом количестве.

^а Далее в тексте протокола пропуск.

^б Так в документе, следует Кобяков.

^в Исправлено от руки в документе взамен ранее напечатанного прислать.

^{г-д} Вписано от руки в текст документа.

^с Далее текст не прочитан.

12. Московскому Комитету накануне открытия процесса устроить публичное чествование памяти Урицкого и Володарского.

13. Истпарту составить список всех сколько-нибудь известных коммунистов, погибших в гражданской войне, в которой на стороне врагов принимали сколько-нибудь явное участие эсеры и меньшевики, в частности[,] в период господства Учр[едительного] Собрания в Поволжья и в Сибири¹⁰.

14. Истпарту поручить подбор всех фотографий, мемуаров, воспоминаний и пр., характеризующих кровавую работу союзников и эсеров во время гражданской войны.

Истпарту указать, какому именно лицу будет поручена специально эта работа.

15. Вызвать немедленно Невского из Петрограда для участия в этой работе.

16. Истпарту использовать материалы, собранные т. Меньшим.

17. Широко использовать все имеющиеся в нашем распоряжении фотографии и литографии для воспроизведения указанных выше снимков.

18. Составить соответственный плакат трагического характера. Для его редактирования создать комиссию из Бухарина, Луначарского и Дени¹¹.

19. Устроить выставку фотографий и пр[очих] материалов, характеризующих террористическую деятельность эсеров против советской власти, в частности альбом, собранный Бонч-Бруевичем по поводу покушения на Ленина.

20. Предложить Ц.К. утвердить в качестве исполнителей всей этой агитационной и организационной работы т.т. Бубнова и Малкина, ассигновав из сметы Ц.К. необходимые средства на расходы¹².

21. Утвердить т. Малкина в качестве ответственного секретаря тройки и передать ему все протоколы ее заседаний.

22. Послать шифром телеграмму Крестинскому:

Желательно участие Садуля в процессе эсеров в качестве свидетеля или защитника одного из подсудимых, ныне стоящих на нашей стороне. Разыщите Садуля и сообщите о возможности его скорейшего приезда.

23. Росте* выделить лицо, которое будет ответственно за информацию, связанную с процессом эсеров. Это лицо с Сувариным и Эберлейном должно составить тройку, которая будет мобилизо[вать], направлять и редактировать всю информацию по этому вопросу.

24. Комиссия Ц.К., всесторонне обсудив вопрос о процессе эсеров и об участии в ней виднейших представителей 2-го и 2 1/2 Интернационалов, констатирует, что процесс далеко выходит за пределы чисто русского события, получает международное значение, вовлекает все 3 Интернационала, возбуждает и еще более возбуждает в дальнейшем внимание к себе самых широких рабочих масс и поэтому считает необходимым вполне авторитетное участие в процессе представителей коммунистических партий, хотя бы наиболее крупных стран. В первую голову комиссия считала бы крайне желательным, если это сколько-нибудь осуществимо[,] участие т.т. Цеткиной, Фроссара, Бордига и др. в качестве либо обвинителей, либо защитников известной части обвиняемых, либо свидетелей или экспертов¹³.

25. Проверить, вызван ли Шафир т. Крыленкой. Если не вызван, то обязать его вызвать немедленно по прямому проводу, предложив Шафиру привести с собой всякие материалы, которые могут понадобиться на процессе эсеров. По приезде в Москву привлечь его к агитации, пропаганде, информации.

26. т. Каменеву вызвать к себе Краковецкого¹⁴ и Кутузова-Ильинского.

27. Поручить Петроградскому и Московскому губкомам организовать выступления рабочих по поводу процесса.

28. Поручить т. Луначарскому повидаться с Майским, чтобы определить направление и объем его показаний. Майскому подготовить политическую речь о правительстве правых эсеров¹⁵.

29. Начало процесса назначить на 23 мая¹⁶.

30. Затребовать от ГПУ совершенно точной справки о ходе следствия по поджогу в Баку, а также соответственный материал, выдержки из показаний и пр.¹⁷

31. Обратить внимание Трибунала на необходимость иметь известное количество переводчиков для перевода иностранных речей на русский язык. Что касается перевода русских речей на иностранные языки, таковых не допускать, предложив защитникам иметь специальных секретарей.

32. Тов. Крыленко поручить обдумать вместе с ГПУ вопрос о помещении и представить свои соображения к следующему заседанию комиссии.

33. Признать необходимым назначение т. Пятакова в качестве председателя Трибунала. В случае, если не будет возражений со стороны Политбюро, задержать его в дороге, отменить его поездку в Баку, вернуть в Москву и предложить немедленно приступить к работе.

34. Обязать т. Крыленко и т. Розмирович в двухдневный срок представить в распоряжение т. Луначарского все необходимые следственные материалы.

35. Признать желательным выступление т. Бухарина в качестве обвинителя. т. Бухарину ознакомиться с материалами и в двухдневный срок представить в письменной форме свои соображения по этому поводу.

36. Предоставить в распоряжение т. Луначарского и Бухарина – т. Васильевского в качестве секретаря.

37. Послать шифром телеграмму Радеку:

В виду того, что мы согласились на приезд защитников в Россию, предлагаем вам потребовать через девятку на началах взаимности допущения представителей Коминтерна для участия в процессе «Нового Мира» Чернова¹⁸, тем более что этот процесс тесно связан с московским процессом эсеров. Само собой разумеется, что это наше предложение не является условием для

* Так в документе, следует РОСТА.

допущения десятки в Россию, так как этот вопрос уже решен на основании вашего соглашения.

Председатель

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 4–6. Машинописная незаверенная копия того времени. Вверху л. 4 рукописная делопроизводственная помета: «Протокол Л.Д. Троцким еще не просмотрен. В случае каких-либо изменений будет сообщено дополнительно. Ст. делопроизводитель (подпись неразборчива)».

№ П-7

*Почтотелеграмма Л.Д. Троцкого И.В. Сталину
для опроса членов Политбюро о кандидатуре
председателя Верховного Революционного Трибунала
на период ведения процесса*

6 мая 1922 г.

Совершенно секретно

Обсудив всесторонне вопрос о кандидатах в председатели Трибунала и имея в виду чрезвычайную сложность дела, наличие в нем искусных в юридических делах иностранцев и пр., тройка остановилась на т. Пятакове, как на единственно подходящем кандидате из всех названных и настаивает на его утверждении в Политбюро^а.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 275. Л. 23. Машинописный подлинник, подпись – факсимиле. Вверху листа штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 6, п. 17. Внизу рукописная помета: «За Сталин». В деле также находятся (л. 24) результаты опроса, произведенного работником Секретариата ЦК Е.М. Шерлиной: «За – Сталин, за – Каменев, за – Зиновьев, за – Троцкий, за – Рыков со следующей поправкой «если не будет отвода со стороны самого Пятакова»».

№ П-8

*Письмо наркома просвещения А.В. Луначарского
председателю комиссии Политбюро ЦК РКП(б)
Л.Б. Каменеву о написании брошюры
по истории партии эсэров*

Не ранее 6 мая 1922 г.

Секретно

Председателю Комиссии при ЦК по руководству
процессом эсэров, тов. Каменеву.

Дорогой Лев Борисович

Мне заказана была популярная брошюра по истории эсэровской партии в недельный срок. Срок этот истекает в воскресенье, при самой напряженной работе я не успел и не успею написать брошюру к этому сроку. Она будет готова к среде. Писать совсем маленькую брошюрку мне не хотелось, у меня слишком много материала и жалко ничего не сказать читателю такой суммарной полулистовкой, поэтому я предпочитаю к среде доставить большую серьезную работу, листа в два (32 страницы), но я очень прошу взвесить, как отдать ее в печать, чтобы она вышла в ближайшее к процессу время, лучше всего во время его самого. Конечно, материал для обвинительной речи у меня будет шире, но тем не менее многое в этой брошюре будет представлять из себя существенные элементы общего плана атаки^а. Это меня несколько смущает. Я склоняюсь даже к мысли, что, может быть лучше издать брошюру на другой день после моей речи, а речь напечатать отдельно. Вообще между речью и брошюрой происходит у меня некоторое замешательство. Я очень был бы Вам благодарен, если бы Вы мне сказали свое мнение на этот счет. В конце концов все дело, конечно, только в сравнительной выгоде или невыгоде разоблачения заранее хотя бы части наших аргументов.

Нарком по Просвещению

А. Луначарский

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 36. Машинописный подлинник на бланке Наркомпроса, подпись – автограф. На листе рукописная помета: «С.-р. Арх[ив]».

№ П-9

*Письмо К.Б. Радека в комиссию Политбюро ЦК РКП(б) («тройку») по
подготовке процесса о ведении
контрпропаганды за границей*

10 мая 1922 г.

Тов. ТРОЦКОМУ, ДЗЕРЖИНСКОМУ, КАМЕНЕВУ, Копия т. ЗИНОВЬЕВУ.

Дорогие Товарищи.

1. Цеткина и Фроссар уже обязались ехать, других телеграфно известил. Садуля вероятно

^а Опуцен п. 2 почтотелеграммы, посвященный судьбе тела В. Кингисеппа.

^а Так в документе.

добудем. Кампанию против защитников уже начал. Материал, касающийся неизвестных мне ближе защитников, как Бонкур, "Ваутерс, Хадегуст"⁶, собираю. Разослал телеграммы с запросом о материале и все пришло, как только получу. Насчет Бонкура хорошо осведомлен Раппопорт⁸, который уехал. Труднее обстоит дело с информацией о русских защитниках. Насчет Сухомлина достаточно будет иметь его статьи, которые ясно показывают его физиономию. Я стараюсь здесь добыть полный комплект «Воли России» и «Голоса России», не будучи уверен, что он у Вас имеется.

2. Несмотря на все вопли о материале об эсерах, ничего не получил. Просил прислать хранящийся у Самсонова протокол эсеровской конференции с конца 20[-]го года, на которой решено создать боевую организацию, но не под флагом партии. Просил прислать книгу Зензинова о Колчаковщине¹⁹, которой здесь абсолютно нельзя добыть, Письмо Чернова²⁰, нами перехваченное и напечатанное – ничего не получил. Вести агитацию общими воспоминаниями нельзя. Они людям надоели. Надо давать конкретные вещи.

3. Прошу в Ваших телеграммах подчеркивать, что считаете нужным сообщать публично, а что для нашей информации. Я имел сомнения[,] сообщить ли о наших мерах предосторожности, принимаемых по отношению к эсерам-защитникам. Эти меры само собой понятны и вряд ли господа эсеры думают, что мы их не предпримем, но зачем это сообщать, ведь только дадим возможность развить демагогию. Если решение^е Наркомюста насчет средств предосторожности по отношению к Сухомлинову⁴ и К^о будет напечатано в русских газетах, то я, понятно, напечатаю это сообщение тоже в германской печати. В противном случае советую воздержаться от печатания.

4. Коминтерн требовал, чтобы мы затребовали от немцев допущения коминтерновских представителей к процессу «Нового Мира». Этот процесс отложен до осени. Когда соберется девятка, можем вопрос поставить. Тогда надо, знать, какого участия мы требуем. Требуем ли[,] чтобы русские адвокаты имели приступ^с к суду, или же, чтобы мы могли быть слушателями на процессе? Этого последнего незачем требовать, ибо процесс публичный.

5. Затребуйте от Исполкома Коминтерна, чтобы немедленно прислали воззвание, объясняющее популярно смысл процесса, дабы мы это воззвание могли опубликовать в день открытия процесса.

Привет

10.V. 22. Берлин

К. Радек

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 34–35. Машинописный подлинник, подпись – автограф. На л. 34 сверху справа рукописная помета: «С.-Р. Арх [ив]».

№ П-10

Протокол № 1

заседания Агитационной комиссии ЦК РКП(б)
(«тройки») по проведению антиэсеровской кампании
в связи с процессом

12 мая 1922 г.

ПРОТОКОЛ № 1

Заседания Агитационной Тройки по эсеровской кампании
от 12-го мая 22 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: Т. Т. ЯКОВЛЕВ, ВАРДИН и МАЛКИН.

С л у ш а л и:

П о с т а н о в и л и:

1) О тезисах тов. ЛУНАЧАРСКОГО к правозэсеровскому процессу.

2) О брошюре о партии с.-р. к процессу

3) Об издании биографии УРИЦ-КОГО и ВОЛО-ДАРСКОГО.

4) О специальном иллюстрированном издании к процессу эсеров

5) О выпуске 2-х специальных номеров Агитроста, посвященных эсерам

1). Тезисы немедленно сдать в печать с условием, чтобы 13-го Мая в 12 час. дня были готовы в количестве 10. 000 экз. для разсылки на места.

2). Брошюру тов. ВАРДИНА²¹ в 2 листа сдать в печать в субботу 13-го Мая утром для напечатания в 10. 000 экз.

3) Поручить тов. ФЛЕРОВСКОМУ совместно с тов. ГЕССЕНОМ подготовить биографи[и] к завтра, 13-го Мая.

4) Выпустить специальное иллюстрированное издание, рисующее разрушительную работу, покушение на т. ЛЕНИНА и др. вождей революции и вообще всю деятельность эсеров за время гражданской войны под ответственностью тов. МАЛ-КИНА.

5) Выпустить 2 специальных номера Агитроста до^а судебного процесса[,] посвященных работе эсеров.

^{а-б} Так в документе, следует Вотерс, Гаденгест.

^в Исправлено взамен напечатанного Раппопорт.

^г Напечатано над строкой взамен ранее напечатанного решили.

^д Так в документе, следует Сухомлину.

^е Так в документе.

^а Исправлено взамен ранее напечатанного для.

6) Об организации бюро Печати по снабжению материалами газет о эсерах.

7) Порядок расходования средств.

8) О заседаниях тройки.

6) Поручить тов. КОЛЬЦОВУ организовать Бюро Печати по снабжению Центральных газет и «Помощь Газете» материалами о эсерах под ответственностью тов. МАЛКИНА.

7) Ассигнования на расходы по агитации проводятся тов. ЯКОВЛЕВЫМ, остальные тов. МАЛКИНЫМ.

Заседания происходят по вторникам и пятницам в 11 час. утра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (Я. ЯКОВЛЕВ)

СЕКРЕТАРЬ: (РУДАКОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 13. Незаверенная машинописная копия того времени. Вверху справа рукописная помета, предположительно рукой Л.Б. Каменева: «Арх[ив]».

№ П-11

*Почтотелеграмма Л.Д. Троцкого членам «тройки»
о необходимости изменения характера агитационной
кампании в связи с предстоящим процессом*

13 мая 1922 г.

ПОЛИТБЮРО, Л.Б. КАМЕНЕВУ^а, Дзержинскому.

Считаю, что в агитации нашей по поводу эсеров мы берем сейчас явно неправильный тон, говоря об этой партии в целом, окрашивая ее прошлое, настоящее и будущее в одну и ту же краску.

Важнейшая политическая задача агитации: окончательно закрепить за коммунизмом тех бывших эсеровских рабочих и, вообще, тех бывших эсеров, которые уже вошли в партию или тяготеют к ней, посеять сомнение и колебание в новых кругах эсеров и, таким образом, изолировать эсеровские верхи.

В самом процессе мы опираемся на значительное количество эсеров, либо вошедших в нашу партию, либо поддерживающих ее. С этой точки зрения нам необходимо выдвигать то, что у этой партии, при ее мелко-буржуазной теории и авантюристских методах, было героическое прошлое, носителями которого были боевики-рабочие, наиболее самоотверженные элементы интеллигенции, и проч. и проч. Именно эти элементы, порывая с партией и переходя к коммунизму, спасают этим то лучшее, что в них было в подпольи, в героический период борьбы партии социал-революционеров.

Одним из важнейших доводов против руководящей клики должно быть то, что она использует ореол самоотверженных героев, как Сазонов, Каляев и пр. и пр. для прикрытия сделок с империалистами и т. д.

Только такой агитацией мы проникнем в новые круги, еще не свободные от влияния эсеров.

По той же причине не нужно придавать агитации крикливо-ругательного характера. Эсэрствующий или полу-эсэрствующий уже с первого слова ошарашивается по лбу крепчайшими эпитетами и, разумеется, перестает следить за ходом мыслей автора. Наоборот, надо, скорее, усвоить тон «сожаления» к обманутым и тон разъяснения им, на ярком примере, того, что они являются пушечным мясом контр-революции. Вся наша нынешняя агитация есть отголосок прошлого: старыми словами, на старой территории, против старых врагов. А нам нужно сейчас расширить, и очень широко расширить, рамки нашей анти-эсеровской агитации. Поэтому агитационный подход к делу должен быть по существу совершенно иной. Эти соображения тесно связаны с теми, которые я излагал по вопросу о заграничной агитации (так называемая инструкция т. Сосновскому). Полагаю, что нужно в том или ином виде эти указания преподать нашей печати: либо от имени секретариата ЦК, либо от имени Политбюро.

13/V 22

Л. Троцкий

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 37–38. Машинописный подлинник, подпись – факсимиле. Вверху л. 37 рукописная помета: «Арх[ив]».

№ П-12

Протокол № 2

*заседания Агитационной комиссии ЦК РКП(б)
(«тройки») по проведению антиэсеровской кампании*

16 мая 1922 г.

ПРОТОКОЛ № 2

Заседания Агитационной Тройки по эсеровской кампании
от 16-го Мая 1922 года

ПРИСУТСТВУЮТ: Т. Т. ЯКОВЛЕВ, ПОПОВ, ВАРДИН, МАЛКИН

С л у ш а л и :

П о с т а н о в и л и :

1) О напечатании тезисов Агитпропа ЦК в газете «Известия»

1) Выразить сожаление, что тезисы, выпущенные Агитпропом ЦК к процессу эсеров[,] появились в «Известиях» за фантастическими подписями.

^а Подчеркнуто в документе.

2) Об издании биографии тов. УРИЦКОГО

3) Об иллюстрированном издании.

4) О выпуске специального номера «Агитроста».

5) Об издании частной стенограммы о судебном процессе ВАДИМОМ ЧАЙКИНЫМ.

6) О проведении эсеровской кампании на местах

7) О формах агитации на местах

8) О тезисах для агитаторов.

9) О лозунгах кампании²².

10) О привлечении партийных литераторов к систематической работе в газетах на время кампании.

11) О статьях по разложению эсеровской партии.

2) Биографию т. УРИЦКОГО, написанную т. ФЛЕРОВСКИМ[,] сдать в Бюро Печати для напечатания в газетах и Госиздату для издания в виде брошюры с портретом тов. УРИЦКОГО.

3) Одобрить выпуск иллюстрированного издания приложением к газете «Известия», включив в него снимки, рисующие работу эсера бандита Антонова в Тамбовской губ. Тов. МАЛКИНУ к следующему заседанию представить один экземпляр издания.

4) Предложить тов. ФЛЕ-РОВСКОМУ не позже конца текущей недели выпустить первый номер Агитроста[,] посвященный эсерам.

5) Просить Политбюро дать директивы по вопросам о допустимости частного издания сте-нограм[мы] о процессе В. Чайкиным. С своей стороны Комиссия полагает, что частная стенограмма может выходить лишь при условии самой строгой цензуры.

6) Поручить тов. ПОПОВУ и ЯКОВЛЕВУ написать телеграммы всем Губкомам в связи с подготовкой и проведением процесса с.-р.

7) а)] Пресса; б)] Митинги с резолюциями с немедленным опубликованием в печати и посылкой в центр. в) Систематическая информация по телеграфу Агитроста через корреспондентов о ходе кампаний, г) Кампанией руководит тройка из Секретаря Губкома, редактора газеты и Заведывающего Агитпропом, д) Осветить специально работу эсеров в данной губернии, районе и проч., е) Аналогичные указания дать по военной линии.

8) Поручить тов. ВАРДИНУ на основе материалов обвинения сформулировать тезисы для агитаторов в 3/4 листа.

9) Поручить т. ВАРДИНУ к следующему заседанию Комиссии представить проект лозунгов к эсеровской кампании

10) Мобилизовать нижеследующих т.т.: ЛАЦИС, КАРПИН-СКИЙ, ДЕВИЛЬКОВСКИЙ^а, СТЕКЛОВ, ЗОРИН, НОВИЦ-КИЙ, ОВСЯННИКОВ, ВАРДИН, ПОПОВ, МИКОЯН, ХОТИМ-СКИЙ, ГЕССЕН, ЯКОВЛЕВ, КОЛЕГАЕВ, БИЦЕНКО, БЛОМ-КИН, АШМАРИН, КОЛЬЦОВ, МЕ-ЩЕРЯКОВ, ПОЛЯКОВ М., ЛЕ-ПЛЕВСКИЙ, СМОЛЯНСКИЙ Г., ШМИДТ Л., ПОКРОВСКИЙ М.Н., МЕЛКОВ, БЕРДНИКОВ, СВЕТ-ЛОВ, САПОЖНИКОВ, СОРИН, СТУКОВ, созвав таковых на совещание в пятницу в 11 час. утра для прикрепления к газетам.

11) а) Поручить тов. БИ-ЦЕНКО написать статью, дающую полную картину развала эсеровской партии за годы войны и революции

б) Тов. МИКОЯНУ написать статью о деятельности эсеров на Кавказе и в Туркестане.

в) О деятельности эсеров на Дальнем Востоке поручается написать т. ХОТИМСКОМУ и на Украине тов. ПОПОВУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я. ЯКОВЛЕВ

Секретарь: РУДАКОВ

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 15–15 об. Незаверенная машинописная копия того времени, вверху л. 15 рукописная помета предположительно рукой Л.Б. Каменева «Арх[ив]».

№ П-13

^а Так в документе, следует ДИВИЛЬКОВСКИЙ.

*Рапорт зам. председателя Верховного Трибунала
А.В. Галкина председателю Трибунала
Н.В. Крыленко с просьбой о предоставлении
ему отпуска на время процесса*

17 мая 1922 г.

Секретно

Председателю Верховного Трибунала тов. Н.В. Крыленко
Заместителя Председателя А.В. Галкина

Рапорт

По разстроенному здоровью прошу разрешить мне отпуск с 1 Июня 1922 г.

Я уже имею Ваше согласие на этот отпуск, но не с 1 Июня, а лишь по окончании процесса правых с-р'ов, в коем я назначен участвовать в качестве члена суда. Но я убедительно прошу Вас освободить меня от этого процесса и разрешить просимый отпуск по следующим соображениям.

Процесс с-р'ов, как известно, решено поставить под председательством совершенно постороннего Трибуналу товарища Пятакова, специально для сей цели делегируемого в Трибунал. Не вдаваясь в оценку политического момента такой делегации и не усматривая большой беды в уклоне процесса в сторону партийного диспута (чего очень желают подсудимые), я обращаю Ваше внимание на впечатление[.] какое она произведет неизбежно в общественных кругах как партийных так и безпартийных, в особенности же близких к трибуналу. Назначение кандидата в ЦК РКП. тов. Пятакова будет обязательно понято как желание Ц.К. повести процесс не только под секретной директивой^а Ц.К., но под явным, непосредственным и неослабным его руководством, а из практики Верх[овного] Трибунала мы знаем сколь вредно и компрометирующе отзываются на нем даже секретные директивы Ц.К., случайно получавшие некоторую огласку в своих кругах; в этом же случае ни для кого не будет секретом, что судит не трибунал, а Ц.К. и наличие двух других членов Суда (из Трибунала)[.] не влияющих на процесс и снабженных директивой для Совещательной комнаты[.] не изгладит впечатления. Я не знаю может быть с точки зрения Ц.К. так именно и нужно, но для судебного органа, да еще самого высокого в Республике, никакая гласная директива абсолютно не приемлема, от кого бы она ни исходила и как бы ни была необходима. Думаю, что в этом случае Вы разделяете мое мнение и доказывать его справедливость не надо.

Помимо сего те же общественные круги, среди коих нам приходится много вращаться, а также многочисленные провинциальные работники, подчиненные Верхтрибу, справедливо усмотрят в назначении постороннего председателя факт прямого недоверия к Верховному Трибуналу. Всем известно, что в Верхтрибе имеются председатели Карклин, Межин, Ульрих, заместители Галкин, Глузман и друг[ие], утвержденные Президиумом ВЦИК, не снятые с должностей, не больные и не откомандированные[.] и если бы даже Ц.К. захотел обеспечить себе право голоса в процессе для освещения политических моментов его, то, при наличии среди обвинителей члена Ц.К. (тов. Бухарина) было бы с избытком достаточно предоставить представителю Ц.К. одно место в числе членов суда (боковых), вполне полноправных для задания вопросов, судебных разговоров и влияния в совещ[ательной] комнате, без демонстрации исключительно партийного руководства в суде. И если Ц.К. все же на это решился, то чем иным, кроме недоверия к Карклину, Галкину и прочим можно объяснить этот шаг, — назначение тов. Пятакова? Принимая же во внимание, что тов. Пятаков никогда не работал в трибуналах и судах и совершенно неопытен в этом деле, это недоверие нельзя никоим образом отнести на счет недостаточной деловитости и судебного умения трибунальских председателей и в том числе меня: если мне предпочитают новичка, впервые участвующего в трибунале и даже не знакомого с законами по Советской юстиции, то стало быть тут дело не в моей малоопытности как судьи, а в чем[.]то другом. И всякий разумный человек поймет[.] что это недоверие гораздо глубже простой браковки за деловой непригодностью.

В виду изложенного докладываю, что участие в процессе с тов. Пятаковым как председателем для меня равносильно отставке. Но я так сработался с Верхтрибом и с Вами, так люблю это дело и не хочу уходить, что убедительно прошу Вас пойти на компромисс и избавить меня от этого участия, которое сделает всю мою дальнейшую работу невозможной, неавторитетной, неуспешной. Дайте мне отпуск, я уеду до процесса и тем самым не понесу никакой ответственности за происшедшее и не буду чувствовать той подавленности и разбитости[.] с которой уже хорошо работать нельзя. По приезде из отпуска я очень бы хотел работать только с Вами. Конечно, я человек строго дисциплинированный, старого закала, но Вы и сами понимаете, что одного дисциплинарного подчинения для дела мало и оставаться в Верхтрибе будет неудобно. Я очень хочу остаться, если Вы против меня ничего не имеете.

Зам. Председат[еля]   А. Галкин

Р.С. Сидение мое в процессе будет практически полезно не более чем всякого иного члена суда, т[ак] [как] вмешаться в действия Председателя в случае его ошибок будет нельзя: процесс демонстративно-публичный и со стенограммами. Влияние же в совещ[ательной] комнате недостаточно. Сидеть, конечно, буду, если прикажут, но потом уже не смогу работать в Трибунале.

17/V [1]922

— РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 44–45 об. Рукописный подлинник, подпись — автограф. На л. 44 сверху слева рукописная помета рукой Н.В. Крыленко: «т. Каменеву. На рассмотрение. 19/V».

№ II-14

*Циркулярная телеграмма ЦК РКП(б)
губкомам и обкомам о необходимости изменения
характера агитационной кампании в связи
с предстоящим процессом*

19 мая 1922 г.

^а Здесь и далее так в документе.

ПОЧТО-ТЕЛЕГРАММА № 3748/с

ВСЕМ ГУБКОМАМ И ОБКОМАМ

ЦК считает нужным указать, что в агитации нашей поповоду^а предстоящего процесса эс-эров часто берется^б явно неправильный тон, говорящий об этой партии в целом, окрашивающий ее прошлое, настоящее и будущее в одну и ту же краску.

Важнейшей политической задачей агитации [является]: окончательно закрепить за коммунизмом тех бывших эс-эровских рабочих и вообще, тех бывших эс-эров, которые уже вошли в партию или тяготеют к ней, посеять сомнение и колебание в новых кругах эс-эров и таким образом изолировать^в эс-эровские верхи.

В предстоящем процессе над эс-эрами мы опираемся на значительное количество эс-эров, либо вошедших в нашу партию, либо поддерживающих ее. С этой точки зрения нам необходимо выдвинуть то, что у этой партии, при ее мелкой буржуазной^г теории и авантюристских методов^д было героическое прошлое, насителями^е которого были боевики рабочие, наиболее самоотверженные элементы интеллигенции и пр. и пр. Именно эти элементы, порывая с партией и переходя к коммунизму, спасают этим то лучшее, что в них было в подполье, в героический период борьбы партии социал-революционеров.

Одним из важнейших доводов против руководящей клики должно быть то, что она использует ореол самоотверженных героев, как Сазонов, Каляев и пр. и пр. для прикрытия сделок с империалистами и т. д.

Только такой агитацией мы проникнем в новые круги, еще не свободные от влияния эс-эров.

Потой^ж же причине не нужно придавать агитации крикливо-ругательного характера. Эсэртствующий или полу-эс-эртствующий уже с первого слова ошарашивается по лбу крепчайшими эпитетами и разумеется, перестает следить за ходом мыслей автора. Наоборот, надо, скорее усвоить тон «сожаления» к обманутым и тон разъяснения им, на ярком примере того, что они являются пушечным мясом контр-революции.

СЕКРЕТАРЬ ЦК РКП

В. Куйбышев

19-го мая 1922 г.

г. Москва

– ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 106. Л. 278. Машинописный подлинник, подпись – факсимиле. В правом верхнем углу резолюция секретаря Сиббюро ЦК РКП(б) И.И. Ходоровского: «1) На Сиббюро, 2) всем губкомам 3) Сообщить содержание тт. Березовскому и Тумаркину. Ходоровский. 8/VI 22» и исходящий номер с датой рассылки «13/VI».

№ П-15

Открытое письмо члена РКП(б) Г.И. Мясникова²³

19 мая 1922 г.

ПОДЛОГ

В № 958 эс-эровского «Голоса России» напечатано «Обращение Рабочей оппозиции» к трудящимся всех стран. От группы членов РКП ко всем организованным трудящимся.

Подписано оно Мясниковым и Батуриным.

Я заявляю перед лицом всех рабочих всего мира, что этого заявления не писал и не подписывал.

Эта эсеровская стряпня предназначена на тот предмет, чтобы порадовать буржуазию всего мира, съехавшуюся на Генуэзскую конференцию для единоборства с единственным во всем мире правительством мозолистых рук, порадовать тем, что Советская Россия находится на краю гибели, она разлагается, а потому де (Вы буржуа) напрасно и разговариваете с ним, давайте[-]ка лучше поговорим о том, как бы поскорее свергнуть эти ненавистные Вам и нам Советы.

Лакейская душа эсеров здесь сказалась как нельзя лучше.

Они состряпали, сфабриковали это обращение и сами ликуют, радуются, что доставили истинное удовольствие своим господам.

Они радуют их (своих господ – буржуазию всего мира) не только пророчествами на счет скорой гибели Советской Власти (этих пророчеств от них и иже с ними в течении четырех лет – все слышали предостаточно), а радуют своим усердием, с которым они обманывают рабочих.

Вот поглядите[-]ка пролетарии всего мира на русских рабочих – они расправились с буржуазией и помещиками и им так скверно теперь, что они спят и видят пришествие своих спасителей-помещиков и буржуазии, с нами эс-эрами во главе – так вы не вздумайте производить революции – живите мирно и восхваляйте благодати буржуазного мира. Не слушайте, мол, коммунистов, призывающих к немедленной борьбе за власть мозолистых рук – за диктатуру пролетариата, потому что это так ужасно, да и бесполезно, потому что возьмете власть, а потом опять к буржуазии придете с поклоном, чтоб они опять пришли владеть и править вами, а слушайте нас (Черновых, Керенских, Авксентьевых, ваших Шейдеманов, Носке, Эбертов), готовых с оружием в руках вкупе и любе с буржуазией всего мира свергнуть, уничтожить эту

^а Так в документе.

^б Так в документе.

^в Так в документе.

^г Так в документе, следует мелкобуржуазной.

^д Так в документе.

^е Так в документе.

^ж Так в документе.

Советскую власть и укрепить буржуазную диктатуру во всем мире. (Это называется на их языке демократией).

Товарищи... Они пытаются в сфабрикованном ими обращении свалить вину за потоки рабоче-крестьянской крови, пролитой в гражданской войне на наших вождей, на вождей пролетариата, единственной в мире трудовой Республики.

Но спросите их[,] товарищи, кем из рабочих, крестьян и солдат была поддержана Учредилка. Более бескровной революции, чем октябрьская, пролетарская революция не было во всем мире. Спросите, товарищи, у них – отказались ли они от вооруженной борьбы с Советской властью, от союза с буржуазией, в котором они состоят вот уже четыре года.

Они хотят путем вооруженной борьбы, на радость мировых угнетателей свергнуть Советскую власть, т.е. желают еще и еще раз начать гражданскую войну. Им еще мало страданий и мук, которые пережили мы, рабочие и крестьяне России, им еще мало тех потоков рабоче-крестьянской крови, которую они пролили в союзе со всеми разбойниками мирового капитализма. Они жаждут еще крови...

Посеяв ветер – пожнете бурю, господа хорошие, можем сказать вам, клеветникам, грязным лакеям мировой буржуазии, мы измученные, ни кем-нибудь[,] а вами в союзе с буржуазией рабочие и крестьяне России.

Товарищи... Для каждого из нас ясно, что не поддержки иностранная буржуазия наших доморожденных Шейдеманов, Носке, Эберта (Чернова, Керенского, Авксентьева, Дана, Мартова и других)[,] мы бы с ними расправились в два счета. А если бы эти господа «тоже социалисты» не вели гражданской войны против нас – рабочих и крестьян, организованных в Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, а вела ее только буржуазия, то не было бы тех страданий и мук, которые пережили мы.

Если бы все социалисты России признали безоговорочно Советскую Власть, то ведь те полки и армии крестьян, которые боролись против Советов с Деникиным, Колчаком, Юденичем и прочими помещиками и генералами, сама буржуазия и помещики сформировать не сумели бы. Это они, предатели, своим социалистическим ярлыком обманывали рабочих. Это они своим красным знаменем закрыли лютых и вековых врагов наших и временно обманули нас.

Теперь они это делают в мировом масштабе.

Мы здесь их раскусили. Они здесь были биты и поделом. Мы верим, что будут биты и на мировой арене классовой борьбы.

У них нет больше идейного багажа в борьбе с нами, они прибегают к подлогу.

Они сфабриковали за границей эти воззвания, якобы подписанное^а мной, но настолько неумело, что всякий знающий хоть что-нибудь в политике рабочий сразу раскусит их. Они там пишут: «мотивы, вызвавшие наш горячий протест, поданный пленарному заседанию исп[олкома] Коминтерна» и т.д.

Здесь сразу видны заграничные ослиные уши из «Голоса России». Известно ли вам, господа фабрикатеры, что есть только Исполком Коминтерна и, что никакого Центрального исполкома нет... А это, что за выражение «Пленарное заседание съезда Центрального исп[олкома] Коминтерна»... Тоже ослиные уши видны. В то время заседал расширенный Пленум Исполкома Коминтерна. А все воззвание, которое вы подделываете под коммунистическое[,] насквозь пропитано эсеровщиной. Ну, какой марксист-коммунист будет объяснять гражданскую войну взаимным непониманием вождей. Это целиком ваше достояние. Вы там пишете: «сущность гражданской войны заключалась во взаимном непонимании. Вожди двух течений, вожди реакции и революции не пожелали сговориться и предпочли разрешить свой спор кровью невинных рабочих».

Ну что это такое... Ведь это ваши герои и толпа. Это ваша идеология. Это вы ведь представляете нас[,] рабочих, как «массу серого цвета с срединными идеалами», а себя, как «многосочных, многогранных, ярко окрашенных героев, призванных лепить по своей прихоти из этой массы, что вам угодно[.]».

Не чисто, господа работаете... Уж если надо было подделать, то взглянули бы в нашу коммунистическую-марксистскую литературу, да нашим языком и изложили, а то ведь сплошной конфуз.

Вы, грязные лакеи, хотите использовать наши разногласия в нашей пролетарской семье... Прочь грязные руки.

Да, у нас есть разногласия, но мы спорим знаете^б о чем... Как вам и вашим господам (т.е. буржуазии всего мира), вернее набить морду, без лишних жертв. А что Вам морду надо набить, в этом у нас разногласий нет и никто не сомневается из нас также и в том, что вы в мощном пролетарском союзе всех стран под руководством III Коммунистического Интернационала набьете[-]таки вам ее. Вопрос только о времени и методах.

Да[,] разногласия у нас есть. Но пролетарии всех стран понимают, что мудрено им не быть. Мы первые, в мало культурной стране, с преобладающим крестьянским населением, в безпримерно тяжелой обстановке перекраиваем на новый лад всю жизнь, и вы хотите, чтобы у нас все шло как по маслу... Ведь мы примеров в истории не знаем. А потому неизбежно и разномыслие. Но что это показывает... не разложение наше, в чем хотят вас убедить соглашатели всех мастей, а нашу силу.

Но мы все убеждены, что настала эра социалистической революции, что настал час, когда пролетарии всего мира должны объединиться и единым мощным усилием опрокинуть мир гнета, крови, корысти, и слез, и порабощения человека человеком и создать вольное царство труда.

«Призрак ходит по миру, призрак коммунизма[.]». Для священной травли этого призрака соединились все силы всего мира. Папа и короли, патриарх Тихон и эсэры, Шейдеман, Эберты, Даны, Мартовы, Вандервельды и Стинессы, группы Рокфеллеры и Морганы, Мильераны и Гардиш, Микаде и Султан.

«Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетарии могут потерять в ней только свои цепи. Приобретут же они целый мир. Пролетарии всех стран[,] соединяйтесь... И то будет последний и решительный бой[,] с интернационалом воспрянет род людской. Мир хижинам, война дворцам...[.]»

Вот это мое слово, которое я хочу сказать пролетариям всех стран.

А вам, господа из «Голоса России», если вы имели наглость поместить мое имя под Вашей стряпней, на предмет одурачивания рабочих всех стран, так напечатайте и мое обращение-опровержение.

^а Так в документе.

^б Исправлено взамен напечатанного значете.

Пролетарии всех стран по достоинству оценят ваши милые приемы.
Все газеты, соблазненные «Голосом России» и напечатавшим^в это обращение[,] прошу перепечатать.

Г. МЯСНИКОВ.

Р.С. Еще маленькая подробность. Обращение помечено датой 14 марта, Москва, а меня в Москве в это время уже не было.

МЯСНИКОВ.

Москва, 19/V-22 г.

– АПРФ. Ф. 30. Оп. 59. Д. 15. Л. 16–19. Машинописная копия того времени. На л. 15 на бланке Секретаря Центрального Комитета записка рукой В.М. Молотова: «Предлагаю: 1. Кратко изложить всю историю с подлогом письма Мясн[ико]ва изложить в «Правде». 2. Кратко же (парой ярких выдержек о подлоге, против эсеров и за Коминтерн) процитировать в «Правде» письмо М[яснико]ва (далее часть текста не прочитана – сост.)». Вверху листа рукописные пометы: «Архив», «т. Назаретяну для Сталина».

№ П-16

«Протокол № 3
заседания Агитационной
Тройки по эсеровской кампании»

от 23 мая 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯКОВЛЕВ, ПОПОВ, ВАРДИН и МАЛКИН.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: т. ЯКОВЛЕВ
Секретарь: т. РУДАКОВ.

С л у ш а л и:

1) О литературе к процессу эс[е]ров для провинции.

П о с т а н о в и л и:

1) а) Поручить тов. ПОПОВУ прореферировать вышедшую и вновь выпускаемую литературу по процессу.

б) Брошюру тов. СТЕКЛОВА²⁴ отпечатать в количестве 25.000 экзempl[яров].

в) Тов. ВАРДИНУ и ПОПОВУ к 27-му Мая дать тезисы для агитаторов на основе материалов обвинительного акта.

Просить Центральную Комиссию предоставить т.т. ПОПОВУ и ВАРДИНУ возможность прочтения обвинительного акта.

г) Поручить тов. РУДАКОВУ проверить выполнение постановления совещания редакций и литераторов по распределению тем и прикреплению к газетам.

2) О ходе кампании на местах.

2) а) Поручить Агитотделу МК организовать своевременную передачу в РОСТА резолюций[,] принимаемых на рабочих собраниях[,] немедленно по их принятии.

б) РОСТА организовать выпуск специального бюллетеня[,] дающего картину отношения рабочих масс к процессу.

в) Дать телеграммы местам с напоминанием о срочной посылке по телеграфу сводок о ходе кампаний в РОСТА.

3) О связи с МК по устройству демонстраций и встречи защиты.

3) Делегировать тов. ВАРДИНА в Агитотдел МК для большего контакта в работе по устройству демонстраций и встречи защитников. –

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (Я. ЯКОВЛЕВ)

Секретарь (РУДАКОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 14. Машинописный подлинник, подпись Рудакова – автограф.

№ П-17

«Протокол № 4
заседания Агитационной Тройки по эсеровской кампании»

от 26 мая 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯКОВЛЕВ, ВАРДИН, ПОПОВ и МАЛКИН.

С л у ш а л и:

П о с т а н о в и л и:

1) Об отпечатании 1) Поручить тов. МАЛКИНУ организовать отпечатание

^в Так в документе, следует напечатать.

обвинительного акта для партийных организаций.

2) Передача сведений о ходе кампании МК и Агитроста

3) О статье «Убийство 26-ти Бакинских комиссаров».

4) О лозунгах кампании.

обвинительного акта для партийных организаций в количестве 5.000 экз. за счет ЦК.

2) Подтвердить необходимость непосредственной передачи Московским Комитетом сведений в «Роста» ввиду того, что иной путь задерживает своевременное опубликование материалов.

3) Поручить тов. ВАРДИНУ осветить в печати эпизод из деятельности эсеров в Закаспийской области Убийства^а 26-ти Бакинских комиссаров и др.

4) К следующему заседанию Комиссии тов. ВАРДИНУ представить проект лозунгов к кампании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (Я. ЯКОВЛЕВ)

СЕКРЕТАРЬ: (РУДАКОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 15а. Машинописная копия. Вверху листа рукописная помета о рассылке: «т. Каменеву».

№ П-18

«Протокол № 5
заседания Агитационной Тройки по эсеровской кампании»

от 30 мая 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯКОВЛЕВ, ПОПОВ, МАЛКИН.

С л у ш а л и:

1. Об издании брошюры о бандитской деятельности социалистов-революционе-ров.

2. О демонстрации к процессу.

3. О газетной агитации.

П о с т а н о в и л и:

1. Издать брошюру тов. Козакова об «Антоновском восстании».

2. На следующее заседание^а комиссии 2-го июня вызвать представителя М.К. для доклада о ходе работ по подготовке демонстрации.

3. Признать необходимым немедленное использование материалов обвинительного акта в печати. Поручить тов. Вардину и т. Попову совместно с т. Крыленко выделить в обвинительном акте места, могущие быть немедленно использованы в газетах. –

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (Я. ЯКОВЛЕВ)

СЕКРЕТАРЬ: (РУДАКОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 17. Машинописный подлинник, подпись Рудакова – автограф.

№ П-19

«Протокол № 6
заседания Агиткомиссии по эсеровской кампании»

от 2 июня 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯКОВЛЕВ, ВАРДИН, ПОПОВ, Представитель МК – т. СОРИН.

С л у ш а л и:

1) Об устройстве широкой рабочей демократии^а в деле начала процесса с.-р.

2) О ло[з]унгах кампании.

П о с т а н о в и л и:

1) Заслушав сообщение т. СОРИНА[,] решено довести до сведения Секретариата ЦК о том, что М.К. считает нецелесообразным устройство общей рабочей демонстрации в день начала процесса и предполагает ограничиться частичными демонстрациями отдельных фабрик и заводов в течение всего процесса. Просить Секретариат ЦК дать точные указания.

2) Следующие лозунги, представленные т. ВАРДИНЫМ, утвердить, поручив ему до 3 час. дня представить дополнительные лозунги на следующие темы: 1) Защитники, 2) Социалисты-революционеры Антанты^б, 3) Социалисты-революционеры и террор:

«Эсеры воюют против Рабочей страны. Долой белых заговорщиков, долой белых убийц».

«Рабочим и крестьянам Советской России нужны мир и порядок – смерть партии эсеров – зачинщице новой войны в стране».

^а Так в документе.

^б Исправлено взамен напечатанного заседания.

^в Так в документе, следует демонстрации.

^г Так в документе, следует, видимо, и Антанта.

«Партия эсеров снова пытается возглавить контр-революцию. Нужно обезглавить эту преступную шайку, чтобы утвердился мир в рабочей стране».

«Эсеры – партия новой войны. Они хотят, чтобы рабочая Россия опять запылала в огне пожарниц».

«В классовой войне мы не признаем нейтральных. Защитники наших врагов – сообщники наших врагов».

«Кто защищает наших смертельных врагов, – тот наш злейший враг».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (Я. ЯКОВЛЕВ)

СЕКРЕТАРЬ: (РУДАКОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 18. Машинописный подлинник, подпись Рудакова – автограф. Вверху листа рукописная помета предположительно рукой Л.Б. Каменева «Арх[ив]».

№ П-20

Протокол № 7

заседания «тройки» по подготовке
и проведению процесса

3 июня 1922 г.

Присутствовали: т.т. Троцкий, Каменев, Пятаков, Крыленко, Малкин, Уншлихт

С л у ш а л и: П о с т а н о в и л и:

О Либере

1. ГПУ довести до сведения Трибунала о подписке, данной ранее Либером. Трибунал вызывает Либер²⁵ и в связи с этой подпиской исключает из списка защитников.

О защитниках от
м[еньшеви]ков

2. Трибуналу выработать соответствующую мотивировку отказа и опубликовать его.

3. Переслать через т. Малкина след[ующую] телефонограмму в «Известия» и «Правду»: Заявление ЦК меньшевиков об участии их представителей в процессе эс-эров в качестве защитников ни в коем случае не подлежит печатанию. Можно цитировать отдельные места с самой решительной критикой и разоблачением политической связи эс-эров и меньшевиков.

О требовании
Вандервельде отно-
сительно билетов²⁶

4. Требование отклонить с соответствующей мотивировкой.

О распределении
билетов

5. Предложить обратить усиленное внимание: 1.) на состав аудитории при суде и 2) на то, что все места, предоставленные МК[,] должны быть действительно заполнены. Меры к выполнению этих директив можно возложить на созданные в каждом районе ответственные двойки или тройки, которые следили бы за тем, чтобы билеты не передавались и чтобы билеты использовались действительно каждый день. Передача билетов в бытовые руки должна подвергаться строжайшей партийной каре. При МК должен состоять один ответственный товарищ, который наблюдал бы за проведением этих директив по районам. Тов. Малкину договориться с МК об организации и способах проверки.

6. Все индивидуальные билеты и в частности выданные обществу старых большевиков должны иметь строго именной характер. Обладатели билетов отвечают за их использование полностью на все время процесса (с [...]^a личной подписью). Т. Малкину проверить использование всех билетов.

О распределении
билетов

7. Принять к сведению сообщение т. Малкина[...]⁶

О характере
агитации

11. 2) Из цитат, приводимых в газетах, вытекает, что Чернов ежедневно призывает к вооруженной борьбе, принципиально ее признает и поддерживает. Между тем Курский разъяснил, что обязательство наше означает признание отказа эс-эров от вооруженной борьбы.

3) Когда мы получили извещение о заранее данном обещании не применения расстрела в случае

^a Слово не прочитано.

⁶ Далее часть документа не читывается.

соответствующего приговора Трибунала, в рабочих кругах было большое возмущение. Т. Ленин явился выразителем его в своей статье, когда писал, что мы заплатили слишком дорого за вход²⁷. Теперь этот мотив отпадает. Партия эсеров, из-за которой поднялся вопрос, примыкающая ныне ко 2-му Интернационалу, статьями Чернова соглашается на единый фронт без коммунистов. 2-й Интернационал сорвал единый фронт данной эпохи, какой же смысл имеет сохранение этого обязательства. Разумеется, мы не отказываемся от единого фронта. Но мы будем вести его снизу, с европейскими рабочими низами, которые вовсе не требуют помилования убийц наших вождей.

12. «Правда» откликнуться соответственной передовой статьей на эти письма в том смысле, чтобы поставить обязательство под знак вопроса.

13. Бешено вести соответственную агитацию в «Рабочей газете» и «Красной газете».

14. После этой агитации провести соответствующие резолюции на больших заводах.

15. Одному из районных Советов поставить тот же вопрос в форме обращения в Исполком Моск[овского] Совета для постановки вопроса [в] полном объеме. Одному из районных комитетов послать такой же запрос в МК.

16. На время проведения процесса газетам свои статьи и отклики и проч. приурочить целиком к самому ходу процесса и давать статьи конкретные с персональными характеристиками, а не вообще агитационные статьи.

Об ознакомлении
иностраных
защитников
с
печатью.

17. Поручить т. Малкину проследить за тем, чтобы все появляющееся в иностранной и эмигрантской печати доходило до защитников.

О свидетелях.

18. М. К. составить группу рабочих свидетелей с заводов по возможности из всех районов Москвы, каковые рабочие – свидетели должны были бы в краткой форме обрисовать деятельность эс-эров на их заводах и их районах в самый критический момент жизни Советской Республики.

19. Поручить т. Малкину разъяснить т. Стукову его задачу и связаться с М. К.

20. Свидетели с заводов, являющиеся на процесс, должны предварительно иметь за собой одобрение максимального числа крупных заводов Москвы, снабженные подписями, ко времени собрания подписей, которые должны даваться сознательно, приурочить в дальнейшем всю агитацию в связи с процессом эс-эров.

21. Признать крупную манифестацию желательной, но не приурочивать ее к 1-му дню процесса, а вырешить вопрос о манифестации в связи с успехом кампании с подписями. В 1-й день процесса ограничиться сравнительно небольшой манифестацией.

22. Послать т. Крестинскому телеграмму: Снова подтверждаем необходимость добиться отсрочки процесса по делу «Нового Мира» до окончания процесса эс-эров в Москве, так как документы находятся в Москве и не могут быть препровождены в Берлин до конца начинающегося процесса эсеров. Нельзя-ли, чтобы защитники по делу «Нового Мира» выехали в Москву. Предлагаем требовать допущения Коммунистических защитников на тех же основаниях, на каких допущена защита Вандервельде в России.

23. Переговорить с Зиновьевым о желательности обращения Коминтерна к Вандервельде и др[угим] защитникам с предложением выступить в самой решительной форме в пользу того, чтобы на процессе «Нового Мира» в Берлине и на процессе Домбалья в Польше были допущены в качестве официальных защитников представители Ком[мунистического] Интернационала. Сделать это необходимо поскорее, чтобы получить ответ до начала процесса эс-эров.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

СЕКРЕТАРЬ:

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 7–8. Незаверенный машинописный экземпляр того времени. На л. 7 сверху рукописные пометы: «Т. Каменеву», «Архив».

№ П-21
Протокол № 7
заседания Агитационной комиссии ЦК РКП(б)
(«тройки») по проведению антиэсеровской кампании

7 июня 1922 г.

ПРОТОКОЛ № 7
Заседания Агиткомиссии по эсеровской кампании
от 7-го Июня 1922 года.

ПРИСУТСТВУЮТ: Т. Т. ЯКОВЛЕВ, ВАРДИН, ПОПОВ, МАЛКИН

С л у ш а л и:

П о с т а н о в и л и:

1) Об агитации в газетах во время процесса.

1) а) Констатировать, что агитация в тех формах, в которых она велась за последнее время[,] себя исчерпала, указать московским газетам на необходимость связывать каждый момент своей агитации с процессом. Давать исключительно конкретный материал[,] рисующий ход процесса и комментирующий новые данные о позиции социалистов-революционеров, поскольку их будет давать процесс. Возможно меньше брани. Больше фактического и бытового материала[,] связанного с контрреволюционной деятельностью социалистов[-]революционеров. За все время процесса вести линию выявления и подчеркивания противопоставление^а рабочих низов с.-р. цекистской верхушке партии

б) Послать Губкомам и через Роста местной прессе следующие директивы: ЦК предлагает при агитации вокруг начавшегося процесса с.-р. руководствоваться данными ранее директивами о необходимости противопоставления изменнических и контр[-]революционных верхов эсеровской партии обманутым рабочим и крестьянским низам[,] следить за ходом процесса и освещать даваемые им новые конкретные материалы, изобличающие контрреволюционную деятельность партии с.-р. Постоянно подчеркивать, что партия с.-р. есть партия возобновления гражданской войны со всеми связанными с ней бедствиями.

2) О демонстрациях 20-го Июня.

2) а) Предложить всем газетам номера 20-го Июня посвятить убийствам^б т. ВО-ЛЮДАРСКОГО в связи с общей террористической деятельно[с]тью против рабочих и крестьян.

б) В нескольких номерах перед 20-м Июня вести подготовительную работу в этом направлении, все это тесно связать с процессом.

в) Предложить М.К. выпустить специальную листовку.

г) Предложить тов. СОРИНУ на заседаниях Комиссии в пятницу в 11 час. утра сделать доклад о подготовительных мероприятиях к демонстрации.

д) Предложить т. СОРИНУ представить в Комиссию для согласования лозунги к демонстрации.

3) О дополнительных лозунгах к эсеровской кампании.

3) Дополнительные лозунги, представленные т. ВАРДИНЫМ[,] принять.

4) О петиционно[й] кампании

4) Т. СОРИНУ к следующему заседанию Комиссии сделать сообщение о ходе кампании.

5) Об Агитроста.

5) К 20-му Июня выпустить специальный номер «Помощь Газете»[,] посвященный эсеровскому

^а Так в документе, следует противопоставления.

^б Так в документе.

террору и убийству тов.
ВОЛОДАРСКОГО.

6) О кампании
митингов в связи с
Гаагской
конференцией.

6) Просить ЦК отложить срок начала митингов о
Генуэзской и Гаагской конференциях на время с 25-го
Июня по 5 Июля.

7) О билетах на
процесс.

7) Т[ак] к[ак] Комиссия является органом[.],
обслуживающим процесс с агитационной стороны[.],
настаивать перед Комиссией Ревтриба на выдаче
распоряжений^в Комиссии 4-х служебных билетов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (Я. ЯКОВЛЕВ)

СЕКРЕТАРЬ: (РУДАКОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 19–19 об. Машинописный подлинник, подпись
Рудакова – автограф.

ДОКУМЕНТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

№ П-22

*Протокол допроса бывшего члена
ЦК ПСР К.С. Буревого*

16 марта 1922 г.

ПРОТОКОЛ

допроса гр. БУРЕВОГО Константина Степановича[.] Допрошенный гр. АГРАНОВЫМ 16/III-
22 г. я показал следующее:

В конце февраля 1918 года в Ц.К.П.С.Р. был поднят вопрос о применении
террора по отношению к большевикам. Я в то время состоял
членом Ц.К.П.С.Р. Ц.К. находился тогда в Петрограде. В
Ц.К. существовало Бюро Ц.К., в которое входили В.
ЧЕРНОВ, РИХТЕР и ТИМОФЕЕВ. РИХТЕР бывал
обычным докладчиком от Бюро в заседаниях Ц.К. Вопрос о
терроре, насколько помню, был поднят в связи с
деятельностью советского комиссара по военным делам
АНТОНОВА на Украине (в Харькове). В связи с поднятым в
заседании вопросом о терроре был внесен вопрос о
применении террора по отношению к АНТОНОВУ. Не
помню, кем именно было внесено это предложение. В своей
речи по этому вопросу Виктор Чернов, возражая
безусловному противнику террора члену Ц.К. СУМГИНУ,
между прочим указал, что при разгоравшейся в то время
гражданской войне возможно такое положение, при котором
убийство какого-нибудь зарвавшегося советского комиссара,
вызывавшего своими действиями возмущение населения,
могло бы революционизировать народные массы. ЧЕРНОВ
внес в Ц.К. резолюцию о терроре, которая была так
расплывчато средактирована, что СУМГИН усмотрел в ней
возможность истолкования партийными организациями этой
резолюции в смысле применения террора. СУМГИН внес в
резолюцию поправку о безусловной недопустимости
террора во время революции, так как такая тактика
оттолкнула бы массы от партии. Поправка СУМГИНА была
отвергнута. Это послужило мотивом к выходу СУМГИНА
из состава Ц.К.П.С.Р., о чем СУМГИНЫМ было подано в
Ц.К. заявление. СУМГИН вскоре ушел и от партийной
работы. Лично я голосовал за резолюцию Чернова и против
поправки СУМГИНА. В этом заседании Ц.К. приняли
участие, насколько помню: ЧЕРНОВ, РИХТЕР,
ТИМОФЕЕВ, РАТНЕР Е.М., РАКИТНИКОВ, КОГАН-
БЕРНШТЕЙН, ФЕДОРОВИЧ, БУРЕВОЙ, ТЕТЕРКИН,
ВЕДЕНЯПИН. Остальных присутствовавших не помню. В
то время я, как и большинство членов Ц.К. отнюдь не был
принципиальным противником применения террора, как
метода борьбы, но считал, что революционная обстановка

^в Так в документе, следует, видимо, в распоряжение.

того времени позволяла надеяться на преимущество массовой вооруженной борьбы. СЕМЕНОВА и КОНОПЛЕВУ я знал по группе «Народ». Я знал о причастности СЕМЕНОВА к Военной комиссии при Ц.К.П.С.Р.

О покушении на ЛЕНИНА я узнал, находясь в Самаре, где в то время был Комитет Учредительного собрания. Из членов Ц.К. там были Веденяпин^а. У меня возникла мысль о том, что это покушение могло явиться делом П.С.Р., так как я слышал, что КАПЛАН, совершившая покушение, была членом П.С.Р. По приезде в Москву в начале февраля 1919 года я слышал от Донского, что Ф. КАПЛАН обратилась в Ц.К. с предложением об убийстве ЛЕНИНА, причем Ц.К. или орган[,] его представлявший в то время в Москве[,] отверг это предложение, ввиду чего КАПЛАН вышла из партии и самостоятельно совершила покушение. Об эсках я ничего не знал. Вполне допуская, что многое из деятельности Ц.К. для меня оставалось неизвестным, так как в Ц.К. было большинство, сплоченное персональными связями, распоряжавшееся за спиной остальных членов Ц.К. и иногда даже наглядно конспирировавшее от членов Ц.К., находившееся вне этой сплоченной группы. Душой этого основного ядра Ц.К. были ГОЦ и ЗЕНЗИНОВ и находившийся вне Ц.К. АВСКЕНТЬЕВ^б. Иногда эта группа по некоторым вопросам противоречила ЧЕРНОВУ.

16/III-22 г.

Исправления верны.

К. БУРЕВОЙ

Допрашивал. – Я. АГРАНОВ

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 163. Машинописная копия того времени.

№ П-23

Протокол допроса заключенного В.В. Агапова

16 марта 1922 г.

ПРОТОКОЛ

допроса гр. А Г А П О В А Владимира Владимировича.

Допрошенный 16/III-22 г. я показал нижеследующее:

В 1918 году партия социалистов-революционеров находилась в состоянии вооруженной борьбы с Советской Властью, поэтому она могла бы допускать методы военной борьбы, как вне советской территории, так и на территории Советской России.

Применение партией С.Р. террора и эков я отрицаю. От дальнейших показаний отказываюсь.

В. АГАПОВ.

По моему представлению СЕМЕНОВ и КОНОПЛЕВА работали в 1918 г. без санкции Ц.К. Когда я впоследствии узнал об их деятельности[,] я оценивал их действия, как авантюристически[е].

Как член П.С.Р. я ответственен за деятельность партии во всякое время.

В. АГАПОВ.

Допрашивал: Я. АГРАНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 158.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 163. В деле заверенная машинописная копия, направленная Т.П. Самсоновым для сведения Ф.Э. Дзержинскому. Вверху слева автограф Ф.Э. Дзержинского.

№ П-24

Протокол допроса бывшего члена ЦК ПСР

К.С. Бурегово

22 марта 1922 г.

ПРОТОКОЛ

допроса, гр. БУРЕВОГО, Константина Степановича.

Допрошенный гр. АГРАНОВЫМ 19/III-22 г. я показал следующее:

Моя урожденная фамилия – ОРЛИНСКИЙ; затем я долго жил под фамилией ткач СОПЛЯКОВ.

О терроре со стороны Комитета членов Учредительного собрания и Партии С.Р. могу показать следующее:

1) Восстание рабочих Иващенковского завода против власти Учредительного собрания²⁸ было подавлено войсками Народной армии²⁹ под руководством офицера (фамилии не помню), сыгравшего в этом деле провокационную роль. Восстание рабочих было подавлено жестоко, причем было много убитых рабочих. Политику жестокой расправы в районе Сызрани производил Уполномоченный Комитета члена Учредительного собрания ЛЕБЕДЕВ Владимир Иванович, состоявший потом товарищем военного министра, член Комитета Учредительного собрания. Деятельность ЛЕБЕДЕВА и его полевого суда производила на эсеров гнетущее впечатление. О его деятельности знали эсеры и члены Комитета членов Учредительного собрания. Широкие же круги об этом не знали. Расправа производилась над всеми заподозренными в большевизме. Ведомством Внутренних дел заведывал КЛИМУШКИН[,] с.р., член Учредительного собрания. Позднее с образованием в Самаре Государственной охраны, подчиненной ведомству внутренних дел, этой

^а Так в документе.

^б Так в документе, следует Авксентьев.

государственной охраной ведал РОГОВСКИЙ, эсер, член Учредительного собр[ания].

Белый террор в Екатеринбурге производился чехами и Сибирским правительством. Подполковник Генерального штаба МАХИН Федор Евдокимович, член партии с.р.[.] был начальником штаба или командующим одной из советских армий и вместе со своим штабом перешел на сторону Народной армии (Учредительного собрания). МАХИН был назначен Главнокомандующим силами, защищавшими Самару против наступавшей Красной армии, дней за пять до падения Самары. Уже при Директории³⁰ МАХИН был подчинен атаману ДУТОВУ, чем и лишил Комитет Учредительного собрания поддержки, т.к. МАХИН был ДУТОВЫМ арестован.

Крылатая фраза РАКИТНИКОВА о том, что у Партии С.Р. руки в крови, относятся вообще к допущению Комитетом членов Учредительного собрания деятельности самочинных карательных отрядов, свирепствовавших в деревнях. СУМГИНА Михаила Ивановича я потерял из виду в 1918 г. ВЕДЕНЯПИН появился в Самаре вскоре после свержения там Советской власти. Я его там застал в июле месяце 1918 года, ФЕДОРОВИЧ (член Ц.К.) уехал из Москвы вместе со мной в 20-тых числах мая, месяца 1918 года.

Вставлено взамен вычеркнутого: «Комитетом членов Учредительного собрания». На второй стороне зачеркнуто одно слово. Изложенное записано верно и мной прочитано.

К. БУРЕВОЙ.

18/III-22 г.

Допросил Я. АГРАНОВ

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 165. Машинописная копия. Вверху слева делопроизводственная помета «Тов. Дзержинскому для сведения. 22/III-22 г.».

№ II-25

Протокол допроса гражданина Французской Республики Рене Маршана

24 марта 1922 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Гр-на РЕНЕ МАРШАНА, произведенного гр. АГРАНОВЫМ 24/III-22 г.

Французская миссия и Консульство в Москве по поручению НУЛАНСА имело и поддерживало в 1918 г. связь отдельно и специально с каждой из политических группировок в России. Связь с Савинковым поддерживалась через ГОКЬЕ; связь с монархическими организациями – граф Дешевьи; связь с меньшевиками через [бывшего] депутата социалиста Шарль Дюмо; связь же с П.С.Р. поддерживалась миссией через ЭРЛИХА, тогда бывш[его] социалистом, но затем избранного депутатом Парламента по списку националистов. ЭРЛИХ имел личные связи с ЧЕРНОВЫМ; связь с кадетами – поддерживалась.

Я знаю, что французский консул ГРОПА придавал большое значение связям с с.-р. и САВИНКОВЫМ. Предполагалось, что в новом русском правительстве после свержения советской власти руководящее значение будут иметь с.-ры, причем во главе министерства должен был встать В. ЧЕРНОВ. Партия с.-р. получала довольно часто значительные субсидии от французск[ого] консульства через ЭРЛИХА для работы своих боевых дружин. ЭРЛИХ и ШАРЛЬ ДЮМА выдвинули в 1918 г. проект взрыва при помощи партии с.-р. флота в Кронштадте. ЭРЛИХ держал связь также с членом Центрального Комитета П.С.Р. ТИМОФЕЕВА^a, причем он хорошо отзывался о ТИМОФЕЕВЕ, как о способном дипломате.

Под именем М-сье АНРИ в Москве в 1918 г. работал агент миссии для разрушения. Его фамилия ВИРТАМЕН. Это морской капитан, он занимался тогда работами по разрушению жел[езных] дор[ог] и ж[елезно-]д[орожных] мостов. ВИРТАМЕН, разработавший план разрушения мостов вокруг Петрограда (на Волхове по Николаевской ж[елезной] д[ороге] и у Званки по Северн[ой] ж[елезной] д[ороге]) с целью вызова в Петрограде голодного бунта, говорил на заседании Американской Миссии в здании Американского консульства в присутствии мистера ПУЛЬ, что с русскими железнодорожниками трудно работать, несмотря на выдаваемые взятки, что как только доходит до устройства крушения, они отказываются принимать участие. Я помню, что какие-то поезда были взорваны у ЧЕРЕПОВЦА и у Н[ИЖНЕГО] НОВГОРОДА. В работе ВИРТАМЕНА принимал участие представитель Английской Военной Миссии РЕЛЕ. На вышеуказанном заседании я присутствовал. ФОНТЕН заведывал разведкой военной миссии.

Связь с кадетами по профессорскими кругами поддерживал профессор МАССОН. Подробные показания обо всем изложенном я дам отдельно. Показания о военной французской миссии смогут дать ГЕЛЬФЕР И ПАСКАЛЬ, состоявшие в 1918 г. сотрудниками французской военной миссии.

Изложенное написано с моих слов верно: Р. МАРШАН, 24 марта 1922 г.

Допросил Я. АГРАНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 176, 177. Машинописная копия.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 178–178 об. Заверенная копия, изготовленная 25 марта 1922 г. и направленная для сведения Ф.Э. Дзержинскому. Вверху слева автограф Ф.Э. Дзержинского.

№ II-26

Протокол показаний гражданина Французской Республики П.К. Паскаля

24 марта 1922 г.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ

свидетеля гражд. ПАСКАЛЬ Петра Карловича 31 года, родился во Франции (Исуар Дан.Пюйден-Люм). Местожительство: Москва, Леонтьевский пер., Род занятий – переводчик в НКВД в 1916–[19]18 г. офицер в Французской Военной Миссии в Пет[рограде] и Москв[е]. Холост,

^a Так в документе, следует ТИМОФЕЕВЫМ.

Партийность – Член РКП, образование – высшее, связь между французами и эсерами была больше всего в Консульстве, через Эрлиха. В Военной Миссии связи были через ком. ЛОРАН, ФОНТЭН, ком. БОРД. Последний имел целую организацию для вербовки агентов и шпионов. Он сам поехал в Казань незадолго до занятия этого города. В Самаре действовал ЛЕБЕДЕВ, офицер франц[узской] Службы и с.р.[.] в Москве ком. ЛОРАН руководил заготовкой гранат и бомб, которые потом раздавались. ВЕРТАМОН на пр.^а имел запас взрывчатых веществ (у него были найдены капсюли при обыске)[.] ФОНТЭН, говорящий по[-]русски и как инженер, работавший в России, знающий страну, заведывал разведкой.

П. ПАСКАЛЬ.

Допросил – Я. АГРАНОВ

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 348. Л. 198.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 190. Машинописная заверенная копия.

№ П-27

Протокол показаний заключенного члена ЦК ПСР

Д.Д. Донского

28 марта 1922 г.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ.

Дмитрия Дмитриевича ДОНСКОГО.

Допрошенный гр. АГРАНОВЫМ 28/3-22 года я показал следующее: Партия социал-революционеров никакого отношения к террористическим актам против Советских вождей не имела, равно никакого отношения к этим актам не имела ни одна партийная С.Р. организация. От дальнейших показаний по предъявленным мне обвинениям в участии в терроре против Советской власти и экспроприации я отказываюсь до суда Верховного Трибунала.

Дмитрий Дмитриевич ДОНСКОЙ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 198. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 191. Заверенная машинописная копия с ошибкой в датировке изготовления.

№ П-28

Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР

Е.М. Тимофеева

30 марта 1922 г.

Допрошенный Особо-Уполномоченным Госполитуправления гр. АГРАНОВЫМ по делу Ц.К.П.С.Р.

Настоящим заявляю, что от всяких показаний по делу до судебного разбирательства отказываюсь, соответствующие сведения дам на суде. Вместе с тем, прошу присоединить к делу нижеследующие документы.

1) Протоколы 4-го Съезда партии Соц. Рев.

2) Постановление ВЦИК о ликвидации пр[е]следований против ПСР (постановление ВЦИК, Марта 1919 г.).

3) Номер газеты «Известия ВЦИК» от того же времени со статьей гр. РАЗМИРОВИЧ^а, представляющий собой результат работы Следственной Комиссии по делу П.С.Р.

4) Постановление Верховного Револу[ионного] Трибунала о прекращении дела группы Соц[иалистов-]Рев[олюционеров] летом 1919 г. (группа Семенов, Куликовский и др.)

5) Телеграмма Наркома Внутел ПЕТРОВСКОГО об объявлении П.С.Р. вне закона после покушения на ЛЕНИНА в сентябре 1918 г.

6) Объявление ВЧК заложниками членов П.С.Р., находящихся в тюрьме (ноября 1920 года).

ЧЛЕН Ц.К.П.С.Р.

Е. ТИМОФЕЕВ

30/3-22 года

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 19. Машинописная копия.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 192. Машинописная незаверенная копия с копии.

№ П-29

Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР

М.А. Веденяпина

1 апреля 1922 г.

ПРОТОКОЛ Допроса гр. ВЕДЕНЯПИНА, Михаила Александровича.

Допрошенный гр. АГРАНОВЫМ 1/IV-22 г. я показал следующее. О приезде КОНОПЛЕВОЙ (которую я знал по партийной работе в Питере) в Москву в марте 1918 г. я не помню. Но определенно заявляю, что никаких разговоров с нею о терроре у меня не было. В Москве вопрос о терроре не рассматривался ни в Ц.К., ни в Московском Бюро (по крайней мере, мне лично об этом не было известно) в связи с уходом из Ц.К. СУНГИНА^а М.И. я припоминаю, что одним из мотивов его ухода была резолюция Ц.К. о вооруженной борьбе. Партией с.р. велась в конце 1917 г. и 1918 г. военная работа против Советской власти, о том, что Г.И. СЕМЕНОВ состоял в Боевом отряде,

^а Так в документе.

^а Так в документе, следует РОЗМИРОВИЧ.

^а Так в документе, следует СУМГИНА.

как и о самом существовании этого отряда, я не знал. Я знал о том, что СЕМЕНОВ в начале был членом Военной коллегии при Ц.К.П.С.Р., а затем был во главе этой комиссии. Эта военная организация имела некоторую автономность в своих действиях, она имела даже свою кассу, независимую от кассы Ц.К. – фракцией с.р. Учред[ительного] собр[ания]³¹ велась тоже военная работа, против Советской власти, о существовании в Москве «Союза возрождения» мне как и другой части членов Ц.К. (Буревой) стало известно только в Самаре после приезда Аргунова. Мне неизвестно о санкциях Ц.К. на ведение переговоров с союзниками, но поскольку переговоры с союзниками и могли вестись тем или иным членом Ц.К. то, скорее всего, от имени Бюро фракции с.р. Учр[едительного] собрания, в которое входил ряд членов Ц.К. П.С.Р. и которое представляло известный партийный центр. ВЕДЕНЯПИН 1/IV-22 г.

Допросил Я. АГРАНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 202. Машинописная копия.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 195. Незаверенная машинописная копия с копии. Внизу запись о рассылке Дзержинскому, Уншлихту, Агранову, 2 экз. Кузьмину.

№ П-30

Дополнения к показаниям заключенного члена ЦК ПСР М.А. Веденяпина

3 апреля 1922 г.

К ПОКАЗАНИЯМ М.А. ВЕДЕНЯПИНА ЧЛЕНА Ц.К. П.С.Р.

Перед VIII Советом партии³² выяснилось, что партия не может не реагировать на разгон Учредительного Собрания, что партия должна напрячь все усилия, чтобы чаяния, надежды и стремления всего революционно-социалистического движения XIX века в России, созыв Учредительного Собрания были по возможности выполнены и Учредительное Собрание могло возобновить свои прерванные работы. Также партия не могла принять Брестского мира, и как партия, игравшая большую роль в революционную эпоху[,] обязана была реагировать на него открытой борьбой с Германией в форме восстановления восточного фронта. В таких настроениях был Ц.К. перед VIII Советом. Съехавшиеся представители с мест были еще больше настроены активистически. Общее настроение было таково, что если партия не возглавит движения, то указывали на то, что оно выльется помимо нее и будет захвачено какими-либо правыми группировками. Особенно определенное настроение было в Поволжье (кроме Самары, как указывали представители с мест). Все данные говорили за то, что Саратов должен стать центром движения. Самара, как раз пережила несколько местных выступлений и выяснилось, что базой в данный момент она служить не может. В конце Совета получили телеграммы из Саратова, что там началось выступление, что подтверждало картину, нарисованную делегатами о напряженном состоянии Поволжья. VIII Совет вынес определенное постановление о вооруженной борьбе с Советской властью. В связи с данным решением ЦК начал отправлять товарищей на места с соответствующими поручениями. Выяснилось в это время, что Уральское казачество восстало³³ (там Советская власть была в продолжение недели) и в лице своего казачьего круга обращалось к членам Учредительного Собрания с призывом явиться к ним в Уральск и там возобновить свои прерванные работы, что они казаки гарантируют безопасность Учредительному Собранию. Войсковой круг заключил союз с областным комитетом ПСР Поволжья на предмет обоюдных услуг в борьбе с Советской властью. Надо принять во внимание, что уральск[ие] казаки в сравнении со всеми другими казаками были более демократически настроены, их традиции давали им возможность не бояться ни революции, ни социализма, у них во главе был хоть и из «единственно», но все же социалист ФОМИЧЕВ.

Лично я получил от ЦК временный пропуск в Самару, но я, тем что если начнется движение в этом районе я принял бы в нем участие и в этом отношении мне были даны соответствующие полномочия. В это время о чехословаках Ц.К. не имел никакого представления и расчета на них не строил, иначе бы я получил определенные директивы и связи. В Самару прибыл 8 июня в день ее взятия чехословаками. В Ком[итет] членов Учредительного Собрания я не мог войти, как не член Учредительного Собрания, но впоследствии вошел, как заведующий ведомством иностранных дел. В самом начале движения пришлось войти в сношение с чехословацким командованием (ЧЕЧЕКОМ) и с их политическими представителями из Национального Совета³⁴ (МЕДЕКОМ). Выяснилось, что чехословаки начали свое движение после съезда представителей всех военных частей чехо-войск в Челябинске, где было постановлено, ввиду того, что чехосл[овакам] отказано в переезде в Архангельск и теперь чинятся препятствия к передвижению на Владивосток и в то же время Германия, в лице МИРБАХА настаивает на их полном разрушении^а и на отправке в Австрию, прибывать^б с оружием в руках всем эшелонам чехо-войск по направлению к Владивостоку. Группа чехо-войсками занявшая Самару^в и выполняла данное боевое задание, связав все эшелоны, разбросанные по путям Пенза–Самара и что эта группа после временного отдыха 5–6 дней начнет свое продвижение, впереди оставит Самару, как это было сделано в Пензе и Сызрани. До Самары чехословаки и связались с с.р. через Брушвита, поехавшему к ним навстречу и предложившего совместные действия против Советской власти, но чехословаки первое время категорически отказывались от каких-либо общих действий с партией, но после того, как рабочие Иващенковского завода оказали им существенную помощь и особенно после приема чехо-войск в Иващенкове, а также после оказанных услуг, связанных с взятием Самары, чехословаки переменили свое отношение и вошли в тесную связь с Самарской организацией с.р. в то время возглавляемой Вольским, Брушвитом, Климушкиным, Фортунатовым. В связи с возможностью ухода чехо-войск из Самары пришлось приложить все усилия чтобы временно, пока сформируется Народная армия, их задержать.

На расширенном заседании представителей чехо-войск[,] их политических руководителей, членов ком[итета] У.С. и представителя ЦК ПСР было указано им, что чехословаки, пробравшись в Владивосток, стремятся^г, как можно скорее попасть на фронт и сразаться с Германской [п]олицией, что в этом отношении гораздо рациональнее способствовать Комитету Учредительного Собрания по восстановлению Восточного фронта (в это время уже были точные данные о группировке герм[анских] войск около Юрши для вступления вглубь русской территории) мы указали на наши задачи, чехословаки не сомневались в наших стремлениях по

^а Так в документе, следует разоружении.

^б Так в документе, следует пробиваться.

^в Так в документе.

^г Так в документе.

^д Так в документе.

восстановлению восточного фронта, но все же чехословаки не решались взять на себя смелость нарушить боевой приказ о продвижении на восток. Но все же наши выводы, а главное результаты нашей работы, по формированию боевых частей Народной армии, привели к убеждению, что оставить Самару они не могут и они решили остаться на время в Самаре, пока нами будут сформированы военные части. В дальнейшем, после связи с Национальным советом чехословаки получили приказ остаться в Самаре для организации Восточного фронта.

За все время существования в Самаре комитета Ч[ленов] У[чредительного] С[обрания] от союзников не получали никаких, ни средств, ни вообще какой-либо помощи³⁵, наоборот, все усилия были направлены, чтобы нас ликвидировать и дать перевес Сибири, более приемлемый для союзников, сибиряков, группы возрождения и всех политических группировок, начиная от Н[ационального] С[овета] и правее, была неприемлема для них и с ней велась упорная борьба. В Челябинске на совещании представителей союзников, особенно Франции, требовали перенесения линии борьбы с Волги на Урал – этим стремились разом ликвидировать К[омитет] Ч[ленов] У[чредительного] С[обрания] и только дружный отпор самарцев, чехословаков и уральских казаков разрушили этот план. Были и курьезы в этой области: из Казани на аэроплане прилетел какой-то важный военный француз, он явился в К[омитет] Ч[ленов] У[чредительного] С[обрания] и ничего лучшего не нашел предложить, как переменить знамя (красное) КЧУС на национальное и обзавестись каким-либо национальным гимном, вот что все мог посоветовать «красной Самаре» военный стратег. Из всех союзников вполне были дружеских отношений к КЧУС и понимали друг друга это чехословаки, надо принять во внимание состав их армии – это 83 2/3 % социалистов. Все они воспитаны на русской истории и русской литературе. Для союзников, хотя КЧУС декларировал борьбу с Советской властью и восстановление Восточного фронта, но все это делалось под знаком неприемлемого для союзника. <Наряду с> Символом революции «Красным знаменем» для них неприемлемо было существование Советов, функционировавших в Самаре, свобода печати, собрания и т.д. Для них была неприемлема программа Самары «Власть У[чредительному] С[обранию]», полная демократия, социализация земли, социализаторские меры в сфере промышленности и торговли, объединение всех национальных сил и всех областей России в государственных границах за исключением Польши и Финляндии над гегемонией самой многочисленной и обладающей абсолютным большинством В[сего] У[чредительного] С[обрания] П.С.Р. как формулировал РАКИТНИКОВ (Сибирская реакция, Колчак). Все это в корне неприемлемо для союзников, ни их сторонников сибиряков м против Самары повелась ожесточенная борьба (см. мой отчет 9-ому Совету и др. РАКИТНИКОВО*, СВЯТИЦКОГО).

В период существования Самары Пленум ЦК был перенесен за Волжье³ и я должен констатировать, что надеюсь подтвердят все бывшие и настоящие члены ЦК, что в ЦК не подымались вопросы в связи с покушениями, которые хотят нам, как партии, информировать³⁶, хотя в Заволжье, как раз концентрировались все оппозиционные группировки в Ц.К. Такие товарищи, как Т. Коган-Бернштейн, Чайкин, обязательно бы этот вопрос должны бы поднять[,] если бы он как-либо стоял в партии, потому я смело могу утверждать, что партия не имела отношения [к] тем деяниям, которые хотят приписать ей СЕМЕНОВ (ВАСИЛЬЕВ) <и другие> на 13-ом Совете партии³⁶, в связи с Уфимскими позициями, в связи с группировками «Союза Возрождения» выделила судебный трибунал с особыми полномочиями, но насколько мне известно, никто из членов партии или из членов ЦК не поднял вопроса о нарушении кого-либо³⁷ партийной дисциплины, по вопросу о терроре, о эксках, а на 9-ом³⁷ Совете было много товарищей из оппозиции и они обязаны были это сделать, если в партии было что-либо такое, что нарушало нашему³ партийную тактику.

После падения Уфы, я отправился в Советскую Россию, в Москву прибыл в конце марта и выехал туда в связи с появляющимся в газетах заявлением: «Чернов, Иванов и Веденяпин выехали в Москву для переговоров с Советской властью». В Москве я узнал о состоявшемся Уфимском соглашении[,] между прочим в одном из пунктов стояло разрешение приехать мне в Советскую Россию, но с обязательством жить не под своим именем.

На состоявшемся в мае месяце IX-ом Совете партии произошел перелом тактики по отношению борьбы с Советской властью, оставаясь на прежних принципиальных позициях. Партия стала склоняться к отказу от вооруженной борьбы с Советской властью. Вскоре после 9-го Совета Ц.К. выпустил обращение к Совету народных комиссаров под заголовком «КО ВСЕМ», где говорилось, что партия предлагает разрешить вопрос об У[чредительном] С[обрании] трудящимся России в лице Всероссийского съезда рабочих и крестьянских депутатов, выбранных прямым, тайным голосованием и что партия подчинится такому решению[,] при начале военных действий с Польшей, партия в лице Ц.К. обратилась с воззванием, где призывались трудящиеся и члены партии к всемерной поддержке Красной армии в борьбе с Польшей³⁸, ранее Ц.К. вполне одобрял поведение членов Ц.К., стоявших во главе восстания против Колчака и заключивших соглашение с Советской властью вместо возобновления новой гражданской войны, точно также, т. ФИЛИППОВСКОГО Ц.К. одобрил по ведению определенной борьбы против ДЕНИКИНА и заключении соглашения с Советской властью. В этих действиях можно видеть резкую разницу с позициями, занятую партией после VIII Совета.

Лично [я] в связи с позицией, занятой партией в борьбе с Польшей обратился в Ц.К. за разрешением предложить свои услуги Наркомзему, что мне и было разрешено. 9-го мая 20 г. я виделся с БИЦЕНКО и договорился относительно работ в Центроколхозе. 11 мая я был арестован. Ц.К., в связи с приездом английской делегации решил выступить и изложить свое отношение к Советской власти и выразить свои пожелания в выработке и отстаивании позиций, каковая³⁹ партия считает необходимым, для социалистических партий Запада по отношению России.

А.Р. ГОЦ был один из видных сторонников нового тактического курса в партии [,] выступать перед английской делегацией намечен был он, но был арестован. В декларации говорилось о борьбе против интервенции, блокам⁴⁰ и Ц.К. высказывал свои пожелания, чтобы социалистические партии боролись за признание советского правительства. В это время произошли аресты среди членов Ц.К. были арестованы ТИМОФЕЕВ, РАКОВ, ЦЕЙТЛИН. Считаю нужным упомянуть, что в сентябре 20 г. члены Ц.К. и другие партийные работники в количестве 17 человек были

³⁵ Так в документе.

³⁶ Так в документе, следует РАКИТНИКОВА.

³⁷ Так в документе.

³⁸ Так в документе, следует инкриминировать.

³⁹ Так в документе, следует кем-либо.

⁴⁰ Так в документе, следует нашу.

⁴¹ Так в документе, следует какие.

⁴² Так в документе, следует блоков.

объявлены заложниками в связи с якобы обнаруженными данными, что П.С.Р. готовит ряд террористических актов против представителей Советской власти и что партия вошла в соглашение с Савинковым. Как впоследствии выяснилось, покушение действительно готовилось против Сов[етской] власти со стороны САВИНКОВА, но он действовал не в контакте с П.С.Р., а СЕМЕНОВЫМ (ВА-СИЛЬЕВЫМ), находившимся в распоряжении Рев[олюционного] Воен[ного] Совета[.] 31 декабря 1920 г. Я был освобожден. Переговорив с БИЦЕНКО я вступил в Центроколхоз. В Ц.К. было постановлено принять активное участие в выборах в Московский совет, лично мною в связи с этим было предложено испросить разрешение на издание журнала, на что Ц.К. согласился. Я с Д.Д. ДОНСКИМ обратились к КАМЕНЕВУ, о него мы узнали, что ЦК РКП в связи с занятой позицией П.С.Р. и отчасти в связи с обращением об издании партийного органа постановил выделить тройку (КАМЕНЕВ, СЕРЕБРЯКОВ и КРЕСТИНСКИЙ), которой и пред[о]ставлялось договориться по этим вопросам. Разрешение на издание журнала я получил и не выполнил этого только из-за временного бумажного кризиса в Гос[ударственном] изд[ательстве]. В руках партии скопились сведения с мест, в каких формах протекала продразверстка и какую дезорганизацию она вводила в крестьянское хозяйство, партия как-то получила сведения, что, если не будут изменены условия изъятия хлеба на Урале, неизбежно вспыхнет восстание, на все и Урале^о. Лично через А.А. БИЦЕНКО я сделал все от себя зависящее, чтобы предотвратить это, и в данном случае это удалось сделать. В это время секретарь Ц.К. Р.К.П. СЕРЕБРЯКОВ прислал ко мне, как члену ПСР крестьянина ЧЕРНОВА, приехавшего из Черемхова Иркутск в Москву с тем, чтобы тут доказать гибельность продразверстки. У него было достаточно обосновано и подтверждено фактами вредность продразверстки, но не было разработано положительная сторона, т.е. чем можно заменить продразверстку[.] и в этом отношении с ним пришлось достаточно поработать. ЧЕРНОВ после этого добился свидания с ЛЕНИНЫМ и по распоряжению ЛЕНИНА доклад ЧЕРНОВА появился в «Известиях», как первая попытка к замене продразверстки – продналогом. Считая нужным упомянуть, все это, конечно, не для того, чтобы выяснить свою роль или позицию, исключительно для того, чтобы показать на конкретных, легко поддающихся проверке случаях, ту позицию, какую партия занимала в данный период[.] и мои действия, как вполне дисциплинированного члена партии и как ответственного члена Ц.К., конечно не могли расходиться с общей линией партии.

Вторично был арестован на годичном праздновании каторжан, но был освобожден в связи с тем, чтобы через несколько дней [быть] опять взятым. Не скрывался, не уходил на нелегальное положение, при всей явной опасности быть арестованным, совершенно сознательно считая, что постольку, поскольку вполне определенно я являюсь противником вооруженной борьбы с Советской властью (см. опубликованное ВЧК мое письмо... в «Изв[естиях]») я имею право проповедовать^н свои социалистические убеждения и их проповедовать, это право мне дано двадцатилетней революционной борьбой.

Считая нужным отметить, что в борьбе с правым течением в партии с группировками Парижа во главе стоял А.Р. ГОЦ и при его настойчивом действии ликвидирован Париж[ский] К[омитет] Ч[ленов] У[чредительного] С[обрания]³⁹.

Внутренняя тюрьма 3/IV-1922 года М. ВЕДЕНЯПИН.

Допросил Я. АГРАНОВ

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 203–210. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 196–199. Заверенная машинописная копия, направленная для сведения Ф.Э. Дзержинскому. Вверху слева автограф Ф.Э. Дзержинского.

№ П-31

Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР Ф.Ф. Федоровича

5 апреля 1922 г.

ПРОТОКОЛ

Допроса гр. ФЕДОРОВИЧА Флориана Флориановича.

Допрошенный гр. АГРАНОВЫМ 5/IV-22 г. я на предложенные мне вопросы отвечаю следующее: За все постановления Центрального комитета Партии социалистов-революционеров или уполномоченной части его, принятые и проведенные за весь тот период времени, когда я состою членом Ц.К.[.] я считаю себя ответственным. Показания по существу заданных мне вопроса^а об отношении ЦК или моем личном отношении к делу террора и экспроприаций против Советской власти, – я давать отказываюсь, потому что я считаю неприемлемым для себя всякого рода обеление от предъявленных мне обвинений.

Флориан Флорианович ФЕДОРОВИЧ.

5/IV-22 г.

Допросил Я. АГРАНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 2. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 200. Заверенная машинописная копия. Внизу сведения о рассылке 5 экземпляров: «т.т. Дзержинскому 1 экз., Уншлихту и Ягоде, Агранову 2 экз., Кузьмину 1 экз.».

№ П-32

Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР Н.Н. Иванова

7 апреля 1922 г.

^о Так в документе.

^н Так в документе, следует исповедовать.

^а Так в документе, следует вопросов.

ПРОТОКОЛ

допроса гр. ИВАНОВА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, допрошенный особоуполномоченным гр. АГРАНОВЫМ 7-го апреля 1922 года.

Я показал следующее: Центральный комитет партии с.-р., в целом и Петроградское бюро Ц.К. в своих резолюциях высказывались против применения террора по отношению к Советской власти весной, в начале лета 1918 г. За применение террора была лишь небольшая часть членов Центрального комитета. Я лично в тот период был сторонником террора против Советской власти, но террора открытого, от имени партии. Ц.К. не давал Боевой организации санкции на совершение террористических актов и экспроприации советских учреждений, но исключения из партии с.-р. за совершение подобных актов производить не полагалось, т.к. условия борьбы того периода допускали методы боевых действий против Советской власти.

Весной отряд Ц.К. сформированный Григорием Ивановичем СЕМЕНОВЫМ, выделился, насколько я помню, как-то сам собой из военной организации партии с.-р. Назначением боевого отряда было совершение боевых актов: недопущение вывоза ценностей из Петрограда в Германию; содействие ведению военных операций в период фронта Учред[ительного] собрания в смысле партизанских действий (взрыв мостов, порча ж[елезных] дорог и пр.). В экспроприациях я никакого участия не принимал. Я лично считал допустимым совершение экспроприаций советских учреждений с целью приобретения средств на партийную работу. С некоторыми оговорками, я считал бы возможным и совершение частных экспроприаций с целью получения средств для партии. У члена Ц.К. партии Н.С. ИГНАТЬЕВА я действительно был один раз в мае, или июне месяце 1918 г. по поводу денег, принадлежащих Военному штабу Союза возрождения. Тему разговора я помню смутно. О том, что А.Р. ГОЦ был членом Союза возрождения, я узнал только в Уфе о вступлении ГОЦА в Военный штаб Союза возрождения, правдивым^а.

Приблизительно в мае или июне месяце 1918 г. в Петрограде Представителем Центрального комитета партии с.-р. велись переговоры с представителем английской миссии о возможности помощи союзников в деле восстановления антигерманского фронта⁴⁰. Представитель миссии обещал нам содействие в этом деле. В Москве переговоры с союзническими миссиями носили тот же самый характер. Иногда ТИМОФЕЕВ делал в Ц.К. сообщения об этих переговорах. Союзники обещались помочь нам установить контакт с чехами. Получение денег от союзников в Москве места не имело. Только в провинции был летом 1918 г. случай получения партией с.-р. некоторых денежных сумм заимообразно в частном порядке от одного из иностранцев (кажется это был французский вице-консул). Деньги ему были полностью возвращены. Вышеизложенное написано с моих слов.

Николай Николаевич Иванов.

На 3-й странице вставлено слово «представителей».

Н.Н. ИВАНОВ.

Мне 34 года. Николай Николаевич ИВАНОВ – мое настоящее имя, отчество и фамилия. В Партию социалистов-революционеров я вступил осенью 1906 года. Арестован был в 1907 г. и в 1908 г. осужден на 10 лет каторги за принадлежность к Северному летучему боевому отряду партии с.-р. Вышел я из каторги на поселение в октябре месяце 1916 года. Членом Ц.К. П.С.-Р. я был избран в декабре м[еся]це 1917 г. С тех пор я не переизбирался. Изложенное написано с моих слов верно: Николай Николаевич ИВАНОВ.

7/IV-22 г.

Допросил Я. АГРАНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 5. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 202–203. Незаверенная машинописная копия с копии.

№ П-33

Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР

Н.Н. Иванова

8 апреля 1922 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА гр. ИВАНОВА Николая Николаевича.

(Члена Ц.К. партии с.-р.)

Допрошенный Особоуполномоченным Госполитуправления гр. АГРАНОВЫМ 8-го апреля 1922 года, я показываю следующее:

1) В 1921 г. от одного из товарищей, члена партии социалистов-революционеров, я узнал, что Ф. КАПЛИАН получила в 1918 г. от Московского Бюро Центрального Комитета партии с.-р. разрешение на совершение террористического акта против ЛЕНИНА лишь в виде акта индивидуального, т.е. в случае провала она должна была заявить, что акт совершен не партией, а лично ею, как социал-революционеркой с личной мотивировкой.

2) Наше намерение, путем порчи пути или взрыва бомбой паровоза помешать спокойному отъезду Совнаркома из Петрограда в Москву в марте м[еся]це 1918 г., должно было носить лишь демонстративный характер. Но эта попытка покушения не получила осуществления, в виду недостаточной подготовленности дела и преждевременного отъезда Совнаркома в Москву.

3) В Сибири в 1919 г. я слышал от одного из офицеров, бывших в 1918 г. в Петрограде (он сочувствовал с.-р.), что в январе 1918 г. действительно было произведено в Петрограде покушение на ЛЕНИНА при его проезде на автомобиле с ПЛАТТЕНОМ, при чем это покушение было совершено какой-то военной группой при участии ТЯГУНОВА.

4) Ярославское восстание, организованное Б. САВИНКОВЫМ⁴¹, возникло не только без участия центральных учреждений партии с.-р. [(Ц.К.[.] военная комиссия при Ц.К.)[.] но и шло в разрез с планами партии с.-р., нарушив подготовку с.-р.-ми восстания в северном районе. (Архангельск – Вологда). Восстание в Архангельске – Вологде должно было предшествовать десанту союзников, который должен был уже закрепить победу повстанцев. План восстания в северном районе разрабатывался военной группой п. с.-р. в Петрограде.

5) На первом заседании Ц.К. п. с.-р., на котором я поднял вопрос о терроре против Советской власти (конец января – начало февраля м[еся]ца 1918 г.)[.] я был поддержан лишь одним членом

^а Так в документе.

Ц.К. п.-с.-р. Виктором Михайловичем ЧЕРНОВЫМ[.] насколько я помню. (О переговорах А.Р. ГОЦА с КОНОПЛЕВОЙ Л. весной 1918 г. я не помню)).

6) С Г.И. СЕМЕНОВЫМ я знаком с лета 1918 г.^а Ближе с ним познакомился со времени 4-го съезда п. с.-р.^б по работе в Военной организации. Я относился к нему, как к ценному работнику-революционеру. С КОНОПЛЕВОЙ я был знаком отчасти по легальной работе в 1917 г. и по военной работе.

7) Мое положение^б, о вступлении моем в Боевую организацию[.] было отклонено Ц.К. (кажется это было в частном порядке), в виду необходимости использования меня для другой работы.

8) В Петрограде я оставался до VIII Совета партии с.-р. (начало мая 1918 года).

9) В начале августа 1918 г. в Москве безусловно не было: БУРЕВОГО, ВЕДЕНЯПИНА, ГЕНДЕЛЬМАНА, ГЕРШТЕЙНА – они находились за фронтами, либо на пути туда.

В Москве, кроме меня, были РАТНЕР Е.М. и ТИМОФЕЕВ; может быть, был ГОЦ А.Р. Московские работники вступили в Бюро Ц.К. уже после моего отъезда. ДОНСКОГО я тогда в Москве не видел.

10) Военная Комиссия при Ц.К. летом 1918 г. занималась отправкой военных работников за волжский фронт. Определенно я знаю о вхождении в состав этой Комиссии ДАШЕВСКОГО. Возможно, что в нее вошли ЗЕНЗИНОВ и МОИСЕЕНКО.

Вышеизложенное на двух с половиной страницах, изложенное с моих слов – верно: Николай Николаевич ИВАНОВ.

8/IV-22 г.

Допросил Я. АГРАНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 6–7. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 204–204 об. Незаверенная машинописная копия, направленная для сведения Ф.Э. Дзержинскому. На л. 204 сверху слева автограф Ф.Э. Дзержинского.

№ П-34

Показания свидетеля обвинения А.А. Краковецкого

8 апреля 1922 г.

ПОКАЗАНИЯ КРАКОВЕЦКОГО (ПО ДЕЛУ ПАРТИИ С.-Р.)

За несколько дней до октябрьской революции я приехал в Петроград в качестве делегата на съезде Советов от Иркутского Совета Солдатских депутатов. В воздухе чувствовалась неизбежность решительного столкновения между военным правительством и большевиками, выдвигавшими лозунг «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ».

Насколько я помню[.] в дни[.] предшествовавшие 26 октября[.] военная Комиссия ПСР готовилась к сопротивлению и результаты ее работы особенно реально сказались в подготовке броневых дивизионов. Чувствуя постепенный и неуклонный отход солдатских масс от правительства, члены военной Комиссии настаивали пред членами Ц.К. на захвате инициативы в свои руки, т.е. подавлении назревавшего выступления большевиков самыми решительными мерами. В частности[.] указывали на то, что если броневой дивизион не будет использован эсерами немедленно, он уйдет из наших рук и мы лишимся весьма солидной опоры. Члены Ц.К. вели в это время переговоры с большевиками и могли дать только общую директиву о необходимости усиленной подготовки войск без указания срока выступления. «Тем не менее одновременно с этим позиция[.] занятая эсерами на съезде Советов[.] с неизбежностью вела к кровавой развязке». Увидев[.] [ч]то большинство съехавшихся делегатов наст[р]оено большевистски[.] эсеры решили бойкотировать съезд и сорвать его результаты путем отказа от участия в его работах. Насколько руководители ПСР были оторваны от масс[.] можно судить по заседанию эсеровской фракции съезда[.] обсуждавшей вопрос об уходе со съезда накануне его открытия. На этом заседании выступал ГОЦ от имени Ц.К. с резкой критикой лозунга [«]вся власть Советам» и был встречен самыми резкими протестами со стороны эсеровских элементов.

По этому бурному заседанию можно было судить о том, поскольку^в утеряны все позиции партии в глазах широких масс.

Тем не менее решение Ц.К. о бойкоте съезда оставалось неотменным и тем самым дальнейшее развитие событий могло идти только в направлении вооруженной борьбы с большевиками. Правительство и особенно высшие круги очевидно переоценивали свои силы и не учитывали сил противника. Я помню разговор свой с пол[ковником] ПОЛКОВНИКОВЫМ, бывш[им] тогда команд[ующим] войсками Петроградского Военного Округа. Разговор этот имел место в день закрытия большевистских газет 24 или 25 Октября.

Полковников был настроен очень оптимистически и уверял меня, что приняты все меры для быстрой и успешной ликвидации большевистского движения.

Но ближайшие дни показали обратное:

Что касается настроения военной Комиссии ПСР[.] то она, оставаясь на позиции необходимости борьбы до конца, учитывала полное исчезновение доверия солдатских масс к Правительству. Все мы ясно сознавали, что имя КЕРЕНСКОГО было совершенно дискредитировано в глазах армии. В разговорах среди Членов Военной Комиссии не раз в эти дни поднимался вопрос о необходимости образования однородно-социалистического правительства и замены КЕРЕНСКОГО – ЧЕРНОВЫМ. Мы рассчитывали, что этими мероприятиями возможно еще укрепить моральный престиж власти и создать в массах настроение против большевистских лозунгов. К нашей точке зрения склонился также ГЕРНШТЕЙН^г, который больше других членов Ц.К. давал себе ясный отчет о критическом положении ВР[еменного] Правительства. Не знаю[.] представлял ли ГЕРНШТЕЙН эти проекты на рассмотрение Ц.К. партии, но во всяком случае

^а Так в документе, следует, видимо, 1917 г.

^б Так в документе, следует предложение.

^{а-б} Здесь и далее подчеркнуто в документе.

^в Так в документе, следует насколько.

^г Так в документе, здесь и далее следует ГЕРШТЕЙН.

военная комиссия вынуждена была вести свою работу в условиях старой политической обстановки.

До 26-го Октября, т.е. в течении нескольких дней[,] прошедших с момента моего приезда в Петроград, я часто бывал в военной комиссии[,] но не мог отделиться целиком ее работе[,] т.к. мне приходилось часто посещать Смольный в связи со съездом. Поэтому я не помню теперь конкретно[,] в каких войсковых частях велась работа и какие результаты давала она в отдельных случаях.

Поворотным моментом[,] заставившим меня стать во главе военной комиссии[,] явилось выступление большевиков 26 октября[,] передавшее почти безболезненно власть в их руки. Отъезд КЕРЕНСКОГО на фронт для сбора верных частей и настроение членов Ц.К. указывали на то, что партия и Правительство не намерены примириться[я] с совершившимся фактом и будут отгайзовывать^а дальнейшую борьбу против большевиков. Это заставило и военную комиссию проявить лихорадочную деятельность по подготовке выступления в Петрограде в связи с наступлением КЕРЕНСКОГО извне. В течении нескольких дней были завязаны связи с военными училищами и несколькими военными частями[,] подававшими надежду на поддержку Правительства. Таких частей[,] правда[,] было очень немного, насколько я помню[,] в наши расчеты входила какая-то команда самокатчиков, стоявшая частью в петропавловской крепости, частью в городе[,] и команда инвалидов. Никаких надежд на гвардейские полки мы не возлагали и хранили свой план главным образом на силах юнкеров. Работа Комиссии в этом направлении шла успешно: в течении нескольких дней мы подготовили почву для начала военных действий. О всей этой работе конечно были осведомлены члены Ц.К. партии[,] которые с своей стороны перенесли центр сопротивления большевикам в Комитет «Защиты родины и революции». Однако кровавая развязка поступила^с скорее[,] чем ожидали, Члены военной Комиссии. Были получены сведения о готовящемся разоружении каких-то броневиков, которые мы считали своими[,] и поэтому было решено выступать немедленно. Решение это было принято представителями военной комиссии ПСР и представителями военного отдела Комитета Защиты Родины и Революции [в] ночь на 29 Октяб[р]я в помещении Всерос[сийского] Кредитного союза. Руководителем выступления был назначен тот же ПОЛКОВНИКОВ, при чем назначение это было сделано Комитетом Защиты[,] в котором видную роль играл ГОЦ. Тут же были заготовлены приказы военным училищам^с о выступлении. Эти приказы лично я дал на подпись АВКСЕНТЬЕВУ, как Председателю Комитета.

Уже перед самым переходом руководителей из помещения Союза в Инженерный замок, где было назначено место нахождения штаба, я имел мимолетный разговор с ГОЦОМ. Встревоженный и взволнованный ГОЦ просил меня принять меры, чтобы после занятия Смольного повстанцы были удержаны от эксцессов над видными руководителями большевиков. Как известно[,] наше восстание не нашло себе поддержки среди частей гарнизона и было изолировано рамками чисто юнк[е]рского движения[,] к которому примкнули только определенные группировки офицерства самого разношерстного в политическом смысле состава.

После неудачных для нас боев, сосредоточивающихся вокруг пехотных училищ, мы получили распоряжение из комитета Защиты прекратить дальнейшую борьбу ввиду ее полной безнадежности.

Около 5 или 6 час. вечера я оставил здание Никол[аевского] Инженерн[ого] училищ[а] и в течении нескольких дней скрывался^а в Петрограде, а затем выехал в Киев.

В Киев я приехал в начале Ноября в период господства Центральной Украинской Рады. Антибольшевистский характер ее создавал благоприятную обстановку для организации сторонников Вр[еменного] Правительства. Вскоре я узнал о том, что Сибирская Областная дума⁴³, собравшаяся в Томске[,] избрала меня военным министром первого Сибирского Правительства и дала мне поручение приступить к организации сибиряков на фронте. По этому поводу еще ранее я вел переговоры с Дербером[,] представителем Сиб[ирского] Областного совета[,] по прямому проводу. Мною был организован в Киеве Сибирский Военный Комиссариат и выработан проект формирования сибирских частей. Ввиду отсутствия средств для этой цели я обращался за помощью [к] Украинскому Правительству и главе французской военной миссии ген[ералу] ТАБУЛ[у]. [У]кр[аинское] Правительство ничем не могло помочь нам в этом отношении[,] т.к. и само было стеснено в финансовом отношении. Что-же касается ген[ерала] ТАБУЛ[,] то он очень внимательно отнесся к моему проекту и после долгих переговоров согласился принять за счет французского Правительства содержание организуемых "сибирской гостей", для начала работы обещала^м отпустить кажется один миллион в счет общей сметы[,] исчисленной в несколько десятков миллионов.

Об этих моих переговорах был осведомлен ГЕРНШТЕЙН, так-же приехавший в Киев вместе с РИХТЕРОМ для переговоров с Укр[аинским] Правительством ЧЕРНОВ о возможности получения денег от ген[ерала] ТОБУЛ^а. ГЕРНШТЕЙН начал настаивать, чтобы я передал часть этой суммы партии ввиду критического финансового положения. На мои возражения [...]° как представитель Сиб[ирского] Правительства и поэтому могу давать их на партийные цели, ГЕРНШТЕЙН ответил мне, что как член партии я обязан сделать все возможное, чтобы исполнить его требования. Зная о том, что переговоры мои с ТАБУЛОМ близятся к концу[,] ГЕРНШТЕЙН почти каждый день посылал ко мне различных товарищей с целью информации о положении дела. Ввиду того, что Киеву угрожала опасность со стороны наступавших большевиков[,] ГЕРНШТЕЙН усиленно торопил меня поскорее получить от французской миссии обещанный аванс, чтобы не оставить партию без денег. Однако события развивались таким быстрым темпом, что я не успел довести дела до конца. Киев был взят после нескольких дней боя и мне пришлось вновь бежать[,] передав свои обязанности комиссара Сибирских войск на фронт[е] своему заместителю.

Выбравшись из Киева[,] я приехал сначала в Москву, где виделся с ГОЦОМ[,] жившим на

^а Так в документе, следует организовывать.

^с Так в документе, следует, видимо, наступила.

^ж Так в документе, следует таких.

^з Так в документе, следует училищам.

^и Исправлено в документе взамен ранее напечатанного открывался.

^{к-л} Так в документе, следует, видимо, сибирских частей.

^м Так в документе.

^н Так в документе.

^о Далее часть текста не прочитана.

нелегальном положении, а потому^п отправился в Петроград. ^рЦелью моей поездки явилась организация Сибирского Военного Комиссариата в Петрограде[.] при которых проходило много демобилизованных Сибиряков[.] направлявшихся на родину^с. В Петрограде я нашел много союз^т Сибиряков Областников [–] легальное учреждение, которое занималось террористической и практической разработкой различных вопросов государственного строительства Сибири. Союз был тесно связан с Сибирским Правительством, которое к этому времени было ликвидировано большевиками и ушло в подполье. Союз поддерживал связь с Советской властью и кажется принимал от него даже поручения по закупке продовольствия в Сибири. При Союзе имелась небольшая военная ячейка, которая почти ничем не заявляла о своем существовании. Главное руководство его находилось в руках И.А. МИХАЙЛОВА – с.-р., члена Сиб[ирского] Правительства[.] избранного Сиб[ирской] Обл[астной] Думой.

[П]о моем приезде возник проект получить от Советской власти официальное разрешение на организацию Сибирских частей для защиты Петрограда от наступающих немцев. В дальнейшем предполагалось использовать эти силы для антибольшевистской борьбы или в Сибири[.] в зависимости от обстановки и реальных возможностей. Поэтому^у по поводу правление Союза вело переговоры с представителями Советской власти, но не получало необходимого ра[з]решения как замаскированные попытки организации контр-революционных сил.

Тем не менее я вместе с Михайловым был два раза у НУЛАНСА и излагал ему наш проект, ссылаясь при этом на переговоры, имевшие место в Киеве [с] ген[ералом] ТАБУЛ. В первое наше свидание НУЛАНС принял нас очень приветливо и сочувственно отнесся к нашим предложениям. Но второе свидание совпало уже с моментом наступления немцев на Петроград, когда французская миссия уже упаковывала свои чемоданы и готовилась к эвакуации[.] НУЛАНС был очень нервно настроен и[.] бросив обвинение по адресу КОРНИЛОВА, который стоит очень дорого французам[.] а не дает ничего реального, он отказался вести дальнейшие переговоры в Петроградской обстановке. В этот же приезд я виделся несколько раз с работниками партийной военной организации, фамилии которых не помню. Знаю о том[.] что у них велись какие-то переговоры с организацией ФИЛИПЕНКО^ф. Раз или два виделся с их представителями на^х конспиративной квартире, но дело ограничилось взаимной информацией.

Вообще[.] занятый больше Сибирскими делами[.] я в это кратковременное пребывание в Петрограде не успел войти в курс партийных военных дел. Общее впечатление создалось такое, что главные руководители военной работы продолжают ее по инерции без веры в целесообразность ее и возможность положительных результатов. После свидания с Тимофеевым я окончательно убедился, что нет никаких оснований ра[с]считывать на возникновение широкого массового движения против большевиков, как в населении, так и в армии.

В это же время я получил через союз сибиряков телеграмму из Томска, в которой Сиб[ирское] правительство экстренно вызвало меня в Сибирь. По приезде в Томск я виделся с представителями Сиб[ирского] Правительства с.р. МИХАЙЛОВЫМ, МАРКОВЫМ и др. Они вели уже подпольную антибольшевистскую работу, организуя военные силы, которые состояли почти исключительно из офицеров.

В некоторых городах[.] например[.] в Омске организации состояли из Монархических элементов. Тем не менее с.-р. поддерживали с ними деловую связь. Что касается самих с.-р. организаций[.] то и они возбуждали много сомнений в отношении политической физиономии своих членов[.] достаточно указать, что известный Гришин-Алмазов являлся в это время членом Ново-Николаевской группы п. с.-р. и представителем ее военной организации.

Такую картину я наблюдал в Иркутске и Чите, куда заезжал по пути до [дальнего] Востока. Сибирское Правительство с ДЕРБЕРОМ во главе находилось в это время в Харбине. Все надежды возлагались на Правительство, которое должно было добиться признания союзниками, получить от них материальную [и] моральную помощь и[.] организовав на дальнем Востоке вооруженную силу[.] двинуться оттуда на освобождение Сибири, что касается помощи от союзников живой силы[.] то по этому вопросу мнение организации расходилось. В то время как в Томске и Чите большинство руководителей считали неприемлемой союзническую интервенцию, в Иркутске руководители высшей организацией, как например видный с.-р. ЯКОВЛЕВ не возражали против привлечения вооруженных сил японцев. Совершив свой обезд наиболее крупных городов в Сибири[.] я приехал в Харбин. Сиб[ирское] Правительство находилось в критическом положении, денег не было[.] все попытки завязать деловую связь с представителями союзников не давали никаких результатов. Несмотря на усиленное отбивание^п порогов различных Консульств и Миссий положение Правительства оставалось двусмысленное, на территории, где полными хозяевами являлись банды: СЕМЕНОВА, КАЛЫКОВА, ген[ерала] ХОРВАТА и др. Между тем местные организации[.] с которыми поддерживалась постоянная связь[.] требовали все время денег для продолжения работы. Нам писали, что отсутствие средств приводит к тому, что члены наших организаций начинают переходить в правые монархические организации, пользовавшиеся материальной поддержкой торгово-промышленников. Впрочем некоторые наши организации как[.] например[.] иркутская пользовалась помощью местной буржуазией[.] назревавший кризис подпольной работы был разрешен выступлением Чехо-Словаков. С первых же моментов их выступления ^пвсеми местными организациями^п работали рука об руку с чехами. В Ново-Николаевске ген[ерал] ГАЙДА еще до выступления вел переговоры о совместных действиях с представителями с.-р. организацией. Уполномоченный Сиб[ирского] Правительства с.р. ФОМИН[.] член учредительного Собрания[.] сопровождал главный эшелон чехов[.] двигавшийся с боем на восток и устанавливал на местах новую демократическую власть. Дерберовская группа Сиб[ирского] Правительства переходила в это время во Владивосток и номинально приняла на себя всю полноту власти. Фактически же оторванная от масс [и] окруженная враждебной буржуазией-монархической^п средой она вынуждена была идти на переговоры с цензовыми элементами. Такие переговоры велись с генералом ХОРВАТОМ по вопросу об образовании коалиционного правительства, при чем в этом деле не последнюю роль играли представители союзников: Франции, Англии и Японии. Стремясь создать единый антибольшевистский фронт из

^п Так в документе, следует, видимо, потом.

^{р-с} Так в документе.

^т Так в документе.

^у Так в документе.

^ф Так в документе, следует, видимо, Филоненко.

^х Исправлено взамен напечатанного по.

^п Так в документе.

^п Так в документе.

^{п-п} Так в документе.

^п Так в документе, следует, видимо, буржуазно-монархической.

всех право-социалистических, демократических, и реакционно-буржуазных группировок, союзники не склонны были поддерживать на Д[альнем] Востоке одно какое-либо течение. Поэтому попытки все Дерберовской¹⁴ группы добиться помощи той или иной иностранной державы оканчивались далеко несмотря на усиленную обработку союзных представителей¹⁵. Что же касается японцев[,] то они поддерживали негласно СЕМЕНОВА [и] весьма охотно вели переговоры с сибирским правительством[,] соглашаясь даже получить от него в аренду транспорт [на] Печенегу.

Такое двухсмысленное положение Дерберовской группы продолжалось до приезда [с] запада премьера Омского правительства ВОЛОГОДСКОГО, по сравнению с политическим курсом[,] установившимся в Зап[адной] Сибири[,] члены Дерберовской группы оказались слишком «левыми» и вынуждены были подать в отставку.

В конце Октября я выехал из Владивостока в Иркутск. Здесь я имел возможность наблюдать полное бессилие эсеров вести борьбу с развертывавшейся реакцией. После колчаковского переворота, когда среди крестьянского населения началось партизанское движение[,] эсеры оставались в стороне от него и не могли дать ни одного руководителя.

Я помню[,] [в] какое безвыходное положение были поставлены члены Краевого Комитета ПСР, когда в Иркутск прибыла делегация от партизан с просьбой дать им организаторов. Оказалось[,] что сил нет, нет даже для выполнения такого элементарного задания.

Такая же самая обстановка полного бессилия и разложения партии наблюдалось на всем протяжении Сибири.

Эсеры[,] вынесшие на своих плечах диктатуру КОЛЧАКА, оказались неспособными принять участие в борьбе против реакции. Когда я ездил в Екатеринбург, на свидание с ГАЙДОМ для привлечения его к антиколчаковской организации, мне пришлось видаться и говорить с ГЕРНШТЕЙНОМ и БРУШВИТОМ. Оба они продолжали оставаться на старых позициях борьбы на два фронта против большевиков и нейтральной диктатуры. Ни тот ни другой не хотели ничего слышать о примирении с Советской властью. В то же время они практически абсолютно ничего не делали для свержения Власти Колчака и ограничивались бесконечными свиданиями, заседаниями и совещаниями в небольшом кругу единомышленников. Эти же черты[,] характерные для эсеров[,] проявлялись и в дальнейшем в период моей антиколчаковской работы и поездке ГАЙДЫ во Владивостоке.

На одном заседании Владивостокской организации ПСР представитель ЦК ИВАНОВ прямо заявил, что до тех пор[,] пока партия эсеров в состоянии или взять власть в свои руки и остаться, опасность передать ее большевикам¹⁶, партия не может одобрить выступления против КОЛЧАКА.

Во время второго восстания во Владивостоке против генерала РОЗАНОВА, 31 января 1920 года, эсеры также оставались в стороне и не принимали участия в революционном штабе. Даже больше [-] в несколько дней до этого переворота, Владивостокская группа ПСР официально объявила, что она считает вспышкующательством все попытки вооруженных восстаний при обстановке[,] сложившейся на Дальнем Востоке.

Все это все больше развенчивало ПСР в моих глазах. Уже в начале 1920 г. я чувствовал себя вне партии, давая себе ясный отчет в неспособности партии занять правильную позицию в отношении Советской Власти. Во время своего пребывания в Чехии, где я виделся и много говорил с видными лидерами эсеров ЧЕРНОВЫМ, ЗЕНЗИНОВЫМ, МИНОРОМ, ЛАЗАРЕВЫМ и др. Я окончательно убедился в преступности их работы за границей в отношении революции в России. В моих глазах развертывалась соглашательская политика АВКСЕНТЬЕВА, РОГОВСКОГО и др. членов партийной группы с кадетами, я читал в [«]Воле России[»] постоянные призывы к повстанческой борьбе с Советской Властью, я присутствовал на митингах, на которых в угоду черносотенных аудиторий[,] состоявших¹⁰ из Врангелевских офицеров[,] поносилась Советская Россия, наконец[,] я знаю[,] какую позорную роль играли в Чехии г.г. ЛЕБЕДЕВЫ, БРУШВИТЫ, обрабатывая¹¹ руководителей чешского правительства и удерживая их от заключения торговых договоров с Советской Россией.

Перенеся центр тяжести работы за границу[,] эсеры в течении последних лет вели кампанию^{1а} против признания Советской власти и против какой бы то ни было помощи России через посредство советского Правительства. Таким образом значительная доля бедствий[,] переживаемых Россией, русскими крестьянами и рабочими лежит на совести эсеровской партии.

Суд над нею властью диктуется велениями революционной совести и исторической справедливостью перед трудящимися России[,] вынесшими на своих плечах кровавую борьбу с реакцией, интервенцией[,] голодом и хозяйственной разрухой.

За все то партия эсеров должна нести политическую ответственность перед лицом рабоче-крестьянского класса страны. —

(А. КРАКОВЕЦКИЙ.)

8 апреля 22 г.

г. Москва. Допросил особоуполномоченный ГПУ Я. АГРАНОВ.

— ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 11—20. Машинописная копия того времени.

— ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 206—210. Незаверенная машинописная копия.

№ П-35

Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР
Л.Я. Герштейна

9 апреля 1922 г.

¹⁴ Исправлено взамен напечатанного Дерберовские.

¹⁵ Так в документе.

¹⁶ Так в документе.

¹⁰ Исправлено взамен напечатанного состоявшей.

¹¹ Так в документе, следует обрабатывая.

^{1а} Так в документе, следует кампанию.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Льва Яковлевича ГЕРШТЕЙНА^а.

Допрошенный 9/IV-1922 г. по обвинению в причастности к террористической и боевой работе партии С.-Р., я от дачи показаний отказываюсь[.] считая единственным достойным и возможным для себя давать показания только коллективно вместе с другими членами Ц.К. Партии.

Л.Я. ГЕРШТЕЙН.
Допросил АГРАНОВ.

9.IV.22 г.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 238. Незаверенная машинописная копия.

№ П-36

*Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР
Г.Л. Горькова-Добролюбова*

11 апреля 1922 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА гр. ГОРЬКОВА-ДОБРОЛЮБОВА Григория Лаврентьевича

Допрошенный 11/IV-22 г.[.] я заявляю, что от показания по существу дела и предъявленного мне обвинения в связи и сношениях с французской миссией в 1918 г. по поручению Ц.К.П.С.Р. я отказываюсь.

Изложенное написано с моих слов.

Григорий ГОРЬКОВ-ДОБРОЛЮБОВ.

Допросил Я. АГРАНОВ.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 240. Незаверенная машинописная копия.

№ П-37

*Письмо заместителя народного комиссара
здравоохранения заместителю председателя ГПУ
И.С. Уншлихту с сообщением результатов медицинской экспертизы о
свойствах яда кураре⁴⁴*

21 апреля 1922 г.

Сов[ершенно] Секретно.

Посылаю заключения экспертов, – проф. ЩЕРБАЧЕВА, проф. МИНАКОВА и д-ра ЭСАУЛОВА, – о свойствах яда кураре.

ЗАМНАРКОМЗДРАВ (подпись)

21/IV-22 г.

1) КУРАРЕ: Южно-Американский стрелный яд, из коры растения, в виде сухого [...] буро-красного экстракта, горького вкуса, растворима частью в воде. Главное действующее начало сока КУРАРИИ имеет аморфных, растворимых в воде красноватых листочков^б.

2) Отравление происходит при введении под кожу.

3) Минимальная смертельная доза курарина 0,024 на человека в 70 к

5)^в Органические яды вообще и Кураре в частности, отличаются большой стойкостью и могут долго сохраняться при надлежащих условиях хранения, но при гниении могут распадаться^г.

6) Органические яды могут выдержать до температуры кипения, но при более высоких температурах перегоняются и затем распадаются.

7) Трудно допустить, чтобы при намазывании сверху кураре пули на ней могло^а бы сохраниться после выстрела количество яда, достаточно[е] для отравления.

8) Если, при специальном приготовлении пули[.] возможно было достигнуть того, чтобы во время разрыва пули в теле человека в последнее попала бы доза яда, не меньшая смертельной, то конечно при подобных условиях нельзя отрицать возможности отравления^с.

Сведения[.] данные проф. Судебной Медицины
Н.А. МИНАКОВЫМ Н.Е. ЭСАУЛОВ[ЫМ].

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 348. Л. 6. Машинописная копия.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 9. Машинописный подлинник. Подписи – автографы.

^а Так в документе, здесь и далее следует ГЕРШТЕЙН.

^б Часть текста не прочитана.

^в Так в документе.

^г Так в документе.

^а Так в документе.

^б Исправлено взамен напечатанного могла.

^с Так в документе, следует отравления.

№ П-38

*Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР
Д.Ф. Ракова*

[апрель] 1922 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Гр. РАКОВА Дмитрия Федоровича, 40 лет, из крестьян Нижегородской губ[ернии] Каяшинского^а уезда, Больше-Камарской волости, ст[аницы] Камары, местожительство гор. Москва, род занятий статистик-экономист, женат, недвижимого имущества не имеет, член Партии социалистов-революционеров, образование – окончил учительскую семинарию, учительский институт и Московский коммерческий институт, до войны 1914 г. был в ссылке, занимался уроками и литературной работой в Москве. До Февральской революции 1917 г. работал в кооперации и Городской управе в Москве. До Октябрьской революции 1917 г. работал в качестве члена Центрального комитета социалистов-революционеров. С Октябрьской революции до ареста тоже.

Сведения о прежней судимости – привлекался к суду несколько раз с 1905 г. по 1917 г. за принадлежность к партии.

ПОКАЗАНИЯ ПО СУЩЕСТВУ ДЕЛА

На предложенные мне вопросы: 1. знал ли я о существовании при ЦК Партии социалистов-революционеров боевой организации, 2) Как я относился к боевой организации, 3) Как я относился к террору и экспроприации, 4) Получала ли партия средства от союзных государств отвечать отказываюсь, постараюсь дать показания лишь при судебном разбирательстве дела.

Присовокупляю, что я подписал ответы, написанные мною лично.

Д. РАКОВ

Допрашивал Начальник 2 Отделения СО ГПУ   ГЕРЦМАН.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 82. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 272. Незаверенная машинописная копия.

№ П-39

*Письмо заместителя председателя Верховного Трибунала ВЦИК А.В.
Галкина начальнику Секретного отдела ГПУ Т.П. Самсонову о переводе
заключенных членов ПСР
в Лефортовскую тюрьму*

2 мая 1922 г.

НАЧАЛЬНИКУ СЕКРЕТНОГО ОТДЕЛА
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.–
Тов. САМСОНОВУ.–

Верховный Трибунал ВЦИК просит

Вас сделать распоряжение о переводе арестованных по делу правых соц[иалистов] революционеров в числе 17 человек:

1. АГАПОВА Владимира Владимировича.
  2. АЛЬТОВСКОГО Аркадия Ивановича (он же АЛЕКСЕЕВ Н.А.)
  3. АРТЕМЬЕВА Николая Ивановича
  4. ВЕДЕНЯПИНА Михаила Александровича
  5. ГИНДЕЛЬМАНА^а Михаила Яковлевича (ГРАНОВСКОГО)^б
  6. ГОРЬКОГО^в-ДОБРОЛЮБОВА Григория Лаврентьевича
  7. ГОЦ Абрама Раф[а]иловича
  8. ГЕРШТЕЙН Льва Яковлевича
  9. ДОНСКОГО Дмитрия Дмитриевича
  10. ИВАНОВА Николая Николаевича
  11. ИВАНОВА-ИВАНОВА^г Елены Александровны
  12. ЛИХАЧЕВА^а Михаила Александровича
  13. МОРОЗОВА Сергея Владимировича
  14. РАКОВА Дмитрия Федоровича
  15. РАТНЕР-ЭЛЬКИНД Евгении Моисеевны.
  16. ТИМОФЕЕВА Евгения Михайловича
  17. ФЕДОРОВИЧА Флориана Флориановича
- Для дальнейшего содержания под стражей в Лефортовскую тюрьму.

^а Так в документе.

^в Так в документе, следует ГЕНДЕЛЬМАНА.

^б Так в документе, следует ГРАБОВСКОГО.

^г Так в документе, следует ГОРЬКОВА.

^г Так в документе, следует ИВАНОВОЙ-ИРАНОВОЙ.

^а Так в документе, следует ЛИХАЧА.

Верховный Трибунал ВЦИК полагал-бы необходимым:

1) поручить перевод арестованных под личную ответственность сотрудника ГПУ – которому надлежит следить за тем, чтобы арестованные перевозились в закрытом автомобиле группами по два человека, в каковых они содержались в Секретной тюрьме ГПУ, без содержания групп или одиночных заключенных в одном автомобиле, дабы не дать возможности общения им: чтобы они размещались в Лефортовской тюрьме в том же порядке[,] в каком содержатся в Секретной тюрьме ГПУ.

2) Командировать на все время содержания арестованных в Лефортовской тюрьме – трех сотрудников, знающих в лицо всех арестованных – для наблюдения за ними в тюрьме – в распоряжение Коменданта тюрьмы.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЦИКОВНОГО*
Трибунала ВЦИК

А. ГАЛКИН

Секретарь ШЕП*

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 348. Л. 10. Машинописная копия, заверенная секретарем Следственного отдела Верховного Трибунала.

№ П-40

*Протокол показаний заключенной члена ЦК ПСР
Е.М. Ратнер*

4 мая 1922 г.

ПОКАЗАНИЯ ПО СУЩЕСТВУ ДЕЛА
ЕВГЕНИЙ МОИСЕЕВНЫ РАТНЕР

Допрошенная гр. АГРАНОВЫМ 4/V-22 г.[.] я показала следующее: Григория СЕМЕНОВА я в первый раз встретила на 9 Совете П.С.Р. 25/V-19 г. и никаких экспроприированных денег я от него не получала. По существу предъявленных мне обвинений я отказываюсь давать показания, которые я дам только на суде.

Подпись (Евгения Моисеевна РАТНЕР).

Допросил Я. АГРАНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 3. Машинописная копия того времени.

№ П-41

*Запрос зав. следственным производством
«по делу правых эсеров» Верховного Трибунала
ВЦИК Е.Ф. Розмирович Я.С. Агранову*

4 мая 1922 г.

Верховный Трибунал В.Ц.И.К. просит в срочном порядке уведомить –

1) принимались ли меры к получению актов дознания об экспроприации в 23-м Почтово-Телеграфном Отделении (уг[ол] Камергерского и Тверской) в августе–октябре 1918 года[,] при которой похищено 200–300 тысяч рублей, а также принимались ли меры к розыску гр[ажда]на, состоявшего в этот период в должности Начальника названного Отделения;

2) принимались ли меры к получению актов дознания о попытке экспроприации в Московском Губпродкоме⁴⁵ (конец сентября 1918 г.[.]) при каковой был наполовину расплавлен замок несгораемого ящика шкафа, а также принимались ли меры к розыску красноармейца МОРОЗОВА[,] бывшего Начальником Караула в Губпродкоме в тот период и оказавшего содействие экспроприаторам;

3) принимались ли меры к установлению факта, что в начале 1918 года в Петрограде на углу Пантелеймоновской и Моховой ул. существовал кооператив и каковой;

4) требовались ли от Петроградского Уголовного Розыска акты дознания об ограблении торговца на Лесном (показание обвиняемого СЕМЕНОВА);

5) принимались ли меры к выяснению обстоятельств[,] сопровождавших попытку эс-ров совершить экспроприацию в Комиссариате Продовольствия (в Петрограде в феврале 1918 г.)[,] для организации каковой был похищен автомобиль из Измайловского гаража; принимались ли меры к розыску эс-эра КАЛХОВСКОГО – рабочего ремонтных мастерских, похитившего⁴⁶ указанный автомобиль;

6) принимались ли меры к получению от Петроградского Уголовного Розыска актов дознания по делу об ограблении на ст[анции] БУИ в мае месяце 1918 г. артельщика Комиссариата Продовольствия (похищено у артельщика 1.000.000 руб.);

7) принимались ли меры к розыску эс-эрки РЕМЯННИКОВОЙ (жена Лихача), принимавшей участие в попытке организовать экспроприацию в кассе кооператива льноводства, а также установления факта существования означенного Кооператива обще [...] (показание СЕМЕНОВА, т. 1, л. д. 40);

8) принимались ли меры к получению от Московского Уголовного Розыска (Городского или Губернского) сведений в подтверждение факта ограбления купца, проживавшего на одной из ближайших от Москвы станций Рязано-Уральской ж.д., а также к получению медицинского акта[,] устанавливающего, что смерть означенного купца последовала от разрыва сердца. (Результат экспроприации – похищение 15–20 тысяч руб. – показание СЕМЕНОВА, т. 1, л. д. 40);

9) [а]принимались ли⁴⁷ меры к установлению личности Главного Бухгалтера Главсахара, занимавшего этот пост в период времени – конец августа, сентября 1918 г. и принимавшего

⁴⁵ Так в документе.

⁴⁶ Так в документе, следует ШЕН.

⁴⁷ Исправлено взамен напечатанного похитивший.

⁴⁸ Часть текста не прочитана.

⁴⁹ Впечатано над строкой.

участие в организации попытки экспроприации Главсахара (показание ПЕЛЕВИНА, т. 1, л. д. 82[.]); б) к установлению личности кассира Главсахара, занимавшего эту должность в декабре 1918 г.

10) принимались ли меры к установлению факта, что эс-эр ЧЕРНЯЕВ состоял в июле, августе 1918 г. на службе в Управлении Александровской ж.д. и к розыску указанного ЧЕРНЯЕВА (показ[ания] СЕМЕНОВА, т. 1, л. д. 41);

11) принимались ли меры к розыску эс-эра ШТАЛБЕРГА Юрия (кличка КАРЛ), являвшегося членом подрывной группы Военной Комиссии при Московском Бюро Ц.К. П.С.Р., а равно к установлению факта[.] что явочная квартира означенного ШТАЛБЕРГА находилась в фотографии, помещавшейся по Долгоруковской ул.;

12) принимались ли меры к установлению факта, что на Мясницкой ул. в августе 1918 г. помещалось Французское общежитие-убежище под названием «АЗИЛЬ».

В случае, если ГПУ располагает в настоящий момент документальными подтверждениями по какому-либо из поставленных выше вопросов, просьба таковые препроводить немедленно; документы по всем вопросам или ответ по существу их просьба препроводить в краткий срок.

ЗАВЕДУЮЩИЙ СЛЕДСТВЕННЫМ
ПРОИЗВОДСТВОМ ПО ДЕЛУ ПРАВЫХ ЭСЭРОВ
(РОЗМИРОВИЧ)⁴⁶

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 348. Л. 16–17. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 30–31. Заверенная машинописная копия.

№ П-42

Протокол допроса заключенного бывшего члена ПСР С.Е. Кононова

5 мая 1922 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА гр. КОНОНОВА Сергея Егоровича.

Допрошенный Особоуполномоченным Г.П.У. гр. АГРАНОВЫМ 5/V 22 года я показал следующее:

Приблизительно до Пасхи сидящий в одной камере (внутренней тюрьме ГПУ) со мной УСОВ перестукивался от имени всей нашей камеры (где сидят ФЕДОРОВ-КОЗЛОВ, ЗУБКОВ, я и УСОВ) с находившимся в камере, расположенной под нашей камерой[.] А.Р. ГОЦЕМ. Перестукивание происходило по трубе. ГОЦ спросил о том, кто заключен в нашу камеру. Ему был дан УСОВЫМ ответ, что в нашей камере находятся прибывшие из Петрограда боевики эсеры. ГОЦ спросил[.] были ли мы на допросе и что мы показывали следователю. Мы ответили, что показывали на следствии обо всем, что касалось нашего участия. ГОЦ сказал нам, что на суде мы должны как эсеры отстаивать прежде всего интересы партии с.-р.^a

Для меня лично, как отошедшего от п.с.р. такое поведение на суде[.] рекомендованное ГОЦЕМ[.] является неприемлемым.

С этим моим мнением согласны мои товарищи по камере, но ГОЦУ об этом мы не говорили⁴⁷.

Сергей Егорович К а н о н о в^б.

На шестой строчке зачеркнуто одно слово и еще на двадцать второй и 23 стр. тоже по одному слову зачеркнуто.

КАНОНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 348. Л. 174. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 168. Рукописный подлинник показаний, написанный Я.С. Аграновым и подписанный С.Е. Кононовым. В деле также имеется машинописная незаверенная копия протокола (л. 169).

№ П-43

Запрос председателя Верховного Трибунала ВЦИК

Н.В. Крыленко народному комиссару юстиции

Д.И. Курскому о толковании постановления ВЦИК от 26 февраля 1919 г.

об амнистии в отношении членов ПСР

17 мая 1922 г.

Верховный трибунал просит Вас в связи с предстоящим окончанием следствия по делу правых с.-р. и предъявлением обвинения разъяснить:

1) Подлежат ли амнистированию на основании постановления ВЦИК от февраля 1919 года об амнистии деятелей правых с.-р., прекративших согласно постановлению партийной конференции от 8-го февраля того же года вооруженную борьбу с Советской властью, деятелей и иных партийных группировок и беспартийные, удовлетворяющие^a тем же требованиям, т.е. изъявившие о своей солидарности с партийными решениями конференции и лояльно державшиеся в отношении к Советской власти с того момента.

Подлежат ли амнистии не только деяния, представляющие собой акты участия в вооруженной борьбе, понимая под последней участие в борьбе на фронтах, или равным образом деяния, направленные на организацию вооруженной борьбы против Советской власти вообще, как-то: подготовка вооруженных восстаний в тылу, подрывная работа, направленная [на] ослабление фронта и т.д., за исключением участия в подготовке в исполнении террористических актов и вооруженных ограблений, как не имеющих никакой связи, ни с борьбой на фронтах, ни с организацией вооруженных восстаний, как равно подлежат ли амнистии аналогичные деяния, имевшие место со стороны тех или иных лиц, на [и]ных фронтах, кроме Восточного, прекращение

^a Подчеркнуто в документе.

^б Так в документе, следует Кононов.

^a Так в документе, здесь и далее следует удовлетворяющие, удов-летворивших.

борьбы на каковом послужило в свое время непосредственным поводом амнистии.

С своей стороны, Верховный трибунал, основываясь на тексте амнистии и на имевшем место прецеденте по применению этой амнистии к лицам, привлекавшимся по так называемому Саратовскому делу правых с.-р. в 1919 году, по коему за силой амнистии было прекращено производством дело в отношении 18 человек правых с.-р., торжественно подтвердивших на суде свой отказ от продолжения вооруженной борьбы, причем амнистия тогда была применена судом не только в отношении актов прямого участия во фронтовой борьбе, но в отношении преступных действий по организации восстаний и подрывной работы в тылу, равно на прецеденты, что тогда же постановлением Президиума ВЦИК было предложено Верховному трибуналу распространить амнистию также на беспартийных, привлекавшихся по тому же делу и удовлетворивших тем же требованиям – Верховный трибунал полагает со своей стороны возможным применение амнистии по данному делу в тех же пределах.

Просьба, не замедлить ответом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО ТРИБУНАЛА

ВЦИК (подпись)

Москва

17 мая 1922 года.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 89–90. Машинописная копия того времени.

№ П-44

*Заявление члена ПСР В.К. Белецкого в Верховный
Трибунал с просьбой о привлечении его в качестве
обвиняемого на предстоящем процессе*

1 июня 1922 г.

Заявление

Будучи сначала привлечен в качестве обвиняемого по делу п.с.р., я теперь переведен в разряд свидетелей по этому делу.

По этому поводу имею сделать Верховному Рев[олюционному] Трибуналу следующее заявление.

Неся партийные обязанности как член П.С.-Р. и выполняя поручения партии, как в Саратовской организации, так главным образом в Петроградской в период времени 1917–1918 годы я был самыми тесными узами связан с партией и несу и по сей момент ответственность за свою работу и убеждения, и за деятельность партии с.-р. в полной мере.

Продолжая оставаться членом п.с.-р. и по сей день, я не хочу уклониться от суда, который будет происходить над моими товарищами и партией. Это говорит мне мое сознание, пробудившееся остро только теперь^а.

На основании всего этого прошу, не принимая во внимание могущая возникнуть препятствия формального характера, привлечь меня, как обвиняемого, чтобы я на скамье подсудимых мог защищать партию от обвинения в преступлениях против рабочего класса.

В. Белецкий

PS Прошу мое заявление приобщить к делу.

ВБ

1/VI

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 6. Л. 364–364 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф. На л. 364 сверху слева резолюция рукой Е.Ф. Розмирович: «В распорядительное заседание. 2/VI».

№ П-45

*Расписки обвиняемых второй группы об ознакомлении
с материалами следственного производства Верховного Трибунала и
обвиняемых первой группы с требованием продолжения ознакомления с
данными материалами*

2 июня 1922 г.

Следственное производство по делу правых с.-р.:

А) 5 основных томов^а (1, 2, 3 тома свидетельских показаний и показаний обвиняемых, 4 том – документы[.] приобщенные к делу, 5-й том – движение дела), В) 6 томов приложений (1 и 2-й тома эсеровских прокламаций, резолюций и протоколов, 3-й том газетные статьи, имеющие отношение к процессу, 4-й том – дело КАПЛАН, 5-й том – дело ограбления Почтового Отделения, 6-й том – дело об убийстве ВОЛОДАРСКОГО) и С) литературные материалы, приобщенные к делу о партии правых эс-эров согласно постановлению от 15 Мая 1922 года –

1. Книга – журнал «Былое» № 16 – 1921 г.⁴⁸

^а Подчеркнуто в документе.

^а Здесь и далее подчеркнуто в документе.

2. Письмо членов ЦК партии эс-эров, заключенных в Бутырской тюрьме к новому Центральному Бюро указанной партии⁴⁹.
  3. Книга В.И. ЛЕБЕДЕВА «Борьба русской демократии против большевиков»⁵⁰.
  4. Книга А. АРГУНОВА «Между двумя большевизмами»⁵¹.
  5. Сборник статей в книге под названием «Прекращение войны внутри демократии»⁵².
  6. Краткий отчет о работе IV съезда Партии С.-р.⁵³
  7. Брошюра под названием IX Совет Партии и его резолюции⁵⁴.
  8. Книга М. СВЯТИЦКОГО «К истории Всероссийского Учредительного Собрания»⁵⁵.
  9. Книга Вадима ЧАЙКИНА «К истории Российской Революции»⁵⁶.
  10. Сборник статей и документов «Вокруг Учредительного Собрания».
  11. Стенографический отчет 1-го дня Учредительного Собрания.
  12. Сборник статей членов Учредительного Собрания фракции эс-эров.
  13. В отдельной книге пять номеров еженедельного журнала «Партийные Известия с.-р.»⁵⁷ начиная с 1-го и кончая 5-м, издававшихся в 1917–1918 годах.
  14. Открытое письмо Владимира ИГНАТЬЕВА от 9-го февраля 1922 года, адресованное ЧАЙКОВСКОМУ.
  15. Семь журналов «Революционная Россия» № 1–22 г., 3–5–23, № 8–9 того же года и № 11 того же года.
  16. Брошюра В.И. ИГНАТЬЕВА под названием «Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны» (1917–1921 г.)⁵⁸.
  17. Книга «Государственный переворот адмирала КОЛЧАКА в Омске 18 ноября 1918 года».
  18. Книга Владимира ЗЕНЗИНОВА «Из жизни революционера»⁵⁹.
  19. Газета «Родная земля» 31 экземпляр⁶⁰.
  20. Комплект газеты «Дело Народа» за 1917 год.
- Следственным Отделом Верховного Трибунала ВЦИК нам предъявлены, с каковым мы ознакомились, в чем и рописуемся –
1. Морачевский
  2. Г. Ратнер
  3. Семенов
  4. Л. Коноплева
  5. Ставская
  6. Ефимов
  7. Пелевин
  8. Зубков
  9. Федоров-Козлов
  10. Усов
  11. Дашевский
  12. В. Игнатьев
- 1922 года 2-го июня

Все вышеизложенные материалы были нам предъявлены начиная с 23 мая в следующие дни: 23 мая, 27 мая (доставлены в 5 ч. веч.), 28, 29-го, 31 и 2 июня, в указанные дни материалы доставлялись около 2 ч. дня и отбирались между 9 и 10 ч. вечера каждый раз в виду заявления следователей Верхтрибунала о необходимости предъявления материала и другим обвиняемым, находящимся в других тюрьмах или на свободе, ограничивались лишь частью материалов, о доставлении которых заявляли накануне. По этой же причине мы согласились отказаться от ознакомления с материалами 1-х томов, о чем подали заявление, тем более как раз только в этот день нам было доставлено обвинительное заключение.

В виду этого явно недостаточного времени, которое имелось в нашем распоряжении а также в виду величины следств[енного] производства и хаотичес[кого] его состояния (в 1 т. имеются ссылки на свидетелей и документы, отсутствующие в деле) и наконец в виду позднего вручения нам обв[инительного] заключ[ения] мы не имеем возможности достаточно ознакомиться и считаем необходимым дальнейшее предъявление их нам.

Артемьев, Раков, Морозов, Тимофеев, Львов, Веденяпин, Агапов, Лихачев^а, Горьков-Добролюбов, Донской, Гоц, Е. Ратнер, Либеров, Альтовский, Иванов, Иванова-Иранова, Герштейн, Злобин, Гендельман, Утгоф, Федорович, Берг.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 6. Л. 416–417. Машинописный подлинник перечисленных материалов следственного производства, подписи обвиняемых – автографы; особое мнение обвиняемых первой группы – рукописный подлинник.

ДОКУМЕНТЫ, ИСХОДЯЩИЕ ОТ ПОДСЛЕДСТВЕННЫХ

№ П-46

*Заявление подследственного И.С. Дашевского
особоуполномоченному ГПУ Я.С. Агранову
об условиях дачи им показаний*

9 марта 1922 г.

ОСОБО УПОЛНОМОЧЕННОМУ ГПУ Т. АГРАНОВУ.

^а Так в документе, следует Лихач.

Заявление.

В связи с моим привлечением в качестве обвиняемого по делу о деятельности п.с.р. в 1917–1918 г.г. в виду возбужденного вопроса о моем освобождении из заключения до суда, как ответственного, политического работника, в течение последних 2 1/2 лет ведшего непрерывно работу в Политотделе одной из Армий, – считаю необходимым довести до Вашего сведения нижеследующее:

Независимо от того[.] буду ли я освобожден из заключения или нет, мое поведение на следствии будет определяться нижеследующими положениями: не считая нужным, в виду предъявляемого мне обвинения скрывать что[.]либо из своей прежней деятельности, за которую готов нести полную судебную ответственность и из всех тех фактов и условий[.] коими эта деятельность определялась и сопровождалась, я не считаю в то же время возможным для себя, по соображениям революционной этики и личной морали, делать какие либо персональные указания на тех лиц, с которыми я сталкивался в процессе моей работы в то время, – называть имена и т[ому] под[обное].

И. ДАШЕВСКИЙ^а
9-го марта 1922 г.
Внутренняя тюрьма ГПУ
Москва.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 140. Машинописная копия того времени.

№ П-47

Заявление бывшего члена МПСП И.С. Дашевского особоуполномоченному ГПУ Я.С. Агранову о готовности дачи им показаний

[март] 1922 г.

ОСОБОУПОЛНОМОЧЕННОМУ ГПУ тов. АГРАНОВУ.

Заявление Иосифа Самойловича Дашевского.

В дополнение к заявлению моему от 9-го сего марта довожу до Вашего сведения нижеследующее: Я считаю совершенно необходимым, чтобы на предстоящем суде была полностью раскрыта перед сознанием трудящихся масс России и перед общественным мнением Западного пролетариата истина о той печальной полосе в нашей революции, которая ознаменована нашей борьбой, П.С.Р. против Советской власти. Между тем в ответ на опубликованные уже разоблачения Г.И. Семенова и Л.В. Коноплевой, лидер П.С.Р. – В.М. Чернов, в заграничной прессе позволил себе категорически отрицать факты[.] доподлинно ему известные. Весьма вероятно, что и кое-кто из прочих ответственных руководителей П.С.Р. встанет на ту же позицию отрицания, тем более возмутительную, что именно эти лица, не имеющие на то партийной санкции, самочинно предприняли организацию террористических выступлений и тем толкнули рядовых работников и всю партию на гибельный для революции и преступный путь борьбы, а в это же время сами нарушили элементарные требования революционной и просто человеческой морали по отношению к рядовым бойцам, действовавшим по их директивам.

Ввиду этого я считаю необходимым отказаться от своего первоначального решения не называть в своих показаниях никаких имен и буду делать персональные указания в тех случаях, где это будет безусловно необходимо, для точного установления наиболее важных фактов и событий. Я сохранил за собой право воздержания от подобных указаний в отношении многочисленных рядовых деятелей партии.

И. Дашевский
... марта 1922 г.
г. Москва

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 141. Машинописная копия того времени.

№ П-48

Письмо члена ЦК ПСР Д.Ф. Ракова неустановленному адресату о настроениях обвиняемых, изъятое чекистами

Не ранее 29 апреля 1922 г.

Сообщаем на всякий случай новости, полученные нами: по слухам суд начнется 10-го мая. Обвинителем выступит ЛУНАЧАРСКИЙ. Едут ВАНДЕРВЕЛЬДЕ, представитель Вены и будто бы В. СУХОМЛИН, которому даны надлежащие гарантии со стороны Советской Власти. ЛЕВЕНБЕРГ организует Бюро защиты, в которое вошли адвокаты: ТАГЕР, оба МАЛЯНТОВИЧА, МУРАВЬЕВ, КИРИСМАН^а; Н.Д. СОКОЛОВА организаторы защиты почему-то отвели. Они намереваются относительно нас^б ограничиться технически-процессуальной стороной дела, остальных берут полностью; ТАГЕР выражает особое желание защищать ГОЦА и ДОНСКОГО. Мы передали свою точку зрения, что сами мы в защитниках не нуждаемся, хотя против технически-процессуальной защиты мы не возражаем. Нужно подать соответствующие заявления в Красный Крест. Мы, за исключением Митяя, полагаем, что такие заявления подать нужно, ибо они нас ничем не связывают. Что думаете Вы по этому поводу и каковы ваши новости в этой области. Передают, что ДЕДУСЕНКО оказался тоже в числе болтающих. КОНОПЛЕВУ часто видят в Чека. Передают также, что Гр. РАТНЕР рыщет по городу и ищет документы для подтверждения своих обвинительных для нас показаний. По слухам, к нему приходил сам Гр. СЕМЕНОВ, что вызвало глубокое возмущение со стороны его матери. Н.П. СМЕРНОВ и БЕЙЛИТ на свободе. Произведены новые аресты. Предстоит особый процесс тамбовцев, где будет фигурировать Ю.Н. ПОДБЕЛЬСКИЙ. Н.Ф. БЕРЕЗОВ, привезенный вместе с ЕЛЫШЕВИЧЕМ из

^а Исправлено взамен напечатанного ДАЩЕВСКИЙ.

^б Так в документе, следует Киришман.

^в Подчеркнуто в документе.

Саратова, сидит в Бутырках. ЛОТОШНИКОВ выпущен временно на волю и высылается в Череповец. В Москве отпечатаны^в резолюции Всеукраинской конференции с-р.; в числе других есть резолюции об едином фронте и нашем процессе.

Очень плохо чувствует себя ЗАТОНСКИЙ, БЕРГ, ЛИБЕРОВ и ШМЕРЛИНГ продолжают сидеть в Кисельном. Вчера на прогулке АГАПОВ нам сообщил, что они сегодня собираются бить двери, требуя перевода в другую тюрьму. Насколько это серьезно[.] не знаем; по крайней мере встреченные вчера нами на лестнице ШИШИН и Евг. Моисеевна^б ничего по этому поводу нам не сказали. Мы поддерживаем решительные меры борьбы в случае отказа нам в общении после вручения обвинительного акта, так что шляпами нас не называйте.

Шлем привет.

П.С. Сергей Осипович вновь арестован и высылается в Вятку; он объявил голодовку.

По дороге в Туркестан умер с.д. АСТРОВ (?) от сыпного тифа. Он якобы сидел в Бутырке под другой фамилией. Будьте добреньки[.] пришлите к нам немецкую книжку полегче. Сегодня подали заявление с вызовом АГРАНОВА. –

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 6. Л. 119. Рукописный подлинник, написанный рукой Д.Ф. Ракова, без адреса и подписи.

– Л. 120. Машинописная копия, изготовленная в ГПУ и заверенная В. Брауде. Сверху рукописная помета рукой Брауде: «Копия письма члена ЦК ПСР Ракова (отобрана 29/IV.-22 г.)».

№ П-49

Заявление члена ЦК ПСР Н.Н. Иванова председателю ВЦИК М.И. Калинину с требованием изменения тюремного режима

8 мая 1922 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА г. КАЛИНИНУ.

Числящегося за верх. Ревтрибуналом при ВЦИКе и содержащегося во Внутр. Тюрьме Г.П.У. члена Центрального Комитета Партии Социалистов Революционеров – Николая Николаевича ИВАНОВА.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

В конце апреля, мною и другими т.т.[.] содержащимися тогда во Внутр. Тюр[ьме] и привлекавшимися по одному делу со мной, было заявлено требование об изменении режима (общие прогулки, более длительное свидание, передача с воли книг, обмен книгами между камерами и ряд других). В ответ на это требование, представитель ГПУ заявил нам, что во Внутр. Тюр[ьме] все эти льготы вводить неудобно, но, что ввиду окончания следствия ГПУ и перечисления нас всех за Верх[овным] Ревтриб[уналом] нас на днях всех переведут в какую-либо другую тюрьму и там предоставят все требуемые нами льготы (он перечислил – общую прогулку и общие свидания, книги, и прибавил «и прочее»). Через несколько дней, 3-го Мая, нам предложили собирать вещи для перевода, но выяснилось, что переводу подлежат не все т.т. – именно женщины и рабочие не переводятся. Не желая расставаться со своей сестрой, я отказался переводит[ь]ся. Представитель Ревтрибунала, уговаривая меня переехать, говорил, что в Лефортове, куда нас переводили, нам будет лучше, нам позволят общения, большие свидания и т.п., а женщин туда же переведут на днях. Вчера на допросе следов[атель] Верх[овного] Ревтрибунала заявил сестре моей, что женщин в Лефортово перевести невозможно, а их могут перевести в Новинскую тюрьму, что в Лефортове сидеть очень плохо, общих прогулок, конечно нет, а рабочих не перевели, ибо не хотят, чтобы на них оказывал «вредное»[.] влияние т. ГОЦ и другие^а чекисты (надо сие понимать так: чтобы мы легче могли вынудить у рабочих «нужные» нам, следователям, показания – такое отношение к рабочим – «раб.-крест.» власти очень характерно: интеллигенцию^б переводят в другую тюрьму, а рабочих оставляют в особо суровой Внутр. Тюр[ьме], мотивируя это боязнью «влияний»[.] как-будто рабочий такой «младенец», что на него можно «вредно влият[ь]» и чисто жандармский подход к делу, ведь жанд[армы] всегда искали «вред[ных] влияний»!!).

Итак выяснилось, что нас многократно обманывали, и не только представители ГПУ (им сам бог велел обманывать – охранники всегда действуют обманом, как их не называй: жандармами, чекистами или глав...^в)), но и представители Верх[овного] Ревтриб[унала], а это совсем неприлично, ибо, ведь, Сов. Власть хочет доказать всем, что теперь у ней есть «настоящее» правосудие, а одним из атрибутов всякого «правосудия» является честность его агентов. В виду того, что целью наших требований являлся вовсе не перевод отсюда[.] а получение^г ряда льгот (общ[ие] прогулки, книги и пр.) я обращаюсь к вам с этим заявлением (ко всем другим «властям» я обращался уже[.] не добившись толку). Я требую: 1) общения с товарищами (следствие конечно, а с ним отпал последний довод в пользу «изоляции», надо добавить, что и вообще «изоляция» штука бесполезная, ибо когда старым, опытным революционерам понадобится сговориться[.] они «всегда» это смогут сделать[.] как-бы их не изолировали), 2) передачи книг с воли (следов[атель] вчера сказал сестре: «подайте список нужных Вам книг» – как-будто сейчас можно «заказывать» родным «нужные» книги – теперь приходится довольствоваться тем, что сумеют достать родные, поэтому должны разрешить безпрепятственную передачу всех книг, если не хотят превратить, лицемерно, разрешение в запрещение по существу).

3) Более длительного свидания (моей жене пришлось ради получасового свидания прождать в ВЧК 11 часов!!). Общение должно распространят[ь]ся на всех сопроцессников без позорного и нелепого исключения для рабочих.

^в Вписано от руки.

^а Вписано от руки сверху над строкой.

^б Так в документе.

^в Не разобрано копистом, предположительное написание главпупистами.

^г Исправлено взамен напечатанного о получении.

Кроме того, лично для себя я требую следующего: матушка моя настолько дряхла и больна (без надежды на улучшение здоровья)[,] что приходить на свидание не может (доктора ей запретили выходить из дому), я, следовательно, лишен возможности свидания с ней. Это вдвойне тяжело, ибо, во-первых[,], нам вообще мало пришлось жить вместе (сначала 10-летняя каторга, затем разлука на время граждан[ской] войны, я был в Сибири, а матушка в Москве), а во-вторых, если сейчас мне не удастся повидаться с ней, то это не удастся никогда: ее годы, вернее м[еся]цы сочтены, а мне, конечно, придется сидеть [в] Советской тюрьме еще не мало. Я просил – либо отпустить меня на некоторое время домой (все необходимые гарантии своевременного возвращения я обязывался дать), либо свести меня под конвоем на квартиру для свидания. В обоих просьбах я получил отказ.

Перед вам я возобновляю это ходатайство. Возможности моего побега не приходится бояться, хотя бы еще потому, что этим побегом я не пожелаю дать советским писателям лишний повод для клеветы на партию. Да и вообще, свое право присутствовать на суде и открыто перед лицом всего мира изложить свои взгляды я ценю столь высоко, что уклонение от суда считал бы величайшей ошибкой.

Если в Вас, гр. КАЛИНИН, осталась хоть капля духа истинного рабочего, Вам не может быть безразлично поведение представителей «рабоче-кр[естьянской] власти» – и Вы должны предложить соответствующим властям удовлетворить все мои требования – ибо неудовлетворение их – голый, ничем не оправдываемый акт насилия и издевательства.

НИКОЛАЙ ИВАНОВ. 8/V-22 г.

К требованиям брата присоединяюсь вполне –
член П.С.Р. ЕЛЕНА ИВАНОВА-ИРАНОВА.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 6. Л. 134–134 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф Н.Н. Иванова. Ниже – подпись Е.А. Ивановой-Ирановой. На л. 134 сверху рукописные пометы: 1) «В Верх. Триб. 9 мая 22 г.» (подпись неразборчива); 2) «В распорядительное заседание. 10/V. Е. Розмирович».

– Там же. Л. 134а–134б. Машинописная копия, изготовленная делопроизводством НКВД в 1934 г.

№ П-50

Телеграмма иностранным защитникам

*Э. Вандервельде и К. Розенфельду о начатой группой заключенных
голодовке для отстаивания своих прав, подписанная А.Р. Гоцем*

18 мая 1922 г.

Брюссель Вандервельде. Берлин Ц.К. независимых Розенфельд.

В конце апреля Чрезвычайно-уполномоченным по делам с.р. Аграновым было заявлено нам об окончании следствия, передаче дела в ВерхТриб и о переводе нас в Лефортовскую Тюрьму. 13 мая из заявления наркомюста мы узнали о назначении процесса на 1 июня. Это заставило нас обратиться к Вер[ховному] Триб[уналу] с предложением, в виду фактического окончания следствия, предоставить нам возможность общения, без чего не может быть и речи о действительной подготовке к процессу. Отказ ВерхТриб[а.] с нашей точки зрения[.] являлся самым недопустимым посягательством на наши интересы, и мы вынуждены были с 17 мая объявить голодовку. В ответ на это ВерхТриб. заявил нам, что общение будет разрешено нам только с 23 мая, т.е. всего за несколько дней до начала суда. Этот вторичный отказ мы не можем иначе квалифицировать как желание власти поставить нас в условия полной невозможности какой бы то ни было подготовки к процессу. За несколько дней, предоставленных в наше распоряжение властью, мы не в силах, конечно, будем – собрать нужный нам материал, вызвать свидетелей, изучить обширный следственный материал и т.п. Все это заставляет нас продолжать голодовку, ибо иных средств защиты своих элементарных прав мы не видим.

По уполномочию группы с.р. заключенных в Лефортов[ской] Тюрьме
А. Гоц

18 мая 1922 г.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 6. Л. 236–236 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф.

ДОКУМЕНТЫ ОРГАНИЗАЦИЙ ПСР И РСДРП В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

№ П-51

*Воззвание Центрального Бюро партии социалистов-революционеров в
связи с предстоящим процессом*

28 февраля 1922 г.

То всем трудящимся.
Товарищи!

Главное Политическое Управление, перенявшее от Всероссийской Чрезвычайной Комиссии наших пленных товарищей, выступает первый раз перед всей Россией и всем миром с процессом над партией социалистов-революционеров.

В «торжественной» обстановке Верховного Революционного Трибунала большевики хотят судить весь состав Центрального Комитета и ряд активных работников нашей партии.

Их обвиняют «в преступлениях против пролетарской революции», состоящих в «вооруженной борьбе, террористических покушениях и экспроприациях», направленных против диктатуры

советской власти.

Новая политическая жандармерия, рожденная из гнояного чрева ВЧК, выступает обвинителем в свите двух уже опубликованных жесовидетелей: одного типичного предателя-provokatora и другой наивной ренегатки. На очереди еще иные жесовидетели, которые должны явиться, покорные вызову своих нанимателей.

Процесс наших товарищей задуман смело. Осудить хотят не только тех, кто уже находится в руках Госполитуправления, осудить хотят разом всю партию социалистов-революционеров.

Преодолевая брезгливость, вызываемую стряпней коммунистических жандармов и пародией на суд Ревтрибунала, наши товарищи явятся в зал его заседаний, но не для ответа перед ним в качестве обвиняемых. Продолжая борьбу, которую они вели на воле, они от имени партии разоблачат отвратительные приемы большевистского правительства и пригвоздят его к позорному столбу перед лицом трудящихся.

Какая омерзительная смесь из бесстыдного лицемерия, политического шарлатанства и кровожадного вождения скрывается за ширмами выдвинутого обвинения и развязно подносится всему миру.

В момент, когда кремлевские владыки, после четырех с половиной лет, наполненных их клятвопреступлениями, их предательством и провокацией по отношению к трудящимся, капитулируют перед капиталом и отдают в его власть трудовые массы России, против социалистов-революционеров, боровшихся все эти годы с ними, как с диктаторами, выдвигается обвинение в преступлениях против рабочей революции.

Да, мы боролись с диктаторами!

Мы боролись с ними вооруженной рукой в 1918 году, когда они, вырвав власть из рук трудового народа и разогнав Учредительное Собрание, подавили рабочих и крестьян при поддержке германского империализма.

Поддерживая фронт борьбы с контр-революцией, мы приостановили в 1919 году вооруженную борьбу с большевиками, когда пал под ударами Германской революции этот их союзник и поднялись окрепшие под ударами их политики силы контр-революции.

Мы перешли затем на путь планомерной организации трудящихся масс, преодоления диктатуры коммунистической партии методами революционной политической борьбы. И на этом пути, усиливаясь, не смотря на преследования и террор, мы оказались еще опаснее для узурпаторов.

Все теснее связываясь с трудовыми массами, мы окрепли и теперь стоим на страже трудовой народной революции, ее аванпост и ее неизбежный вождь, в этот момент, когда силы организованного труда разобьют наложенные диктаторами цепи и предъявят счет им и их новому союзнику-капиталу.

Никакой клеветой не затмить этой простой правды о нашей борьбе. В ней были ошибки, были промахи, были отступления – но не власти насилия судить нас за них.

Они знают это. Отсюда их ненависть против нас. Поэтому сейчас, когда пришли им сроки платить по счетам капиталу и предстоит отдать ему в уплату за властолюбие свое социалистическое прошлое, тщатся они повергнуть в прах нас, чье революционно-социалистическое настоящее ярко светит сейчас трудящимся на тяжком пути борьбы за право труда.

И наши товарищи в зале Ревтрибунала дадут всякую отповедь этой новой попытке низвергнуть Партию Социалистов-Революционеров. Мы прорвем стены этого зала и на весь мир разнесем слова, которыми наши товарищи разоблачат гнусный замысел правительства.

Оно уже обанкротилось и скоро снимет последние социалистические доспехи. Но вместе с ним, жалким банкротом, перед миром труда предстанет и партия коммунистов-большевиков, которая соединила себя с этой лже-рабочей крестьянской властью.

Трусливая пойти на свободную политическую борьбу с нами и отдать решение нашей тяжбы с нею на суд свободного суждения рабочего класса, она скрывается за ширму Ревтрибунала, чтобы в его уже заготовленном приговоре найти оправдание полицейским мерам борьбы с нами.

Это делается на кануне международной конференции всех социалистических и коммунистических партий, призванной найти почву для единого фронта, которого требуют трудящиеся массы, чтобы противостоять давящему на них объединенному капиталу.

На этой конференции не может быть места для партии русских коммунистов-большевиков, проводящей политику угнетения трудящихся масс России, подавления их самонадеянности, террора над ними и социалистическими партиями, доколе она не вернется в своих делах к тем заветам, которые все еще сохраняются у них на словах.

Об этом мы подняли свой голос перед всем миром труда.

И вот на неслыханный еще среди трудящихся маневр пускается эта партия.

Ревтрибунал должен объявить нас контрреволюционной партией и с его приговором в руках она хочет явиться пред международной армией труда и требовать там почетного места себе и изгнания нашего оттуда.

Они забыли, что если даже в задушенной и примолкшей России их игра разгадана, то еще более бесполезна эта грубая попытка на открытой арене цивилизованного мира. Ибо там свобода не только для их ораторов и для их печати, там свобода для всех, там фальшивыми документами не обернешься.

Они забыли или не могут понять, что требование прекращения преследования социалистов потому непрекаемо раздастся на международной конференции, что вместе с тем оно есть требование о раскрепощении трудовых масс России.

Нас, вышедших из рядов русских, рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, нас – революционный и социалистический авангард – не вырвать ни из рядов русской армии труда, ни из международной семьи рабочих партий.

И в зале суда будет разоблачен нечестный замысел большевиков-коммунистов.

Пусть обрушивают диктаторы на нас преследования, пусть грозят расправой пленным нашим товарищам, – нас не сломили до сих пор, нас не устрашат новые жертвы. Со знаменем трудовой революции несем мы трудящимся массам клич борьбы:

За свободу!

За социализм!

Этот ключ из зала трибунала, как пароль и лозунг тех, кто уже много отдал сил на дело трудящихся и кто бестрепетно положит за него свою жизнь, переймет вся Партия Социалистов-Революционеров и передаст трудящимся.

Центральное Бюро
Партии Социалистов-Революционеров.
Москва, 28 февраля 1922 года.

– *Революционная Россия*. 1922. № 19. С. 12–13.

– *Опубликовано: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы*. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. М., 2000. С. 811–813.

№ II-52

Письмо члена Центрального Бюро ПСР Г.К. Покровского Заграничной Делегации ПСР о координации действий в связи с предстоящим процессом 4 марта 1922 г.

Дорогие друзья
Шлю Вам обращение Бюро. Напечатайте его[,] как просили в письме № 1.
Собирайте весь оправдывающий наших товарищей материал и шлите нам.
Принимаем все меры для того[,] чтобы разоблачить комедию большевиков.
Узники решили на следствии не давать никаких показаний. Выступить на разборе дела.
Хлопочем о хорошей защите, задача которой должна быть не судебная защита, а общественно-политическая.
Черезвычайка в новой коже. Управление свирепствует. Всюду идут[,] и в центре [и] на местах[,] аресты наших товарищей.
4/III 1922 г. Ждем материалов.
Москва.
P.S. Пришлите обязательно брошюру Васильева. Нужна на суде. Суд хотя назначен на 20-е марта, но много данных за отсрочку

Ваш Люсьмарин

Примечание: Брошюры [(]по[-]видимому они были в конверте № 2) посланы 11/3 (подпись)
№ 1 – не получил.

– *Hoover Institution. B.I. Nikolaevsky Collection. Box 9. Folder 3. Машинописный подлинник.*

№ II-53

«Заявление членов ПСР, находящихся в заключении в Ярославской тюрьме»

11 мая 1922 г.

После 4-х с половиной лет бессудного заключения членов Партии социалистов-революционеров в тюрьмах – то в качестве «изолируемых», то в качестве «заложников» – советская власть оказалась вынужденной, наконец, перед лицом Европы прикрыть фиговым листком «революционной законности» свою непримиримую борьбу с этой партией.

24 февраля настоящего года, одновременно с переименованием ВЧК в Госполитуправление, ста пятидесяти привлеченным по делу партии с.-р., во главе с ее Центральным комитетом, было предъявлено обвинение в «терроре, экспроприациях и вооруженной борьбе» – «обвинение на искусственно построенное на заранее для этой цели опубликованной клеветнической брошюры предателя и ренегата СЕМЕНОВА⁶. Попытка в судебном порядке расправиться с социалистической партией, в лице ее <наи>более видных и ответственных работников, и при том за период борьбы[,] уже покрытой в 1919 году постановлением ВЦИК о легализации партии с.-р. – вызвала всеобщий и единодушный взрыв негодования среди всех социалистических партий Запада. Это ярко засвидетельствованное на Берлинской конференции трех Интернационалов единодушные европейского рабочего класса заставило организаторов и вдохновителей инсценируемого процесса, связанных обещанием гласностей и «судебных гарантий», быстро изменить свои первоначальные планы и значительно сузить рамки столь широко затеянного процесса.

В результате, из 160 привлеченных по делу с.-р., на «скамье подсудимых» оказалось в настоящий момент около 20 наших товарищей. И вместо широкого политического «суда» над партией охранно-судебные органы пытаются теперь учинить персональную расправу лишь над теми ответственными членами партии, которые в эпоху[,] предусмотренную обвинением, занимали руководящие партийные посты и находились в поле зрения тех или иных предателей и агентов Советского сыска.

Мы, члены партии, оказавшиеся, благодаря этому выделенными из общего процесса и по каким-то неизвестным мотивам, переведенные в Ярославскую тюрьму, заявляем свой самый решительный протест против попытки возложить ответственность за деятельность партии с.-р. в эпоху обостренной гражданской войны на отдельных ее членов. Мы считаем необходимым заявить, что с момента Октябрьского переворота и до настоящего времени тактическая линия партии определялась и закономерно проводилась в жизнь ее уполномоченными верховными органами и потому ответственность за свою деятельность несет вся партия в целом.

Мы заявляем также, что эта тактическая линия на протяжении всего [...]» неизменно

^{а-б} Так в документе.

^в Часть текста не прочитана.

определялась задачей решительного преодоления большевистской диктатуры, как это было засвидетельствовано резолюциями 8, 9 и 10 Советов партии. И если 9-й Совет временно постановил[†] военные действия против партии большевиков, то этот временный отказ носит чисто тактический характер и отнюдь не означает принципиального осуждения вооруженной борьбы партии с.-р. в прошлом, или возможности ее возобновления в будущем. Все это заставляет нас, членов партии с.-р., морально ответственных за все действия партии и участвовавших в разные периоды 17–18 годов в вооруженной борьбе трудящихся против псевдо-пролетарской диктатуры большевиков – заявить о своей полной солидарности с деятельностью партии в эту эпоху, равно как и персонально с теми товарищами, которые руководили и осуществляли принятую партией тактическую линию.

Мы решительно протестуем против нашего выделения из общего процесса и считаем, что в момент публичной и гласной встречи партии трудящихся с носителями враждебной народу диктатуры, наше место среди тех, кто сидит сейчас на «скамье подсудимых» и на чью долю выпала высокая и заслуженная честь открыто защищать знамя революционного социализма против яростных нападений вырождающейся и скомпрометированной в глазах мирового пролетариата большевистской власти.

11 мая 1922 года.

Ярославская тюрьма.

Член Ц.К. Партии С.-Р. – Михаил Цейтлин

Члены партии с.-р.

А. Гельфгот

А. Иваницкий-Василенко

Всеволод Шестаков

В. Николаев

Л. Невлер

В. Подбельский

Н. Бауэр

С. Гнедов

Гав. Билимо-Пастернаков

И.М. Семенов

Я. Штерин

С подлинным верно:

Полит. староста организации с.-р. Иваницкий-Василенко

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 348. Л. 356. Машинописная копия того времени.

№ П-54

Обращение членов ПСР, находящихся в заключении в Бутырской тюрьме, к обвиняемым членам ЦК ПСР

26 мая 1922 г.

ЧЛЕНАМ Ц.К.П.С.Р.–

Дорогие товарищи. Через несколько дней начнется наш процесс. Мы с полным правом говорим «Наш», ибо для нас совершенно очевидно – да этого не скрывают и «обвинители и судьи» – суду придается[†] партия социалистов[-]революционеров. Больше того, на скамью подсудимых пытаются посадить все международное-социалистическое движение, которое в этом безпримерном [в] истории процессе стало на сторону не палачей, а жертв и организовала их защиту.

Обанкротившиеся внутри и во вне – в глазах трудящейся России и Запада – выветрив все свое социалистическое содержание, коммунисты прибегают к последнему средству. Они хотят политически убить партию социалистов[-]революционеров, они хотят ее физически уничтожить. Ослепленные своей диктатурой, они не хотят или не могут понять, что сила партии, ее правда не в отдельных членах партии, не в вас, дорогие товарищи. Они [не] хотят или не могут понять, что сила партии в той верности и беззаветной преданности социализму, которому она не уставала служить ни до революции 17-го года, ни после [н]ее.

Мы не знаем обвинительного акта. Мы не знаем, для^б каких геркулесовых столбов цинизма и морального падения дойдут эти глашатаи новой правды.

Но мы твердо знаем одно: никакое предательство, никакая провокация не смогут запятнать славного знамени партии, не смогут бросить тени на ее знаменосцев.

Перед судом истории, перед судом международного рабочего класса в стенах Московского Ревтрибунала партия социалистов-революционеров выступит в роли защитника социализма от его псевдо-коммунистических извращений, в роли борца с развращающими и дезорганизующими^а его коммунистическими раскольниками.

Капитулируя и скатываясь в пропасть[,] коммунисты процессом над партией социалистов-революционеров совершают новое величайшее преступление. На опустошенной земле[†] Российской Революции, они хотят оставить после себя единственного преемника – буржуазию. Ей они открыли все пути, для нее создаются все условия нормальной жизни, ей все дозволено, – трудовой социалистической демократии они уготовили только тюрьму и ссылку, только скамью

[†] Так в документе, следует приостановил.

^а Так в документе, следует предается.

^б Так в документе, следует до.

^в Так в документе.

[†] Впечатано над строкой.

подсудимых и расправу.

Мы отчетливо представляем себе обстановку предстоящей судебной комедии. Мы, прошедшие через ряд коммунистических тюрем[,] знаем[,] каким тяжелым моральным испытаниям подвергнут Вас, что бы полностью лишить так необходимо[го] Вам в борьбе самообладание⁴. Привычные фальсификаторы судебную комедию пытаются превратить в «суд народа»[,] <име>нем рабочих и крестьян попытаются прикрыть очередную партийную расправу. –

Но сильные правдой партии, ее поддержкой и твердостью Вы, истинные борцы за социализм останетесь до конца на своих боевых постах «служению дела» Рабочего класса. И Мы верим, мы твердо верим, что победа за Вами, за нами, за партией социалистов-революционеров.

Пусть сеют ложь и клевету отравленные языки КРЫЛЕНКО и ЛУНАЧАРСКИХ, пусть зверинные⁵ инстинкты вызывают Стекловы и Бухарины – международный социализм, русские трудящиеся массы рассудят этот величайший исторический спор. Рок⁶ истории не умолим. Суд ее не отвратим.

В этой борьбе, дорогие товарищи, с Вами и те члены партии, которые волею коммунистических диктаторов смотрят на Вас из[-] за тюремных решеток, к которым из[-]за толстых тюремных стен будет доносит[ь]ся ваше громкое слово правды.

Наш горячий привет Вам, все[м] друзьям и защитникам.

Леонид Шацкий.–

Б. ДЬЯКОНОВ.

Н. БЕНТУ

А. МИХАЙЛОВ. –

С. КУДРЯВЦЕВ.

И. НИЛОВ. (Из Пензы)

Ф. САВЧЕНКО.

С. ПОПОВ.

СТЕЛЬМАКОВ.–

26-го Мая 1922 года. Бутырская тюрьма.–

Просим присоединить свои подписи сидящие в женском корпусе

Мина СВИРСКАЯ.

Томара* КОЧЕРГИНА (Из Ярославля.)

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 78–78 об. Машинописная копия, изготовленная делопроизводством Секретного отдела ГПУ 8 августа 1922 г.

№ П-55

*Заявление ЦК РСДРП о позиции партии в связи
с предстоящим процессом, направленное
для опубликования в «Правде»*

1 июня 1922 г.

Заявление Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии об участии в процессе с.р.

Центральный Комитет РСДРП принимает участие в процессе с.р. Процесс приобрел крупное политическое значение. К нему приковано внимание трудящихся России и всего мира. На нем ставятся вопросы о характере переживаемых этапов российской революции и роли российских социалистических партий. Р.С.Д.Р.П. считает своим долгом осветить эти вопросы с своей, революционно-социалдемократической, точки зрения.

Процесс происходит в такой обстановке, которая лишает трудящиеся массы России возможности выявить свое подлинное отношение к нему и услышать голос российской социал[и]стической демократии. Режим террора, «политическое бесправие, отсутствие⁶ свободы печати и слова и фальсификация общественного мнения трудящихся побуждают Ц.К. Р.С.Д.Р.П. принять участие в процессе – в единственно возможной в настоящих условиях форме делегирования защитников, – для того, чтобы публично, перед лицом⁸ всей трудящейся России выявить свою позицию, радикально расходящуюся с позицией как большевиков, так и с.р., этих двух партий, борьба которых представляет основной фон процесса.

Эту задачу Ц.К. преследует не во имя прошлого, не во имя оправдания чьих бы то ни было действительных или мнимых грехов, а во имя настоящего и будущего, в интересах ликвидации и преодоления глубокого кризиса, переживаемого российской революцией и социализмом. Делегирование защитников не означает, таким образом, солидаризацию с деятельностью с.р., которая сделана сейчас предметом судебного разбирательства. Наша партия решительно расходилась и расходится с учением и программой, с тактикой и методами борьбы с.р. партии, в частности с ее ролью в гражданской войне. Но наша партия решительно возражает против того, чтобы факты пережитой и уже ликвидированной взаимной вооруженной борьбы послужили ныне основанием – как для расправы одной стороны с другой, так и для осуществления тех губительных для революции целей, которые большевистская партия преследует этим процессом.

Процесс затеян с определенной политической целью: оправдать и узаконить продолжение партийной диктатуры и террора, потерявшей ныне, с ликвидацией гражданской войны, даже видимость оправдания. Своим участием в процессе Ц.К. считает необходимым еще раз показать и на суде – поскольку это будет возможно в той обстановке травли⁷ инакомыслящих, в той накаленной атмосфере, которая создана вокруг суда – что каковы бы ни были грехи и ошибки отдельных социалистических групп⁹, боровшихся между собою в гражданской войне, политика террора должна быть ныне ликвидирована во имя интересов русской революции и

⁴ Так в документе, следует самообладания.

⁵ ж Так в документе.

⁶ Исправлено в документе взамен напечатанного ранее коварные.

⁷ Так в документе, следует Рок.

⁸ Так в документе.

⁹ Исправлено взамен ранее написанного политического бесправия, отсутствия.

¹⁰ Далее в тексте вычеркнуто всех трудящихся.

¹¹ Далее в тексте замазано написанное ранее и терроризирования.

международного социализма.

Процесс затеян в момент, когда в порядок дня международного рабочего движения поставлен вопрос о единстве рабочего фронта. Преодоление политики террора, в частности, затеянный процесс, является одним из наиболее крупных препятствий к такому единству. Пролетариат России и Запада хочет и имеет право знать правду о^а процессе с.р., о политике террора. Именно поэтому социалистические партии Запада делегировали своих представителей для участия в процессе. Пролетариат хочет устранить препятствия к единству фронта, создаваемые политикой террора и процессом. Именно поэтому принимает участие в процессе Венское международное Объединение социалистических партий, явившееся инициатором и наиболее последовательным и искренним защитником лозунга единого рабочего фронта. Наша партия входит в Венское Объединение и солидаризируется как с его общей политикой, так и с его отношением к процессу. Своим участием в процессе Ц.К. стремится оказать поддержку тем задачам, которые преследует Венское Объединение.

Своим участием в процессе Р.С.Д.Р.П. выполняет свой социалистический долг вмешаться в процесс, означающий расправу над политическим противником, закрепляющим гибельную для русской революции политику террора и срывающей возможность единого международного рабочего фронта.

Во исполнение изложенного Ц.К. Р.С.Д.Р.П. поручает тов. Б.Н. Гуревичу (Беру), С.Л. Вайнштейну (В. Звездину) и И.И. Рубину принять участие в процессе с.р. в качестве защитников.

Москва, 1 июня 1922 г.

Центральный Комитет Р.С.Д.Р.П.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Д. 18. Л. 64–66. Рукописный подлинник, направленный для опубликования в газету «Правда». На л. 64 печать ЦК РСДРП.

ДОКУМЕНТЫ ЗАГРАНИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПСР

№ П-56

*Письмо Заграничной Делегации ПСР
Центральному Бюро ПСР⁶² о координации действий
в связи с предстоящим процессом*

2 марта 1922 г.

Дорогие друзья,

в совершенно спешном порядке по постановлению З.Д. посылаю Вам материал, относящийся к вопросу о привлечении Ц.К.П.С.Р. Верховным трибуналом. Несколько дней тому назад, по[-]видимому[,] заботами и стараниями большевиков, в Берлине была издана брошюра Семенова (Васильева) – «Военная и боевая работа П.С.Р. в 1917–18 г.г.[.]». Сейчас же эта брошюра была использована берлинским «Новым миром», а сегодня в немецком телеграфном агентстве уже напечатана телеграмма из Москвы от 1 марта о привлечении Ц.К.П.С.Р. к суду Верховного трибунала^а на основании именно этой брошюры Семенова^б. Здесь несомненно мы имеем дело с заранее разработанной кампанией, которая имеет целью расправиться с нашими товарищами, сидящими по тюрьмам. Это тем более ясно, что по нашим сведениям Семенов (Васильев) приехал в Берлин по поручению ВЧК из Москвы.

Мы считаем необходимым выслать Вам весь имеющийся у нас по этому поводу материал: 1) брошюра Семенова; 2) две статьи по этому поводу в «Новом мире»; 3) две^в статьи по этому же поводу в «Голосе России»⁶³. Все это высылается Вам в двух экземплярах – один для Ц.Б., другой – для передачи заинтересованным лицам. Мы полагаем, что необходимо последних поставить как можно скорее в известность о создавшемся положении и ознакомить их со всем материалом, т.к. их могут изолировать или развезти по провинции. Необходимо было бы получить от них немедленно соответствующие заявления для опубликования в заграничной^г русской и иностранной социалистической прессе. Мы предполагаем, не теряя времени, поднять по этому поводу кампанию в иностранной социалистической прессе. Узнайте детали о причинах исключения Семенова (Васильева) из группы «Народ» – все это сейчас же нами будет опубликовано. ^дДостаньте их формальное и официальное сообщение об этом^е. Необходимо эту тварь поставить на место.

Последнее письмо, от Вас только что полученное, было № 35 от 18 февраля со всеми приложениями. На ряд последних писем ответим на этих же днях, также и на все поставленные в них вопросы. В дальнейшем будем аккуратно отвечать, чему до сих пор мешали разъезды между Берлином и Прагой и организация здесь^ж газеты. Теперь понемногу работа входит в норму и далее корреспонденция с Вами будет вестись правильно.

Горячо обнимаю, привет от всех товарищей.

Акакий

Прилагаю выписки из протоколов З.Д.⁶⁴

– Hoover Institution. B.I. Nikolaevsky Collection. Box 9. Folder 3. Машинописный подлинник,

^а Далее в тексте вычеркнуто в частности.

^б Далее в тексте вычеркнуто русской революции.

^{в-г} Впечатано над строкой.

^г Вписано от руки над строкой.

^{д-е} Вписано от руки над строкой.

^ж Вписано от руки над строкой.

^з Вписано от руки в конце документа.

подпись – автограф.

№ П-57

*Обращение Заграничной Делегации ПСР
«К социалистическим партиям всех стран»*

9 марта 1922 г.

В настоящий день в Москве переданы суду Революционного Трибунала целый ряд членов партии соц[иалистов]-рев[олюционеров] с Центральным Комитетом во главе. Суд имеет целью раскрыть на основе предательских показаний, «истинную роль партии с.-р. во время гражданской войны» и ее способы борьбы с советской властью, и этим установить преступления партии с.-р. против пролетарской революции.

От имени партии мы торжественно заявляем перед лицом всего социалистического и рабочего мира, что категорически отрицаем право большевистской партии придавать своему октябрьскому перевороту громкий титул пролетарской революции. Этот переворот был лишь первой пробой всей дальнейшей тактики этой партии внести раскол в рабочее и социалистическое движение, не отступая даже перед разрывом его рядов междоусобной и братоубийственной гражданской войной.

Большевистская партия первой начала эту гражданскую войну насильственным свержением правительства, насчитывавшего в своей среде более половины социалистов разных оттенков. Она оправдывала свой переворот лицемерным обвинением этого правительства в затягивании созыва Учредительного Собрания. Проведя под своим давлением главную часть выборов в это Собрание и не получив в нем большинства, она упразднила это Собрание, разогнала, расколола и заменила либо новыми фальсифицированными, либо просто особыми революционными комитетами те рабочие, крестьянские и солдатские советы, которые не соглашались быть послушным орудием ее террора и диктатуры. Все эти акты сопровождались насилиями над личностями членов партии с.-р., захватом ее учреждений и касс, разгромом и расхищением партийного имущества, закрытием партийной прессы, расстрелом, порой совершенно беспричинных, одних ее членов и заключение в тюрьмы других.

Партия открыто объявляла и объявляет, что считала и считает своим неотъемлемым правом в то время оказывать с оружием в руках сопротивление людям, чисто бонапартистскими методами стремившимся к установлению грубейшей партийной олигархии. И если она в то время фактически почти не пользовалась этим законным правом, то лишь потому, что она предпочитала обнажить перед лицом всего рабочего класса России и Европы истинный облик восторжествовавшего грубою силой большевизма и его предательскую роль по отношению к интересам рабочего класса России. Поэтому, например[,] именно стараниями партии социалистов-революционеров был придан абсолютно мирный и невооруженный характер массовым рабочим демонстрациям в честь открытия Учредительного Собрания, – что не помешало большевистской власти разогнать эти мирные демонстрации беспощадными варварскими расстрелами, навсегда покрывшими ее имя в глазах рабочего народа России неизгладимым позором.

Партия никогда не скрывала и не скрывает, что скоро после этого наступил период, когда она находилась с большевистской властью в состоянии открытой войны со всеми вытекающими отсюда последствиями. То было время, когда большевистская власть была свергнута на огромной территории от Казани и Самары до Владивостока, где была провозглашена власть Учредительного Собрания и областных Дум. Закончилась для партии эта полоса в тот момент, когда в глубоком и безопасном тылу этой борьбы адмиралу Колчаку удалось произвести в свою пользу государственный переворот и этим нанести удар в спину противобольшевистскому рабоче-крестьянскому движению.

Тогда партия социалистов-революционеров решила приостановить всякую вооруженную борьбу против большевистской олигархии и обратить свое оружие против нового врага революции – против организованных сил социально-политической реставрации, попытавшихся использовать междоусобие в рабочих и социалистических рядах для своих целей. И честь окончательной ликвидации Колчака выпала на долю нашей партии, сумевшей поднять в тылу его армий народное восстание, овладеть после одиннадцатидневного боя Иркутском, а затем взять в плен и самого Колчака.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что обращая свое оружие против Колчака, мы не заключали никаких соглашений с большевистской властью. Ее антинародный, захватнический, диктаторски-террористический характер не давал нам возможности для этого. Перемена нами тактики состоялась исключительно в интересах революции, и мы из этой перемены не только не старались извлечь для себя какие-либо выгоды, но публично сурово осудили все те элементы из нашей среды, которые на фоне перемены нашей партии^а своей тактики пытались войти с представителями большевистской партии в переговоры. Тогда, как и неоднократно впоследствии, мы были готовы содействовать полному сокращению гражданской войны внутри рабочей демократии, но только на одном неслыханном условии: назначение всеобщих перевыборов в советы на условии тайного голосования, при полной свободе слова, печати и выборной агитации; обязательства со стороны всех социалистических партий повергнуть на суд перевыбранных таким образом советов все спорные вопросы, включая вопрос о судьбе Учредительного Собрания, и практически подчиниться их решению. И не [на] нас, а на большевистскую партию ложится ответственность за то, что эти наши предложения, эта наша готовность пойти во имя спасения народной революции на уступки и жертвы всегда оказывалась гласом вопиющего в пустыне.

Как бы то ни было, но после выхода нашей партии из гражданской войны, помимо всяких демаршей с нашей стороны, собираясь принять участие в не состоявшейся конференции на Принцевых островах, большевистская власть по собственной инициативе решила изменить свое отношение к нашей партии и «в виде опыта», как было сказано в постановлении ВЦИКа[,] легализовать ее.

Правда, и здесь эта власть не могла устоять перед соблазном превратить акт легализации нашей партии в гнуснейшую полицейскую ловушку. Через десять дней после открытия партий своего легального ежедневного органа и всех партийных учреждений, без всякого со стороны партии повода, если не считать таким поводом стойкой идейной борьбы за свое миросозерцание, были проведены внезапные всеобщие массовые аресты членов партии, с нескрываемой целью

^а Так в документе, следует партией.

захватить ее врасплох и совершенно ликвидировать. И с этих пор до настоящего времени наша партия остается загнанной в подполье, несмотря на то, что формальная ее легализация, сколько нам известно, даже никогда и не была столь же формально отменена.

При таких условиях поистине чудовищным является попытка вновь вчинить партии политический процесс за участие в давно оконченной гражданской войне, и возобновить юридические счета, ликвидированные однажды актом легализации нашей партии. И мы перед лицом всего мира клеймим этот акт, как акт двойного вероломства. Мы заявляем, что будущий суд – не суд, а гнусная расправа, и что наши товарищи явятся на него, не как подсудимые, а как обвинители.

Мы считаем своим долгом разоблачить и настоящие мотивы этого акта. Наши товарищи доселе сидели в тюрьмах без всяких допросов, без суда и следствия, причем некоторые сидят еще с 1918 года. Теперь, когда большевистская власть изменила тактику и пошла на такие уступки капитализму, которые далеко оставляют за собой позиции центровых и даже умеренных элементов социализма, устранение которых с политической арены требовалось для беспрепятственного совершения коммунистического опыта, дальнейшее содержание их в тюрьмах является наглядной несообразностью. Кроме того[,] собираясь явиться на конференцию в Геную и проповедуя – хотя бы в виде почти нескрываемого макиавел[л]истического политического маневра – единство рабочего фронта обороны против наступления капиталистов, правящая в России партия чувствует необходимость чем-то оправдать свою политику длящихся репрессий против партии социалистов-революционеров, своей самой серьезной политической сопернице⁶, получившей на выборах в Учредительное Собрание, в момент всевластия в России большевиков, больше голосов, чем все остальные партии, вместе взятые.

Для этой цели правящая партия имела бесстыдство **подстроить** якобы литературное выступление человека, когда-то бывшего в партии и ушедшего из ее организованных рядов вместе с отщепенской группой, вынужденной исключить его из своей среды за деяния, недостойные революционера; человека, который после этого однажды уже играл интересах большевистской власти **провокационную** роль в не имеющей никакого отношения к партии группе Савинкова; человека, который в своей брошюре имел неосторожность сознаться, что у центральных учреждений партии всегда состоял на подозрении в авантюризме, что им постоянно приходилось сдерживать его вспышко-пускательские тенденции, и что, наконец, он дважды в то время обманул партию, скрытно от нее организовал ограбление с революционными целями частных лиц – деяние, единственным последствием которого могло быть только немедленное исключение из партии.

Пользуясь услугами этого господина, и основываясь на его предательских показаниях, смешивающих ложь с правдой, большевистская власть в условиях, отнимающих у наших заключенных в тюрьмах товарищей всякую возможность защищаться, хочет произвести комедию суда, который своим заранее заготовленным приговором попытается забросать нашу партию грязью. Для этого к обвинению нашей партии в участии в гражданской войне – припутывают два клеветнических обвинения:

в подстрекательстве партией отдельных групп к политическим убийствам, при сокрытии собственной роли в них и

пользовании против большевистской власти деньгами как Антанты, так даже Гогенцоллернской Германии.

Излишне говорит[ь], что в партии, с негодованием отвергающей эту жалкую клевету, за подобные деяния, если бы к ним оказался причастен кто-либо из ее членов, каждый подлежал бы суровому партийному суду.

И поскольку подстроенные свидетели большевистской власти вынуждены ради опорочения чести нашей партии, прежде всего сами – искренне или притворно – каяться в причастности к актам этого рода, – они сами себя ставят на положение лишенных политической чести отверженцев революции.

Что касается до попытки большевистской партии, прикрываясь подстроенными доносами политических авантюристов, предателей и провокаторов, замарать политическую честь наших товарищей, имеющих за собой многие годы тюрьмы, ссылки и каторги в борьбе против самодержавия, и годы безрассудного⁸ тюремного заключения, пытки голодом и холодом, избиений и издевательств при большевистском режиме, то мы от лица партии социалистов-революционеров, принимаем на себя их защиту и бросаем правящей партии перед лицом всего рабочего и социалистического мира вызов. Мы предлагаем организацию суда из представителей всех трех международных объединений, как социалистических, так и коммунистических партий. Мы предлагаем разбор этим судом всех, выставленных правящей в России партией против нас обвинений, равно как и наших контр-обвинений, в любом объеме. Мы не только предлагаем – мы требуем этого. И всякое уклонение правящей партии от такого суда – мы будем рассматривать, как косвенное признание в заведомой недобросовестности своих обвинений, годных лишь для того, чтобы незуитской комедией суда в застенке оправдать циничную расправу с политическими противниками, опасными благодаря сочувствию тех рабочих масс, от которых окончательно оторвалась выродившаяся, проеденная коррупцией и капитулировавшая перед капитализмом большевистская диктатура.

Мы твердо верим, что не только социалисты всех оттенков, но и все честные сторонники коммунизма в Европе, даже враждебно настроенные к нам, – в интересах полного раскрытия истины поддержат наше законное требование. Но их самая первая неотложная, святейшая обязанность, – не допустить, чтобы тем временем могло состояться где-нибудь в застенках наскоро переименованной Чрез[вычайной] Комис[сии] новое ужасающее преступление – целого ряда испытанных революционеров, борцов за социализм и неотделимую от него свободу, – массовое убийство, прибавляющее ко всем деяниям кремлевской власти еще одно – оскорбление человечества.

Заграничная Делегация

Партия Социалистов Революционеров:

В.М. Зензинов, И.А. Рубанович, Н.С. Русанов

В.В. Сухомлин, В.М. Чернов

Берлин, 9 марта 1922 г.

⁶ Так в документе, следует соперницы.

⁸ Так в документе, следует, видимо, бессудного.

*Протокол заседания Заграничной Делегации ПСР
об организации агитационно-пропагандистской
деятельности в связи с предстоящим процессом*

от 15 марта 1922 г.

БЕРЛИН.

Присутствовали: 1) Чл. З.Д. В.М. Зензинов, С.П. Постников, Н.С. Русанов, В.М. Чернов.

Чл. ред. «Г[олос] Р[оссии],» В.И. Лебедев, чл. парт. гр[уппы] сод[ействия] Е.Ф. Роговский,
техн. секр. З.Д. Б. Рабинович.

Председательствует: В.М. Зензинов.

Секрет. Б.Н. Рабинович.

В порядке дня:

Доклад Е.Ф. Роговского о парижской деятельности в связи с судом над членами партии и
Ц.К.П.С.Р.

Слушали:

Постановили:

ДОКЛАД Е. РОГОВСКОГО.

Известие о суде в Париже получилось в
прошлую субботу. Тут же
позвонили т. Рубановичу; не
розыскав в этот день И.А.
Рубановича, мы, в составе
т.т. Руднева, Керенского,
Минора, Рубинштейна и
меня устроили собрание, на
котором предложили В.В.
Рудневу написать письмо в
Делегацию с просьбой
прислать материалы,
подробные сведения и
указать мероприятия; на
этом же заседании было
постановлено в порядке
срочности обратиться к
Гендерсону и Вандервельду
с просьбой принять срочные
меры: одновременно
сговорились с Реноделем и
на понедельник было
назначено с ним свидание. В
понедельник достали
брошюру Семенова-
Васильева, свободно
продававшуюся в магазине
Поволоцкого: на
понедельник же было
назначено собрание группы,
на котором был сделан
доклад о предпринятом и на
котором пришли к выводу,
что этот процесс такое
исключительное дело, что
потребует напряжения всех
наличных партийных сил.

Намечалось создание Бюро, в которое должен был войти и присутствующий в Париже чл. Загр. Делегации И.А. Рубанович. Во вторник состоялось свидание с Реноделем, который горячо воспринял нашу просьбу вмешаться в это дело, но заявил, что для формальной постановки вопроса нужно, чтобы предложение шло формально от партии, т.е. через Делегацию.

В понедельник по этому делу И.А. Рубановичу позвонил О.С. Минор. И.А. заявил, что по этому делу может принять О.С. только через 2–3 дня, ибо до этого времени он занят и перегружен работой, как секретарь З.Д. по сношению с социал[истическими] партиями запада.

В результате И.А. повидался с Реноделем[,] написал статью в «^a», но статья была возвращена, с указанием, что она велика, что на эту тему написал Пьер[,] и Ренодель предложил И.А. составить коммюнике[,] которое и было впоследствии напечатано. В пятницу, получив новые данные, созвали экстренное заседание. Я просил Рубановича прийти на заседание и он пришел. О.С. Минор сделал доклад о сделанном. Сделал доклад и И.А. и из него выяснилось, что он находится в затруднительном положении, ибо до сих пор не видел брошюры, не видел никакого материала. Мы пожалели об этом и указали И.А., что он мог бы достать брошюру у нас.

В результате этого совещания было предложено создать комиссию по ведению кампании, которая должна была работать в постоянном и тесном контакте с Загр. Делегацией.

На это предложение И.А. указал, что дело кампании настолько серьезно и ответственно, что тут могут действовать только лица на то уполномоченные[,] и что он получил на это полномочие[,] и что инициатива отдельных лиц, может только повредить делу. В подтверждение своих соображений, он приводил доводы, как он спас М.Р. Гоца, как он не пустил Николая П. в Италию. Он указал, что мыслит комиссию, как комиссию при нем состоящую.

Ему указали, что формально действует он, но обсуждение вопросов комиссии должно быть ос-

^a Пропуск в документе.

новано на равных товарищеских началах. После этого И.А. попросил слово для формального заявления и в своем слове сказал, что если парижская группа примет решение не то, которое он предлагает, то он, как представитель Загран. Делегации объявляет этот акт, как акт враждебный и направленный против партии.

На всех нас это произвело удручающее впечатление; тем не менее было принято решение, заключавшееся в том[,] что все собравшиеся считают необходимым пойти навстречу И.А. в смысле технического его обслуживания по данному делу.

На следующий день состоялось заседание бюро, на котором И.А. сделал опять заявление, что прежде чем обсуждать этот вопрос, необходимо обсудить вопрос об Исп[олнительном] Ком[итете] Членов Учр[едительного] Собрания. Произошел обмен мнений, после которого И.А. заявил, что он очень занят и просит его по всяким пустякам не беспокоить.

К счастью, к этому времени пришло письмо от Вл. Мих. Зензинова с предложением приступить со всей энергией к немедленным действиям.

Вслед за этим пришло извещение о дате суда – это изменило и темп работы.

Позвонили И.А., сообщили, что имеем новые данные и сведения, на что он заявил, что он в этот день занят, но

что, если потребуется его санкция, то он даст ее на следующий день.

После этого мы решили действовать без него.

Сообщили о новых сведениях Реноделю, который заявил, что у них в этот вечер будет специальное заседание по этому вопросу. Сообщили об этом И.А. Он заявил, что об этом заседании не только знает, но и приглашен на него. Мы собрали материалы и отправили с Фабрикантом на место заседания, чтобы он вручил их там И.А.: но последнего он не дождался.

Решили, что нужно послать кого[-]нибудь в Англию, но встретилось затруднение с визами. Тогда Керенский послал телеграммы социалистическим партиям Англии и Бельгии. От Гендерсона был ответ, что все будет сделано. Был ответ и от Брантинга.

Для улажения конфликта с И.А. к нему поехал И.И. Фондаминский, после чего И.А. решил ходить на заседания. Наша просьба, в связи с этим делом — установить нормальные отношения группы содействия с И.А. и объяснить ему, что в этом деле надо действовать солидарно.

Считаю долгом заявить, что несмотря на то, что парижская группа сод[ействия] не сочувствует идее суда всех трех интернационалов в практических мероприятиях и мы по этому вопросу подчинились Заграничной Делегации и сделали соответствующие практические выводы, в смысле энергичного продолжения начатой кампании.

Председатель
Секретарь

— ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 131. Л. 75–77. Машинописная копия того времени.

№ П-59

*Протокол заседания Заграничной Делегации ПСР
о решении на конференции трех Интернационалов
вопроса о предстоящем процессе⁶⁵*

от 6 апреля 1922 г.

ЗАСЕДАНИЕ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ П.С.Р.

Председательствует: В.М. Зензинов

Присутствуют: Рубанович, Сухомлин, Постников, Чернов, Русанов, Роговский с информационными целями.

Порядок дня:

1. Информация.
2. Процесс.

Слушали: доклад
Сухомлина 0
конференции 3-х
интернационалов и о
процессе.

Постановили:

Командировать Сухомлина, Рубановича и Русанова переговорить с Иллисом, Мак-Дональдом и другими представителями Бельгийской социалист. партии, по поводу предварительных шагов организации защиты.

Принять все зависящие меры для превращения Московского процесса в международную манифестацию.

Добиться у II Интернационала командирования двух лиц в Москву, как для собирания материалов, так и для координирования действий здешних с Московским^a.

^a Так в документе.

Инициатива в организации защиты должна исходить от Интернационала, в этом направлении вести переговоры с англичанами и бельгийцами.

Председатель
Секретарь.

– ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 131. Л. 80. Машинописная копия того времени.

№ П-60

*Протокол заседания Комиссии по организации защиты
на предстоящем процессе членов ПСР в Москве*

от 11 апреля 1922 г.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ЗАЩИТЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
ТОВАРИЩЕЙ В МОСКВЕ
ОТ 11 АПРЕЛЯ 1922 г. БЕРЛИН.

Присутствовали: Зензинов, Сухомлин, Рабинович.

Слушалось:

Постановлено:

ВОПРОС ОБ ОРГА-
НИЗАЦИИ ЗАЩИТЫ.

- 1) Послать телеграмму Адлеру с запросом о согласии ехать Бауера
- 2) Командировать Зензинова в Брюссель для переговоров с Вандервельдом и для фактической организации защиты.
- 3) Поручить Зензинову выяснить возможность приглашения в качестве защитника Либкнехта.
- 4) Поручить Зензинову переговорить с Брауном, Мюллером, по вопросу о финансировании ими организации защиты.
- 5) Поручить Сухомлину подобрать материал[,] необходимый для защитников.
- 6) Поручить Рабиновичу привезти партийный архив из Праги.

Председатель

В. Зензинов

Секретарь

Б. Рабинович

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 15. Машинописный подлинник, подписи – автографы.

№ П-61

*Письмо секретаря Заграничной Делегации ПСР
Б.Н. Рабиновича Е.К. Брешко-Брешковской
об оказании помощи в организации защиты*

20 апреля 1922 г.

Дорогая, милая Бабушка.

Не браните меня, но я вынужден обратиться к Вам с просьбой.

Дело в том, что на поездку защитников в Россию у Заграничной Делегации нет денег; в то же время для всех ясно, что нужно сделать все что в наших силах, чтоб защитников все же отправить.

Я знаю, дорогая Бабушка, что у Вас денег нет, но может Вам удастся как[-]нибудь выцарапать у американцев, ведь всего[-]то нужно 20.000 чешс[ких] крон.

Пишу сегодня во все концы, если отовсюду пришлют по немного, то соберется совершенно достаточная сумма.

Чувствую, что при возможности организовать защиту и отправить ее в Россию не выполнение этого легло бы тяжелым камнем на душу. Вот эти то соображения, дорогая Бабушка, и заставляют меня стучаться во все двери. Знаю, что если б у Вас были деньги, дело было б простое. Пишу с мыслью – авось Вам удастся подковать какого[-]нибудь американца.

О возможностях попросите Лиру мне телеграфировать.

Пока всего доброга и светлаго. Крепко обнимаю и целую.

Любящий Вас внук

Борис.

– ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 580. Л. 8. Рукописный подлинник.

№ П-62

*Письмо секретаря Заграничной Делегации ПСР
Б.Н. Рабиновича Е.К. Брешко-Брешковской
о координации действий по организации защиты*

22 апреля 1922 г.

Милая, дорогая Бабушка,

получил сегодня от Лиры телеграмму и послал Вам много много сердечной благодарности. На мой призыв ко многим, Вы – откликнулись первая, да это и понятно – на то Вы и наша дорогая Бабушка. Вами заложен, Ваш вклад – первый вклад для организации защиты наших товарищей.

Не очень ругайте меня, дорогая Бабушка, правда не к кому было больше обратиться, а деньги нужны, мои фонды уже все истощились, суд близится, большевики грозят, известия приходят неутешительные и т.д. А без денег ничего не сделаешь. Думал, гадал и начал писать. Только сию минуту получил телеграмму из другого места – общаются^а тоже немного. Хочу написать нашим товарищам в Париж – они хотят в мае устроить совещание фракции с-р. Учр[едительного] Соб[рания], думаю лучше будет, если эти суммы отдадут на организацию защиты.

Ну, дорогая, всего доброго и светлаго. Большое спасибо, крепко обнимаю и целую

Люб[ящий] внук Борис

– ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 580. Л. 9. Рукописный подлинник.

№ П-63

*Отчет Комиссии, образованной Заграничной Делегацией ПСР для
ведения кампании в связи с процессом*

29 апреля 1922 г.

Постановлением З. Д. от 7-го марта с.г. образована комиссия, в составе Б.Н. Рабиновича и М.М. Тер-Погосьяна, коей поручается ведение кампании по делу товарищей, предаваемых Верховному Трибуналу.

Комиссия должна была явиться центром[,] сосредоточивающим в себе все материалы по делу и розсылки таковых по социалистическим рабочим центрам.

По образовании комиссии, весь имеющийся по делу материал (телеграфное сообщение из Ревеля)[.] данный из Москвы, брошюры Семенова-Васильева и газетные материалы по разномыслию были разосланы по группам содействия П.С.Р. и отдельным товарищам в Париж, Лондон, Прагу, Ревель, Рим, Брюссель, Нью-Йорк с циркулярным предложением от имени делегации оповестить социалистическую прессу и видных деятелей о готовящемся процессе. Тогда же эти материалы на французском и немецком языках были разосланы по секретариатам социалистических газет и отдельным лидерам.

Всего было разослано по 73 адресам: Германии, Франции, Англии, Чехо-Словакии, Италии, Бельгии и российским лимитропам^а. Одновременно было приступлено к переводу на французский и немецкий языки брошюры Семенова, легшей в основание привлечения наших товарищей к суду.

9-го числа было разослано по редакциям берлинских газет и передано в телеграфное агентство и разослано по 244 адресам краткое коммюнике о готовящемся насилии.

В этот же день выпущенное З. Д. воззвание с призывом немедленного вмешательства для предотвращения готовящегося насилия было разослано на французском, немецком и английском языках по вышеназванным адресам и передано в телеграфное агентство для разсылки, что и было сделано по 244 адресам.

10 марта по вышеназванным адресам на трех языках было разослано воззвание – меморандум З.Д. к «социалистическому миру»^б[.] воззвание подробно указывало преступления советской власти, провокационные основания привлечения к суду наших товарищей и оканчивалось призывом к социалистическому миру требовать суда 3-х интернационалов, разосланное почти во все уголки Западной Европы и Америки; означенное воззвание в выписках появилось в социалистической прессе почти всего мира.

14 марта была послана циркулярная телеграмма на трех языках по 73 адресам о немедленном вмешательстве. Означенная телеграмма вызвала бурю негодования против насилия Москвы и появилась почти во всей социалистической прессе Европы.

Параллельно циркулярной телеграмме на имя групп содействия и отдельных товарищей предлагалось систематически получать телеграммы передавать по социалистическим центрам и постоянно держать в напряжении социалистическую прессу по поводу поднятой кампании.

Одновременно с печатанием материала в «Голосе России» документальные данные, касающиеся процесса и вообще новые сведения из Москвы, систематически, циркулярной телеграммой передавали по 73 адресам.

Так были посланы телеграммы: 14 марта, 15 марта, 17 марта, 18 марта, 23 марта, 24 марта, 25 марта и т.д.

Телеграммы посылались почти каждые два дня и таким образом достигалась планомерность и координация работы во всех странах. Параллельно с оповещением групп содействия и отдельных товарищей о ходе кампании, поступающих телеграммах, протестах и т.д. группы призывались к собиранию материалов и высылке таковых в секретариат З.Д.

12 марта по телеграфу был вызван из Парижа Тисленко и опрошен по поводу провокационных указаний Семенова-Васильева. В этот же день его показания и статья Рабиновича «как это было» были разосланы на немецком и французском языках по редакциям социалистических газет Западной Европы.

12 марта В.В. Сухомлин был командирован в Вену для информации Венского Интернационала и выступления последнего против процесса в Москве.

С 14 числа все поступающие телеграммы-протесты передавались в телеграфные агентства для разсылки по социалистическим организациям и редакциям газет.

Телеграмма-протест Анатоля Франса^с была разослана через чешск[ую] Радиостанцию и

^а Так в документе.

^б Так в документе, здесь и далее следует лимитропам.

явилась наиболее ярким отражением того одиозного отношения, что вызвало предание большевистскому суду Ц. К. партии С. Р.

19 марта З. Д. опротестовала «условное» выступление Фрица Адлера. 17 марта циркулярной телеграммой по 73 адресам на трех языках рабочий мир призывался к немедленному вмешательству, ввиду опасности применения смертной казни над заключенными товарищами.

28 марта на трех языках было разослано воззвание ЦБ. о предании суду наших товарищей⁶⁸. Экстракт из этого воззвания был передан в телеграфное агентство во все концы мира.

Ввиду получения некоторых указаний, что опасность применения смертной казни почти миновала – явилась необходимость изменить характер кампании, почему циркулярной телеграммой по 73 адресам на трех языках социалистический мир призывался требовать немедленного освобождения арестованных хотя бы делегатов Партии С.Р. на междусоциалистическую конференцию, в Берлине⁶⁹.

В соответствии с изменением характера кампании группам содействия и отдельным товарищам были посланы указания требовать немедленного освобождения товарищей.

На 2-ое апреля было назначено первое заседание междусоциалистической конференции, ввиду чего было необходимо в срочном порядке составить меморандум от имени З.Д. партии⁷⁰, отпечатать, на трех языках и к сроку представить. Составление меморандума было поручено Делегацией В.М. Чернову. Меморандум был изготовлен 28, в этот же день был Делегацией утвержден. С 28, вечером в течение двух ночей до 30-го марта утра, – меморандум был переведен на три языка. С утра 30-го сдан в набор.

В воскресенье, 2-го апреля были готовы первые экземпляры немецкого текста.

К открытию заседания в президиум конференции было представлено 50 экземпляров.

С 3-го числа было приступлено к разсылке немецких экземпляров по всем рабочим секретариатам, местным органам независимых мажоритеров, а также по всем редакциям социалистических газет в Германии.

Всего было разослано 950 экземпляров. По аналогичным адресам было разослано 200 экземпляров в Чехословакии, 200 в Голландию и Швейцарию и российским лимитропам.

Французские экземпляры были разосланы по профессиональным социалистическим секретариатам и редакциям социалистических газет Франции, Бельгии и Италии. Всего 800 экземпляров.

Английские экземпляры меморандума находятся в периоде розсылки: всего – 1.500 экз. в Англию, Америку и Скандинавск[ие] страны.

Все поступающие сведения о суде циркулярной телеграммой продолжали розсылаться по 73 адресам по сей день периодически.

20-го апреля были разосланы по вышеуказанным адресам воззвания о голодовке левых эсеров.

22-го циркулярной телеграммой по 73 адресам снова призывался рабочий класс требовать исполнения берлинских гарантий (имелась в виду опасность нарушения таковых, ввиду телеграм[м]ы Наркомюстиции Курского).

Результатом поднятой кампании явился мощный отклик всей мировой социалистической прессы и организаций⁷¹. Почти все социалистические партии, профессиональные союзы – Германии, Франции, Англии, Италии, Бельгии, Скандинавских государств, Чехословакии и российских лимитропов, Швейцарии, – откликнулись рядом протестирующих телеграмм против готовящегося насилия с требованием нелицеприятно суда Интернационалов и освобождения арестованных социалистов.

Накануне междусоциалистической конференции в Берлине, мировой рабочий класс выступил единым фронтом против коммунистической Москвы.

В настоящее время дальнейшая работа – организация защиты – передана З. Д. специальной Комиссии в составе Зензинова, Рабиновича, Сухомлина.

г. Берлин 29 апреля 1922 года.

Члены Комиссии:

Б.Н. Рабинович.

М.М. Тер-Погасьян

В Редакцию «Р[еволюционной] Р[оссии]»

Поступило в пользу заключенных социалистов от А.А. Хараша 500 м[арок].

– *Революционная Россия*. 1922. № 19. С. 45–46.

№ П-64

Письмо Заграничной Делегации ПСР Центральному Бюро ПСР с информацией об организации пропагандистской кампании вокруг процесса за рубежом

1 мая 1922 г.

Берлин, 1 мая

Дорогие товарищи,

нами получены от Вас ВСЕ Ваши письма, кончая № 10 от 18 апреля (не хватает лишь письма № 7 – может быть оно еще и придет позднее). Получены также все помеченные в письмах приложения и выпски протоколов. Таким образом, почта действует вполне исправно. Горячо благодарим Вас и особенно т. Люсьм[арина] за богатую информацию, кот[о]рая в последнее время от Вас начала притекать – она нам приносит огромную пользу.

Сначала я постараюсь, просмотрев все письма, начиная с № 4 от 14 марта (на все предыдущие нами уже отвечено), ответить на все поставленные Вами вопросы – в той последовательности, в какой они поставлены.

На целый ряд вопросов вы получите ответы из пересылаемых при настоящем письме протоколов заседаний З.Д. (о необходимости регулярных сношений с Вами, о протоколах пленума – постановления пленума Вам давно уже были высланы, в выдержках они напечатаны даже в № 16–18 [«Р[еволюционной] Р[оссии]», об информационных докладах о социалистических конференциях).

Об Исполнительной Комиссии. Наши решения Вы найдете в протоколах заседаний З.Д. от 6 апреля. Только что мы получили письмо от Н.Д. Авксентьева, копию которого прилагаю.

О деньгах. 500 англ. фунтов мы из указанного Вами места получили для Вас. На этих днях, как только представится техническая возможность, перешлем Вам 300, остальные 200 будут ждать Ваших дальнейших распоряжений.

О Вашем письме № 1. Оно нами получено, также рукопись о правосудии большевиков, о положении с.х. кооперации и ряд других статей.

Сборник Чека⁷² вышел на русском языке, имеет огромный успех. Вам мы отправили 10 экземпляров. [Голос России] высылается Вам регулярно, остальные русские газеты будем Вам высылать все по два экземпляра. На П<етроградское>Б[юро] мы послали также 5 экз. Чеки.

Относительно «Деникинщины»⁷³ С.П., кажется, Вам уже писал, что ее УДАЛОСЬ устроить в одном из русских берлинских издательств. О подробностях, кажется очень выгодных, он Вам сообщит сам.

Касательно почты на нас, наоборот, производит впечатление, что в последнее время она действует вполне исправно – от Вас все доходит быстро и аккуратно.

Что касается Вашей «неприятной новости», то мы на все подробности, Вами сообщаемые, обратили пристальное внимание и дело выясняем. Кажется, действительно, Ваши предположения и подозрения основательны – мы приняли все меры. Должен пояснить, что вся эта история прошла мимо Ц.Б. – я, напр.[.] лично обо всем этом узнал лишь из Вашего письма, что считаю совершенно ненормальным. Никаких частных дел здесь не может быть и я лично постараюсь, чтобы этого впредь не повторялось. Слава Богу, что пока все обошлось благополучно. Конечно, как только мы что выясним, немедленно Вам дадим знать.

Сообщите подробнее, в чем выразились «недоразумения» с присланными нами пайками. Дошли ли наши посылки по присланным Вами адресам, какова бывает судьба тех посылок, которые адресуются прямо в тюрьму на имя сидящих (как это делал Чешский Комитет помощи заключенным)? Ваши указания примем к сведению.

В последнем своем письме – № 10 от 18 апреля – Вы, дорогой Люсь, говорите, что Вас весьма опечалила и обеспокоило^а отношение к нам Венского Интернационала. Нас же, по правде говоря, это нисколько не удивило. Венский Интернационал, действительно, какое[?]то половинчатое учреждение – по словице: капитал приобрести и невинность сохранить. В этом отношении чрезвычайно характерен ответ Адлера на нашу телеграмму во время кампании по поводу⁶ процесса московского. Этот ответ – не случайность. И я уже имел случай Вам писать о том вообще неприязненном отношении к нам, которое они проявляли за время берлинской конференции. Главная их беда: они думают, что за большевиками в России стоят рабочие массы, они очень считаются с тем, что большевистская легенда в Европе еще не совсем изжита, а главное – они очень боятся у кого[?]то «показаться» слишком «правыми», – а эта опасность ведь так реальна, если перед лицом всего социалистического мира свяжешься с такими заведомыми «белогвардейцами и контрреволюционерами», как П.с.р. ... Двусмысленность позиций венцев и их боязнь РАЗОРВАТЬ с большевиками – это одно из тех препятствий, которые необходимо преодолеть, если стремиться к действительному международному объединению трудящихся. – Не думайте, дорогие товарищи, что это МОЯ субъективная оценка – я ведь, вероятно, считаюсь в московских кругах в «правых»... Нет, таково наше общее мнение – и Василия Васильевича; и Николая Сергеевича и Виктора Михайловича...⁷⁴ У последнего даже на этой почве как будто обострились личные отношения с Адлером.

Вы очень хорошо делаете, что пересылаете нам копии протоколов своих постановлений и другой материал, относящийся к внутренней жизни Ц.Б. – это лучший способ нам войти в Вашу жизнь и понять Ваши нужды и потребности. Очень просим Вас высылать нам все это и впредь.

Я предполагал написать Вам подробно о положении дела с организацией европейской защиты, но потом решил, что лучше переслать Вам копии своих писем об этом – они лучше введут Вас в курс дела. Итак, прилагаю при настоящем письме копии своих трех писем: двух из Брюсселя на адрес З.Д. от 23 и 24 апреля и одно письмо А.Ф. Керенскому в Париж от 27 апреля⁷⁵. Добавлю к этим письмам лишь следующее: если наши иностранные товарищи, действительно, придут в Москву на процесс, желательно избегать ставить их в затруднительное положение – сочувственные манифестации в честь отдельных из них, конспиративные свидания и пр. Здесь очень опасно дать большевикам какой-нибудь повод причинить им неприятности. Я в беседе с бельгийцами обещал Вам об этом написать, дабы Вы с своей стороны приняли надлежащие меры и не давали никакого повода для большевистской провокации, которая вообще более чем возможна.

Прошу Вас обратить внимание на последний пункт моего письма к А.Ф. Керенскому. Нам необходимы просимые сведения – объем и характер их Вам легче определить при помощи тех юристов, которые нашими товарищами привлечены уже в качестве защитников.

Нам телеграфировал Устинов, что Вы официально^а уполномачиваете нас пригласить в качестве защитника Вандервельде – желательно было бы получить об этом официальную бумагу (хорошо бы и о других предполагаемых защитниках – или дайте нам право назвать эти имена), чтобы ее можно было опубликовать в общей прессе – это произвело бы большое впечатление и имело бы несомненно практическое значение.

Не можете ли Вы присылать нам побольше различных большевистских изданий, в том числе и литературных (журналов и пр.), а также и частных – вроде летописи Дома Литераторов⁷⁶, [Голоса Минувшего] и т.п. Нам было бы очень важно как можно богаче поставить в [Голосе России] литературный отдел на основании выходящих в России изданий и выделяться этим из всей другой заграничной прессы.

Все немецкие и французские газеты мы Вам высылаем в двух экземплярах.

Пересылаю Вам различные марки, изданные здесь социалистическими партиями и организациями: 1 – марки в пользу голодающих в России, изданные рабочими синдикатами Бельгии, 2 – в пользу политических заключенных (социалистов) в России, изданные чешским комитетом помощи и 3 – марки, изданные немецкими с.д. (большинства), распространявшиеся ими сегодня на улицах на манифестациях в честь первого мая.

Будьте все здоровы и благополучны.

Горячо всех обнимаю.

Акакий.

^а Так в документе.

⁶ Вписано от руки над строкой взамен ранее напечатанного во время.

^а Вписано от руки над строкой.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 66–67. Машинописный подлинник, подпись Зензинова – автограф.

ДОКУМЕНТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

№ П-65

Письмо Э. Бернштейна Заграничной Делегации партии социалистов-
революционеров с протестом против
предстоящего процесса

13 марта 1922 г.

Заключение в тюрьму и преследование в уголовном порядке лиц, принадлежащих к одной партии, правительством[...] состоящим из лиц другой, соперничающей с первой партией, – на основании показаний исключенного из первой партии перебежчика и заведомого провокатора, – является при всех обстоятельствах позорным деянием, которое до сих пор в полном праве с презрением отвергалось социалистами. Присуждение же к тяжкому наказанию, а тем более выполнение приговора, вынесенного на основании таких показаний, должно быть названо гнусным преступлением.

Эдуард Бернштейн
Берлин, 13 марта

– *Революционная Россия*. 1922. № 19. С. 17.

№ П-66

*Письмо К. Каутского Заграничной Делегации ПСР
с выражением протеста против предстоящего процесса*

14 марта 1922 г.

Дорогие Товарищи!

В данный момент у меня нет в распоряжении своего органа; равным образом я не занимаю теперь в германской социал-демократии никакого официального положения и могу говорить только, как частное лицо.

Я считаю само собой подразумевающейся обязанностью каждого, желающего быть достойным имени социалиста, присоединиться ко всяким выражениям протеста с.-р., чтобы помешать низкому плану убийства 47 преданных суду членов Вашей партии, и если уже неизбежно должен состояться над ними суд за давнишние действия, то добиться того, чтобы они предстали перед беспартийным судом из членов трех пролетарских интернационалов. Достигнуть этого представляется мне столь же важным, как и добиться назначения комиссии тремя интернационалами, комиссии, которая должна быть послана в Грузию, чтобы изучить тамошние условия и дать грузинскому народу возможность распорядиться своей судьбой. Из этих двух задач мне представляется не терпящим ни малейшего отлагательства протест с целью помешать судебной расправе над привлеченными к суду товарищами из партии с. р.

Я надеюсь, что не найдется ни одной соц[иал]-дем[ократической] партии, будет ли она принадлежать ко II интернационалу или к Венскому объединению, которая не исполнила бы до конца своего долга в этом деле.

Если бы коммунистические партии отстранились бы от дела протеста, или захотели даже помешать ему, то они должны быть заклеены перед пролетариатом всего мира, как трусливые помощники московских палачей, как рабы, лишённые всякого чувства достоинства и чести, с которыми никто не может вступать в общение, кто серьезно стремится к освобождению пролетариата.

Выражая Вам лучшие пожелания успеха в Вашем деле, сердечно приветствую Вас.

Ваш Карл Каутский.

Шарлоттенбург, 14 Марта 1922 г.

– *Революционная Россия*. 1922. № 19. С. 16.

№ П-67

*Протест французской социалистической партии⁷⁷
в связи с предстоящим процессом членов ПСР*

15 марта 1922 г.

Постоянная Административная Комиссия (центральный комитет) французской социалистической партии узнала с большим волнением о новых мерах преследований и террора, предпринятых московским правительством против социалистов-революционеров.

На основании махинаций и доноса агентов-провокаторов, и посредством гнуснейших злоупотреблений властью, напоминающих старые методы царского времени, подвергнуты в течение месяцев и лет жестокому тюремному заключению борцы, безупречное революционное прошлое которых оплачено ими при старом режиме десятками лет каторги. И вот теперь сообщают, что многие из них будут преданы пресловутому верховному трибуналу и рискуют быть умерщвленными.

Постоянная Административная Комиссия на самом деле извещена о том, что члены Центрального Комитета Партии Русских Социалистов-Революционеров и делегатов ее на международный социалистический конгресс: Гоц, Гендельман, Тимофеев, Раков и 47 других заключенных товарищей будут судимы верховным трибуналом 20 марта.

Как это уже сделали или как это сделают все остальные социалистические и рабочие партии всего мира, <Постоянная Административная Комиссия> протестует всеми силами от имени социализма и человечества против подготовляющегося преступления.

Она требует от советского правительства покончить раз навсегда с этими жестокостями, насилиями, отрицанием правосудия, которые столько раз социалисты клеймили, когда дело шло об их классовых противниках, революционерах и контр-революционерах всех стран.

Возвышая свой голос для этого публичного протеста Постоянная Административная Комиссия не боится навлечь на себя глупый упрек сыграть в руку врагам революционной России.

Она напоминает, что французская социалистическая партия все время боролась против практиковавшейся союзниками блокады, что она боролась всеми силами, которыми она располагала – в Палате Депутатов, в прессе и во всей стране – против антирусской политики во всех ее видах и во всех ее формах, что она заклеила Юденича, Деникина, Колчака, Врангеля и что в данный момент она без всяких оговорок участвует в кампании, имеющей целью уничтожить страшный голод, театром которого служит необъятные области России.

Именно все это дает ей право указывать на необходимость защищать Русскую Революцию, когда надо даже над ней самой^а.

Разве это не защищать ее от нее же самой, требуя от нее прекращения преследований и жестокостей, оказывающих дурную услугу и порочащих тех, кто говорит от [ее] имени?

Постоянная Административная Комиссия требует от всех рабочих Франции присоединения их протестов к ее протесту и к протестам социалистических партий всех стран для того, чтобы правительство Советов знало, что мировая рабочая совесть всегда идет против несправедливости, откуда бы она не происходила и что она сумеет потребовать справедливости от всех и для всех.

Постоянная Административная Комиссия

Париж, 15 марта

«Попюлер» («Le Populaire») центральный орган французской социалистической партии) печатает телеграмму секретаря французской социалистической партии Поля Фора в Москву, требующую отложить процесс, назначив его после берлинской конференции исполнительных комитетов интернационалов, ибо строгий приговор уничтожит надежду на общий фронт.

— *Революционная Россия. 1922. № 19. С. 17.*

---

^а Так в документе.

II. ПРОЦЕСС

ДОКУМЕНТЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ О ХОДЕ ПРОЦЕССА

№ П-68

*«Протокол № 9
заседания Агиткомиссии по эсеровской
кампании при ЦК РКП»*

от 13 июня 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: Члены Комиссии: т.т. ЯКОВЛЕВ, ВАРДИН, ИОНОВ, МАЛКИН,
Представитель МК – тов. ЛАВЛЕР.

С л у ш а л и:

I. Доклад МК о
подготовительных работах
и ходе пятиционной^а
кампании.

II. О лозунгах.

III. Об агитации в
газетах.

П о с т а н о в и л и:

1. а) Общий план работ по организации
демонстрации и ее проведения – утвердить.

б) Участие воинских частей в демонстрации в
каком бы то ни было виде – признать
нецелесообразным.

в) Признать необходимым усиление работ по
проведению пятиционной кампании. Привлечь к
под[а]нной пятиции наиболее крупные
предприятия и союзы металлистов главным
образом.

г) Кричащие формы демонстрации
(агиттрамвайные вагоны и проч.) – признать
нецелесообразным.

II. Тов. Вардину к 13 июня к вечеру составить
лозунги[,] вытекающие из хода процесса.

III а). Констатировать, что директива ЦК от 7-
го июня о том, чтобы агитация не носила
характера вульгарной брани и чтобы конкретные
факты[,] даваемые процессом[,] газетами
использовались в достаточной мере[,] редакциям
газет указать на необходимость точного
соблюдения директивы ЦК. Особенное внимание
обратить на фельетоны.

б) Поручить тов. Флеровскому ежедневно
следить за материалом[,] помещаемом в газетах в
связи с процессом и на сколько точно соблюдается
директива ЦК.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: ЯКОВЛЕВ

СЕКРЕТАРЬ: РУДАКОВ

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 20. Машинописный подлинник, подпись Рудакова –
автограф. Вверху листа рукописная помета Л.Б. Каменева «Арх[ив]».

№ П-69

*«Протокол № 10
заседания Агиткомиссии по эсеровской кампании»*

от 20 июня 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯКОВЛЕВ, ПОПОВ, ВАРДИН.

С л у ш а л и:

1. Дополнительные
директивы Редакциям.

П о с т а н о в и л и:

^а Так в документе, здесь и далее следует петиционной, петиции.

^{а-б} Исправлено взамен ранее напечатанного на процессе.

2. Пропагандистское освещение процесса.

2. Внести на утверждение Центральной Тройки – Политбюро следующий проект постановления: Признать необходимым издание: 1) сокращенного стенографического отчета процесса, дающего точный фактический политический материал (редактирование поручить тов. тов. Попову, Вардину и Яковлеву с предоставлением им одного экземпляра стенограммы)⁷⁸, 2) сборника основных документов, рисующих деятельность эсеров, 3) небольшой брошюры[,] освещающей судебно-юридическую сторону процесса («Суд буржуазный и суд пролетарский»).

Признать необходимым издать брошюру о работе эсеров на Кавказе, в частности о Бакинском периоде 1918 г. – диктатуры Центрокаспия (брошюра под общей редакцией тов. Попова, использовать в качестве авторов т.т. Микояна, Шабалдаева⁷⁹, Галустьяна и др.).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

(Я. ЯКОВЛЕВ)

СЕКРЕТАРЬ

(М. МИХАЙЛОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 22. Машинописный подлинник, подпись М. Михайлова – автограф. Вверху листа рукописные пометы о рассылке «т. Каменеву» и рукой Л.Б. Каменева «Арх[ив]».

№ П-70

«Протокол № 11

заседания Агиткомиссии по эсеровской кампании»

от 23 июня 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯКОВЛЕВ, ПОПОВ, МАЛКИН.

С л у ш а л и:

1) Об отчетах в газетах

П о с т а н о в и л и:

1) Указать на общий неудовлетворительный характер печатаемых в газетах отчетов⁸⁰ о процессе. Эти отчеты страдают слишком грубой тенденциозностью. Она заключается прежде всего в полемическом характере изложения показаний подсудимых 1-й группы. Эти показания с неизменным однообразием из номера в номер сопровождаются эпитетами, бездоказательные, ничего нового в дело не вносящие и т.д. Такой тон изложения показания режет ухо. Центр тяжести полемики с утверждениями подсудимых, поскольку она необходима, нужно перенести из отчетов в заметки и статьи.

В изложении показаний свидетелей бросается в глаза подчеркнутое замалчивание всего того, что сколько-нибудь направлено против нас. Конкретный пример: показания свидетеля ВЕРХОВСКОГО в номере «Правды» от 22-го Июня изложено⁸¹ так, что прочтя их читатель совершенно не поймет, при чем здесь последующие постановления Трибунала о привлечении ВЕРХОВСКОГО к ответственности, ибо его заявления, давшие повод к постановлению трибунала, из показаний устранены.

Далее обращает на себя внимание общий неряшливый характер отчетов. В них постоянно вкрадывается отсебятина, совершенно не отвечающая тому, что на суде происходило. В том же отчете «Правды» за 22-е Июня утверждается, что Председатель Трибунала тов. ПЯТАКОВ после показаний Григорий⁸² РАТНЕРА предлагает подсудимым первой группы дать свои показания, но они отказываются, «не желая полемизировать с РАТНЕРОМ». На самом деле показания РАТНЕРА были прерваны Председателем как не относящиеся к делу (именно – Петербургскому периоду). Последующие вопросы Председателя к подсудимым относились к этому Петербургскому периоду и ответы на них совершенно не носили характера отказа от полемики с РАТНЕРОМ.

Наконец, в изложении дальнейших показаний РАТНЕРА, относящихся к Московскому периоду,

⁷⁸ Вписано от руки взамен ранее напечатанного все усилия.

⁷⁹ Так в документе, следует Шеболдаева.

⁸⁰ Так в документе, следует отчетов.

⁸¹ Так в документе, следует изложены.

⁸² Так в документе, следует Григория.

подсудимому приписывается просьба не осуждать его за обман Московских рабочих проповедью единого фронта. Ни о чем подобном РАТНЕР суд не просил и напротив брал на себя всю ответственность за прошлую деятельность.

Указанный отчет является типическим. Приведенные примеры можно найти в любом газетном отчете.

Принимая во внимание, что процесс сам по себе дает массу уличающих партию эсеров материалов и что тенденциозный характер отчетов возбуждает к ним недоверие даже в сочувствующих нам слоях рабочих, предлагается в дальнейших отчетах соблюдать максимальную объективность и принять меры к скорейшему устранению указанных выше недостатков. —

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (ЯКОВЛЕВ)
Секретарь (М. МИХАЙЛОВ)

— РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 24. Машинописный подлинник, подпись М. Михайлова — автограф. Вверху листа рукописные пометы о рассылке «т. Каменеву» и рукой Л.Б. Каменева «Арх[ив]».

№ П-71
«Протокол № 12
заседания Агиткомиссии по эсеровской
кампании при ЦК РКП»

от 30 июня 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯКОВЛЕВ, ПОПОВ, ВАРДИН.

С л у ш а л и:

1. О дальнейшей издательской деятельности по эсеровскому процессу как для России так и для границы.

П о с т а н о в и л и:

1. а. Признать необходимым издание стенограммы процесса примерно в 15–20 печатных листов, в котором должен быть приведен: по периодам материал наиболее точно устанавливающий контр-револю-ционную деятельность социалистов-революционеров.

б. Основной материал, характеризующий судебно-юридическую сторону процесса и линию поведения участвующих в процессе сторон (иностранная и русская защита, подсудимые обеих групп).

в. Прения сторон и речи подсудимых.

г. Соблюсти между показаниями и объяснениями обвиняемых обеих групп, свидетелей, защиты и обвинения необходимую пропорциональность.

Данную работу поручить проделать тов. ПОПОВУ в течении полутора месяцев.

д. Поручить тов. ШУБИНУ написать брошюру на темы: «Судебно-юридическая сторона процесса» (как эсеры защищались (для границы)).

е. Поручить тов. ПОКРОВСКОМУ написать брошюру для границы на тему: «Что установлено

процессом социалистов-революционеров».

ж. Поручить тов. ВАРДИНУ написать для России брошюру на тему «Итоги процесса социалистов-революционеров».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

(Я. ЯКОВЛЕВ)

Секретарь

(РУДАКОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 25. Машинописный подлинник, подпись Рудакова – автограф. Вверху листа рукописные пометы: 1) «т. Каменеву», 2) «Арх[ив]».

№ П-72

Из выступления члена ВЦИК Д.Б. Рязанова на IX Московской губернской конференции РКП(б) об отношении к процессу социалистов-революционеров

25 июня 1922 г.

РЯЗАНОВ Т.Т. Вы понимаете, что как раз сегодня я должен быть особенно снисходителен к ЦК, ибо в первый раз ЦК попал в то положение, в которое мы много раз попадали, когда читали в газетах о постановлениях ЦК, о подготовке которых мы не подозревали. И вот теперь, в первый раз, ЦК попал с Наркомземом в такое же положение, когда однажды утром прочел постановление[,] имеющее громадные политические последствия и которое может иметь не менее важные последствия в отношениях между органами партии и советской власти.

По первой части доклада т. Каменева, относительно внешней политики, должен сказать, что в общем и целом эта политика, которая свернула на то, что мы должны быть не только купцами, но купцами и коммунистами, что эта политика принесла крупные плоды, т.к. генуэзская практика, та огромная атмосфера сочувствия, которой мы были окружены в Генуе, выпрямила эту линию. И надо приветствовать решительность, с которой ЦК огорчил Красина и Чичерина, отказавшись утвердить русско-итальянский договор. В этом отношении мы можем только приветствовать это явление, ибо этот акт ЦК выпрямляет и укрепляет спинной хребет той делегации, которая выехала на Гаагскую конференцию. Дальше, т. Каменев говорил и взял это как промежуточную стадию, о нашей тактике по отношению к процессу с.-р. Я на этом хочу остановиться, потому что в нашей среде, где мы^а до сих пор не имели возможности обсудить этот вопрос политически, нам нужно было бы это сделать, и я очень жалею, что т. Каменев, который сделал такой обстоятельный доклад, не указал на различные мнения, которые выявлялись по отношению к этому процессу, а я убежден, что точно также, как они были по вопросу об итальянско-русском договоре, также и по этому вопросу были разные мнения среди наших товарищей. Для нас, конечно, не подлежит никакому сомнению, что этот процесс должен был быть поставлен, что он должен быть поставлен так, чтобы убить партию с.-р. и меньшевиков в международном мнении, но в международном мнении пролетариата. И ЦК, я цитирую слова т. Каменева, совершенно верно поставил вопрос, когда сказал, что не личная месть и не вопрос уничтожения данных групп лиц занимает ЦК. Повторяю, я цитирую буквально слова т. Каменева. Так и надо было поставить этот вопрос, надо было поставить его политически – убить партию с.-р., надо было поставить его так, как он был поставлен. И верно было сказано т. Радеком по поводу демонстрации рабочих, что демонстрация, это не смертный приговор подсудимым, а это смертный приговор партии с.-р. Исходя из этой точки зрения, позвольте мне, который имел возможность 4 или 5 раз быть на этом процессе и следить за некоторыми его эпизодами, указать, что в нашей тактике имеются крупные ошибки, которые теперь мешают нам достичь основной цели и которые создают впечатление для некоторых, особенно политически мало воспитанных товарищей, что речь идет об убийстве лиц, а не партии. Тут нужно сказать несколько слов о берлинском соглашении. Оно было заключено. Надо сказать, что трудно было заключить в этих пунктах более нелепое соглашение. Подумайте об этом пункте – о смертном приговоре, и затем о том, что «в виду публичного характера ведения публичного процесса на нем сумеют присутствовать, в качестве слушателей, представители всех 3 исполкомов, каковым разрешено будет фиксировать в стенограмме ход процесса для сообщений своим партиям» (цитирует). Я не понимаю, где были т.т. Радек и Бухарин, когда они на международной конференции подписывали такое соглашение. И конечно, надо было нам с самого начала знать, что Вандервельде, Розенфельд и Либкнехт будут использовать все случаи, чтобы уйти с этого процесса и нужно было создать им невозможность такого ухода. Кто помнит, как происходило обсуждение по поводу стенограмм[,] тот видит, что тут была допущена тактическая ошибка, которую Пятаков тщетно пытался исправить тем, что заявил, что Вандервельде может обратиться к коменданту дома союзов с просьбой пропустить его стенографистку. Ошибка была сделана в начале Пятаковым, который вообще блестяще ведет процесс – я должен сказать, что нас вывозит на этом процессе, несмотря на крайне нелепое поведение коммунистических защитников и не всегда удачное поведение Крыленко, нас вывозит великолепное, образцовое, прекрасное и умное поведение т. Пятакова. И все[-]таки он вынужден был выпутываться из того безвыходного положения, в которое поставило нас берлинское соглашение, для чего он должен был сослаться на коменданта дома союзов, который мог пропустить стенографистку. Т.т.[] я буду говорить дальше об этом берлинском соглашении. Там был вопрос о смертной казни. Но ведь и Радек и Бухарин, обещая, что в этом процессе не будет допущено применение смертной казни, прибавили «как это еще до конференции сообщалось в советской прессе». И вот теперь перед нами то неудобное положение, которое создалось для нас, и особенно для коммунистических защитников второй группы. Во всей заграничной прессе было официальное заявление, что этого не будет, что теперь не такой момент, чтобы говорить о личной мести и личном убийстве. Словом, говорилось так, как говорилось об этом в постановлении ЦК. Но надо было с самого начала подчеркнуть, что для нас не важен факт убийства того или другого лица, того или другого с.-р., тем более, повторяю вам, товарищ Каменев, что на этой стороне, которую защищают наши коммунистические защитники, сидят люди, которые не были только орудием в руках, сидят люди, я лучше всех вас это знаю, сидят Семенов, Коноплева – я прямо заявляю, что Семенова я спас в [19]18 г., когда он чуть не убил при аресте двух товарищей. Семенова я выдрал из рук товарища Кедрова, Семенова я посещал в Таганской тюрьме, я ему давал «капитал», я его передал в руки Дзержинскому для отправки на фронт. Но если бы я знал, что Семенов причастен к убийству Володарского, я бы никогда палец о палец не ударил для защиты его. Читайте показания Семенова, читайте показания Коноплевой, и вы увидите, в какое неудобное положение мы попадаем, имея группу, по поводу

^а Вписано от руки над строкой.

которой даже старик Кон должен говорить длинные речи, чтобы оправдать их мораль. Вот то неудобное положение, которое было бы иначе, если бы этого опасения не было. Товарищи знают показания Дашевского, который ведет себя прекрасно, знают показания Семенова, знают, как часто садился в лужу Семенов (шум, отдельные голоса: просим дать еще десять минут). (Председатель: прошу, товарищи, соблюдать порядок и не кричать). Какое положение создалось, если бы наша защита не была вынуждена каждый раз на это⁶, ибо наши защитники чувствуют неудобство, которое растет пропорционально продолжению процесса. Раз мы заявляем смертный приговор для этих лиц, то мы имеем людей, прикованных на несколько недель к этой смертной казни (неясно слышно). А те другие даже среди товарищей вызывают чувство отвращения к себе, когда так делают, как тов. Ратнер, которого прохоровцы очень хорошо знают, когда он так легко нападает на ту сторону. Я укажу вам то здоровое пролетарское чувство, которое разделяют многие молодые рабочие, я это слышал, они говорят, что Семенов и Коноплева хорошо сделали, что они все сказали, но лучше бы они теперь не жили, и они правы (голос: что за чепуха). Я говорю вам, что если бы не была создана эта постановка о неизбежности физического наказания, тогда можно было бы развернуть весь процесс для разоблачения эсеров и меньшевиков в [19]18, [19]19 и [19]20 г.г. В то время, когда нам придется обсуждать вопрос о терроре, для нас создается положение еще более тяжелое, и вы будете свидетелем того, т. Каменев. В этом отношении я уверен. Вот почему, товарищи, я стою на той точке зрения, которую ЦК выразил в цитированных мною словах т. Каменева, и для международного пролетариата нужно показать, что как ни глупо было это берлинское соглашение, что когда разрывается это соглашение, мы не выпираем в первую голову вопрос о смертной казни, не надо создавать впечатление, что мы мальчики, ребята, что мы не политики. Если мы желаем произвести впечатление на международный пролетариат, на тот пролетариат, с которым мы хотим объединиться в единый фронт, большая часть которого находится под давлением 2 и 2 с половиной Интернационала, мы ни на минутку ни в нашей прессе, в особенности в «Правде», в особенности в «Рабочей Москве», потому что я должен констатировать, что в последнее время «Известия» стали верхом приличия в сравнении с «Правдой» и «Рабочей Москвой»... (сильный шум), в этом пункте, подтверждая это всем авторитетом московской организации, мы должны создать условия, которые обеспечивают международное политическое значение, пропагандистское значение этого процесса. Мы должны оставаться на той точке зрения, что это не вопросы мести, не уничтожение данного лица, мы не должны делать, как тов. Крыленко, который беспомощно путается между вопросами мести, и каждый раз подчеркивает, что дело идет о юридическом вопросе. Мы должны подчеркнуть, что речь идет только об убийстве, о политическом уничтожении партии эсеров. Поскольку вопрос является юридическим, он является одинаковым для обеих сторон, но для этого мало платонических заявлений той или другой из групп. Для этого нужно в партийной прессе в первую очередь развивать, обосновывать, защищать ту мысль, которую установил ЦК. в начале этих переговоров: не вопрос мести, а вопрос политический.

– РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 160–162. Машинописная копия, сделанная в Бюро Секретариата ЦК РКП(б) и заверенная помощником секретаря Политбюро Ш.Н. Манучарьянц. Вверху на л. 160 штамп «Архив т. Ленина» и рукописная дата «29.VI.22 г.».

– Опубликовано в сокращении в кн.: Ракитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. М.: Academia, 1996. С. 195–196.

№ П-73

Из заключительного слова Л.Б. Каменева на IX Московской губернской конференции РКП(б) о позиции Д.Б. Рязанова в оценке хода процесса

Не позднее 26 июня 1922 г.

Товарищи, я считаю, что те ораторы, которые здесь выступали по поводу речи Рязанова, были слишком мягки (смех в зале). Они характеризовали это выступление как отражение каких[-]то интеллигентских настроений. По[-]моему, у нас должно быть иное. Речь Рязанова была не просто отражением каких[-]то интеллигентских настроений. С этой речью к нам на конференцию Московской организации РКП вошли отклики той клеветы и той травли, которая ведется во всей международной литературе против коммунистов по поводу этого процесса (аплодисменты). Ничего другого здесь не было. О чем шла речь. Разве я здесь говорил хоть одно слово о приговоре. Я сказал, что ЦК должен был разобрать вопрос, ставить процесс или не ставить его, и ставя этот процесс, ЦК имел соображение единственное – политически разоблачить партию эсеров. С чем пришел к нам Рязанов. Он не хочет смертного приговора. И он пришел сюда, на партийную конференцию говорить не о политическом смысле этого процесса, а специально вести здесь пропаганду против возможного решения о смертной казни. Да, смысл речи Рязанова заключается в том, чтобы заранее предупредить приговор суда, чтобы предупредить, чтобы приговор суда не был высшей мерой наказания, а я утверждаю, что этого никто не имеет права делать, что суд, во главе которого стоит человек, которого ЦК специально поставил, которого сам Рязанов назвал человеком, который ведет суд очень умно (голос Рязанова: совершенно правильно), за действия которого специальная комиссия ЦК отвечает, что этот суд сам на основании того, что он выслушает, вынесет приговор, и только. Больше ничего. Ни я, ни Рязанов с этой трибуны не имеем права сказать. Поэтому я ничего не говорю, а Рязанов пришел сюда защищать и создавать настроение против смертной казни. Я спрашиваю, какие у Рязанова были аргументы. Я не хочу употреблять резких^a слов, но я должен сказать: он пытался опорочить возможный смертный приговор, играя на разделении между двумя группами подсудимых и пытаясь доказать, что если кто[-]нибудь заслуживает смертного приговора, то это морально запачканные люди в лице Семенова и Коноплевой, которые в сравнении с безупречно моральными Гоцами, скорее заслуживают смертного приговора (голоса: позор), а я утверждаю, что это есть повторение, другими словами, здесь той агитации, которую

ведет Чернов (голос: правильно), который построил все на том, что Семенов, Коноплева предатели, морально запачканные люди. И тов. Троцкий не даром писал специальную статью для того, чтобы разъяснить недоумевающим рабочим, что тут не предатели, а люди, выполняющие свой революционный долг. И если это делалось для колеблющихся и сомневающихся рабочих, то нам в ЦК, обсуждая необходимость статьи Троцкого, в голову не приходило, что Рязанову после этой статьи не будет ясна разница между моралью Гоца и Семенова (аплодисменты). Какое нам

⁶ Так в документе.

^a Так в документе.

дело до того, что Рязанов ходил к Семенову. Рязанов очень часто ходит в тюрьмы, и то, что он говорит по поводу Семенова, не последняя его ошибка (Рязанов: не последняя, наверное). Какое нам дело до этого. Тогда Рязанов ходил к нему, не зная, что Семенов готов стать на скамью подсудимых и разоблачать ту партию, которой он служил. Теперь, когда Семенов это делает, когда Семенов, Ратнер, Коноплева в тяжчайших условиях, перед лицом всего мира ежедневно ведут борьбу за свой революционный социалистический долг, понимая эту защиту только таким образом, как они могут себя оправдать – только тем, что они изменили партии эсеров ради партии коммунистов, только это моральное оправдание может их поддержать, давать им смелость говорить, что они изменили одной партии ради другой[.] которая лучше выполняет свой революционный долг. Здесь Рязанов говорит, что люди, которые разоблачают^б партию эсеров ради партии коммунистов, морально запятнаны, и он жалеет, что ходил в тюрьму (Рязанов: стенограмма). На счет стенограммы вашей речи я имею сделать предложение конференции, и это предложение будет следующее: во-первых, стенограмму речи Рязанова из стенограммы изъять и направить в ЦК (аплодисменты), потому что, товарищи, шутить с этим нельзя. Мы продолжили время, вы очень весело относитесь к тов. Рязанову. Я дольше знаю т. Рязанова и больше обязан ему, чем многие здесь присутствующие, но нельзя же, чтобы в такой момент устами т. Рязанова с нами говорила чуточку подкрашенная идеология г. Чернова. На коммунистической конференции этого допускать нельзя. Мы должны принять меры^в. Если речь Рязанова донесется до тех сотен тысяч рабочих, которые действительно вышли по нашему призыву, которые не считают Семенова и Коноплеву за то, что они разоблачили Гоца, морально запятнанными людьми, которые говорили, что Пятаков должен вынести соответствующий приговор каждому обвиняемому и, для Гоца не должно быть исключения, потому что он Гоц, то какое будет впечатление. Не скажут ли эти рабочие, которых мы завоевали только в ходе этого процесса, потому что политический смысл не является в том, чтобы коммунисты сказали, что они коммунисты, а в том, чтобы инертные, обманутые, колеблющиеся рабочие, увидев перед собой эту картину, сказали, что эти эсеры должны быть осуждены коммунистами, как враги рабочих, если здесь на собрании столь почтенный человек, как Рязанов, произносит эту речь, что же должно произойти в головах рабочих.

– РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 162–163. Машинописная копия, сделанная в Бюро Секретариата ЦК РКП(б) и заверенная помощником секретаря Политбюро Ш.Н. Манучарянец. Вверху на л. 160 штамп «Архив т. Ленина» и рукописная дата «29.VI.22 г.».

– Опубликовано в сокращении в кн.: Ракитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. С. 197.

№ II-74

Черновик проекта поправки к Постановлению ВЦИК об утверждении приговора Верховного Трибунала в отношении обвиняемых на процессе, подготовленный Л.Б. Каменевым

Не позднее 7 августа 1922 г.

Признавая, ^ас одной стороны^б, в полной мере правильность и строгую обоснованность приговора Верховного Трибунала, ставя себе, с другой стороны, задачей дать даже^в самым отсталым, запуганным буржуазией и обманутым социал[-]демократией слоям мирового рабочего класса наглядный урок революционной целесообразности и тем облегчить для этих слоев рабочих сплочение вокруг единого знамени мировой пролетарской революции, – ВЦИК постановляет:

1. Определение Верх[овного] Трибунала в отношении подсудимых ^гпервой группы^д, приговоренных к высшей мере наказания в исполнение не приводить, заменив пожизненным заключением. Если партия соц.-рев., в лице своих руководящих органов и учреждений, фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти Советов, она тем самым ^еоткроет возможность ВЦИК^жу поставить вопрос о дальнейшей участи осужденных^ж.

2. Что касается подсудимых второй группы (далее как у Тр[юцкого]).

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 118. Рукописный подлинник. Вверху листа слева делопроизводственная помета: «Дело с-р.». На обороте листа (л. 118 об) рукой Каменева (?) две колонки фамилий, в том числе вторая с предполагаемым отношением членов ЦК к вносимой поправке: А. «1) Ленин, 2) Ворошилов(?), 3) Фрунзе, 4) Зеленский, 5) Рудзутак, 6) Чубарь, 7) Андреев».

Б. «1) +Зиновьев, 2) +Каменев, 3) –Сталин, 4) –Троцкий, 5) +Калинин, 6) Раковский ?, 7) +Петровский, 8) +Рыков, 9) +Коротков, 10) Сапронов ?, 11) Смирнов (?), 12) +Томский, 13) –Сокольников, 14) –Куйбышев, 15) –Молотов, 16) –Орджоникидзе, 17) –Ярославский, 18) +Радек, 19) +Бухарин, 20) –Дзержинский».

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОДСУДИМЫХ НА ПРОЦЕССЕ

^б Так в документе.

^{а-б} Вписано над строкой.

^в То же.

^{г-д} То же.

^{е-ж} Вписано взамен вычеркнутого освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее проводить.

*Защитительная речь А.Р. Гоца на процессе
1 августа 1922 г.*

Прокурор здесь поставил кардинальной важности вопрос, вопрос о том, кто начал гражданскую войну и на ком лежит за нее ответственность. Без решения этого вопроса понимание всего последующего немислимо. Но Крыленко, вместо решения этого вопроса, отделяется от него анекдотом. Анекдотом о Тимофееве, который, де, приехав в Петроград, увидел все стены оклеенными большевистскими плакатами – «мир хижинам, – война дворцам!» и решил на этом, что гражд[анскую] войну начали большевики, и что ПСР должна вступить за дворцы, то есть за буржуазию. Но вопрос стоит совсем не об этой гражданской войне, не о борьбе между классами, а о борьбе внутри демократии, внутри класса трудящихся, ибо в этой борьбе по обе стороны баррикад были массы пролетариата и крестьянства. И вот виновником начала этой[-] то гражданской войны и был большевистский Военно-Революционный Комитет в Петрограде. При самом своем возникновении он прикрылся лицемерной маской. Объявлялось, что он образован отнюдь не для захвата власти, а якобы для борьбы с анархией и погромами. Из[-]под этой маски и за спиной переговоров о соглашении с социалистическими партиями, он нанес свой предательский удар в спину демократии. Даже не вся партия большевиков принимала участие в этом перевороте. Петроградский комитет совершил, но за спиной большинства Ц.К. Р.К.П. и против его воли. Это факты безусловно установленные. Правда, военно-революционный комитет опирался на большинство в Петроградском совете и на большинство Петроградского пролетариата, но большинство пролетариата в стране, огромное большинство солдат и подавляющее большинство крестьянства были против переворота и шли в это время за с-р'ами и меньшевиками.

Председатель (перебивает). Это оскорбление трудящихся масс, я не позволю оскорблять волю трудящихся. Она была ясно выражена вторым Съездом Советов. И на суде Верх[овного] Триб[унал]а я не допущу нападения на высший орган Республики.

Гоц. Я утверждаю лишь исторический факт, что Съезд Советов был поставлен перед совершившимся фактом переворота. И я уверен, что если бы Военно-Революционный комитет, отражавший волю лишь Петроградского пролетариата, не поставил Съезд перед совершившимся фактом, то Съезд нашел бы иные пути для решения споров внутри демократии, а не пути крови и насилия, на которые толкнули Россию большевики. Но Съезд был вынужден санкционировать этот переворот, ибо он понимал, что Военно-Революционный Комитет не откажется от захваченной власти и что аннулировать переворот – это значило бы для Съезда вновь начать войну[.] уже на этот раз против захватившего власть Военно-Революционного комитета и стоявшей за ним части Петроградского пролетариата.

Перед нами стал вопрос о сопротивлении насильническому перевороту и отпор был нами организован. Прокурор обвинял нас в том, что мы прибегли для этого к псевдониму «Комитета^а Спасения Родины и Революции» для того, чтобы потом, в случае неудачи, иметь возможность отречься от движения. Это неправда[.] Ц.К. дал мне полномочие «организовать отпор»[.] и я решил сделать это от имени наиболее крупной и влиятельной в то время в Петрограде организации, объединявшей все демократические, социалистические силы: все профсоюзы, все органы демократии и все социалистические партии, кроме большевиков. Не трудовое и не социалистическое представительство в комитете^б не было допущено. И естественно, что начиная борьбу против диктатуры одной партии, я должен был призвать к восстанию не от имени той или другой партии, а от имени комитета^в, объединявшего все силы демократии и социализма. «Комитет спасения Родины и Революции» начал это движение 29 октября и никогда впоследствии он от него не отрекался. Эпизод с моим, якобы отречением – здесь был совершенно ложно изложен прокурором. Прокурор многое запамятовал. И это характерно, что всякий раз, когда прокурор, обладающий феноменальной памятью[.] делает ошибки, то эти ошибки всегда бывают в сторону отягчения обвинения. С самого первого возмущения моя роль в нем была совершенно явной и открытой.

В день 29-го был арестован Брудерер, у которого был отобран при аресте документ о назначении его комендантом «Владимирского военного училища^г», подписанный мною, как членом комитета Спасения. И все другие приказы в этот день подписывал я же, а не Авксентьев, так как именно я был в Штабе в Инженерном Училище. И мой отказ от подписи на апокрифическом документе, о котором здесь слишком много говорилось, означал только то, что в нем было, а именно, что этого документа я не видал и его я не подписывал.

Мною для руководства движением был назначен полковник Полковников.

Это было сделано не потому, как думает прокурор, чтобы привлечь казачьи части на нашу сторону. Нет, Полковников был назначен потому, что мы его считали самым способным и выдающимся военным руководителем. Нам был ближе Краковецкий, но мы его считали недостаточно энергичным и решительным и поэтому он был намечен лишь в начальники Штаба, как ближайший помощник Полковникова. В нашем распоряжении был еще другой полковник, с[оциал]-р[еволюционер] Куропаткин, который был бы более подходящим лицом для руководства движением, но он из скромности сам отказался от руководящей роли и взял на себя лишь выполнение одного из самых важных боевых заданий – захват Петропавловской крепости. К сожалению он был убит в самом начале восстания. Что касается Полковникова в политическом отношении, то если он и возбуждал наши сомнения, это было отнюдь не в смысле его правизны, а напротив, в смысле его уклона в сторону большевиков. Но тогда нам эти

^а Исправлено Гоцем взамен ранее написанного Союза.

^{б-в} Исправлено Гоцем взамен ранее написанного начать возмущение.

^г Исправлено Гоцем взамен ранее написанного Союза.

^д То же.

^{е-ж} Исправлено Гоцем взамен ранее написанного школ прапорщиков.

упреки его в большевизме казались необоснованными – вот почему я и считал возможным назначить его для верховного руководства.

После неудачи движений 29-го окт[ября] мы увидели, что в нашем распоряжении нет сил для немедленного свержения большевиков вооруженной рукой, и мы изменили нашу тактику. Началась тактика последовательной изоляции большевиков от всех социалистических и демократических сил и от народных масс; в то же время, стремясь к объединению демократии, мы делали все усилия потушить гражданскую войну путем переговоров и соглашений. Я имею в виду переговоры по инициативе Викжеля⁸⁰ и переговоры в Могилеве⁸¹. И опять[-]таки здесь вина за неудачу переговоров падает не на нас, а на вас. Это было признано еще тогда же такой близкой к вам группой, как группа «Новой Жизни»⁸², которая открыто писала, что в срыве переговоров виноваты большевики. Это же подтверждается и выходом в отставку и многих членов тогдашнего большевистского правительства, которые мотивировали свой уход тем, что диктатура одной партии, диктатура крови и насилия может лишь привести к гибели и крушению революции. Эти свидетельства правильности нашей тогдашней позиции, исходившие из ваших рядов, я привожу потому, что они и для вас должны быть авторитетны. Тактика изоляции с успехом проводилась нами до 5 января, и одиночество захватившей власть партии к этому времени стало уже очевидным.

Перехожу ко дню открытия Учредительного Собрания.

В оценке событий этого дня представители прокуратуры разошлись между собой. Луначарский все объясняет гамлетизмом Гоца, румянец воли которого угас под наплывом разедающих сомнений – в последнюю решительную минуту Гоц сдал и остановил злоумышленный план вооруженного возмездия. И конечно, – говорил Луначарский, здесь дело не в личном гамлетизме Гоца, в нем лишь[.] как в капле воды[.] отразилась двойственная природа мелкобуржуазной партии, ее две антагонистических души, ее вечные колебания между двумя путями. Крыленко выдвигал другую версию: не гамлетизм, а тартюфство³, лицемерие и безвестность. Покровский, как добрый старый марксист (по его словам)[.] разрешал вопрос проще: у них просто не было сил, – говорил он – вот и все. И, конечно, эта простая оценка правильнее всего остального. В это время мы считали необходимым мобилизовать все военные и общественные силы, чтобы дать отпор большевикам, в случае, если они посягнут на высший орган народоустройства. Но мы не хотели брать на себя начало вооруженной борьбы и считали необходимым лишь вызвать Петроградские трудовые массы к изъятию своей воли к борьбе⁴ за Учредительное Собрание. Мы призвали поэтому к мирной демонстрации, демонстрации воли народных масс.

Крыленко говорит о двойном плане – о мирном открытом плане и о тайном боевом плане. Допустим даже, что его предположение и верно, но ведь на деле[-]то осуществилась лишь мирная часть демонстрации[.] и она[-]то и была расстреляна вами. Ведь броневики, Семеновский полк и прочие части предполагаемой вами вооруженной демонстрации не вышли, их там не было. Нам не удалось собрать вооруженный кулак, но мы считали бы преступлением, если бы мы в то время не приняли всех мер к вооруженной защите Учред[ительного] Собрания. Это был наш долг и мы его выполнили. Все усилия были сделаны и не наша вина, а наша беда, что сил не оказалось. Крыленке его версия понадобилась для того, чтобы скрыть истинный смысл событий 5-го января, ибо в этот день вами была расстреляна мирная демонстрация рабочих Петрограда. Чтобы скрыть это ваше преступление, вы и измыслили двойной план. Но если даже мы и хотели осуществить вторую половину этого плана, это не снимает с вас ответственности за пролитую кровь, ибо вы[-]то расстреливали мирную демонстрацию рабочих. На деле же, конечно, никакой скрытой половины плана и не было. Мы призывали народ лишь “заявить властно” в этот день, что единственной законной властью в стране, властью революционной является Учред[ительное] Собрание. И оно должно было уже само в случае посягательств на его права со стороны какой[-]либо одной партии подавить восстание этой партии против него и охранить себя силой от всяких насильнических посягательств.

Этот день был поворотным днем в истории русской революции. Роза Люксембург, ваша сторонница, в своей книжке «Русская революция» правильно оценивает значение этого поворотного пункта. «Выдающуюся роль в политике большевиков сыграл разгон Учредительного Собрания 5-го января. Эта мера определила их дальнейшую позицию, она была до известной степени поворотным пунктом их тактики. Известно, что Ленин и его друзья бурно требовали созыва Учредительного Собрания до своей октябрьской победы, – что именно политика затягивания в этом вопросе со стороны правительства Керенского была одним из пунктов обвинения большевиками этого правительства и давала им повод к жесточайшим нападкам на него. Троцкий говорит даже в одной из интереснейших своих статей, – “От октябрьской революции до Брестского мира” – что октябрьский переворот был “настоящим спасением для Учредительного Собрания, как для всей революции...”».

В дальнейшем большевики объяснили разгон Учредительного Собр[ания] следующими аргументами: тем, что позиции избравшего его народа уже изменились, что оно представляет собой уже «вчерашний день» революции и тем, что накануне выборов произошел раскол в ПСР, но на выборах партия левых с[оциал-]р[еволюционеров] шла по одним спискам с ПСР, составленным до раскола. Отвечая на эти соображения большевиков...

Бухарин: Роза Люксембург хотела сжечь эту книгу.

Гоц. Это фантастика, но мне вполне понятно, что гр[ажданин] Бухарин хотел бы сжечь эту книгу. Я продолжаю: На эти соображения большевиков «о вчерашнем дне» Роза Люксембург отвечала: «Нужно только удивляться, что такие умные люди, как Ленин и Троцкий не пришли к само собой напрашивающимся выводам: Если Учредительное Собрание избрано задолго до поворотного пункта – октябрьского переворота – и отражает прошедшее, а не новое положение в стране, то само собой напрашивается вывод, что нужно кассировать устаревшее мертворожденное Учредительное Собрание и немедленно назначить новые выборы в новое Собрание». – Это самое говорили и мы тогда – «Вместо этого – продолжает Роза Люксембург, – Троцкий, на основании негодности собравшегося данного собрания, приходит к общему выводу о ненужности и негодности вообще всякого народного представительства, основанного на всеобщем избирательном праве во время Революции, указывая на его громоздкость и проч.»

⁸⁰Вопрос стоял таким образом: диктатура партии или демократия, власть большинства класса трудящихся или небольшой его части? Вы были за демократию, пока вам казалось, что

³ Вписано Гоцем сверху над строкой.

⁴ То же.

^{К-л} Исправлено Гоцем взамен ранее написанного выявить.

^{М-н} Текст написан Гоцем.

большинство может быть за вас, но в это время вы уже поняли, что большинство трудящихся против вас, и тогда вы отвергли демократию. Крыленко здесь прочел нам лекцию для кружков 2-го типа старого времени⁸³ на тему о том, что демократия не фетиш и не идол и что в формах демократии может осуществляться буржуазное господство. Это азбука социалистической теории. Демократия, конечно, не идол; она есть лишь средство, она есть единственная форма, в которой могут быть осуществлены социалистические идеалы. Отношение большевиков к политической свободе таково: если она им нужна – они за нее, но если другим – они ее отменяют. Для нас же является азбукой, что свобода для одних уже не свобода и что только при свободе для всех возможно массовое рабочее движение, возможна самостоятельность трудящихся, а без массового рабочего движения и самостоятельности трудящихся не может быть социализма. Вот почему мы говорим: «Свобода и самостоятельность масс – душа социализма». Луначарский с его теорией о темноте народных масс, которым вредна свобода, которым вредно «слишком» большое соприкосновение с политическими партиями, напоминает мне другую фигуру, фигуру царских времен. Кто это – если не Победоносцев с его разсуждениями о детской чистоте народных масс, которые нужно оберегать в принципах православия путем жесточайшей полицейской охраны от тлетворных влияний вредных агитаторов, волков в овечьей шкуре. Отсюда один шаг до легенды Достоевского о Великом Инквизиторе.

Председатель. Я прошу вас перейти ближе к делу. Разогнали Учредилку и хорошо сделали. Идите дальше, а не топчитесь на одном месте. Диктатура пролетариата для нас есть форма власти непреложной и обсуждению здесь не подлежит.

Гоц: Я вижу, что прав был Крыленко, когда говорил в начале своей речи о том, что можно было еще в первый день процесса без всякого разследования и речей вынести нам приговор к разстрелу. Но мы все же считаем необходимым выяснить здесь мотивы нашего поведения. Роза Люксембург в своей интересной книге говорит: «Свобода лишь для сторонников правительства, для членов одной только партии, как бы она ни была численно велика, не является свободой. Свобода всегда была и есть свобода для инакомыслящих». – Это так: иначе свобода превращается в привилегию. А вы это и сделали, и превратили в вопрос дискуссионный даже вопрос о свободе для членов коммунистической партии, так как у вас даже и им не всем принадлежит эта привилегия».

После 5-го января начался новый период, период накопления и собирания сил трудящихся масс⁸⁴. Понятно, почему в это время мы всячески противились всем попыткам вспышкостельства – мы не хотели растрачивать силы по отдельным случаям. Это наша основная линия Ц.К. сталкивалась с другой линией, с линией Семенова и части военной комиссии, с линией безудержного активизма, который мы твердо и решительно отменяли. Семенов и часть военной организации не хотели считаться ни с чем и в любой момент признавали возможным начать вооруженное возмущение по любому поводу. Эту тактику мартовского путчизма⁸⁴, о которой здесь нам много бы могла рассказать Клара Цеткин, мы всегда пресекали. Мы их расхолаживали и удерживали от авантюры, на которые они постоянно порывались. Так было в случае разоружения Преображенского полка, Минной дивизии, волнений на Обуховском заводе и т.д. В одном мы с ними тогда сходились: и мы и они одинаково знали, что симпатии рабочего класса на нашей стороне, а не на стороне большевиков, но в рабочих массах не было организованности и решимости к борьбе против большевиков. Поэтому[-] то мы и удерживали от выступлений, считая нужным вести организационную подготовку. В случае с Преображенским полком мы, конечно, не хотели потерять его, как вооруженную единицу, и мы считали необходимым помочь возникшему в нем плану воспрепятствовать разоружению путем решительного протеста со стороны других полков, которых ожидала та же участь. Что касается наших дружин, то это были в то время такие жалкие группки, роль которых была ничтожна и не могла быть иной. Мы знали, что во всякой политической революционной борьбе дело может дойти и до вооруженного столкновения, но ведь и вы это знали в то время, когда вы отдавали приказ о разоружении. Вы шли на возможность столкновения, вы его начинали и провоцировали. Нашей задачей было не пойти на провокацию, если нет сил для решительного столкновения. Мы и не пошли и не поддались провокации, и мы оказались правы – в своем большинстве эти полки были заполнены шкурниками, думавшими лишь о сохранении материальных благ, а преданные нам группы составляли в них лишь меньшинство. В случае с Минной дивизией мы знали также, что среди ее командного состава имелись и черносотенные элементы. Мы это принимали во внимание и ставили своей задачей их нейтрализовать. Однако, мы знали, что эта опасность была невелика, т[ак] к[ак] матросские массы были, конечно, чужды черносотенства и эти реакционные группы не смогли даже показывать своего лица. Так было до 8-го Совета. К этому времени неизбежность вооруженной борьбы в общерусском масштабе встала для партии совершенно ясно и 8-й Совет лишь подвел итоги тому, что было установлено на местах. Покровский издевался над нашей идеей воссоздания Восточного фронта, он не понимал, как могли мы вновь втягивать страну в войну, когда она только что с таким трудом и потерями выбралась из этой живодерни. Крыленко и здесь все объяснил нашим лицемерием и утверждает, что мы только говорили о войне против немцев, а на самом деле думали лишь о борьбе с большевиками. Однако, и здесь я должен сказать, что мы были не одни. Не только мы, но и ваши союзники, левые эсэры, считали необходимым возобновить борьбу с немецким империализмом. И в ваших собственных рядах было много сторонников этой идеи о воссоздании антигерманского фронта. Между прочим, в их числе был и Бухарин и многие другие. Что же, и у Бухарина это было лицемерие?

Нам ставили вопрос: чем можно объяснить провал Самары⁸⁵, если признать правильным наше утверждение, что массы были на нашей стороне? Что это, чудо, или гений большевиков?! – восклицал Покровский. Нет, дело не в чуде, конечно. Беда заключалась главным образом в том, что нам приходилось импровизировать государство и армию на поле сражения. Это сыграло огромную роль. Сюда прибавилось еще и то, что благодаря чешскому восстанию, эта необычайно трудная задача нам выпала раньше времени, в то время, как лучших наших сил там не было и когда мы еще не успели сделать всех необходимых приготовлений к планомерному выступлению. Кроме того, и это тоже нужно отметить, в нашем распоряжении не было того выкованного, точно действующего партийного механизма, каким обладали вы. Это тоже сыграло не малую роль. В процессе войны, неизбежно при всяких условиях, усиливается значение военщины. У вас, в лице вашей партийной организации имелся противовес этому усилению, у нас же его не было. И благодаря этому молодая, складывающаяся на поле битвы, государственность подпала слишком большому влиянию чуждой нам военщины. И в то же время, в тылу за нашим фронтом, предательская политика буржуазных группировок наносила нам удар за ударом в спину. Крестьянские же массы, переутомленные и измученные войной, не были в полной мере способны на весь тот героизм, который им необходимо было проявить для защиты их молодой демократической государственности. Вы же, действительно, проявили необычайные способности

⁸³⁻⁸⁴ Исправлено Гоцем взамен ранее написанного для вооруженной борьбы.

в организации и выработке способов властвования над массами. Если не для внешней обороны, то для поддержки и укрепления вашей власти, вам удалось создать сильную красную армию и могучий аппарат Чеки, которому мог бы позавидовать и "министр полиции Французской Империи, Фуше". В этом отношении вы выказали необычайные способности, за которые вам ныне не даром слагают акафисты бывшие октябристы, не [19]17-го, а [190]5-го года.

Перехожу к положению после разгрома нашей попытки на Волге. Два обстоятельства играют главную роль в определении нашей дальнейшей тактики. С одной стороны[,] ликвидация германской опасности устранила необходимость борьбы с немецким империализмом, с другой, реакция, в лице правительств Колчака и Деникина[†], после победы над нами настолько усилилась, что стала грозить всем завоеваниям революции и полной реставрацией. Все это было нами учтено на декабрьской и февральской конференциях. А затем на 9-м Совете были подведены окончательные итоги и была выработана новая ясная и твердая тактическая линия, остающаяся в общем и целом неизменной и до настоящего времени.

В оценке 9-го Совета наши обвинители опять[-]таки не сходятся между собой. Луначарский считает, что 9-й совет был попыткой надеть маску легальности. Покровский, напротив, полагает, что никакого изменения в тактике не произошло, что по[-]прежнему с-ры хотят вооруженного восстания и по[-]прежнему не могут устроить его за неимением сил. Крыленко опять[-]таки твердит о лицемерии. И здесь, как и всегда, ему чудятся две точки зрения, два пути, два метода для внешнего и внутреннего употребления[‡]. Но здесь Крыленко в большой мере облегчает мою задачу тем, что приводит к одному знаменателю, к разстрелу, как вооруженную, так и невооруженную борьбу против большевистской диктатуры. Так или иначе, говорит он, ваша цель остается прежней – свержение советской власти, а за это у нас все равно полагается разстрел. Это по крайней мере ясно^х и дает мне возможность совсем независимо от разстрела и уголовных статей развить наши действительные взгляды. От права на вооруженные восстания мы не отказываемся. Это – неотъемлемое право народных масс и ни одна революционная партия никогда не может от него отречься. Когда массы действительно будут вовлечены в борьбу, возможно – и это зависит в значительной мере от вашей тактики – что это теоретическое право на восстание – выльется в реальные факты. Но сейчас в порядке дня стоит не вооруженная борьба с большевиками, а организация[‡] широкого политического движения народных масс".

Вы нас спрашивали – отказываемся ли мы от борьбы за власть. Нет, мы не отказываемся от борьбы за власть, ибо это есть постоянная цель всякой политической борьбы в конечном итоге. Но в данный момент мы не ставим своей непосредственной задачей захват власти путем заговоров, инсurreкций, террора и т[ому] под[обное]. Такой задачи перед нами сейчас нет. От вооруженной борьбы, как тактического приема настоящего времени мы отказались. Отказались потому, что учитываем тяжелое положение страны, голод, разорение и утомление народных масс и всю неблагоприятную международную обстановку.

Основной проблемой дня сейчас является не захват власти в стране, но завоевание широких политических свобод и демократических гарантий. В этом сейчас центр всех наших политических кампаний. Отрицательно сформулированный вопрос сводится к вопросу о преодолении большевистской диктатуры. Это преодоление безусловно необходимо рабочему классу, ибо только сбросив этот могильный камень, придавивший всю Россию, рабочий класс сможет вступить на путь защиты всех своих классовых интересов. – В этом смысле совершенно правильна резолюция 10-го Совета, говорящая о насущной необходимости «преодоления большевистской диктатуры». Здесь в отрицательной форме выражено то же, что 9-й Совет выразил положительно в форме требования политических свобод и демократических гарантий. И путь преодоления большевистской диктатуры останется тот же путь, указанный и 9-м Советом, путь не вооруженной борьбы, а путь широких массовых политических кампаний. Путем этих политических кампаний мы хотим, чтобы рабочий класс развязал тот узел пут и стеснений, который завязан диктатурой одной партии на шее трудовых масс. Но если преступная политика власти доведет до того, что узел этот не будет развязан мирно, а будет разрублен в новом кровавом взрыве, то вся ответственность за это ляжет на власть, которая не поняла, что нельзя бесконечно противодействовать интересам и стремлениям народных масс. Крыленко указывает на то, что в современной обстановке эти широкие политические кампании легко могут привести к вооруженным восстаниям. Да, это так. И это прежде всего вы должны знать. Это из[-]за вашей политики насилий всякая мирная борьба трудящихся масс превращается в вооруженное восстание. Это вы довели страну до такого состояния, что лишили трудовые народные массы всякой возможности отстаивать свои интересы мирным путем. И довели народные массы до того, что они неизбежно толкаются на путь восстаний. На наши указания о необходимости политическими уступками дополнить НЭП, Крыленко отвечал: ... «бросьте ваши бессмысленные мечтанья! На политические уступки мы не пойдем и ни крупицы нашей власти мы никому не уступим». Это старая знакомая речь. Мы их слышали не раз от царской власти[‡]. Они дорого ей обошлись. Мы об этом не жалеем, но о том, что они слишком дорого обошлись и народу – приходится сожалеть. "Не надо забывать, к чему приводили эти бессмысленные речи об очень осмысленных стремлениях русского рабочего класса[‡]. Но так ли уж вы тверды в вашей политической неуступчивости? Я этого не думаю. Ведь не так еще давно вы клялись, что никогда к международному капиталу на поклон не пойдете; а, однако, пошли и к международному, и к отечественному. А давно ли вы считали продрозверстку единственной правильной связью меду городом и деревней, как говорил Бухарин в «Экономике переходного периода»... И однако, вы уже заменили продрозверстку продрогом. Из горделивых предвестников немедленного коммунизма, все больше превращаетесь в жалких восстановителей буржуазного строя. Вы пошли на уступки и отечественной буржуазии, в лице ее новых худших хищнических представителей. Вы создали НЭП, вы открыли Нижегородскую ярмарку и на страницах ваших газет привлекаете туда купцов заманчивыми публикациями о ярмарочных ресторанах и увеселительных местах. Характерна карикатура юмористического приложения к «Рабочей Газете», где Стеклов изгоняется с первых страниц ваших «Известий» целой лавиной торгашеских объявлений. И я боюсь, что эта лавина торгашества и возрождающихся примитивных форм хищнического капитализма выметет из русской жизни не только вас, но и все завоевания

^{Р-с} Исправлено Гоцем взамен ранее написанного старые охранны.

[†] Далее из текста вычеркнуто питаемые всей политикой большевиков.

^{у-ф} Вписано Гоцем сверху над строкой.

^х Исправлено Гоцем взамен ранее написанного хорошо.

[‡] Вписано Гоцем сверху над строкой.

[‡] Далее Гоцем вычеркнуто в мирных формах.

^{‡-‡} Вписано Гоцем взамен вычеркнутого И нам жаль, если и вы захотите повторить политику царской власти.

революции, которым вы нанесли сами первый наиболее тяжелый удар. Буржуазные силы, которые вы вызываете к жизни, дадут вам первый удар коленом. И благодаря вашей же политике, доведшей Россию до полного национального безсилia, хищнический международный капитал распадется такой жадой, такими аппетитами, о каких раньше он и не мечтал... В борьбе против международного хищничества, наша партия заняла определенную позицию отстаивания интересов России, как целого, каким бы правительством она не управлялась. Поэтому мы будем добиваться международного признания и Советской власти, так как непризнание вашей власти, в котором вы сами более, чем кто повинны, ведет лишь к худшим, наиболее тяжелым формам закабаления России международному капиталу.

Пятаков: Я не могу позволить касаться международных отношений.

Гоц: Но я уже кончил. Я вижу только, что у Крыленки мои слова возбудили смех. Этот смех смущает нас так же мало, как и его угрозы разстрела.

Я повторяю, что теперь черед за трудящимися массами, которым, как воздух для жизни, нужны основные политические свободы и демократические гарантии, иначе без них рабочий класс будет выдан, связанный по рукам и ногам, буржуазии в тот момент, когда она вас вышибет вон, пинком в зад. Рабочий класс только сам может себя спасти своей самостоятельностью и свободно созданными мощными классовыми организациями; и не опекунам, хотя бы и коммунистическим, его спасти путем лишения «излишней» свободы.

И если рабочий класс своим мускулистым плечом дружно наплет на дверь, запертую вами, она или откроется, или будет сорвана прочь с петель. От вас, от вашего благоразумия зависит, так или иначе будет. Я хотел бы, чтобы у вас хватило политической честности уступить рабочим в их притязаниях, в их стремлении самим в условиях свободы отстаивать свои интересы. Иначе неизбежна новая гражданская война, которая была бы несказанно губительной для страны, доведенной царизмом, войной и вами до последних пределов разорения и голода. В этих условиях мы не хотели бы новой гражданской войны, но мы считаем себя обязанными организовывать народные массы и призывать их к широкому политическим кампаниям. Повторяю, не наша будет вина, если вы вновь вызовете возстания.

Русская революция уже проделала свой буржуазный термидор. В наших условиях он отличается от французского термидора только тем, что у нас одна и та же политическая партия сама берет себе привилегию проделывать все метаморфозы. Луначарский выражал здесь сожаление, что не была произведена спасительная хирургическая операция над партией с.р. по примеру якобинцев над жирондистами⁵, но это еще не поздно, вы еще имеете время.

Вы не только пошли на уступки международному капиталу, вы не только вступили на путь соглашения с мелким хищническим капитализмом в России, вы проделали и ваше 18 бююмера по отношению к крестьянству. Да, вы бонапартисты⁶, вы оставили за крестьянами завоеванную ими землю, вы сделали крестьянам ряд услуг в области продовольственной политики, но вы организовали над ними ваше господство по Бонапартистски⁷. Вы лишили их всяких прав, всякого подобия свободы и держите кнут и нагайку над спиной кормящего вас мужика.

В таких условиях нечего и мечтать, конечно, о социализме. Для социализма необходимы два предварительных условия: зрелый, организованный пролетариат и крупные высшие формы промышленности. Тот, кто разрушает эти два условия, тот делает контр-революционное дело. Вы разрушили до конца в России промышленность и вы распылили пролетариат, уничтожили, деклассировали его, лишили всякой возможности создавать свои свободные классовые организации. Вы выполнили таким образом в полной мере контр-революционную работу.

Мне остается сказать еще о представленных здесь документах Административного Центра. Прокурор Крыленко был автором или, вернее, передатчиком сюда этих документов, ибо я не думаю, что Крыленко мог пойти по стопам прокурора Лыжина, скорее он стремится подражать Фукье-Теннвилю. Я не заподозреваю ни Трибунал, ни прокурора в подделке, но для нас не сомнен тот мутный источник, из которого они получены. Те друзья гр[аждани]на Крыленко, о которых он говорил, представляя эти документы, оказались бандой монархических прохвостов, которые за деньги выкрали эти документы, как бандиты. И не ясно ли, что эти прохвосты были в высокой мере заинтересованы, чтобы придать наибольшую сенсационность этим документам и тем увеличить их цену. Ведь не ради прекрасных глаз Крыленко выкрали они эти документы, а исключительно из[-]за денег. Я позволю себе вам напомнить пресловутые документы, опубликованные в копиях и с фотографиями не хуже ваших от имени Американского Общества[.] о продажности партии большевиков. Там были и подписи, и факсимилэ, сделанные так искусно⁸, что даже те лица, чьи подписи были подделаны, только разводили руками. Всякий документ можно подделать⁹. И ни в какой мере эти документы не могут сейчас представлять никакого судебного материала, ибо у нас нет ни малейшей возможности их проверить. Поддельные они или нет – мы не знаем. Это могли бы сказать лишь наши заграничные товарищи. И они, конечно, это скажут и дадут все необходимые разъяснения.

К подобного рода обвинениям следовало бы относиться с величайшей осторожностью, ибо грязь, бросаема в одну из социалистических партий, падает и на другие, и на социализм вообще. Дело Интернационала разобраться во всем этом. Вы, гр[аждани]н Крыленко, занеся над нами угрозу разстрела, требуете от нас отречения от этих документов и хотите, чтобы мы так купили себе жизнь. На подобные предложения мы можем ответить только презрением. Мы не знаем этих документов и потому не можем дать никаких объяснений. Политически мы вам дали полный исчерпывающий ответ на все ваши вопросы. Наши взгляды на интервенцию, на международное признание вашей власти, на вооруженную борьбу и т.д. мы вам осветили полностью. Если бы вы сидели на этих скамьях, я не знаю, как вы бы ответили на предложение предать и тем спастись – мы отвечаем презрительным молчанием. Наш партийный суд разберет и рассмотрит все эти вопросы, все наши внутренние дела, но вам мы не можем позволить в них копаться. *И когда вы обращаетесь к нам с требованием, смысл которого может быть сформулирован, как «руки вверх», то мы вам отвечаем: «не запугаете!»¹⁰. Покровский¹¹ требовал от Трибунала приговора, который

⁵ Вписано Гоцем сверху над строкой.

⁶ Так в документе, следует бонапартисты.

⁷ То же.

⁸ Так в документе.

⁹ Далее в тексте вычеркнуто И есть люди, для которых сфабриковать подпись ничего не стоит.

¹⁰⁻¹¹ Вписано Гоцем.

¹⁶⁻¹⁸ То же.

бы вычеркнул партию с.р. из жизни, он^{1в} хотел нас распылить и уничтожить, но едва ли вам это удастся. Мы все, оторванные тюрьмой более чем два года от народных масс и политической борьбы, получили здесь возможность дать отчет о нашей деятельности перед ^{1г}рабочим классом и партией^{1д}. Через ваши головы говорили мы с классом трудящихся, и не только наш отчет о прошлом, но и наши указания о путях дальнейшей борьбы мы им дали. Мы вам за это признательны^{1е}.

^{1ж}Эту трибуну мы использовали для того, чтобы рассказать рабочему классу о своей прошлой деятельности, о тех невольных ошибках, которые были неизбежны в трудных условиях революционного кризиса, и чтобы поведать ему, как мы думаем о возможных путях спасения революции. И если этой нашей исповеди суждено будет стать нашим завещанием, мы выполним свой революционный долг до конца. Я не знаю, что суждено нам судьбой – жизнь или смерть. Если смерть – мы умрем, как революционеры, смело глядя ей прямо в глаза; если жизнь – мы будем дальше бороться со всем напряжением сил, как социалисты, во имя интересов рабоч[его] класса^{1з}.

– МИСИ. Архив ПСР. № 867. Защитительная речь Гоца. Рукописная стенографическая запись, осуществленная предположительно Е. Ивановой-Ирановой⁸⁷.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 7–12.

№ II-76

Последние слова подсудимых I-й группы (газетный отчет)

4 августа 1922 г.

Сорок седьмой день.

Утреннее заседание.

Прения сторон закончились. Трибунал переходит к заслушанию последних слов подсудимых. Первой говорит обвиняемая Евгения Ратнер⁸⁸. Она произносит часовую речь, в которой[,] однако[,] совершенно не уделяет внимание существу обвинений, инкриминируемых цекистской группе, в частности, – ей самой. Как и в защитительной своей речи[,] она занимается теоретическими выкладками, возражая против положений, выдвинутых в своих речах т.т. Бухариным и Луначарским. Евгения Ратнер утверждает, что тов. Бухарину не удалось доказать предательскую роль, сыгранную ПСР по отношению к постановлениям циммервальдской и кинтальской конференций (несмотря на то, что в речи тов. Бухарина это обстоятельство путем фактических справок было с абсолютной ясностью и неопровержимостью установлено). Ратнер заявляет, что эсерам «чужда теоретическая позиция» II Интернационала, но он объединяет часть пролетариата – и эсеры поэтому обязаны с ним считаться. 2 1/2 Интернационал, в ряды которого тянутся эсеры, Ратнер считает «естественным» продолжением позиции Циммервальда и Кинталя. Ратнер заканчивает утверждением, что эсеры борются «за свободу пролетариата». Когда пролетариат освободится от большевистской опеки, – эсеры пойдут вместе с ним, в первых его рядах, сражаться против буржуазии.

Аналогичное «последнее слово» произносит обвиняемый – цекист Лихач⁸⁹. Он утверждает, что Вандервельде и К° были присланы для защиты эсеров «западно-европейским пролетариатом». Лихач указывает также, что среди обвиняемых первой группы есть такие, преступления которых амнистированы, и поспешно прибавляет, что он говорит об этом, «конечно, не для того, чтобы ставить вопрос об амнистии перед Трибуналом». Далее Лихач говорит, разумеется, о «предательстве» свидетелей бывших эсеров, а также обвиняемых второй группы. Бухарин утверждал, что за обвиняемыми первой группы нет никого, кроме их жен и детей. Лихач, наоборот, утверждает, что за эсерами стоят «трудовые массы». Лихач возражает против той клички «буржуазных заговорщиков», которую бросил по адресу эсеров тов. Покровский, требовавший от Трибунала признания, что эсеры – не социалисты. Не согласен Лихач и с тем смягчением, которое допустил в этом смысле тов. Бухарин, назвавший эсеров социалистами-соглашателями.

Мы были социалистами и остались социалистами, – этим утверждением заканчивает Лихач свою речь.

Обвиняемый Львов⁹⁰, которому предоставляется последнее слово после Лихача, разражается оскорблениями по адресу советской власти, революционных органов Республики, продолжая их и после предупреждения председательствующего.

Тов. Пятаков обращается к обвиняемым с заявлением, что Трибунал хотел бы в последних словах их услышать о том, **«каково было бы поведение обвиняемых, если бы они были освобождены из под стражи: будут ли они вести вооруженную борьбу против советской власти. Тов. Пятаков подчеркивает, что для Трибунала чрезвычайно важно знать это при вынесении приговора»**.

Обвиняемый Агапов⁹¹ считает обвинения, предъявленные ему, недостаточно обоснованными и заявляет о своей готовности разделить участь обвиняемых первой группы.

Член ЦК, обвиняемый Донской⁹², заявляет, что он использовал процесс, как возможность отчитаться перед ПСР в своей деятельности за последний период. Он выражает надежду, что партия не вынесет ему осуждения.

Обвиняемый Утгоф-Дерюжинский⁹³ не отрицает того факта, что он сын жандармского генерала. Он долго говорит о тех путях, которые привели его в ПСР. Он вскользь упоминает, между прочим, что являлся автором (когда был членом петроградского совета) декларации, которую тов. Зиновьев назвал «декларацией бесправия». Он выражает уверенность, что «трудящиеся массы под знаменем эсеров пойдут к социализму».

^{1г-1д} Вписано Гоцем взамен вычеркнутого всем миром.

^{1е} Далее Гоцем вычеркнуто И этот наш долг мы выполняли и выполнили до конца. Если нам суждено умереть, мы умрем мужественно, как революционеры. Если же мы будем жить – как социалисты – мы будем по-прежнему бороться как социалисты.

^{1ж-1з} Текст написан Гоцем.

^{а-б} Выделено в документе.

Обвиняемый Либеров⁹⁴ начинает свое последнее слово заявлением, что он никогда не был «генералом», не состоял членом ЦК ПСР. Он называет себя партийным середняком. В дальнейшем он очень пространно рассказывает о своей деятельности за годы революции, начиная с октябрьского переворота. Характерно утверждение Либерова, что советская власть превратила рабочих в «паразитирующий нарост на теле крестьянства». Либеров заканчивает заявлением, что он несет ответственность за все инкриминируемые обвиняемым преступления.

Обвиняемый – цекист Тимофеев⁹⁵ очень краток. Он заявляет, что политические вопросы уже достаточно освещались его товарищами по скамье подсудимых. Он ограничивается возражением Бухарину, заявившему, что РКП – самая передовая партия современности. В условиях современности, – говорит Тимофеев, – вы царите и побеждаете. Мы будем ждать будущего другого времени, – и тогда вернемся к нашей работе. Так же, как и раньше, **«мы будем звать к борьбе за это будущее»**. О наших путях и средствах мы вам говорили. Наши идеалы вам также известны.

Обвиняемая Елена Иванова⁹⁶ твердо продолжает линию, проводившуюся ею на судебном следствии, когда она отрицала категорически свою причастность к боевому отряду Семенова, к эксам, террористическим актам и проч. Иванова идет дальше: она утверждает, что при ЦК никакого террористического отряда не было.

Если бы ЦК, – говорит она, – был бы за террор, он организовал бы боевой отряд. Но во главе такого отряда ЦК не поставил бы Семенова. Вот если бы ЦК действительно организовал такой отряд, – я несомненно вошла бы в его состав.

Иванова заканчивает следующими словами:

«Если бы я очутилась на свободе, я поступила бы так, как подсказала бы моя ненависть к вам», которая живет во мне с октября 1917 года. Я беру на себя всю ответственность за действия ЦК, так как все время подчинялась его директивам.

Обвиняемый Альтовский⁹⁷, как и многие другие обвиняемые из первой группы, используют свое последнее слово для длиннейших рассуждений о правильности тактики ПСР, гибельности методов управления советской власти, о благах демократических свобод и т.д. Он старательно доказывает, что «между нашей (эсеровской) государственностью и вашей (коммунистической) государственностью – большая разница». Как он поступил бы и что стал бы делать в смысле политическом, если бы оказался на свободе? Альтовский говорит, что он остался бы в советской России, так как это все равно значило бы пребывать в тюрьме.

Обвиняемый Злобин⁹⁸ заявляет, что не может быть и речи о том, чтобы он взял на себя обязательство «не быть в будущем в среде ПСР», с которой он связан неразрывными нитями. Он говорит далее о «едином Интернационале трудящихся масс», о демократических идеалах и проч.

Член ЦК ПСР, обвиняемый Федорович⁹⁹ говорит:

– Еще на предварительном следствии, а также на судебном следствии, я заявил, что несу полную ответственность за деятельность ПСР. И это я здесь постоянно повторяю. Я был дисциплинированным членом ЦК, действовал только по его директивам.

В дальнейшем Федорович кратко перечисляет этапы своей деятельности, направленной к борьбе с советской властью.

О полной солидарности с обвиняемыми первой группы заявляет и обвиняемый Артемьев¹⁰⁰, обещающий «гордо выслушать приговор Трибунала».

Длиннейшей речью в защиту и восхваление демократических свобод и осуждение советского строя разражается обвиняемый Берг¹⁰¹. Он заявляет о своей готовности разделить ответственность с обвиняемыми членами ЦК, хотя его роль в процессе – маленькая. Берг заявляет, что он и в дальнейшем «не свернет знамени ПСР, если окажется на свободе, и **«будет продолжать ту работу, которую вели эсеры до сих пор»**».

Обвиняемый Горьков-Добролюбов¹⁰² говорит:

– Я всегда был противником всякого насилия. Поэтому и большевистская диктатура для меня неприемлема. Единственный путь к социализму – через демократию и народовластие. Я – с-р и никогда от наших позиций не откажусь.

Обвиняемый Веденяпин¹⁰³ рассказывает об этапах своей 20-летней работы в рядах ПСР и о тех репрессиях, которым он подвергался за эту деятельность. В дальнейшем он рассказывает о гражданской войне на Волге, одним из участников и творцов которой он был, говорит о том, как «тяжка и трагична гражданская война», о том, что только сплоченными усилиями пролетариата можно идти к социализму и т.д. Веденяпин заявляет, что он в 1920 году стал работать в Наркомземе с разрешения ЦК ПСР.

Обвиняемый Герштейн¹⁰⁴, подобно Бергу, длинно излагает свою биографию. Далее он делает несколько фактических поправок, относящихся к пунктам обвинения, ему инкриминируемым. Поправки эти следующие: с добровольческой армией он никаких сношений не имел, к покушению на Берзина (в Сибири) не причастен. О своей позиции в дальнейшем Герштейн говорит:

– От того, что составляет сущность революционно-демократического социализма в нашем понимании, мы не отрекаемся. Идеи революционно-демократического социализма не умрут.

Герштейн говорит последним в утреннем заседании.

Трибуналу предстоит еще выслушать последнее слово нескольких обвиняемых-цекистов, а также всех обвиняемых второй группы.

Вечернее заседание.

Продолжаются последние слова подсудимых.

Первым говорит Гендельман¹⁰⁵, который произносит пространную речь для выяснения, как он уверет, мотивов, вызвавших борьбу ПСР с Советской властью. Но, вместо выяснения мотивов, подсудимый в резкой форме критикует структуру и деятельность Советской власти. Председатель Трибунала предлагает Гендельману держаться в рамках последнего слова. Но Гендельман продолжает речь в том же духе. Председатель Трибунала после трехкратного предупреждения

^{94-г} Выделено в документе.

^{95-е} Выделено в документе.

^{96-з} Выделено в документе.

^{97-и} Исправлено взамен напечатанного Гальков-Добролюбов

лишает Гендельмана слова.

Подсудимый Иванов¹⁰⁶ в первой части своего заявления разбирает обвинительный материал судебного следствия и судебных речей. В общих чертах он повторяет те же самые аргументы, которые приводились подсудимым Гендельманом и другими в их защитительных речах. Во второй части слова Иванов выясняет политические мотивы борьбы ПСР с Советской властью и заявляет:

– Нам и дальше с вами не по пути. Мы будем продолжать ту же самую борьбу во имя идеалов социализма.

Подсудимый Раков¹⁰⁷ говорит, что он взял слово для того, чтобы обрисовать позицию и идеологию партии в области крестьянского вопроса. **«По его словам, тактику свержения советской власти партия считает вредной в связи с внутренним и международным положением Советской России. Борьба за свержение Советской власти должна быть выброшена из арсенала партий»**. В программу партии в области крестьянского вопроса входит: восстановление крестьянского хозяйства, выявление и оформление классовой ориентации крестьянства, разряжать бунтарские и мятежные настроения в крестьянской среде.

Обвиняемый Морозов заявляет, что он вел политическую работу, не считаясь с ответственностью, которая ему угрожает.

– Вашим врагом, – говорит он, – я был, есть и останусь. Я и дальше буду служить тому делу, которому служил – освобождению трудящихся.

Последним перед закрытием заседания говорит Гоц.

– Я, – говорит он, – взял слово, чтобы ответить на вопрос председателя, как мы будем бороться с вами.

В области внешней политики мы будем настаивать на признании Советского правительства иностранными государствами. Мы будем поддерживать борьбу с Советской властью¹⁰⁸ с западноевропейским капиталом за экономическую независимость России, поскольку эта борьба будет вестись в интересах трудящихся масс. Если же вы будете нарушать эти интересы, то мы будем вас разоблачать. В области внутренней политики мы ставим те же задачи, что и прежде.

На этом вечернее заседание заканчивается. Завтра будут произнесены последние слова подсудимых второй группы.

– Известия ВЦИК. 1922. 5 авг.

№ П-77

Последнее слово А.И. Альтовского

4 августа 1922 г.

За весь период жизни П.С.Р., который мы здесь рассматривали, самым главным условием ее деятельности, и в частности моей деятельности, как члена П.С.Р., была глубокая, неразрывная связь наша с трудовыми крестьянскими массами. Только полное непонимание этой связи дало возможность прокурору Крыленко издеваться над моими словами о двух случаях восстаний – в Саратове¹⁰⁸ и в Саратовском уезде¹⁰⁹ – из которых к одному, как я говорил, мы не захотели примкнуть, а к другому, как исказил мои слова Крыленко, нас «принудили силой».

Первое было восстанием чуждой местному трудовому населению красноармейской части, руководимой группой сомнительного офицерства, из-за жалования, из-за пайка. Именно в силу нашей связи с массами, мы, конечно, к такому восстанию и не могли иметь никакого отношения. Мы и не имели. Другое – преждевременная попытка восстания Саратовских крестьян, сделанная против указанной¹¹⁰ Партии. В ней в последнюю минуту, когда уже удержать было нельзя, наши партийные крестьяне приняли участие именно потому, что жизнь наших партийных организаций в деревне не может быть отделена от жизни трудовых масс крестьянства. И они поступили, конечно, правильно, хотя и вопреки указаниям обл[астного] ком[итета], хотя начинать восстание и было в то время преждевременным. Эти два эпизода в малом масштабе как нельзя лучше показывают, что не только массы, даже не охваченные партийной организацией были с нами, но и мы были всегда с ними.

Во всероссийском масштабе эту связь нашу с трудовым крестьянством обнаружили выборы в Учредит[ельное] Собрание. И только «марксистская» манера «историка» Покровского «обращаться с фактами» мешает ему видеть это: 20 миллионов голосов, и именно голосов трудового крестьянства, было подано за нашу Партию, несмотря на то, что во время выборов власть была уже захвачена большевиками и во время выборов эта власть употребила все усилия и все насилия, чтобы заставить голосовать за списки большевиков.

Демократия, всеобщее избирательное право, конечно, для нас не фетиш и не догмат. Мы знаем, что в З[ападной] Европе и вообще в развитом капиталистическом обществе вс[еобщее] изб[ирательное] право может приводить и приводит к политическому господству капитала. Но мы знаем, что в мужицкой¹¹¹ России всеобщее избирательное право при условии свободных выборов не могло не дать социалистического большинства в Учр[едительное] Собр[ание]. Эта наша вера не со вчерашнего дня создалась у нас. Еще в [18]81 году социалисты-революционеры, составлявшие тогда партию народной воли, стояли на этой же точке зрения. В своем письме к Александру III Исп[олнительный] Ком[итет] Партии Народной Воли¹¹⁰ говорил, что если будут разрешены выборы в Учр[едительное] Собрание при условии полных свобод, он откажется от вооруженных методов борьбы с правительством и выступит на выборах со своей программой переустройства России в уверенности, что большинство народа выскажется за эту программу. Программой же Исполнительного Комитета было: передача земли трудящимся и система мер, направленная к последовательному и постепенному обобществлению промышленности и торговли.

Эта наша старая вера при выборах в Учр[едительное] Собр[ание] оправдалась блестяще. И она всегда оправдается, пока класс крестьян в России будет составлять подавляющее большинство народа – мужицкие голоса всегда дадут социалистическое большинство при свободных всеобщих выборах в России.

¹⁰⁶ Выделено в документе.

¹⁰⁷ Так в документе.

¹⁰⁸ Так в документе, следует указаний.

¹⁰⁹ Вписано над строкой.

¹¹⁰ Здесь и далее подчеркнуто в документе.

Да, трудовые крестьянские массы были с нами. Но это не значит, что они были готовы и способны создать и защитить свою собственную трудовую государственность. Это задача такой величайшей трудности и требует такого количества культурных сил, какого у крестьянина не оказалось. Вот тут[-]то и разница между вами и нами. Ваша задача и наша задача не одно и то же. Ваша государственность и наша государственность – огромная разница. В этой именно разнице задач лежит и ключ к объяснению падения Самары. Какова ваша задача? Луначарский, м[ожет] б[ыть], невольно, образно характеризовал ее. Он сказал, что после того, как народ разбил свои цепи и сбросил поработителей, новые наездники пытались оседлать его – Деникин, Колчак и пр. Но народ сбросил и этих всадников со своей спины. И вот тут-то Луначарский добавил: «Крестьянство в некоторых местах временно сбрасывало и нас со своей спины, но лишь временно». Луначарский, которого обычно изображают порхающим мотыльком, изобразил сам себя и коммунистическую партию «всадником на мужицкой спине». В этом глубокая правда и залог вашей удачи и успехов. Ибо одно дело вновь оседлать и обуздать вырвавшегося «временно» на волю подъяремного вола – и совсем другое дело превратить народ из вьючного животного в народ свободных граждан самоуправляющегося свободного государства. Эта задача совсем другой трудности. Оседлать народ и вновь поработить его вам удалось, а нам не удалась, наша неизмеримо более трудная и совсем иная задача.

Не только нам не удалась она. На всем протяжении мировой истории она еще нигде никому не удавалась. Но это нам не мешало верить в грядущую победу и бороться за нее. С тех пор, как появились рабы и господа, угнетаемые и угнетатели, с тех пор и борьба под знаменем братства, равенства и свободы возникла на земле. Рабы всегда восставали под этим знаменем и всегда хотели не перемены цепей, а полного освобождения. Но побед это знамя еще пока не знало. Везде, где оно казалось побеждающим, за него хватались и к нему устремлялись грязные, хищные, но цепкие руки и превращали его в символ нового порабощения, новых форм рабства. Так произошло и теперь. Вместо освобождения – новые цепи под новыми названиями. И те же перемены форм эксплуатации крестьянства, которые мы видели теперь при большевиках, как в эмбрионе, вновь пробегают всю историю России. Разве деревня не была отдана на «кормление» комбедам, продотрядам и комячейкам? Все это было заменено потом продналогом. И разве опубликованный в № 173 «Правды» проект Минькова (на основании резолюции вашего XI съезда) о создании для управления деревней штата наемных, платных коммунистов из крестьян¹¹ не повторяет института стражников и урядников царского помещичьего правительства?

Мне остается еще ответить на вопрос¹ председателя, что я стал бы делать, если бы оказался на свободе. Риторический вопрос. Свободы не может быть для нас сейчас. Нам грозит разстрелом и значит, нас ждет не свобода, а могила. Или, м[ожет] б[ыть], живая могила в тюрьме, если нам решат сохранить жизнь. И если бы даже и случилось чудо и двери ваших бастилий² раскрылись для нас – мы все же не оказались бы на свободе, ибо всю Россию вы превратили для народа в огромную каторжную тюрьму.

Но что-бы я стал делать, если бы Россия стала бы действительно свободной? В мечтах, в снах мне случалось думать и об этом – ведь «лучшие сны сняты в тюрьме». В этих грезах для себя лично я не желал бы лучшего, как работать в деревне рука об руку с крестьянами над устройством и улучшением их хозяйственной и общественной жизни. Простая и скромная задача. Но и это только мечты, ибо там, где поработен и лишен прав мужик, не может быть на свободе социалист-революционер. В большевистской России это только мечты, как были только мечтами, подобные же планы в царской России для Желябова.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Альтовского. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 21–22.

№ II-78

Последнее слово Н.И. Артемьева

4 августа 1922 г.

Не для своей защиты пользуюсь я своим последним словом подсудимого. Я, как верный сын партии, как партийный работник, оставшийся верным ее идеалам, хочу в своем, может быть, действительно последнем слове, подчеркнуть здесь свою солидарность с моими товарищами, сидящими на наших скамьях. Политическая позиция партии с достаточной отчетливостью выявлена здесь моими товарищами. Они указали, что задачи партии в данный исторический момент заключаются в сплочении и консолидации сил рабочего класса в организованном оформлении и выявлении во вне рабочих сил в целях отстаивания своих классовых интересов от надвигающегося капитализма, и политическая борьба за воссоздание этих организованных форм путем выявления массовой воли трудящихся.

За всю прошлую деятельность партии, за всю ту героическую борьбу, которую вела партия в авангарде народных масс с вашей диктатурой, я несую полную ответственность перед судом международного пролетариата.

Госуд[арственный] обвинитель требует нам смертной казни. Вы хотите применить к нам те же методы борьбы, которые применяло к нам царское самодержавие, но ваши методы борьбы с нами сугубо ожесточеннее, чем то было при самодержавии. Вы предъявили нам 60 статью, которая карает смертной казнью за одно участие в организации, поставившей своей целью ниспровержение существующего строя. Вы требуете смертной казни не за определенное деяние, учиненное тем или иным членом организации, а только за участие в этой организации. Разве кровавое царское самодержавие могло бы расправиться так со своими противниками. Вспомните, граждане, 126 ст[атью] царского кодекса, или в худшем случае, 102 ст[атью], которая гласит так же, как ваша 60-ая, и старые царские статьи за принадлежность к партии, поставившей себе целью ниспровергнуть власть, требовали 4 года каторги. Вы требуете за те же самые деяния смертной казни. Вы требуете казни за одно участие в организации, борющейся за права трудящегося класса. Вы требуете казни членов той партии, которая ставит своей целью в данный исторический момент изменить политику власти путем организованного давления на власть трудовых масс. За эту политическую борьбу вы хотите вынести нам смертный приговор, как вредным нам элементам.

Наш процесс воистину исторический, не только потому, что он вскрывает гигантскую героическую борьбу демократии, возглавляемой партией с.р. во имя социализма, но он исторический и потому, что здесь впервые коммунистическая партия вступает на легальный путь кровавой расправы со своими противниками социалистами. Вы своим приговором начнете новую эру кровавых расправ. Вы легализуете то, что делалось нелегально в ваших подвалах, где погибли многие и многие наши товарищи; хотя бы для примера укажу тех, имена которых упоминал в

¹¹ Далее в тексте вычеркнуто ранее написанное риторический.

² Так в документе.

порядке следствия госуд[арственный] обвинитель: Данковский, Бондаренко, Еголева, Корзун и многие, имена им – сотни. В период гигантской героической борьбы нашей партии за права рабочего класса, вы выдвинули против нас такие скоропионы^а, такой террор, с которым не может сравниться лютая реакция Александра III.

Здесь старая Клара Цеткин, говорившая от имени III Интерн[ационала], указывала на то, как хорошо живет в советских тюрьмах социалистам, судя по нашему внешнему виду. Но она говорила об ужасах, которые претерпевают коммунисты в герман[ских] тюрьмах. А старик Кон с потрясающими жестами бичевал здесь польское правительство за те ужасы, которым подвергался Домбаль, выражавшиеся с его слов в том, что его[.] закованного в кандалы[.] провели по улицам Варшавы. Мы бросаем все возмущение и презрение издевательством над заключенными политическими противниками герман[ского] и польского правительств. Но знает ли Клара Цеткин и старый каторжанин Кон о тех ужасах, которые творятся в тюрьмах того правительства, которые^б они защищают здесь. Пусть Клара Цеткин проникнет в застенки наших тюрем и пусть каторжанин Кон взглянет на условия сидения в тюрьмах, которые он покрывает своим старым революционным именем.

Кл[ара] Цеткин говорила о голодовке коммунистов в Германии, а знает ли она о голодовках социалистов в советских тюрьмах не как явление исключительное, а как бытовое явление. Знает ли старик Кон о 14-дневной голодовке нашего товарища Тарабукина, о 16-дневной голодовке Марии Спиридоновой, о массовых групповых голодовках. Знает ли старый кариец Кон ответ власти на эти голодовки: «Умирайте – одним предателем меньше»

Коммунист Кон говорит о кандалах, наложенных на руки Домбалья. Знает ли каторжанин-кариец Кон о тех избиениях социалистов, которые имели место в Бутырской тюрьме в ночь на 26 апр[еля] 1921 года^в, когда были избиты социалисты и имели раны, ссадины и кровоподтеки – и их избитых разослали по каторжным центрам? Знает ли старик Кон об избиении во Внутр[енней] Тюрьме во время нашего процесса наших товарищей – больной Татьяны Лянде и беременной на 8 месяце Екатерины Полетики, которых за нарушение тюремных правил посадили в уборную, где они просидели целый день, и куда приходили чекисты, чтобы выливать нечистоты, а затем перевели их в подвал, с сырым полом, без кровати, стола и стула, с бегающими крысами, где они пробыли двое сут[ок]. Если бы старый каторжанин кариец Кон спустился бы в эти подвалы, он ужаснулся бы тому, что он увидел бы там. А вот вам еще пример, гражд[анин] Кон: когда мы сидели во Внутренней тюрьме во время ведения следствия, одна из наших товарищей, сидевшая здесь – Евгения Ратнер, с двумя другими товарищами была посажена в наказание в отдельную комнату, где они просидели двое суток без воды, и откуда их не выпускали в уборную и не давали параша в комнату.

Возьмет ли на седую голову старый кариец Кон ответственность за то, что творится в тюрьмах, которая он патетически здесь защищает.

Граждане, не для своего оправдания пользуюсь я своим последним словом подсудимого. Я – член партии и я несу всю ответственность за деятельность той партии, в рядах которой я работал более 15 лет своей сознательной жизни, и по мере своих сил боролся за благо рабочего класса, из недр которого я сам вышел. Я вел свою работу так, как подсказывал мне мой долг революционера и социалиста. Здесь Клара Цеткин проронила великие слова. Она сказала: «Для каждого революционера – отдать свою жизнь за благо рабочего класса – не только долг, но и счастье».

Мы – революционеры и социалисты, идя на борьбу, всегда готовы к смерти, где бы она не постигла нас. И мы гордо примем ваш приговор к смерти.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Артемьева. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 22–23.

№ II-79

Последнее слово Е.С. Берга

4 августа 1922 г.

Я – рабочий. Моя роль незначительна и случайна. Но я благодарю за честь, ^аоказанную мне привлечением к этому процессу^б.

Казалось бы, что мне, как рабочему, после октября место с вами; но я – старый рабочий: "я сразу понял, что сулит октябрь, и еще 18 апреля и 3–5 июля" мне было ясно, к чему ведут большевики; уже тогда в Петроградском совете, на митингах и рабочих собраниях я не раз говорил о том, какую опасность для революции готовите вы.

"В октябре вы победили с помощью наносных элементов промышленности военного времени, а не коренных питерских пролетариев: например, завод Барановского, вместо 500 человек мирного времени, имел во время войны 5000 человек. Из них четыре пятых – элементов для пролетариата случайных". Как только из Петрограда ушел этот наносный элемент военной промышленности, оставшиеся квалифицированные рабочие сразу выявили вам свое истинное отношение. Сейчас же после октября целый ряд предприятий выносил резолюции протеста против вашего образа действий. Такие протесты послышались прежде всего из среды печатников, самого организованного и передового элемента рабочего класса, бывшего всегда во главе рабочего движения. – Когда они увидели, как на Невском и в других местах города запалили костры, на которых сжигались социалистические и рабочие газеты, "они поняли, что при господстве большевиков погибло свободное слово, погибла независимая свободная печать и они подняли свой голос протеста". Путиловцы – оплот ваших октябрьских дней, как вы говорите – вынесли резкий вотум недоверия Шляпникову, "вашему министру". Но, может быть, мы, старые рабочие Петрограда, столько лет говорили лишь от имени кучки рабочих, может быть, мы, безпрестанно боровшиеся за дело рабочего класса – мы ошибались? Увы, нет. Советская власть всей своей дальнейшей политикой показала, что они были правы. И даже советы рабочих и крестьянских депутатов, моральный авторитет которых еще со времени 1905 года был так высок, что в трудовых массах

^а Так в документе.

^б Так в документе, следует которое.

^{в-г} Дописано предположительно Бергом.

^{в-г} Вписано сверху над строкой.

^{д-е} Дописано предположительно Бергом.

^{ж-з} То же.

^{и-к} То же.

никогда не могло родит[ь]ся мысли о том, что ктонибудь осмелится посягнуть на них, – разогнались вами, вашими штыками. "Так были разогнаны советы в Ташкенте, в Шуе, совет крестьянских депутатов Московской губ[ернии], совет безработных в Калуге, совет рабочих депутатов в Ярославле". Мало того, когда рабочие приходили к вам требовать хлеба – вы их расстреливали, вы их кормили пулями, так же как 25–26 февраля их кормили пулями правительство самодержавного царя. Так было в Кинешме, Туле, Колпине. "В Кинешме было 30 человек раненых, в Туле – 2 убито и несколько ранено и в Колпине – 1 убит и 8 ранено". Но, может быть, для этого у вас были серьезные основания? Может быть, вы были правы, что своими выступлениями рабочие подрывали транспорт и продовольственную систему, вносили разруху в налаживающееся хозяйство? Посмотрим, как вы относились к простым политическим демонстрация пролетариата. Вы на них также отвечали применением полицейской силы, отвечали пулями. Так была расстреляна 5-го января в Петрограде и в Москве демонстрация в честь учредительного собрания. Так, в Сормове было разогнано вооруженной силой делегатское собрание рабочих всей Поволжской промышленности "(Председатель: «Эти факты вами не доказаны, они голословны»). Это исторический факт, и при желании вы найдете их подтверждение в архивах ВЧК^л. Я хочу сказать, почему мы, рабочие, мыслящие рабочие, не с вами. Если же вы не хотите слушать, то можете лишиться меня слова.

Пусть это было в прошлом. Я скажу тогда о свежей ране, о которой и вы не можете отозваться незнанием – процесс Саратовских рабочих. (29 рабочих, 1 инженер и 1 конторщик). Им ставили в вину требование всеобщего избирательного права, неприкосновенности личности, свободы слова, печати и собраний. Правда, вы их приговорили лишь условно, но, просидев в Таганке при условии полной голодовки, они заплатили за право голоса посредством своего процесса 4 смертями [и] 19 больными. Я – петербургский рабочий, наших питерских рабочих старались не расстреливать и не раздражать; но когда питерские рабочие ездили в качестве делегатов от собрания уполномоченных в другие города, вы их там немедленно арестовывали; но тогда питерские рабочие были еще силой и завод требовал освобождения своих товарищей и вы были принуждены их немедленно освобождать. Но не всем это прошло даром: делегат Сестрорецкого завода Раковский не ушел от вашей мести и был расстрелян после убийства Урицкого^м.

^лК чему привела ваша профессиональная политика? Вы хвалитесь многомиллионной организованной массой. Но что это за организация? – Это просто бюро для взимания подати с рабочих, куда их притаскивают на аркане. А всякая попытка рабочих организовать, независимо и свободно выразить свою волю пресекалась вашими скорпионами и вашими чека^н. Последняя попытка Питерских рабочих выявить свою свободную волю, волю рабочих масс, организовать всероссийский рабочий съезд также была вами раздавлена. Мы легально съехались, легально собрались и также «незаконно» были арестованы. "Эта была последняя попытка легальной борьбы за интересы рабочего класса, но нелегально мы этой борьбы не прекратили". Мы ни на один день не свертывали нашего знамени. Вы утверждаете, что рабочие неосознательны и темны и их нужно воспитывать и опекать. Вы говорите это о тех самых рабочих, которые провели революцию 1905 года, которые боролись с реакцией в период до 1917 года, которые совершили февральскую революцию и которые после октября оказались так «темны» и «невежественны», что их пришлось перевоспитывать и расстреливать, чтобы они способны были понимать, как нужно жить и строить социалистическое государство. Для этого вы ввели для рабочих опеку, и очень любопытно было слушать одного из опекунов: министра народного просвещения Луначарского. Он очень хвастался здесь великолепной милицией и сильной армией, но он ни слова не мог сказать об им же организуемом просвещении масс. "Правда, он насаждал в рабоче-крестьянской России пляску босоножки Дункан: о, эти пляски были вполне своевременны разному русскому народу!"^н Но они не привились, и сама Дункан сбежала от него за границу. И теперь, даже сам председатель «опекунского» совета – председатель совета народных комиссаров Ленин – на последнем съезде политпросвета авторитетно заявил, что рабочего класса, как сознательной организационной силы, уже нет. Он распылен и деклассирован. Вот те результаты вашей пятилетней работы, вашей опеки над рабочим классом.

Теперь о предъявленной мне статье. Крыленко, не найдя состава преступления, изобразил меня, как элемент социально опасный, и заявил, что меня нужно изолировать, т.е. по просту загнать туда, куда Макар телят не гонял. Я постараюсь выяснить свою социальную сущность. С 15-летнего возраста я поступил рабочим на завод и покидал его лишь тогда, когда чья либо насильническая рука вырывала меня из стен заводов и бросала в тюрьму или посылала в ссылку. В 1905 и 1917 году я был членом совета, вплоть до того дня, когда вы меня арестовали. Я всегда был в рядах рабочих. 9-го января 1905 года я был среди рабочих, которых расстреливал царь, а 5-го января 1918 года я был в их рядах, когда нас расстреливали вы. Моя работа в рядах пролетариата кончилась 15 марта 1919 года, когда я был снова арестован на улице неким большевиком Рацкановым^о, который, встретив меня на улице и опознав меня, как члена ПСР, заявил мне: «я вас должен арестовать – у нас в партии теперь такое течение». 20 лет я имею честь состоять членом партии С-Р, и своего партийного знамени я никогда не сверну. И если этим моим товарищам суждено умереть, я буду продолжать их дело, я буду продолжать наше общее дело, в надежде, что то, что не удалось сделать им, сделаю я.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Берга. Стенографическая запись с правкой, предположительно, Берга.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 23–25.

№ П-80

Последнее слово М.А. Веденяпина

4 августа 1922 г.

Граждане! За 20 лет моей революционной социалистической деятельности мне мало пришлось

^{л-м} То же.

^{н-о} То же.

^{п-р} То же.

^{с-т} Дописано предположительно Бергом.

^{у-ф} То же.

^{х-ц} То же.

^{ч-ш} То же.

^щ Так в документе, следует, видимо, Ларцаном.

посвятить времени и сил служению социализму работой в пользу трудящихся масс. Мне за это время пришлось отбыть в каторге 4 г., в тюрьмах 6 лет, в ссылках 5 1/2, в эмиграции 2 1/2, на нелегальном положении 2 года и до [19]17 года на легальном положении полтора месяца во время октябрьских дней 1905 г. в Самаре. Моя революционная деятельность связана главным образом с Самарой и Самарской губ[ернией]. С 1901 года я связался с крестьянскими группками[.] отпрысками старых очагов революционной пропаганды со времени хождения в народ [Царевщина]. В самом начале моей революционной деятельности я был привлечен за участие в сообществе, поставившем целью ниспровержение и т.д. В это время еще не было 102, 126 и мне в торжественной обстановке прокурором и жандармским <ротмистром> было объявлено[.] что я привлекаюсь по 250 статье (статья[.] по которой привлекали народовольцев) и по которой карой является смертная казнь. С тех пор приходится быть все время под той или иной статьей, но все время с угрозой смертной казни. В 1905 году в Самаре меня за участие в движении в октябрьские дни арестовали и по распоряжению П.Н. Дурново[.] министра внутр[енних] дел пытались предать военно-полевому суду Меллера-Закомельского[.] проезжавшего в то время из Сибири в Петроград. В дальнейшем меня предавали суду по тем же все статьям и Директория, генералы и Колчак объявляли меня вне закона и вот теперь мне то же грозит за участия в сообществе застрел за деятельность в качестве члена Ц.К. П.С.Р.[.] за которую я несу всю ответственность. В 1905 году самарское крестьянство приняло самое активное^а участие в революционном движении, которое разлилось по всей губернии. В Сам[арской] губ. были крупные вооруженные выступления <...> и даже была образована Старо-Буянская крест[ьянская] республика. Все движение протекало под непосредственным участием П.С.Р. и партия выявляла классовые интересы трудового крестьянства. Когда возникло движение крестьян в [19]18 году, оно мне было понятно. В [19]17 году сам^б[арское] крестьянство, подготовленное прошлой деятельностью[.] использовало свободы так[.] как редко где оно было использовано. Крест[ьянство] дышало полной грудью и вошло в самую гущу политической жизни страны, оно вошло во все поры общественной жизни, местной жизни. Оно работало в Советах, Земельн[ых] комитетах, органах мест[ного] самоуправления и когда пришло время посылать своих депутатов в У[чредительное] Собр[ание], то оно послало 12 человек с.р. Октяб[рьский] переворот был не понятен для С[амарского] крест[ьянства], потому что не протекал под лозунгами У[чредительного] С[обрания] и социализации земли, лозунгами издавна ставшими их [родными] и внесенными к ним П.С.Р. Но когда крестьянству пришлось познакомиться с политикой новой власти[.] начавшей свою деят[ельность] с роспуска Советов, где большинство не было комму[нистическим], запрещением выбирать противников Сов[етской] власти, когда запрещено было всякое проявление политическо-общественной жизни, закрытием земских учреждений, земельн[ых] комитетов, запрещением свобод всех видов[.] и когда на деревню обрушился целый поток военных отрядов^в, тут и работа «комбедов» и продовольственных реквизиционных, карательных и всех иных прочих до крестового похода города в деревню [-] все в погоне за мужицким хлебом. Мужик почувствовал[.] что вопрос поставлен о его существовании[.] и он начал бороться за свою жизнь. Он начал организовывать свои штабы, свою пехоту, вооруженную <вилами>, свою кавалерию[.] вооруженную косами, сажился за перо и своими корявыми пальцами^г выводил: «Ко всей России» – «Мы находимся в состоянии войны с совет[ской] властью» – «Наши села в огне, наши нивы в крови». И эти простые слова[.] подкрепленные набором[.] сообщались из село в село[.] из волости в волость[.] были понятны крестьянскому сердцу и крестьянство плачилось массой[.] поднималось целым краем. Этот призывный клич долетел и до партии и до меня и я пошел на <...>^а и принял участие в движении за Волгой. Я не буду останавливаться на доказательстве неизбежности^б самарского движения[.] я процитирую Буревое: «То народное движение, кот[орое] так широко развер[нулось] на полях Волги под флагом борьбы за народовластие и независимость России, имело под собой несомненную истор[ическую] почву и большую жизнен[ную] основу. И как бы истинный демократ и социалист не относился критически к этому движению он может <сожалеть> не о том, что оно произошло, а о постигших его неудачах. Россия не могла обойти молчанием “похабный брест[ский] договор”^ж Рус[ские] демокр[аты], если они обладают жизненными силами, не имели права отказаться от борьбы за независимость страны, не могли без боя выпускать из своих рук знамя народовл[астия]. И этот бой был дан. Он был неизбежен».

О Самаре и политике Комуча[.] в правительстве которого я был[.] здесь говорилось не мало и потому[.] я думаю[.] можно ограничиться цитатами Н.Н. Ракицкого, человека левого устремления и критически относящегося к Самаре. Он говорит («Колчак и реакция в Сибири»): – «В Самар[е] пр[авительство] предполагало, что все поряд[ки] и отношения[.] создан[ные] совет[ской] властью, сохранятся в силе[.] пока не будут отменены или изменены приказами новой власти (с. 11). Сам[арское] пр[авительство] объявило законами первые 10 пунктов основного закона о земле, прин[ятого] в У[чредительном] С[обрании] 5 я[нваря] [19]18». – Программы Самары о <власти> У[чредительного] С[обрания] [19]17 г.[.] полная демокр[атическая] соц[иализация] земли, социализ[ированные] меры в сфере промышл[енности] и торговли, объединение всех национал[ьных] сил и всех областей России в ст[арых] гос[ударственных] границах за искл[ючением] Фин[ляндии] и Польши под гегемонией социалистов <?> и обладающих абсолютным большинством в У[чредительном] С[обрании] П.С.Р. (12). «У Самары была» социалистическая и демократическая программа возрождения России. В этой борьбе между Вами и нами пришлось столкнуться воочию с гражданской войной внутри трудящихся, внутри демократии. Нет более тяжелого и тяжкого как война между социалистами разного толка^к. Ваши красноармейцы и наши в Народной Армии не хотели воевать[.] и только шли^л на борьбу с Вашей стороны железные батальоны из Питера и Москвы, а с нашей рабочие Самары, Ижевска и Воткинска и крестьяне труженики Сам[арской] губ[ернии], те и другие с красными знаменами социализма шли и умирали за этот идеал. Таких отрядов, как Ваши жел[езные] батальоны[.] теперь Вам не создать, рабочие за Ваш НЭП так умирать не пойдут[.] как они шли тогда[.] думая[.] что борются за социализм. Это заставляет создать такие условия[.] при которых новая гр[ажданская] война была бы невозможна, необходимо иметь такие условия, при которых массы

^а Вписано взамен вычеркнутого горячее.

^б Вписано сверху.

^в Далее вычеркнута часть фразы посланных за мужицким хлебом.

^г Вписано взамен вычеркнутого руками.

^а Далее слово не разобрано.

^б Вписано взамен вычеркнутого необходимости.

^ж Вписано взамен вычеркнутого мир.

^{з-и} Подчеркнуто в документе.

^к Далее в тексте вычеркнуто Ваши войска как и наши не хотели воевать.

^л Далее в тексте вычеркнуто умирать.

могли бы выявлять свои нужды и чаяния[,] не прибегая к гражд[анской] войне. Правящая власть берет на себя огромную ответственность[,] если вынудит массы прибегнуть к этому способу борьбы. Что же случилось с тем краем[,] который был вынужден подняться против С[оветской] В[ласти] с оружием в руках, против политики продразверстки и других форм проявления т.н. военного коммунизма, подорвавшего всю хозяйственную мощь когда-то богатого края – житницы России. Сам[арская] губ[ерния] когда-то не только выбрасывала миллионы пуд[ов] хлеба на внутр[енний] рынок, но еще выбрасывала не мало мил[лионов] и за границу[,] в настоящее время корчится в муках голода и только существует на податки антантовской благотворительности. В Пугач[евском] уезде из 590.000 жит[елей] осталось 177.000, т.е. 35 % и то только по стат[истике] пайков и выдаваемых пособий. Местами вымерло и разбежалось до 80 %. Прежде на всем пространстве Сам[арских] Степей не было клочка земли не засеянного и мужики дрались, судились за каждый лоскут земли, ныне на десятки верст глаз не может встретить возделанного кусочка земли. Земля никому не нужна, ее опять захватила степь, бурьян и ковыли накрыли поля[,] когда-то колосившиеся золотой пшеницей[,] и только изредка глаз натолкнется на колючий красивый татарник. Мужу земля не нужна. Мужик ее не может обработать, он ковыряет мотыгой, или запрягает корову в упряжь и сам с женой в пристяжку тащит борону, падая под тяжестью работы. 9 % мужик[ов] мог[ли] пахать в [19]22 г. У мужика и скотины нет сил, сил нет в житнице России. Подкосилась могучая выносливость мужика, да и выжили в ужасную зиму только из-за могучего приспособления к действительности. Люди, могущие питаться трупам, люди могущие есть своих родителей, убивающие своих детей[,] выживали. Мы читаем: «Семья 6 чел., умерло 5, остался мал[ыш] 12 лет последнего съели, пол жены съел, не управился – умер». Башкиры любят своих детей, они их есть не могли, собирались ночью и при факельном свете топили в реках или озерах. И они вымерли более чем другие. Лун[ачарский] говорит[,] что Ком[мунистическая] власть выведет страну из Египта и через пустыню приведет в обетованную землю. Действительность, которая очень похожа на то, что творится в Поволжье[,] заст[авляет] придумать[ься] и боят[ься][,] как бы при выходе из Египта не погибнуть в пустыне, где[,] кроме звериного зубовнаго ляга и слова <жрать>[,] ничего не останется. Только создание таких условий, при кот[орых] трудящ[иеся] массы могли бы выявлять свою волю и свое творчество и сплываться в соц[иалистические] партии[,] дружными общими усилиями могут вывести страну из создавш[егося] тяж[елого] полож[ения] смогут повести к нашему светлому идеалу – социализму.

«Конец последнего слова т. Веденяпин не смог прислать.

Приблизительное изложение:

Теперь скажу несколько слов по поводу моего письма из тюрьмы, которое так гнусно, так подло использовали гр. гр. Шубин и Бухарин в целях посеять рознь в нашей среде. Гр. Бухарин здесь в величии власти распределял: «тем (обвин[яемым] 2 ^{ой} группы) – полное освобождение, этим (1ой гр[уппе]) смерть». Гр. Бухарин может взять мою голову, но на свою честь революционера я никому никогда не позволю бросить ни малейшего пятна. Я 20 лет работал с моими товарищами рука об руку и останусь с ними до конца.

Дальше Веденяпин дает объяснение по поводу своего письма из тюрьмы в Г.П.У в 1920 г. после попытки побега¹¹³.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Рукописный подлинник с правкой автора. Конец речи дан в изложении неустановленным лицом.

№ II-81

Последнее слово Л.Я. Герштейна

4 августа 1922 г.

Последнее слово подсудимаго, которому предъявлено 6 смертных статей, подобно исповеди умирающего, и я, стоя на грани небытия, прежде чем уйти туда, откуда нет возврата, хочу добавить немного к тому, что было здесь сказано до меня товарищами. Здесь со стороны обвинения мы не раз слышали обвинения о том, что хотя раньше мы были действительно революционной партией, теперь, однако, мы перестали быть такою. Так ли это? Изменили ли мы социализму и революции – хочу выяснить на собственном примере. Но прежде несколько слов о другом. Когда, создавая наш процесс, окружали его соответствующим антуражем, когда подготовливали демонстрацию 20 июня, и неоднократно также и здесь, в зале суда, кивая на наши скамьи, говорили: «вот Ц.К. с-р партии, персонально состоящий из представителей крупной буржуазии; понятно поэтому, что он оторван от рабочих масс, не знает их». Указывали, между прочим и на меня, как на представителя крупной буржуазии. Так вот, хочу сказать Вам, что буржуазность моего отца заключалась в том, будучи мелким служащим у Зингера, он последние 13 лет своей жизни был разъездным уездным агентом, развившим по деревням машины и принадлежностями для крестьянских портных, зарабатывая этим тяжелым трудом от 30 до 50 рублей в месяц для содержания семьи из 8 человек. А когда этот крупный буржуа умер, то за отсутствием средств пришлось хоронить его, заложив подушки. Что касается меня, то вся обстановка вокруг меня обусловила мое революционное будущее. Уже первое мое воспоминание – картина ночного погрома в 1881 году, глубоко врезалась мне в память. Зарево ночного пожара, плач и крики избиваемых женщин и детей, все это наложило неизгладимый отпечаток на мой детский ум. Вообще, мое детство протекало в [18]80-х годах – период непрекращавшихся погромов, под влиянием которых складывалась моя психика. С 12 лет я поступил учеником в мастерскую часовщика, и за верстаком последнего прошла вся моя молодость. Здесь я узнал другую сторону жизни – эксплуатацию рабочего. Закончив ученичество, на третий год работы в мастерской за 14 ч. рабочего дня я получал 4 рубля в месяц без стола и квартиры. Таким образом, «жизнь в молодости складывалась у меня под влиянием двух факторов: национального гнета и жесточайшей эксплуатации, воспитавших во мне дух протеста. В 1898 году столкновение с одним дворянином привело к моему первому аресту, по освобождению от которого я вынужден был оставить родину и стать революционером-профессионалом. Это было время, когда вся страна задыхалась под гнетом царизма, представлявшего собой диктатуру дворянства, помещичьего сословия, опиравшегося на дисциплинированную вышколенную армию и многочисленную полицию. Всякое проявление частной или общественной инициативы душилось в зародыше – все было под опекой власти; не было «свобод», но все же была кое-какая оппозиционная печать, от которой хоть и на «эзоповском» языке мы слышали контрабандой вольную мысль. Сознывая, что путь к социализму лежит через развитие самостоятельности трудящихся, мы, с-ры, вступили в беспощадную борьбу с царс[ким] самодержавием, которое давно уже вызывало отрицательное

¹¹³–н Завершение последнего слова М.А. Веденяпина дается в изложении.

^a Далее в тексте зачеркнуто лучшие годы своей жизни.

отношение к себе со стороны крестьян и рабочих. В борьбе с царизмом протекала моя жизнь с 1898 по 1917 год, перемежаясь с тюрьмами и ссылкой. Несмотря на сильную армию и полицию, царизм пал, и я счастлив, что в дни решительной схватки с царизмом в феврале, я на улицах Петрограда принял в ней посильное участие. Мы, с-ры, считали основной задачей революции организацию масс для наступления на капитал, но основным лозунгом нашим было – освобождение трудящихся должно быть делом их самих. Лучшим способом выявления организованной воли трудящихся масс считали Учр[едительное] Собр[ание], которое не могло не быть социалистическим по своему составу, опираясь на трудящихся, составляющих подавляющее большинство в стране. Наш лозунг народовластия разделяли и вы! И Вы сперва поддерживали его. До того момента вы нашей революционности не отрицали, но с февраля по октябрь массы не успели сорганизоваться, мешала усталость от войны, нарастал максимализм. Мы имели мужество пойти против течения, а вы пошли в хвосте его, чтобы использовать в своих целях, для создания собственной диктатуры... Предо мной, как и пред моими товарищами стал вопрос, как быть[ь]. При царизме мы боролись с диктатурой дворянства, сковывавшей самостоятельность трудящихся, а сейчас? – Сейчас также⁶ диктатура, называется она диктатурой пролетариата, но ведь все черты царистской диктатуры имеются и в вашей, только еще в большем масштабе.

Как могу я, старый революционер, мириться с присвоением вами себе монополией⁸ слова, печати, права собраний и союзов?

Как могу примириться с превращением нашего лозунга «неприкосновения личности» во всеобщую повсеместную ежечасную прикосновенность? Ведь никто не обезпечен ни на один час от насилия власть имущих.

Вы гордо заявляете, что вы создали мощную красную армию. В лице ГПУ у Вас прекрасно организованная полиция. Вы утверждаете, что при помощи этих сил, утвердив свою власть, Вы можете считать, что находитесь в апогее силы и славы. Пусть так, но я сомневаюсь в вашей прочности, поскольку Вы не пользуетесь доверием народа. Вот Вы утверждаете, что дав землю крестьянству, Вы тесно связали его с собой, но я знаю, что это не так. Отношение крестьян к Вашей земельной политике лучше всего характеризуется следующим заявлением одного крестьянина в ответ на соответствующую речь коммуниста: «Правда, земля наша, да хлеб ваш, леса наши, да дрова ваши, воды наши, но рыба-то ваша[?]». В этих простых словах выпукло отразилось настроение крестьянина, его отношение к Вам, к Вашей земельной политике. Отсюда необходимость опеки над крестьянством, Ваше недоверие к нему. Далее, Вы говорите, будто весь рабочий класс за Вами. Да так ли это? Разве основанием для этого может служить уничтожение вами промышленности, нищенский уровень жизни рабочих? Ведь Ваша национализация промышленности привела к полному ее параличу, к уничтожению рабочего класса в советской России. Ведь никто другой, как Ленин, признал, что рабочего класса у нас сейчас нет и нужно возродить его при помощи новой промышленной политики.

Вот почему не могу признать Вашу тактику правильной, октябрь ведет не к социализму, а к ужаснейшей реакции, которая будет тем сильнее, чем полнее деклассация рабочих с одной стороны, и озлобление крестьян с другой. От этой реакции не спасет Вас и Кр[асная] армия. Ведь и французская революция имела в своем распоряжении сильную армию, которая, однако, дала Франции Наполеона, а при отсутствии самостоятельности трудящихся, я не вижу гарантий от появления у нас при Кр[асной] армии генерала на белом коне.

Итак, как видите, изменились не мы, с-ры, а Вы отказались от всего того, что раньше составляло сущность нашей общей борьбы.

Теперь несколько слов о предъявленных мне обвинениях. Гр[ажда]н Крыленко в заключительной речи заявил, будто я сносился с добрармией. Откуда он это взял? В деле этого нет и это не могло иметь места в действительности. О деле Берзина¹⁴ я впервые услышал здесь на суде: сомневаясь в самом факте покушения на него, я просил трибунал справиться, имело ли это место в действительности. Ответ Берзина, утверждающего, что в июле–августе 1918 г. на него было организовано покушение правым с-ром, подробности об этом знает какой то товарищ, – меня не удовлетворяет. Ведь если бы Берзин был ранен, то он просто ответил бы – тогда[-]то и там я был ранен. Человек[.] получивший пулю, едва ли бы мог забыть упомянуть в своем ответе, как о ранении, так и о том, когда и как это случилось. Но если бы даже это имело место, то это еще не доказывает моего отношения к нему. Я категорически отмечаю это обвинение, как ни на чем не основанное.

Несколько слов о нашей работе в Сибири. По отъезде Ц.К. из Уфы я оставлен был в Сибири, чтобы разыскать остальных товарищей и составить с ними Сибирскую делегацию Ц.К., организовать силы партии для борьбы с Колчаком, что и было выполнено. Напрасно гр[ажда]н Крыленко пытается взять под сомнение наше утверждение, а также показания Тяпкина о том, что в Сибири мы считали очередной задачей партии не борьбу с Совет[ской] властью, а накопление сил для отражения идущей ей на смену реакции, поддерживаемой в Сибири японцами.

Говоря о крест[ьянском] движении вообще и Сибири в частности, обвинительный акт ставит П.С.-Р. в вину между прочим то, что наши лозунги живо воспринимаются крестьянами, чем пользуются раз[ные] проходимцы для организации крест[ьянских] возстаний. Я полагаю, что если наши лозунги охотно воспринимаются крестьянами, то это показывает только их неизменность, правильность и в этом я вижу великую заслугу П.С.-Р, а если вся Ваша политика в деревне толкает на путь восстания, чем пользуются проходимцы а-ля Игнатев, – то это уже ваша вина, а не наша. Я и сейчас стою на той точке зрения, что нам нет смысла вести борьбу с вами, ибо мы – резерв революции против грядущей в лице Ключниковых и других, похуже, реакции. Гр[ажда]н Крыленко утверждает, что Вы не мстите ищите, а рассматриваете вопрос о нас с точки зрения политической целесообразности. В связи с этим ставится вопрос о нашем отречении от того, что в нашем понимании является сущностью революционного социализма, – от идей народовластия и самостоятельности трудящихся, от нашего права идти к осуществлению социализма не по вашей указке, а теми путями, которые подсказывает нам наше революционное сознание и совесть.

Стремясь к истреблению всех инакомыслящих, борясь с нами и уничтожая наши организации, вы подражаете робеспьеристам, котор[ые], уничтожив дантонистов, эбертистов и др[угих], создали вокруг себя пустоту, в которую сами же потом и свалились. Вы, следуя тем же путем, готовите себе такую же участь. Так, повидимому и будет. В упоении победы

⁶ Так в документе.

⁸ Так в документе.

Луначарский здесь заявил, что П.С.-Р уже не существует, но он ошибается так же, как в свое время ошибался и Столыпин, заявивший во II Госуд[арственной] Думе, что при помощи Азефа П.С.-Р уничтожена. Вы можете, конечно, расстрелять нас, ваших пленников, но, как говорит революционный поэт:

Из наших истлевших костей
возстанет воитель суровый
и будет он нас посильней.

Да, граждане, вы забыли раньше признававшуюся и вами истину, что людей убить можно, но идеи на штыки и пули не улавливаются.

Разстреляв нас, Вы не уничтожите нашей партии. Крепче сомкнутся оставшиеся и будут продолжать наше дело.

Да здравствует международный революционный демократический социализм!

Да здравствует П.С.-Р.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Герштейна. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 26–28.

Еще несколько часов и отойдет в даль синюю прошлого и этот эпизод огромной политической тяжести между партией с. р. и партией ком[мунистов], который тянется с начала революции.

За 80 дней судебного следствия я и мои товарищи старались с истощающей полнотой обрисовать прошлую деятельность пар[тии] с. р. – и что еще важнее (с нашей т[очки] зр[ения]) – очертить те политические позиции, которые занимает пар[тия] с. р. в настоящий момент. Мне лично нечего прибавить к тем объяснениям, которые я уже раньше давал. Свою точку зрения я развил, мне кажется, с достаточной полнотой, а вновь и вновь пускаться в безбрежное море полемики с нашими политическими обвинителями, это значило бы бесплодно отнимать время и у Трибунала и у аудитории.

Я считаю необходимым остановиться еще только на вопросе, заданном нам сегодня Председателем Трибунала: «Что бы мы делали, если бы очутились сейчас на свободе?».

Еще до него подобный риторический^a вопрос задал нам и прокурор Луначарский. Обращаясь к нам он говорил: «Вот Ленин в период борьбы с правительством Керенского рекомендовал своей партии: “ставьте этому правительству всякие трудности”. – Думаете ли вы так^b с нами бороться? Будете ли вы “отравлять атмосферу, сеять смуту, устраивать хозяйственный срыв?”».

Будете ли вы превращать всякую царапину в зияющую рану, всякую трещину в пропасть, всякую заминку в хозяйственную катастрофу?»]

Мы уже давали истощающие ответы на все эти и подобные недоуменные вопросы.

Если угодно, я могу в самой сжатой, схематической форме повторить наш ответ.

Что мы делали бы в области внешней политики. – Мы боролись бы со всеми замаскированными формами интервенции, блокады, мы отстаивали бы необходимость немедленного признания капиталистической Европой советского правительства, мы оказывали бы содействие советскому правительству в его борьбе против хищнических притязаний ин[о]странных капиталов, поскольку в этой области политика правительства будет идти по линии интересов рабочего класса и всей страны – мы будем его поддерживать. И мы будем с ним решительно бороться, поскольку его политика будет уклоняться от этих интересов.

Что мы делали бы в области внутренней политики?

Здесь нашей основной задачей являлась бы организация широких трудящихся масс города и деревни с целью преодоления большевистской диктатуры, в качестве центрального вопроса, стоящего сейчас в порядке дня, и на предмет борьбы с реакцией, ныне угрожающей раб[очему] классу не извне, а изнутри, со стороны тех новых социальных сил, которые вырастают на почве нашей экономической политики.

Вот наш краткий ответ.

И еще одно хотелось бы лишь отметить.

С прокурорских скамей все возражения против нас заканчивались обычно одним торжествующим припевом, одним ликующим рефреном: «а победители мы!» «Мы вас разбили в открытом бою, и теперь судим по праву победителя».

Я не знаю, насколько ценен подобный аргумент пред судом истории. История часто судит, и жестоко судит и победителей! Но в разрезе сегодняшнего дня этот аргумент звучит убедительно и полновесно.

И ему мы можем противопоставить сейчас только сознание своей морально-политической правоты, правоты того дела[,] которому мы служим, которому мы отдали все свои силы, за которые мы боролись всю свою жизнь.

Да, – увьи! – мы не заключили договора с победой^a и в расплату за это нам остается заключить договор со смертью.

И мы выполнили все вытекающие отсюда обязательства с мужеством революционеров, умеющих смотреть смерти прямо в глаза.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слова Гоца. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 28–29.

Двадцать пять лет моей жизни из 41 года, которые я прожил, я служил делу революции и социализма в интересах широких трудящихся масс так, как это я понимал и как понимала это служение партия, к которой я принадлежал.

Настоящий процесс дал мне возможность сделать отчет в своей деятельности за последний год моей работы в партии, за [19]18-й год. Раньше дать этот отчет я не смог по причинам[,] не от меня зависящим: все последующее время я провел в тюрьме и вне активной работы в партии. Отчет этот дан не в той обстановке, которая нужна для спокойного и беспристрастного рассмотрения моей работы, – в обстановке настоящего процесса. Но все же я полагаю, что партия не найдет в моих действиях, даже по такому отчету, данных для моего осуждения за ту роль солдата революции, которая на меня была возложена. Что же касается ответа на вопрос Трибунала о дальнейшем направлении деятельности моей, то на этом процессе с достаточной полнотой было освещено отношение партии к Советской власти, к методам борьбы – с нею, и в дальнейшем еще будет излагаться.

4/VIII [19]22 г.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Донского. Рукописный подлинник. На первом

^a Так в документе.

^b Подчеркнуто Гоцем.

^a Подчеркнуто Гоцем.

листе проставлено: «5»

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 29.

№ II-84

Последнее слово Е.А. Ивановой

4 августа 1922 г.

Свое последнее слово я начну со слова о том, что бы было, если бы было то, чего не было. И думаю, что этим ответу на последние слова гр. председателя: – что бы вы стали делать, если бы случилось то, чего не случится – если бы вас освободили?

Итак, что-бы было, если бы Партийный Съезд постановил (а только Съезд и имеет право вынести такое постановление) начать террористическую борьбу с Советской властью? Тогда бы^а Ц.К. создал боевой отряд, который вел бы ту же борьбу и также, какая была во времена Гершуни и других. И тогда не было бы того, что было. Если бы не присутствие таких трагических фигур, как Каплан, Сергеев и некоторые другие, я бы сказала, что то, что было, был глупый и грязный фарс. Если бы был наш отряд, этого не могло бы быть, п[отому] ч[то] составлен был бы он не так, как отряд Семенова. В него не завлекали бы обманом, не заставляли бы людей насильно делать то, что они не хотят. И во главе его не стоял бы человек, в душе которого как то странно переплеталась психология человека, желающего стать Наполеоном[.] и того, чья вся сущность заключается в словах: «лучше живая собака, чем мертвый лев». Во главе^б его стоял бы человек, которого можно убить, но нельзя обратить в собаченку. И вы знаете[.] такие люди у нас есть. Здесь, на этих скамьях, среди членов Ц.К. Вы сами знаете, что наш Ц.К. не какой[-]то генералитет, который с высоты своего величия^в посылает подставлять солдат свои лбы под пули, а сам спокойно и безопасно остается в стороне. Вы знаете это, и потому ложь и лицемерие ваши попреки Гоцу за октябрь, ложь и лицемерие – разьяснение Гендельману^г того, что посылать на смерть и самому идти умирать не одно и то же. Ложь и лицемерие потому, что вы знаете, что не последним, а первым был Гоц в октябре, а Гендельман если и был когда последним, когда он, член Ц.К. и министр, был тем простым солдатом Народной Армии, который последний вышел из Самары[.] в которую уже входили ваши войска.

И в этом отряде я бы была.

Ибо та ненависть^к вам^д, которая много лет тому назад привела меня в ряды П.С.-Р., а потом и в ряды террористов, эта ненависть сохранилась у меня до сегодняшнего дня. Ненависть и любовь к тому, что вы давите. И вот вам ответ на вопрос[.] что я стала бы делать, если бы очутилась на свободе: я бы по[-]прежнему боролась с вами.

Мне хотелось бы сказать еще несколько слов тем, которые были когда[-]то моими товарищами, а теперь сидят на тех скамьях. Короткое было мое знакомство с Федоровым и Зубковым, но у нас было общее дело и они были мне близки и дороги. И мне больно, что теперь они сидят не здесь, рядом со мной. То, что я хочу сказать, я хочу сказать для того, чтобы с той громадной тяжести, которая отныне будет лежать у них на плечах всю жизнь, снять хоть немного. Здесь не раз говорилось, что, если^ж Семенова, Коноплеву и др[угих] мы еще подозреваем во лжи, то уж Зубкова-то и Федорова даже мы не осмеливаемся подозревать. Выходило так, как будто именно Зубков и Федоров отправили меня на смерть. Неправда это! Что сделали они? Когда и[м] предъявили брошюру Семенова, показания Коноплевой, они... да, они оказались малодушны и пред лицом смерти подтвердили ложные показания тех. Но сами они ничего не прибавили и положения моего не ухудшили. И я бы хотела бы, чтобы они знали, что умирая, я ни одну минуту не буду считать их виновниками моей смерти.

А теперь мое последнее слово к вам, гр[ажд]а[не]-судьи. Вы слышали здесь, что Ц.К. брал на себя ответственность за все партийные организации[.] и вы знаете, как много рядовых членов партии брали на себя ответственность за Ц.К., желали разделить с ним его участь. Я присоединяюсь к ним и говорю вам: я, рядовой член партии, полностью несу ответственность за всю деятельность Ц.К., п[отому] ч[то] я всегда подчинялась его директивам и всемерно поддерживала его. И вот я второй раз отвечаю вам на ваш вопрос, что бы я делала, если бы очутилась на свободе: на 5-ом Съезде Партии я так же голосовала бы за этот Ц.К., как голосовала за него, как на 4-ом. Так же подчинялась его директивам, так же бы поддерживала его.

Но этого не случится.

Мне остается только счастье умереть с теми, кого я считаю самыми близкими и любимыми мне людьми.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Ивановой. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 29.

№ II-85

Последнее слово М.И. Львова

4 августа 1922 г.

Мое последнее слово должно было быть таким же коротким, как коротка часть обвинительного акта[.] касающаяся моего дела, несуществовавшего проэкта Калужской экспроприации, экспроприации[.] о которой даже прокурор мог только спросить меня – а скажите[.] подсуд[имый] Львов[.] Вы допускаете возможность поездки[.] хотя и без вашего ведома, но от вашего имени туда[-]то, тогда[-]то и к тому[-]то[?] Но гр[ажданин] прокурор предъявил мне здесь и другое обвинение[.] правда[.] тоже очень короткое[.] всего на всего из четырех слов: хранение, размножение и распространение литературы. Обвинение в деяниях[.] которых я не отрицал раньше, не отрицаю и теперь. Вот этому и посвящу я свое последнее слово. Да, три года тому назад я был арестован с партийной литературой, с листовками «Ко всем». Это было обращение Ц.К. П.С.-Р. к Совету Народ[ных] Коммиссар[ов] о прекращении межпартийной вражды и о перенесении наших споров на разрешение свободно избранных Советов Раб[очих] и Кр[естьянских] Деп[утатов]. И за это три года тюрьмы, три года изоляции, да[.] изоляции и

^а Далее вычеркнуто комитет.

^б Далее вычеркнуто нашего отряда.

^в Далее вычеркнуто спокойно.

^г Далее вычеркнуто разницы.

^{д-е} Вписано над строкой Ивановой.

^ж Далее вычеркнуто показания.

строгой изоляции. Членам В.Ц.И.К., значки которых я вижу и там[,] и тут[,] и здесь[,] должно быть известно[,] какая участь постигла нашего товарища[,] члена П.С.-Р., дерзнувшего нарушить эту изоляцию. Я не знаю, видел ли член^а Ц.К. Р.К.П. гр. Бухарин эту женщину с растерзанным ртом и изрезанными деснами, но окровавленное письмо он видел, потому что письмо Ц.К. П.С.-Р. от 10 сентября [19]21 г. было доставлено в Ц.К. Р.К.П. [с] еще не успевшей засохнуть кровью.

Три года тюрьмы и изоляции^б. Такое положение, при котором все отличные от большевиков, все думающие не по[-]ком-мунистически, все инакомыслящие должны строжайшим образом изолироваться от подвластного коммунистам мира[,] надо признать для коммунистической государственности нормальным^в и не только нормальным[, но] и необходимым условием и средством сохранения и поддержания своей власти. Недаром из всех органов Сов[етской] власти всех ее хозяйственных, финансовых и экономических органов, первую награду получили не эти органы, а получил ее, эту награду – орден Красного Знамени – В.Ч.К.

Недаром власть через пять лет своего господства назвала этот орган – здесь я должен извиниться перед всеми, у кого слишком нежный слух – государственным пупом. Да, это центральный орган по укреплению и поддержанию Вашей власти. А Ц.К. Р.К.П. и судебные органы берут его под свою защиту и не только защищают[,] но и творят его идеологию. Здесь когда во время судебного следствия шла речь об обыске у нас в тюрьме на Кисельном[,] гр[ажданин] Крыленко говорил: чекисты брали ваши судебные документы: читали их, изучали, отбирали и правильно делали. Если бы они не делали это[,] мы привлекли бы их к ответственности. – Это не только апологетика[,] но и идеология. И когда член Ц.К. Р.К.П. Бухарин защищал чекистов[,] избивавших социалистов при увозе из Бутырской тюрьмы в [19]21 г.[,] он говорил не только о железных нервах, но и о праве чекистов проламывать череп[,] хотя бы и социалистический, – это не только апологетика – это и идеология.

Всем пленникам власти по дороге к свободе В.Ч.К. предлагает стать или тайным или явным агентом полиции и этого пути редкий пленник избежит, но мы знаем[,] куда приводит этот путь[,] на какие скамьи он приводит[,] и мы здесь видели[,] кто и как этих людей защищает – это не только апологетика[,] но и идеология.

Но нам также известно, что и еще один путь предлагается В.Ч.К.-ой для выхода на свободу – путь политического самоубийства, дача подписки отказа однажды и навсегда от всякой политической деятельности в пределах Р.С.Ф.С.Р. Здесь нам на этом основании отказано в защитнике Либере. Я не знаю[,] давал ли он такую подписку, но если Трибунал этим мотивировал свой отказ[,] значит[,] такая подписка предлагалась^г.

Да[,] гр[ажданин] Крыленко, do ut des^а. Вы можете спокойно работать. Чекисты вас не выдадут, но и они могут творить любые издевательства[,] любые зверства – вы за них заступитесь. И очень показательно для власти[,] что человек, который рвал и резал десны женщине[,] каждый день появляется здесь за председательским креслом. У власти хватило нахальства этого истязателя близкого нам по партии товарища, назначить нашим охранником.

Председатель: Лишаю вас слова, Львов.

Львов: Я здесь в первый и последний [раз] говорю и вы...

Председатель: Лишаю вас слова.

Львов: Всего лишь два слова.

Председатель: Лишаю вас слова.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Львова. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 30.

№ II-86

Последнее слово С.В. Морозова¹¹⁶

4 августа 1922 г.

Прежде[,] чем сказать то небольшое, что скажу в последнем слове[,] я хочу сказать несколько слов о том, что имело место сегодня, о чем не могу молчать. Только что на днях Бухарин[,] обращаясь к нам[,] заявил: «у вас ничего не осталось, кроме ваших жен и детей». Я не знаю, что он думал[,] говоря это, но вот, что подумало Г.П.У.[,] учреждение[,] так много им восхваляемое. Г.П.У. решило, что это приказ вождя издать и то небольшое, что[,] по его мнению[,] осталось у нас. И сегодня у трех моих товарищей Тимофеева, Веденяпина и Альтовского арестованы их жены, а у четвертого[,] Федоровича[,] только что приехавшая издалека, быть может на последнее свидание к отцу, – дочь. Если Бухарин и эти действия органов власти поставит в заслугу своей партии, то воистину он может гордиться. Такой цинизм – привилегия только его партии.

Теперь перейду к своему слову. Ответственность за деятельность Цент[р]альн[ого] К[омитет]а и отдельных его членов я несу, эту деятельность считаю правильной и всецело с ней солидаризируюсь. Сугубо ответственным считаю себя за деятельность Москов[ского] Бюро Цент[р]альн[ого] Ком[ите]та, в кот[ором] с середины августа 1918 года я с т. Донским работал лишь вдвоем. И если гражд[анин] Крыленко счел возможным поддерживать обвинение[,] им предъявленное тов. Донскому, о никчемности кот[орого] здесь говорилось достаточно и сейчас касаться этого мне не приходится, то тоже самое обвинение он должен был предъявить и мне, ибо наша работа с т. Донским была совместной, все решения и постановления выносились всегда совместно[,] и разграничение было лишь в исполнении. И я обращаюсь к Трибуналу в надежде, что эта ошибка прокурора будет исправлена и соответствующие статьи будут применены и ко мне.

К вашему приговору, кот[орый] вы собираетесь вынести, вернее, кот[орый] уже вынесен Цент[р]альным К[омитет]ом вашей партии, я отношусь с глубочайшим равнодушием, чтоб не сказать презрением. В своей революционной работе при царизме я

^а Далее вычеркнуто гр.

^б Далее вычеркнуто от подвластного коммунистам мира.

^в Подчеркнуто в документе.

^г Далее вычеркнуто И очень показательно для власти.

^а Даю, чтобы ты дал (лат.).

никогда не руководствовался тем, что мне грозит за мою работу, не делал того же и при большевизме. Вашим врагом я был, есть, им и останусь. И если мне суждено еще быть на воле, мои небольшие силы будут отданы тому же делу, кот[орому] я служу уже 15 лет. Делу освобождения трудящихся, на борьбу за свободу народа, против вас, его угнетателей и поработителей.

С. Морозов

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Морозова. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 30.

№ П-87

Последнее слово Е.М. Ратнер

4 августа 1922 г.

Чтобы не говорить подряд две речи, мне приходится совместить тему своего последнего слова с теми возражениями, которые мне осталось сделать Луначарскому и Бухарину.

Прокуратура не совсем довольна, что прения сторон судебного процесса перешли в плоскость теоретических прений между представителями двух враждующих партий. Крыленко и Бухарин обвиняют в этом меня. Обвинение не по адресу. Прокуратура в лице Луначарского сама выдвинула в качестве дополнительных прокуроров против нас и Маркса, и Энгельса, и Плеханова. И если суду угодно слушать Маркса там, где он будто бы говорит против нас, ему придется слушать его и там, где он совершенно определенно говорит против вас. От теоретических вопросов не уйти там, где судят о программах политических партий. И не для того же сидел здесь два месяца Бухарин, чтобы в трех словах поведать миру о высокой ценности моральной личности Игнатъева. И он, и Луначарский защищали здесь другого подзащитного – Р.К.П. ([Председатель останавливает: «о РКП говорить нельзя, ее здесь не обвиняют»). Защита этого обвиняемого – задача очень трудная и неблагодарная. Поэтому и Бухарину, и Луначарскому приходится то и дело прибегать к самым грубым извращениям и передержкам, а первый имеет сверх того приятное обыкновение прикрывать бедность аргументации бранью. Как[-]то на фронте, когда я была арестована, коммунист выводил на расстрел моих товарищей по заключению, осыпая их площадной бранью, даже крепче Бухаринской. На мой протест он к[о]ротко ответил: «Да ведь это у нас заместо молитвы». Предположим, что Бухарин, так усердно наживающий политический капитал на «православном Боге гражданина Зензинова», удовлетворяет собственные религиозные порывы таким достойным образом. Оставим ему эту честь полностью. Но гражданин Бухарин, помимо недостатков, имеет и одно большое достоинство: он откровенен, и потому не всегда может удержаться на позиции официальной коммунистической версии. Эта версия гласила: мы – буржуазные заговорщики. Он и отрапортовал это в первых словах своей речи. Но сейчас же заявил: чтобы понять друг друга, мы должны найти общий язык. Этот язык – социализм. И все дебаты с буржуазными заговорщиками велись на этом общем языке социализма и Маркса, поскольку вы не вполне еще его забыли. То ли дело Луначарский: он с официальной терминологии не сойдет и[,] как в анекдоте[,] будет упорно тыкать пальцем в ветчину, называя ее рыбой. Вы утверждаете, говорил он, что я делал выводы из вашей мелкобуржуазной природы, не доказавши ее; доказывать нечего, я принял это, как аксиому. После Эйнштейна говорить об аксиомах не следует даже в геометрии, в социологии они – безграмотны, а в качестве судебного доказательства – наивны. Докажем это сейчас же на практике. Из вашей аксиомы следовал вывод о нашей кислотности, нерешительности, пассивности. Это доказывалось цитатой из Маркса. Я доказала вам обратное: вы не можете опровергнуть и признаете. Но это не важно, ибо через две страницы вы цитируете другую цитату из Маркса с выводом из того же положения о мелкобуржуазности, решительности, активности и пр. Видите, к чему приводит ваш геометрический метод социологии. Маркс становится для вас, как звездное небо для астролога, как священные книги для монаха-шарлатана – источники, на основании которых одинаково доказываемы прямо противоположные положения. Что хочу – то и вычитаю.

Бухарин основным термином своего социалистического языка делает «предательство». Доказать это[,] по его мнению, значит – доказать все. А предательство в переводе с его жаргона на русский язык означает снятие для данного момента тех или иных максимальных требований, замения их более скромными. Эсэры «отказались» от своих прежних позиций в отношении к интернационалу и по вопросу о социальной революции и заняли другие, умеренные. Отказались – значит предали. Во время Циммервальда эсэры резко и верно критиковали второй интернационал, а теперь целиком его поддерживают.

Гр. Бухарин недавно прослушал доставивший его товарищам столько удовольствия, оглашенный здесь документ о выходе партии из 2-го интернационала. В 1920 году мы критиковали целый ряд его позиций не менее резко, чем раньше, мы даже вышли из его состава. Но поскольку весь европейский социализм прекрасно сознает, как важна и нужна сейчас согласованность действий в рабочем движении, мы идем с ними рука об руку и, несмотря на ряд разногласий, готовы их всемерно поддерживать. Разница идейных позиций у нас никогда не мешает единству действий.

От позиций Циммервальда и Кинтала мы отказаться не собираемся. Да и зачем нам это? Ведь все бывшие там и боровшиеся с ним: Каутский и Ледебур в Германии, Макдональд и Сноуден в Англии, Бризон и Мергейм во Франции – все не с нами. Они все в Венском объединении, примыкающими к которому мы считаем и себя.

Вы и тогда были в меньшинстве Циммервальда, и теперь его позициям давно изменили. В вопросах интернационального движения вы никаких «отказов», никаких изменений наших позиций не доказали.

Вопрос о социальной революции: Ваша ссылка на Чернова не верна. Его речь, на которую вы ссылаетесь, критикует позиции социал-демократии и только с той точки зрения, что социалистическая партия в своей программе не связана обязательством охранять интересы капиталистического строя самого по себе, что она обязана пробить в нем все возможные бреши, вырвать все возможные уступки. Но нигде он не говорит о том, что эти уступки и бреши равносильны социальной революции. Вам это прекрасно известно, в прошлой своей речи я цитировала вам нашу полемику с максимализмом, и подсунуть нам вашу программу вам не

удастся. Наша экономическая программа борется и теперь за все те меры социализации и национализации, которые возможны при современном развитии общества, и [в] этом отношении мы не только ни от чего не отказывались, но многое прибавили.

Мы вошли в буржуазное министерство против постановлений Циммервальда, говорите вы. Трудно вести полемику с партией, первый теоретик и политический мыслитель которой не понимает разницы между вхождением в буржуазное министерство для органической работы и проведения политики этого буржуазного министерства и вхождением в революционное правительство для защиты и революционного творчества.

Вы извратили мои слова: я никогда не говорила, что в рядах нашей партии не было социал-патриотов; всем известна борьба двух течений в нашей партии. Я лишь ответила Кларе Цеткин, обвинявшей нас от имени международного пролетариата в красном социал-патриотизме, что на этой скамье подсудимых таковых нет.

Вы извратили мои слова о позиции во время войны 1917 г. эсэров и большевиков. Я никогда не говорила, что наши позиции были одинаковы. Я сказала только, что в 1917 году наша партия нигде не осмелилась открыто выступить с программой сепаратного мира и открытия фронта. Официально вы тоже высказывались за необходимость сохранения боеспособного фронта. Разница лишь в том, что мы говорили это искренне и действовали в этом направлении. Вы говорили лицемерно и делали обратное. По вашей терминологии это называется двурушничеством. И если кто-нибудь смягчает противоречия, то не мы теперь, а вы тогда. Вы ловите меня на противоречии между моей классово-национальной позицией во вчерашней речи и надклассовой общегосударственной речи месяц тому назад в речи по поводу позиции юг-вост[очного] ком[итета] членов Учредит[ельного] Собрания. «И башмаков она еще не износила» – восклицаете вы патетически, цитируя мои слова. Если бы вы прочли несколько строк выше или ниже, то прочли бы, и вы их читали и слышали, ибо этот вопрос ставился мне не раз, что наличие в ЦК в целом позиции Шрейдера никогда не разделяли и всегда критиковали. Так что остается неизвестным, чьи же башмаки вас так волнуют: мои или Шрейдера.

Луначарский передергивает еще крупнее: из моих слов о неизбежности победы буржуазных сил в нашей среде, и о переходе нашей партии в связи с этим с позиций третьей силы на классовые антагонистические вам позиции трудящихся вы делаете путем непонятных логических «сальте мортале» вывод о переходе на позиции свержения советской власти вооруженной рукой для того, чтобы быть мирной оппозицией при буржуазии. Я знала эту вашу тенденцию на всякое слово о борьбе отвечать воплями «Караул! Вооруженная борьба!» и предупредила это точными разъяснениями председателю.

Извращения не случайны. Это вошло у вас в систему. И эта система опирается на то полное отсутствие свободы слова и печати, которое вы ввели, чтобы получить монополию на истину. Только зная, что всякая сказанная вами о нас ложь будет завтра же выдана всей прессой за правду, и что нигде не появятся слова опровержения, вы можете позволить себе такие примеры полемики. Теперь понятно усердие Луначарского в защите скорпионов для печати: кроме прочих достоинств оно полезно в том, что дает возможность коммунистическим вождям и теоретикам помогать бедности своей аргументации искажением слов противника. Когда мы говорим о том, что вы воскрешаете буржуазный строй, мы вовсе не говорим, что вы это делаете «без приобретений», по формулировке моих положений Бухариным. Приобретения будут, ибо революции всегда ведут народы вперед. Дело, которое будет сделано, будет исторически прогрессивным и исторически нужным, но от этого еще не становится социалистическим. Если бы вы всегда были партией новой русской буржуазии без социалистического ярлыка, мы меньше ополчались бы против вас. Но ведь вы, как первая партия, воплощавшая в жизнь идеалы социалистического строя, воздвигавшие тот строй, о котором десятилетия писали и говорили социалисты, вы получили в свои руки весь социалистический капитал, который рабочее движение скопило в течение века борьбы. И если вы его ухлопали на буржуазное дело, – есть ли это предательство, равное этому?

Своих положений о нашем политическом предательстве Бухарин не доказал. Но из него делает вывод о праве на моральное предательство на Семенова: «Предатель предателя есть честный человек». Странная алгебраическая мораль, не более удачная, чем геометрическая социология Луначарского. Минус на минус дает плюс.

Предательство политическое и предательство моральное – вещи вообще несоизмеримые. Это все равно, что складывать фунты с аршинами. Для нас внутренне-моральное сознание, самоуважение – вот тот инстинкт эстетики поведения, который свойствен каждому нормальному человеку, вот высшая инстанция контроля всех политических положений и директив партии каждым из ее членов раньше, чем он приводит эту директиву в исполнение. Личность революционера всегда была выше, его мораль чище, эстетичнее, его внутренний контроль тоньше, чем у рядового гражданина. Насиловать моральное поведение своих членов, требовать подчинения внешним нормам партийных директив самых укромных уголков индивидуальной совести всегда показалось бы диким и недопустимым.

Но пришла революция. Нашлась партия, которая с ничтожными партийными силами возложила на свои плечи громадное дело, все равно обреченное на гибель. Работа не ждет. Думать некогда и вредно. Создается[.] по горделивому выражению Бухарина, партийная машина, работающая с точностью и механичностью часового механизма. Каждый винтик, каждое колесико не могут жить своим умом. Сила общего вращения уносит их в общем процессе. Остановиться и оглянуться нельзя. Ни работы, ни чувства. Дело, одно дело.

Луначарский восхищался советским беллетристом Асеевым. В рассказе «Страда» он дал нам образчик коммунистической психологии. Лучшие из лучших. Не те 400.000 коммунистов, которые прежде и больше всего хотят присоединиться к казенному пирогу, а действительно идейные и честные, заваленные непосильным делом, они тщетно пытаются его осмыслить. Не творить, – где там, – а хотя бы только понять. Они приносят в жертву все, но жизнь не принимает их жертв. Их отталкивает и голодный город и темная, чужая, глубоко ненавидящая деревня. Им жутко, они не видят цели, они лишь чувствуют, что «не то». Но остановиться нельзя. Чья[-]то рука завела часовой механизм и колесики должны вертеться. Слепо веря в того, кто завел машинку, они не сомневаются в правильности хода. Если ничего не выходит, виноваты они сами. Надо еще что-то сделать, что-то отдать, как[-]то переломиться. Иначе произойдет страшное, ведь машина не ждет. И отдают все, достают со дна опустелой души самые заветные ценности и бросают их в дело, только бы не остановился механизм. Пускается в ход морфий, кокаин. Нет ничего слишком страшного, слишком дорогого. Россия залита кровью. Но это не страшно ей. И «честный» чекист Клейнер предлагает устраивать кинематографические снимки с расстрелов и показывать их на площадях. Может быть это застрашает, поможет. От тоски и бессилия Деревцов стреляется. И если бы Клейнеру или Деревцову перед смертью, всем этим загипнотизированным вечным вращением машины, неспособным сейчас ни к исканию выходов во вне, ни к критической мысли – этим колосникам большевистского часового механизма предложить отдать еще что-то, последнее, самое святое, продать близких, оплевать то, что не можешь не уважать, облить грязью собственную душу, оклеветать то, что не можешь не считать чистым, бросить в пасть ненасытного Молоха партийной машины все, что еще оставалось в душе святого и чистого – они бы это

сделали, как сделали сидящие там, на этих скамьях. Это, конечно, смерть души, моральная смерть, гражданка Коноплева. Не утешайте себя фразами о «старой морали». Ваша новая мораль – «цель оправдывает средства» – стара, как мир. К ней прибегали все изуверы всех времен и народов. Она – смерть души и всякой морали. Но вот со дна опустошенной души встает роковой вопрос Деревцова: «а что, если все зря?». А что, если вы социалистический капитал вложили в буржуазное дело? А что, если, вместо спасения пролетариата, вы его обокрали и продали? Что тогда?

Вы говорите: «Смерть!». Простая физическая смерть? Слишком мало, граждане! А что же вы сделаете с тем ядовитым севом, который вы своим черным делом сеете в сердцах тех, кого сами зовете безсознательными и темными. А если ваш пример найдет подражателей? Ведь не убьете же вы и их, чтобы уничтожить посеянное вами семя? Идеи выстрелом не поразить. И это растление душ, которое вы здесь производите под фирмой «воспитательной роли процесса» [–] ваше самое большое преступление. Я не боюсь за русский народ. Пусть его политическое сознание еще сильно отстало от уровня передовых рабочих Англии и Франции. Инстинктивное чувство внутренней правды и красоты ему присуще не меньше. На этом суде он найдет другие примеры, вынесет другие уроки. Но вы сами должны понимать всю глубину пропасти, в которую скатились. А суд и те руки, которые заводили часовой механизм, они не имеют права ставить вопрос о вашем предательстве. Предательство и весь позор его – общий коллективный позор всех вас, всей коммунистической партии до самых ее скрытых пружин. Этой ответственности никому из вас не скрыть, никому от нея не уйти.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Е. Ратнер. Рукописный подлинник.
– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 31–33.

№ II-88

Последнее слово Е.М. Тимофеева

4 августа 1922 г.

Я не надолго задержу ваше внимание. Меня интересует политическая сторона дела. Однако, поскольку товарищи доверили мне говорить во время процесса от их имени, – вы знаете уже мою точку зрения. Сейчас я хочу привлечь ваше внимание лишь к одному пункту, который[,] по[–]моему[,] является новым в наших прениях на суде и в нашей борьбе с вами за истекшие 5 лет. «Мы сам[а]я крайняя партия современности», «мы якобинцы настоящей революции», – так вещал вчера Бухарин. Я не стану возражать против этого утверждения. Если вам нравится щеголять в якобинских плащах и упиваться победами настоящего боя – это ваше дело. Нас интересует другое, нас интересует будущее.

Помните, что якобинцы считали себя не только крайней партией современности, но и утвердителями царства разума на земле. Дальше их идеалов 1793 года для них не существовало ничего. И вам известно, как обошлась с ними история. Вам известно, что вместо гордого царства разума якобинцы смогли родить и утвердить лишь в лучшем случае царство мещанской добродетели. Здесь не раз уже перелистывали страницы Марксовых писаний. Разрешите мне сделать это еще раз и в последний раз. Вам известны наверное слова Маркса о якобинцах. «Они обещали дать Равенство, Свободу и Братство, а дали в действительности равенство, свободу и Бенатам». Да, того самого Бената, – ту самую мораль, в которой и честь и совесть стали отпускаться по грошам...

Помните об этом примере. Считайте и утверждайте себя, как якобинцев, как крайнюю партию **современности**^а. Упивайтесь этой победой. Нам здесь с вами не по пути. Наши взоры, как и раньше прикованы к будущему, и наших идеалов равенства мы не променяем ни на какого Бената. Эти идеалы – наши старые идеалы, и вы их своими успехами не измените и не изменяете.

Вот, граждане, источник нашей вражды. Мы служим будущему и хотим служить только ему. Поэтому ваши лавры современности нас не соблазняют и ради них мы ни в чем не согласны отступить со своей стези. Я этим кончаю. Помните – самая «крайняя партия современности» – дала лишь Бената. Помните, что современностью не кончается все...

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Тимофеева. Рукописный подлинник.
– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 33.

№ II-89

Последнее слово Ф.Ф. Федоровича

4 августа 1922 г.

Еще на предварительном следс[т]вии и здесь на одном из первых заседаний, я заявил что я, как член Ц.К., полностью несу ответс[т]венность за все действия и постановления, как Ц.К., так и его полномочной делегации. Сейчас я еще раз настоятельно это повторяю.

За все 20 лет моей работы в рядах партии я всегда был активным, дисциплинированным ее членом. Это моя гордость; от этого я никогда, ни при каких условиях, я не отказывался, и, конечно, не откажусь.

Перехожу к рассматриваемому периоду. После 8-го сов[ета] парт[ии], объявившего вооруженную борьбу против большевиков, я, согласно постановлению Ц.К., один из первых выехал в Поволжье, каковое предполагалось ареной борьбы. Здесь в Поволжье, с образованием Самарского фронта, на мою долю выпало руководство работой отделных наших партийных комитетов области, оказавшихся в прифронтовой полосе. Разумеется всемерная поддержка фронта – была главной работой; конкретнее говоря, наше[й] задачей ставилась помощь своему фронту и подрыв фронта противника. Этой работой я был занят три месяца, все время разъезжая по сию сторону фронта. В первых числах сентября по вызову Цен[трального] к[омитета], я перешел фронт и попал в Самару, где вступил в комитет членов Учр[едительного] Собрания.

В [19]19 году в Сибири, после побега из Омской тюрьмы, я вступил в Сибирскую делегацию Цен[трального] ком[итета]. В полном согласии с директивами IX-го сов[ета] парт[ии], наши сибирские партийные организации все острее своей борьбы^а обратили против Колчаковской реакции. Наша[,] ведь[,] партия главным образом подготовила эту борьбу. Наша партия возглавила возмущение против реакции, которое, как известно, окончилось пленением Колчака в Иркутске. Эту борьбу мы вели под своими лозунгами, под своими знаменами. Те же лозунги у нас

^а Выделено в документе.

^а Вписано вместо вычеркнутого работы.

остались, когда пришли в Сибирь большевики; мы не скрывали своего отношения к ним.

Здесь пытались доказать, что вся⁶ эта борьба, и главным образом форма и условия наших взаимоотношений в Сибири с большевиками не соответствуют директивам Ц.К. Чтобы покончить с такими попытками, я должен заявить, что, после моего доклада в Москве Ц.К. о нашей работе в Сибири, Ц.К. полностью ее одобрил.

В Сибири я провел первую половину [19]20-го года. В это время определилась позиция партии в Сибири к большевикам, каковая, главным образом, выявилась в других документах: в декларации по поводу войны с Польшей, и в циркулярном письме по поводу Красноярской программы. Здесь я хочу отметить характерную черту. На суде все время пытались представить, что в нашей партии нет ничего общего: «всяк молодец на свой образец». Характерно, что декларация Краевого Комитета, отделенного от Ц.К. тысячью верст[,] не только не отличается по существу от декларации ЦК, но часто говорит буквально одними и теми же словами. Государственный обвинитель пытался доказать здесь и обратное, что здесь, вопреки постановлениям IX сов[ета] парт[ии], в Сибири готовили вооруженное возмущение. Я именно ввиду пресловутого Сибирского крестьянского союза, продукт шантажа и провокации. После объяснений, данных главным образом тов. Раковым¹⁷, является, конечно, доказанным, что партия здесь не при чем. Нет, мы в Сибири действовали все время согласно директивам партии.

Все это я говорю только для того, чтобы показать, что невозможно, нельзя меня, члена Ц.К. оторвать от Ц.К., как целого; невозможно, нельзя сказать: это твое дело, отвечай, а это не твое. Нет и нет. За все, что делает Ц.К. отвечает и каждый член Ц.К.

Кончая свое последнее слово, я должен сказать, что здесь на суде выяснилась позиция нашей партии. Наши объяснения здесь, в зале суда, как верно выразился т. Гоц, явились своеобразным отчетом за нашу деятельность за истекший период. И я, член Ц.К., всецело разделяющий заявления и декларации наших ответственных товарищей, уполномоченных всей нашей группой, я считаю себя ответственным за все полностью и до конца.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Федоровича. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 33–34. Публикация сопровождается редакционным примечанием: «Речи других товарищей редакцией не получены».

ДОКУМЕНТЫ, ИСХОДЯЩИЕ ОТ ОБВИНЯЕМЫХ № П-90

*Письмо члена ЦК ПСР М.А. Веденяпина
в Общество бывших политкаторжан
и ссыльнопоселенцев¹⁸*

30 июня 1922 г.

Общество быв[ших] полит[ических] каторжан.

Мне хочется написать Вам, возможно, что это будет мое последнее послание в моей жизни. Вы должны знать условия[,] при каких мне пришлось попасть на скамью подсудимых.

В 1920 г. в связи с объявлением войны России, Польшей, партия С.-Р.[.] членом Ц.К. которой я все время состоял, занял[а] в этом вопросе определенное отношение[,] заявив о необходимости всемирной поддержки Красной Армии. Я в это время был в санатории «Высокие горы»[,] где была и ПАНЕТ, которой я рассказал о своем желании⁷, как[-]либо быть полезным во время войны, и мы сговорились, что П. переговорит об этом с Биценко. БИЦЕНКО согласилась со мной повидаться[,] и 9-го мая[,] в день взрыва артиллерийских⁸ складов, у нас произошло свидание. Б. предложила мне после выяснения моих и позиций партии с.-р. службу в Центроколхозе. Я указал, что не помешает ли принадлежность к Ц.К. ПСР и мое участие в движении на Волге. На все мне был дан вполне исчерпывающий ответ, что это не может служить препятствием[,] и я был принят на службу, мне было дано поручение набрать агрономов, для Центроколхоза, о чем я и позаботился[,] сходя к некоторым из них (т. ПН.). 11-го Мая ко мне в санаторию явились представители ВЧК с КОЖЕВНИКОВЫМ во главе. Меня предупредили, и я мог скрыться, но гарантия[,] данная мне БИЦЕНКО, не позволяла мне этого сделать и данное мной ей слово[,] и я был арестован. Просидел я 8-мь месяцев, когда был выпущен, то сейчас же опять поступил в Центроколхоз, продолжая работать в Ц.К. В это время происходили перевыборы в Московский Совет[,] и мне ЦКПСР поручил обратит[ь]ся к председателю Мос[ковского] Совета на получение разрешения на издания газеты во время выборов, что и получил от тройки ЦК РКП (КАМЕНЕВ, СЕРЕБРЯКОВ, КРЕСТИНСКИЙ). В это же время разразилась Кронштадская история¹⁹, начались аресты и меня арестовали во время празднования нашей годовщины. 14-го марта после протеста общества я был освобожден с извинениями, через несколько дней вторично взят и опять же был освобожден. В связи с этим я решил уехать из Москвы и пошел выяснять к БИЦЕНКО о том, могу ли я разчитывать[,] что меня не будут каждую минуту брать. Меня опять заверили, что я не буду арестован. Разчитывая выпускать газету и по другим делам[,] в частности[,] по тюремным[,] мне приходилось бывать у ФЕДОРОВИЧА[,] где я и был однажды⁹ взят в засаде. Опять мне представилось скрыться[,] солдат был один, а нас пять человек, но мне не было смысла переходить на нелегальное существование[,] и я не счел для себя возможным скрываться. Я не буду говорить о процессе, я только укажу на один факт[,] пережить который было очень не легко. Члены нашего общества БИЦЕНКО и КАЦ принимали активное участие в организации мнения[,] которое требовало наших голов. Как бы я хотел в этом ошибиться. Теперь этого¹⁰ требова[ние] осуществлено, общество, думаю, еще не забыло[,] какое участие в его создании было сделано с моей стороны[,] и от членов его пришлось получить такой сильный удар.

Прощайте, очевидно[,] в наше время нельзя быть социалистом и исповедовать свое убеждение[,] не замучил и не повесил Николай, теперь[,] очевидно[,] доделают те[,] с кем так еще недавно вместе носили кандалы. Еще раз прощайте.

Михаил Веденяпин

⁶ Вписано сверху над строкой.

⁷ Вписано от руки над строкой.

⁸ Так в документе.

⁹ Вписано над строкой взамен вычеркнутого обманом.

¹⁰ Так в документе.

Р.С. Прошу позаботиться о семье, она у меня в критическом положении. –
30/6 – г. М о с к в а. –

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 145–145 об. Машинописная копия, изготовленная делопроизводством Секретного отдела ГПУ и заверенная секретарем Медовниковым (?) 10 августа 1922 г.

№ П-91

Письмо члена ЦК ПСР Л.Я. Герштейна жене

3 августа 1922 г.

Моя родная, любимая,

Счастлив был[,] получив от тебя, наконец, весточку, а то мне говорили, что ты не в Ярославле, а в Нижнем. В день твоего отъезда нам было разрешено свидание, но чекисты увезли тебя. Как[,] милая[,] мне очень хочется тебя повидать, но[,] посоветовавшись с товарищами, как это не тяжело, я решил по целому ряду соображений пока выждать, результата твоего заявления, так как через 2 дня процесс заканчивается. У нас взаимоотношения с триб[уналом] резко ухудшились, моя любимая. Крыленко потребовал для обеспечения советской власти расстрела 19 человек. Это[,] конечно[,] торг с запросом, но несомненно д[ля] части из нас[,] в том числе[,] вероятно[,] и для меня[,] смертные приговоры обеспечены. Приведут ли их в исполнение. Сказать трудно, но мы готовы и к самому худшему, и я надеюсь, что мой ближайший друг и товарищ – ты. Разумеется, я это говорю на всякий случай, но думаю все же, что сейчас это большевикам не выгодно и они едва ли рискнут на такую штуку. После суда, если засадят надолго, буду добиваться соединения с тобой, если только обстановка содержания этого позволит и если это не ухудшит твоего положения. Ну что-же сказать о процессе. Устали мы от него физически бесконечно; от нас всячески вымогают отречения от всей заграничной публики, в том числе и от Черн[ова]. Мы заявили, что разбор достоверности фактов, указываемых в выкраденных за границей и в значительной части сфабрикованных бумажек^а, мы откладываем до съезда, здесь же угрозами расстрела вы от нас ничего не получите. Но одно могу сказать, что наша «заграница» злокачественная болячка на нашем теле и что долг тех, кто останется в живых, эту заграничную власть <от> нашего организма отсечь. И если это будет куплено ценой н[аших] голов, то пусть это будет спасением д[ля] партии и исцелением. Моя любимая, я в мыслях никогда не расстанусь с тобой, любя тебя. На случай (пока проблематический), если это письмо будет последним, завещаю тебе помнить, что «жизнью пользуйся живущий, мертвый в гробе мирно спи», ты должна применить к себе, что-бы со мной не случилось. Если встретится случай (хороший конечно) не оставаться на всю жизнь в одиночестве, то помни, что это будет лучшим исполнением моих желаний тебе. Ибо единственно, что меня сейчас особенно огорчает – это мысль о твоём грядущем одиночестве. Да, милая[,] страстно любя тебя, я могу желать тебе только одного: не быть одинокой. Завтра мое последнее слово на суде. Я еще к нему не подготовился: мешает неимоверная физическая усталость, да и отвычка от речей, но все-же выступлю. Алексеева показала о покушении...^б на Берзина. Вот, что называется, из пальца высосала. В полной уверенности, что он опровергнет эту чушь, я предложил запросить Берзина, но к моему изумлению, он письменно сообщил, будто в июле–августе на него было правым с-р. организовано покушение[,] об этом-де знает какой-то музыкант А. Вот так пишется история, и я попал в великие террористы. Впрочем[,] из газет узнаешь подробности. Но у Крыленко постановка такова. Был в Перми гр. – был, был там Симонов, последний знаком с Алекс. – значит эрго^в все готово.

Но пикантнее всего его последнее заявление, что так как за границей соглашатели требуют сохранения жизни подсудимых, то на зло всем Европам их надо расстрелять. Заканчивая, моя родная, любимая, ненаглядная, я все еще надеюсь еще увидеть тебя, но я готов и к наихудшему. Будь готова и ты. А пока целую тебя бесконечно много раз, безгранично благодарен за счастье, которым ты меня надарила. Твой любящий Л.

Лиза[,] нет[,] не приехала, моя дорогая. Не торопись [с] переводом в Москву. Во внутренней тюрьме холера: установлен 10 дневный карантин и на этот период ты совершенно будешь отрезана от всего мира и даже без газет, а потому пока возможно, сиди спокойно в Ярославле, а потом видно будет.

Целую любимая, моя хорошая, славная. Твой до конца Л. Привет всем.

В ЯРОСЛАВЛЬ М.Р. ГЕРНШТЕЙН^г.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 98–98 об. Машинописная копия того времени, изготовленная делопроизводством Секретного отдела ГПУ.

– Л. 99. Машинописная копия, заверенная работником Секретариата ЦК РКП(б) М. Бураковой.

^а Так в документе.

^б Отточие в документе.

^в Так в документе, следует, видимо, эрго.

^г Так в документе, следует ГЕРШТЕЙН.

ОТКЛИКИ НА ПРОЦЕСС

№ П-92

Совместное обращение Заграничных делегаций российских социалистических партий «К социалистическим партиям и рабочим организациям»

12 июня 1922 г.

Жизнь судящихся социалистов-революционеров, казалось бы, совершенно гарантированная категорическими заявлениями, данными на берлинском совещании трех интернационалов, вновь подвергается опасности. По приказу центрального комитета коммунистической партии, во всех городах России выносятся от имени рабочих и солдат резолюции, требующие применения к обвиняемым смертной казни. Эти резолюции, не имеющие ничего общего с действительным мнением народных масс и проводимые под давлением вооруженных отрядов и под угрозами репрессий, принимаются при непосредственном участии членов правительства и исполкома Коминтерна во главе с Троцким. Сам Радек, дававший в Берлине обещание неприкосновенности жизни обвиняемых, требует в московском совете их «уничтожения». В «Известиях» сообщается[.] что президиум исполкома Коминтерна обсуждает вопрос, насколько для него действительны обязательства, данные от его имени в Берлине Радеком, Цеткин, Фроссаром, подтвержденные его собственной резолюцией и заявлением при выходе из комиссии девяти. В связи с недостойной погромной травлей, организованной советским правительством против присутствующих в Москве социалистических защитников, фактически подвергнутых, вопреки тем же обещаниям, домашнему аресту, стесняющему их в выполнении взятого на себя дела, эта кампания в пользу убийства обвиняемых вызывает в нас самое живое беспокойство. Мы, представители всех российских социалистических партий, объявляем международному пролетариату: готовится неслыханное преступление, сопряженное с неслыханным нарушением честного слова со стороны людей, называющих себя революционерами. Совершается неслыханное издевательство над единодушно выраженной волей международного пролетариата. Во имя социалистической солидарности, во имя будущего русской революции, требуем от всех социалистических партий немедленного принятия всех мер, которыми они располагают, для предотвращения этого преступления. Только солидарная поддержка со стороны всех социалистических партий и рабочих организаций поможет находящимся в Москве социалистическим защитникам выполнить с успехом задачу, которую на них возложил международный пролетариат и которую они взяли на себя с таким самоотвержением.

Заграничная делегация Российской Социал[-]демократич[еской] Рабочей Партии: **Абрамович, Дан, Мартов.**

Заграничная делегация Бунда: **И. Юдин.**

Заграничная делегация левых социалистов-революционеров (интернационалистов): **Шрейдер.**

Заграничная делегация партии социалистов-революционеров: **В. Зензинов, И. Рубанович, Н. Русанов, В. Сухомлин, В. Чернов**

12 июня 1922 г.

– *Социалистический вестник. 1922. № 12. 18 июня. С. 3.*

№ П-93

Письмо члена Центрального Бюро ПСР Г.К. Покровского Заграничной Делегации ПСР об обстановке в России в связи с начавшимся процессом

12 июня 1922 г.

№ 3 1922 г. 12/VI

Процесс эсеров вытеснил собой остальную жизнь России. Кроме этого процесса у большевиков, кажется, нет никаких нужд, никаких забот. Вопросы голода, промышленности, транспорта, засева полей и т.д. и т.д. – все это отошло на задний план, или вовсе выброшено за борт внимания. Десятки тысяч газет центра и провинции, обслуживающих партийные большевистские губкомы, исполкомы и всякие отделы от первой и до последней страницы заполняются «фактами» о предательствах и разбоях «бандитов» эсеров и все это помещается под заголовком «процесс эсеров».

Само собой разумеется, что в бандиты попала и вся защита обвиняемых, не исключая и представителей заграницы – Либкнехта, Вандервельде и др. А так как ширь русской природы способна на большой размах, то, естественно, в одну кучу «предателей и душевателей» трудовых рабочих масс казенные листки мешают и второй и 2 1/2 интернационалы. Нужно ли говорить, что эти десятки тысяч казенных газет, разоблачая эсеров, выявляют «истинное настроение» рабочих и крестьян, в миллионах всевозможного рода резолюций. Резолюции... резолюции... без конца резолюции, выражающая оскорбленное чувство трудящихся и требующих одного: не разстреля эсеров, а самой мучительной казни. Зрелище для какого-либо туриста европейца, знакомого с Россией из окна вагона первого класса, поистине грандиозно и изумительно. Одно для него, может быть, непонятно было бы: при чем здесь защита, да еще защита, приехавшая из заграницы?

На исчадие ада – эсеров[.] судя по газетам[.] обрушилась не только большевистская власть, но и вся страна в целом. Однако, приготовления к процессу шли с большими предосторожностями: накануне большевистские «комячейки» Москвы получили приказ: «быть на чеку». Наиболее надежные пулеметные команды получили строжайший приказ – всему комсоставу «быть наготове»; на крышу московского совдепа, а может быть, другие крыши, водрузили пулеметы, словом[.] приняты самые предусмотрительные меры предосторожности, от каких[-]либо неожиданных эксцессов со стороны кучки эсеров, посаженных на скамью подсудимых.

Со всеми миллионами резолюций рабочих и крестьян, происходит то же, что происходит со съездами советов. Страна, насчитывающая в себе [20 милл[ионов] жителей, озлобленных против большевиков, хроническая возмущения, при всяком удобном и неудобном случае распарывающая животы очутившимся без надлежащей охраны коммунистам, – эта страна на все съезды и конференции посылает 96–97 % коммунистов. Ясно, что выборы происходят при помощи штыка, а не избирательной карточки, точно то же происходит и с резолюциями, выявляющими гнев по

адресу эсеров и требующих их казни. Сейчас «комячки»^а получили от московского большевистского комитета секретное предписание к концу эсеровского процесса устроить грандиозную демонстрацию в Москве и перед зданием суда. Готовятся знамена с лозунгами: «Смерть предателям эсерам. Долой социал-предателей 2-го и 2 1/2 интернационалов» и т.д. На все это отпущены огромные средства, частью, разумеется, из отобранных у церкви; составляются соответствующие списки организаций и предприятий, кои обязаны будут участвовать в демонстрации, а так как все это дело нелегкое, в провинцию полетели соответствующие секретные телеграммы от Рекапы^б о мобилизации в Москву коммунистов «для срочной работы».

Словом, Левиафан, со всем его грандиозным карательно-принудительным аппаратом, с техническими средствами в виде почты, телеграфа, телефона, железных дорог, аэроплана, печатного станка, газет, журналов и т.д. – все это брошено на борьбу с «кучкой бандитов эсеров»[.] спокойно, с розами в петлицах сидящих на скамье ревтрибунала и временами безпошадно бичующих обвинителей, грязно-кровавыми руками сфабриковавших процесс.

Но большевики не были бы большевиками, если бы они грандиознейшую провокацию фабрикавали кое-как. Они заранее, весьма предусмотрительно, создали себе помощников в процессе, в лице отбросов партии эсеров – Григория Ратнера, Семенова, Коноплевой и др. Моральный уровень этих господ оказался весьма низким для пребывания в рядах партии эсеров и, как раз впору пришлось для партии коммунистов. Этим только и можно объяснить их роль обвиняемо-обвинителей на процессе.

Первые дни процесса дали вполне удовлетворительные для обвиняемых результаты. Что будет дальше – буду сообщать. Сам суд представляет из себя митинг.

– Hoover Institution. B.I. Nikolaevsky Collection. Box 9. Folder 4. Подлинник.

– Опубликовано: *Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива П.С.-Р. Амстердам. 1989. С. 278–280.*

№ II-94

Декларация Центрального Бюро партии левых социалистов-революционеров (объединенных) о процессе правых эсеров

21 июня 1922 г.

Затянутый через 4 года после ликвидации фронта учредительного собрания и через 2 года после завершения гражданской войны, произведенной не трудовым народом, в лице его свободно избранного революционного суда, но судьями[.] назначающими^а правящей РКП[.] процесс правых эс-эров способен стать беспристрастным судом трудового народа над ошибками и преступлениями партии правых эс-эров, но является лишь методом расправы командующей партии над своими политическими противниками, этот процесс, также как и внезапно после 4 лет забвения приводимый в исполнение приговор по делу (МИРБАХА) в отношении членов ЦК партии лев[ых] соц.-рев.¹²⁰, точно также, как и целый ряд других проявлений «новоявленной» революционной законности, является лишь звеном в непрерывной цепи насилий[.] какие творятся над социалистическим словом, и печатью на фоне партийной диктатуры в продолжении 4 лет.

Если к этому прибавить не имеющие себе прецедентов^б в истории социальных революций открытое^в[.] исходящее от лица командующей власти, использующее весь принудительный аппарат государства подстрекательства к демонстрациям с требованием казни подсудимых, то перед широкими трудящимися массами России и Запада раскроется картина глубокого извращения светлых Октябрь[ь]ских заветов, именем которых, якобы творится суд над правыми эс-эрами.

Партия левых соц.-рев. еще 5 лет назад осудила соглашательскую и двусмысленную политику эс-эров. Самым фактом раскола с нею [в] 1917 г. наша партия доказала, [с]коль глубокая пропасть отделяет ее программно и тактически от правых эс-эров. С тем большим правом партия левых соц[и]-рев. (объединенных) протестует против методов истребления членов ПСР[.] на которых восстала РКП, тем более бессмысленных, что РКП всей своей новой экономической политикой, непрекращаемым фактом своей экономической коалицией^а с русской и^б международной буржуазией, фактом уступок всякого рода белогвардейцам[.] одевшим маску «смену веховства»^в и «служение родине»[.] встала на тот самый путь минимализма и оппортунизма, какой уже однажды проделан правыми эс-эрами.

Партия левых соц.-рев. (объединенных) напоминает, что первым декретом победившего в Октябрьские дни пролетариат и трудовое крестьянство^а был акт об отмене смертной казни. Казнить во имя якобы Октябрь[ь]ских идеалов – значит совершенно исказить их и до конца изменить лозунгам мировой социалистической революции. Трудовая Советская Россия произнесла уже однажды свой приговор над политикой правых соц[и]-рев. в Октябрь[ь]ские дни. Она произнесла его вторично на фронте учредительного собрания. Но Трудовая Советская Россия знает и помнит также ошибки[.] а подчас и преступления правящей партии – комбедовскую политику «выковыривание хлеба штыком», войну города с деревней, систему террора по отношению к трудовой общественности и т.д. Ни одна партия русской революции (в том числе, конечно, и партия лев[ых] эс-эров) не может, таким образом, быть беспристрастным судьей на[д] другой.

Только свободно избранные советы рабочих и крестьянских депутатов, только при свободе революционно[и]-социалистического слова печати, собраний и союзов трудовой народ произнесет свой истинный приговор над всеми партиями Российской революции, в том числе и над правыми эс-эрами.

Наша партия, продолжая впредь свою непримиримую идейную борьбу с правыми эс-эрами[.] вместе с тем считает, что не инсценировка судов может [быть] заменена прямой социальной

^а Так в документе.

^б Так в документе.

^в Так в документе, следует назначаемыми.

^б Исправлено от руки в документе взамен ранее напечатанного прецедентов.

^в Исправлено от руки в документе взамен ранее напечатанного открытой.

^г Исправлено от руки в документе взамен ранее напечатанного Самом.

^д Так в документе, следует коалиции.

^е Вписано от руки над строкой.

^ж Так в документе, следует «сменовеховства».

^{з-и} Так в документе, следует пролетариата и трудового крестьянства.

борьба, что не демонстрациями 20 Июня, морально растлевающей рабочей массы^к, можно искоренить идеи правых эс-эров сознанием^л трудящихся, но лишь последовательным разоблачением минималистской политики всех партий государственного капитализма в обстановке трудовласти и политической свободы.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛНОВАСТИЕ СВОБОДНО ИЗБРАННЫХ СОВЕТОВ.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА РЕВОЛЮЦИОННО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СЛОВА ПЕЧАТИ, СОБРАНИЙ.

ДОЛОЙ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ.

Москва 21 Июня 1922 года.

ЦБ Партия Левых С.-Рев. (объединенных).

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 271. Л. 138–139. Машинописная заверенная копия того времени.

№ П-95

Статья Л. Мартова «Кровавый фарс»

Не позднее 18 июня 1922 г.

КРОВАВЫЙ ФАРС.

Инсценируя судебный процесс против социалистов-революционеров, большевистская партия грозила, что этот процесс раскроет весьма неприглядную картину деятельности партии с.-р. за время революции, как явно контр-революционной. Насколько это удастся правящей партии, мы еще не знаем, как не знаем, насколько удастся обвиняемым с.-р-ам раскрыть перед судом картину того сплошного террора, под которым Россия жила в 1918 г. и который один мог бы, если не оправдать, то политически объяснить самые худшие из преступлений, приписываемых обвинителями обвиняемым. Но одно мы уже знаем: еще не начавшись, процесс вскрыл перед всем миром, что представляет собой, с позволения сказать, правосудие и суд в большевистской России.

Широким жестом «либерального» большевика Карл Радек, ассистируемый Кларой Цеткин и Фроссаром, заявил на берлинском совещании 3-х Интернационалов, что Э. Вандервельде и всем другим социалистическим защитникам будет предоставлена полная возможность выполнить свою миссию и что никаких препятствий к этому они в советской России не встретят. Заявив, что берлинские делегаты Коминтерна сделали в этом вопросе излишние уступки «социал-предателям», Н. Ленин^а, тем не менее, прибавил, что данные в Берлине обещания должны быть сдержаны. Советский посол в Берлине, Н. Крестинский, в свою очередь, лично заявил защитникам, что они будут пользоваться в Москве полною свободой. Наконец, предъявляя свой известный ультиматум «комиссии девяти», Исполком Коминтерна счел нужным объявить, что, даже в случае распада этой комиссии, обязательства, принятые большевиками в связи с делом эс-эров, будут выполнены.

Не успели защитники, однако, перешагнуть границы России, как они получили возможность наглядно убедиться в том, что значат торжественные обещания возглавляемой Лениным иезуитской партии, и что понимает эта партия под гласным и беспристрастным судом.

На станции Себеж, в Великих Луках, Волоколамске и, наконец, на Виндавском вокзале в Москве толпы согнанного властями сброда, чекистская сволочь совместно со всякого рода коммунистическими назначенцами, атаковала^б поезд защитников под видом «российского пролетариата», требующего от них отчета в контр-революционном поступке защиты обвиняемых эс-эров. Комедия проделана с той степенью грубости, которая свойственна только бандитским организациям типа «Союза русского народа». В пограничном городке Себеже, все население которого, кроме мешан-евреев, состоит из чекистов и контрабандистов, «работающих» с ними исполу, обнаружился «авангард мирового пролетариата», досконально знакомый со всеми грехами Эмиля Вандервельде и учинивший ему допрос с пристрастием по поводу того, что он подписал Версальский договор. Само собой разумеется, что этот «авангард» твердо знает еще до начала суда, что убийство Володарского и покушение на Ленина организованы именно Ц.К. эс-эров и что, поэтому, самое желание выступить их защитником есть соучастие в преступлении. Не менее сведущим^в оказался и «пролетариат» в Великих Луках с тем добавлением, что в этом мировом центре ему было поручено довести «моральное воздействие» на «2-ой и 2 1/2 Интернационал» до вышибания стекол, угроз рукоприкладством и, если верить корреспонденту Дэйли Геральд, то и до выстрела, сделанного из толпы переряженных в пролетариат чекистов.

На Виндавском вокзале в Москве комедия, арранжированная^г наиболее опытными режиссерами, была разыграна с полным блеском. Переряженные большевистские городовые и дворники свистали, улюлюкали, оплевывали представителей европейского пролетариата и порывались расправиться с ними судом Линча, в то время, как другая часть полиции «охраняла» их от «пролетарского гнева» под руководством чиновников протитуированной советской юстиции.

В своей декларации, поданной г-ну Курскому 23 мая, защитники ядовито благодарят правительство за принятые им для охраны их жизни меры и с убийственной иронией прибавляют, что в этих мерах не было бы надобности, если бы то же правительство, обладающее монополией печатного и устного слова, не использовало ее для того, чтобы в течении ряда дней систематически натравливать народ на защитников, извращать смысл их миссии и изображать их контр-революционерами.

«В получении оплеухи расписался мой дурак». Г-н Курский соизволил на опубликование этой

^к Так в документе, следует растлевающими рабочую массу.

^л Так в документе, следует из сознания.

^а Так в документе.

^б Так в документе, следует атаковала.

^в Так в документе, следует сведущим.

^г Так в документе.

декларации защитников, вскрывающей всю гнусность проделанной правительством комедии. И все же защитники и здесь были слишком снисходительны к этим иезуитам: они слишком еще «по[-]европейски» расценили их действия. В том[-]то и дело, что несмотря на десятки статей и брошюр Стекловых, Бухариных и Вардиных, из которых каждая заслуживает награждения бубновым тузом; несмотря на сотни погромных речей больших и малых Троцких на заводах и в полках, — у нас нет никакого основания говорить о «натравленном населении». Кухня, фабрикающая в России «волеизъявления революционного пролетариата», всем известна, а о подлинных настроениях московских и петербургских рабочих масс большевики осведомлены ничуть не менее нас, хорошо зная, что без вооруженного эскорта и без безмолвно висящей над рабочими угрозы расчета и ареста ни один большевистский оратор не мог бы выступить на заводе, не рискуя быть освишанным.

Окружив защитников атмосферой погромной агитации, — переряженные чекисты на вокзале в Москве пели песню с угрозой «повесить» их, большевистские власти дошли в своем цинизме до того, что не позволили им общаться с русскими защитниками их клиентов¹. Факт тот, что Вандервельде, Либкнехт и К. Розенфельд вынуждены были 28 мая требовать у Курского, чтобы им возможность такого общения была предоставлена, равно как и того, чтобы их ознакомили с следственным материалом и разрешили свидание с обвиняемыми¹²¹. Таковы «все гарантии», предоставленные обвиняемым и защите по уверению бесстыдного лгуна Радека и дошедшей до последней степени политического падения Клары Цеткин! Такова цена обещаний, скрепленных словом главы советского правительства!

В своем ответе защитникам г. Курский, вполне признавая факт нахождения иностранных защитников под домашним арестом, имеет наглость не только мотивировать его необходимостью помешать сношениям Вандервельде с врагами советской республики, но и недвусмысленно намекать, что снятие с них чекистской охраны подвергло бы их жизни опасности, т.е., что та-же че-ка, с соизволения советского правительства, готова в любой момент организовать их убийство.

За это время в советской прессе опубликован обвинительный акт. Правительство до крайности расширило рамки процесса, введя в него, в сущности, всю деятельность партии с.-р.-ов со времени октябрьского переворота, направленную против этого переворота. Юнкерское восстание ноября 1917 года, образование Комитета Учред[ительного] Собрания в Самаре, участие в архангельском правительстве¹²² — словом, все акты **сопротивления** эс-эров большевистскому п[е]рвороту 25 октября, вменены им в преступление. Чтобы правительство, само созданное заговорщическим переворотом, судило сторонников предыдущего правительства за их противодействие перевороту, да еще через 5 лет, — случай небывалый. Удивительно, как еще не привлечены к суду члены разогнанного Учредит[ельного] Собрания за попытку провозгласить последнее единственным носителем власти!

При таком широком захвате прокурорского невода, немудрено, что в заключительной части обвинительного акта **по делу эс-эров** неожиданно читаешь: «выделить, как не связанных непосредственно с рассматриваемым делом, либо как находящихся за границей», дела в отношении целого ряда лиц, в числе которых среди имен кн[язя] Львова, Коновалова, Карташева, Паниной, Филоненко неожиданно находим и имена «Дана, Мартова, Абрамовича». Стало быть, и мы, грешные[...], оказываемся «в каком-то, хотя и не непосредственном» отношении к «яду кураре и к Антанте». Да что мы. Те «честные эс-эры[...] из числа поступивших на службу в че-ка, которых на суде защищают Бухарин, Томский, Садуль, Феликс Кон[...], и другие столь же «честные коммунисты», уподобились, повидимому, тому щедринскому гимназисту, который[...], попавшись на «революции», оговорил сразу сто слишком человек, в том числе родную тетюшку. По крайней мере, в числе оговоренных, но «выделенных», оказались такие нынешние столпы коммунистического отечества, как гг. Майский и Мазуренко.

При таком расширении рамок дела, сам собой становится вопрос, уже давно нами поставленный, о действительности той амнистии, которая в свое время, после прекращения эс-эрами вооруженной борьбы, была провозглашена для всех деяний, с нею связанных. Нельзя сказать, чтобы советские юристы остались глухи к указаниям социалистов всего мира на чудовищность самого суда по делам, погашенным амнистией. Нет, они приняли во внимание эти соображения и нашли гениальный выход из затруднения. Члены Ц.К., заявляет обвинительный акт, «руководили контрреволюционной деятельностью партии с.р. по подготовке вооруженного свержения советской власти как до амнистии [19]19 года, так и после указанной амнистии, в силу чего, согласно точному смыслу амнистии, таковая на них распространена быть не может».

Отцы-иезуиты, во истину, «мальчишки и щенки» в сравнении с коммунистическими казуистами. Воображаем, какой взрыв негодования поднялся бы в Коминтерне, еслиб какое[-]нибудь буржуазное правительство попыталось истолковать данную им коммунистам амнистию в том смысле, что она распространяется лишь на тех из них, которые, будучи освобождены, не возобновили своей прежней деятельности по борьбе с буржуазией. Даже царское правительство, амнистировав нас в октябре 1905 года, не придумало после посадить нас обратно в казематы для наказания за старые «преступления» на том основании, что мы занялись новыми!

Вне всякого сомнения, обвиняемые и их защитники выведут в этом пункте на свежую воду кремлевских иезуитов, и ни у кого во всем мире не останется сомнения в том, что в Москве происходит не судебный процесс, хотя бы по законам революционного времени, а самая подлая, ибо прикрытая трусливо-иезуитской казуистикой **р а с п р а в а** над политическими противниками. О характере этой хладнокровно рассчитанной и коварно подготовлен[н]ой расправы дают достаточное представление резолюции, которые большевистские заправилы, совместно с че-кистами, «прокатывают», от имени пролетариата и красной армии, на заводах и в воинских частях. Все они требуют «применения смертной казни». Так, на заводе Гужона, после погромной речи Т р о ц к о г о, якобы принято постановление избрать по два «беспартийных» делегата от каждой мастерской для посылки в суд с требованием смертной казни. Такую же резолюцию «прокатил» на собрании курсантов большевистский сановник Петровский-Липец (особая примета: 2 недели состоял в штабе Петлюры, прежде чем открыл в себе душу коммуниста). Троцкий — член Исполкома Коминтерна. В качестве такового, он связан обязательством, которое от имени Коминтерна дали Радек, Цеткин и Фроссар на берлинском совещании. Напомним его текст:

«Конференция принимает к сведению заявление представителей Коммунистического Интернационала, что... как было констатирано в советской печати еще до конференции, произнесение смертных приговоров в этом процессе будет **исключено**».

Читатель помнит о том деланном негодовании, с которым писатели «Известий», покойного

¹ Здесь и далее выделено в документе.

«Нового Мира», «Rote Fahne» и «Humanite»¹²³ писали о «клевете меньшевиков», приписывающих советскому правительству намерение вынести смертные приговоры Гоцу и его товарищам! А теперь «Накануне» в передовой от 8 июня не может скрыть своей тревоги за исход процесса и, обращаясь, якобы, к «заграничным эс-эрам», почтительно докладывает начальству, что «государственная власть, власть Советская, передавая революционному трибуналу дело Гоца, Донского и других, отнюдь не ставила себе задачей, во что бы то ни стало, послать их на эшафот или даже на бессрочную каторгу». Очевидно, даже эти мягкотелые люди чувствуют, что «обожасемое» ими правительство собирается сделать новую сверхсметную пакость, собирается снова удивить мир бесстыдством патетических павианов.

Один из таких павианов, Троцкий, пишущий от имени пролетариата требования кровавой расправы, уже подготавливает «обстановку» для чудовищного нарушения торжественного данного честного слова. В статье о «наивных хитрецах» («Rote Fahne» 9 июня) он с невинным видом пишет:

«Нельзя утверждать, что предъявленное к нам (интернационалами) требование о не расстреле эс-эров, равно, как условное согласие на это советского правительства, носит чисто-юридический (а не политический – Л.М.) характер».

Откуда взялось «условное согласие»? Из вышеприведенного текста явствует, что согласие было безусловным, и что представители большевиков считали нужным оговорить лишь одно, – что они «эс-эров расстреливать» и не собирались. Столь же безусловный характер носило и утверждение Исполкомом Коминтерна берлинских решений. Вводя теперь исподтишка термин «условное согласие», член Исполкома Коминтерна Троцкий выдает с головой намерение большевиков «истолковать» берлинские обязательства так, как они уже истолковали обязательство, взятое на себя амнистией [19]19 года.

Другой павиан – Г. Радек, – столь красноречиво певший в Берлине о том, что о расправе над обвиняемыми эс-эрами никто и не помышлял, ныне выступает в Московском Совете с призывом «уничтожить убийц Володарского»!

В довершение скандала, в Исполкоме Коминтерна, по сообщению «Известий», «обсуждается» вопрос о том, насколько, после срыва девяти, вообще действительны данные им гарантии, и тот же благородный Радек на первом же заседании суда заявляет с медным лбом, что, вообще, советский суд никаких обещаний не давал (т.е. давал их, дескать Коминтерн, с которым, как давно уже утверждает Чичерин, советское правительство ни в какой связи не состоит!).

И в подтверждение того, что советское правительство себя не считает связанным обещаниями Коминтерна, в том же заседании суда постановляется отказать Ц[ентральному] К[омитету] нашей партии в праве делегировать своих представителей для участия в защите. Это после обязательства Коминтерна «допустить всех защитников, каких пожелают обвиняемые».

Очевидный вывод из всех этих заявлений и актов тот, что большевики питают серьезное намерение закончить процесс кровавой тризной. Самая непосредственная опасность вновь грозит обвиняемым социалистам-революционерам и самое решительное вмешательство международного пролетариата неотложно необходимо, чтобы помешать совершиться преступлению.

Мы не знаем, удастся ли ему это: международный пролетариат, ведь, не в состоянии к у п и т ь уступку гуманности теми миллиардами, за которые Ленин и Троцкий всегда готовы сделать Ллойд-Джорджу и Пуанкаре кое-какие уступки «буржуазным предрассудкам о собственности». Попирая открыто свои торжественные обязательства, большевики могут отважиться бросить новый вызов пролетарскому общественному мнению. Мы бы, однако, не советовали коммунистическим рабочим позволять своим вождям «плевать в колодезь». Ибо каждый раз, как теснимые капиталистическими врагами, они будут вспоминать об «едином фронте» и апеллировать к помощи международного пролетариата, кровавые тени жертв встанут между последним и ими. Дорогой ценой для всей русской революции может оказаться оплоченным^{*} бесстыдное нарушение слова, торжественно данного перед лицом всего мира.

Л. Мартов.

– Социалистический вестник. 1922. № 12. С. 3–7.

№ П-96

*Письмо секретаря Заграничной Делегации ПСР
Б.Н. Рабиновича Е.К. Брешко-Брешковской с просьбой
об обращении к видным деятелям различных стран
с призывом протестовать против применения смертной казни для
части подсудимых на процессе*

3 июля 1922 г.

г. Берлин 3-го Июля 1922 года

Милая, дорогая наша Бабушка,

давно собирался засе[с]ть за письмо к Вам; материала для беседы накопилось много, да и хотелось ответить на Ваше последнее милое и хорошее письмо, но все как[-]то не удавалось. К вечеру так устаешь[.] что только и думаешь[.] как бы отдохнуть^а и накопить силы для следующего дня, а с утра завертишься до позднего вечера, в безумном напряжении натянутых возжей своих же собственных нервов, совершая изнурительные колебания от промелькнувшей надежды до полного отчаяния.

Откладывал писание еще и потому, что думал о скором свидании, когда на словах скажешь и больше и лучше да и понятнее чем в письме, но теперь выяснилось, что моя поездка должна отложиться до окончания процесса. Я не могу бросить это дело и уехать. Все это и заставляет меня обратиться к Вам, тем более, что мы все ощущаем нужду в Вашей помощи (не бойтесь, дорогая, не денежной).

Дело в том[.] что судя по всем последним известиям[.] доходящим до нас – большевики

^с Так в документе, следует апеллировать.

^{*} Так в документе.

^а Так в документе.

решили всех наших московских мучеников приговорить к смертной казне, применив ее только к пяти, а именно – разстрелять – Гоца, Донского, Тимофеева, Иванову и Иванова. Шаг[.] рассчитанный[.] с одной стороны[.] на стремлении гарантировать себя неприменением террора с нашей стороны, с другой – видимая уступка общественному мнению Запада ссылкой на то[.] что казнены не все, а только пять человек.

Все эти обстоятельства заставляют нас сделать последние усилия и напряжения. Много уже сделано, нажаты все кнопки и работа ведется большая, но мы все, дорогая Бабушка, считали и считаем необходимым пустить в ход и нашу тяжелую артиллерию, используя Ваш авторитет в общественном мнении Европы. А поэтому и обращаемся к Вам с просьбой написать от своего имени письма: Ромэну Роллану, Георгу Брандесу, Кеннану, Анатолю Франсу, Гауптману, Рабиндранату Тагор, Уэльсу, Бернарду Шоу, Ф. Нансену. В письмах указать на значение всего происходящего и на собирающееся совершиться неслыханное преступление, призывая всех переименованных возвысить свой голос[.] слать свои протесты, поднимать шум в Европе и т.д.

Письма должны быть написаны на соответствующих языках, а главное[.] по возможности скорее. Как только все их напишете⁶, пришлите их нам[.] и мы разошлем их экспрессом по соответствующим адресам.

Вот наша просьба, дорогая Бабушка. Не очень ли это утомит Вас? Вы постарайтесь выполнить это в несколько присестов.

Безумно меня радует, что процесс сгладил все наши разногласия, публика забыла о всех своих дразгах и дружно по всюду работает. Сгладилась и наша российская атмосфера. Все это очень радует, процесс сыграл колоссальную роль и было бы совсем хорошо, если б удалось вырвать наших мучеников из когтей обезумевших людей.

От сестры из Москвы имел письма – поражается геройству[.] с каким судимые держат себя на суде.

Ну, дорогая Бабушка, закончу, сегодня еще много работы. Всего Вам самого доброго и самого светлого и самого радостного. «Крепко обнимаю и целую Вас

Любящий внук Борис.»

– ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 580. Л. 15–16. Машинописный подлинник, подпись – автограф.

№ П-97

*Обращение ветеранов народовольческого движения¹²⁴
во ВЦИК с протестом против применения смертной казни к
подсудимым на процессе*

18 июля 1922 г.

В ВЦИК.

Мы, нижеподписавшиеся, ветераны революции, ныне стоящие вне политической деятельности и партийной борьбы, старые деятели «Народной Воли», заветы которой дороги и коммунистической партии, мы считаем своим революционным и нравственным долгом, в связи с происходящим ныне процессом эсеров, среди которых есть лица, в свое время самоотверженно боровшиеся со старым режимом, высказать следующее:

1) Верные принципам и традициям партии, под знаменем которой боролись[.] и остаемся принципиальными противниками смертной казни, исходящей от правительства и суда.

2) Если допустимы беспощадные действия в разгар острых моментов гражданской войны, то в настоящее время, когда страна наша вступила на путь [у]миротворения, когда ликвидирован[ы] все внешние и внутренние фронты и внешнему строю не грозит никакой опасности, смертная казнь, по нашему глубокому убеждению, является мерой не только нравственно недопустимой, противной основному духу социализма, но и политически нецелесообразной и действующей развращающе на все слои населения.

3) Это для нас не только теоретическое убеждение. Многие из нас в свое время сами пережили ужасы ожидания смертной казни, пережили казни дорогих и близких наших соратников, и мы позволяем себе поэтому напомнить этим борцам за социалистический идеал завещание наших погибших товарищей, заживо погребенных в Алексеевском равнине^а:

«Друзья и братья. Из глубины нашей темницы, говоря с вами, вероятно, последний раз в жизни, мы шлем вам наш завет: В день победы революции, которая есть торжество прогресса, пусть она не запятнает этого святого имени актами насилия и жестокости над побежденным врагом. О, если бы мы могли посвятить жертвами искупления не только для создания свободы в России, но и для увеличения гуманности во всем остальном мире! Человечество должно отказаться от одиночного заключения для осужденных, от насилия и истязания заключенных, в каком бы то ни было виде, как оно отказалось от колес, дыбы, костра и проч.

Привет вам, привет Родине, привет всему живому[»] (Русская Историческая библиотека № 6. Литература партии Народной Воли, стр. 950).

18/VII-[19]22 г.

М. НОВОРУССКИЙ
Л. ШТЕРНБЕРГ
В. БОГОРАЗ
Эд. ПЕКАРСКИЙ
И. ВАСИЛЬЕВ (Дигамма)
Е. СЕРЕБРЯКОВ

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 143. Машинописная копия, заверенная секретарем Секретного отдела ГПУ. Дата проставлена от руки.

⁶ Так в документе.

^{в-г} Дописано рукой Б.Н. Рабиновича.

^а Так в документе.

№ П-98

*Телеграмма американского журналиста Ф.А. Мэкензи
в газету «Чикаго Дейли Ньюс» с отчетом о начале процесса*

8 июня 1922 г.

Крупнейший политический процесс России начался сегодня, когда руководители партии Социалистов-Революционеров, которая правила Россией в 1917 году, предстали перед Верховным Трибуналом В.Ц.И.К. Настоящий процесс важен не только в смысле установления невинности или виновности обвиняемых, но важен еще тем, что представляет собой последнюю схватку двух революционных групп. «Мы надеемся указать самому безсознательному крестьянину» – говорят большевики, – «что социалисты-революционеры выдохлись, безсильны и недостойны их доверия, внимания и поддержки». Обвиняемые, из числа коих некоторые в ожидании суда находились в заключении три года, включают Гоца, Донского, Иванова, Гернштейна^а, Веденяпина, – известных старых революционных фигур. Обвинительный акт представляет собой книгу в 125 печатных страниц. Обвиняемые разделяются на три группы: первая группа – члены Ц.К. Комитета Партии С.Р., вторая – активные террористы, – третья – рядовые члены партии, которые отказались подписать декларацию о лояльности Советскому Правительству. Обвинение включается^б организацию вооруженных восстаний в Москве и Петрограде, сотрудничество с Англией и Францией, представителями международного капитализма и главарями белых армий для свержения Советского Правительства, организацию групп бомбистов для организации покушений, включая убийство Володарского, попытку убить Ленина, Троцкого и других лидеров. Много значения придается показаниям двух бывших известных членов партии Лидии Коноплевой и Семенова, который заявляет, что был активным членом террористической группы. Он недавно опубликовал в Берлине книгу, выдав секреты партии Соц[иалистов]-Револ[юционеров], разоблачая заговоры на убийства. Коноплева заявила, что эти обвинения правильны. Суд вызвал здесь необыкновенное возбуждение. Газеты в течение недель полны порицаниями обвиняемых. Общественные организации по всей России принимают резолюции, требующие самого строгого наказания виновных, чувства здесь страшно напряжены действиями европейских социалистов, пославших иностранных социалистических защитников для защиты обвиняемых. Вандервельде – адвокат защиты – рассматривается большевиками как Иуда Искароти или Бенедикт Арнольд (известный предатель, перешедший на сторону англичан во время американской революции) современного международного революционного движения. Суд продлится дней двадцать. Обвиняемые могут быть откажутся от участия, отрицая компетентность суда. –

Мэкензи. –

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 129. Машинописный экземпляр русского перевода, сделанный Наркоминдел для Л.Б. Каменева.

№ П-99

*Телеграмма корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» В. Дюранти с
отчетом о начале процесса*

8 июня 1922 г.

«Нью Йорк Таймс». Москва. Четверг.

Процесс социал-революционеров открылся сегодня атакой^а иностранных и русских защитников и подсудимых на судей и обвинителей Верховного Суда в стране, перед которым они предстали по обвинению в государственной измене, что включает заговор для покушения на жизнь Ленина, Троцкого и других советских лидеров. Это еще один из удивительных контрастов, которыми Россия поражает иностранного наблюдателя. Представьте себе, что Верховный Суд Соединенных Штатов разбирает дело группы коммунистов, за участие в заговоре, который не только погубил здоровье Американского Президента, на которого смотрят со всею любовью и уважением, с каковым американцы относятся к памяти Вашингтона и Линкольна – а Советская Россия не менее уважает Ленина, чья жизнь еще в опасности, как результат выстрела девушки социалки-революционерки, – не только угрожали жизни руководящих членов кабинета, но и подвергали опасности всю общественную структуру. Вообразите это и только подумайте, как была бы принята там попытка отрицать авторитетность суда. Тем не менее это именно то, что случилось сегодня в Москве, городе «Красного Трора и Ревтрибуналов», которые будто-бы приговаривали тысячи невинных жертв к немедленной казни. В течение трех часов Гендельман, один из главных подсудимых, бельгийский социалист Вандервельде и русский адвокат саркастически вызывали и провоцировали председателя Суда Пятакова и главного обвинителя Крыленко[,] и единственным протестом против этого явилось указание судьи Вандервельде в одном случае[,] «что он присутствует на суде для участия в защите, а не для произнесения политических речей». Процесс вызывает большой интерес в социалистических рабочих кругах всего мира отчасти потому, что таковой рассматривают как борьбу между крайним радикальным коммунизмом и более умеренными формами социализма, а также из-за факта, что известным иностранным социалистам – как бельгийскому Вандервельде, немецкому – Либкнехту, датскому – Вотерсу – разрешено защищать подсудимых. Процесс открылся в 12 часов сегодня в Зале, который был раньше танцевальным залом самого аристократического клуба в Москве¹²⁵. –

ДЮРАНТИ.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 127. Машинописный экземпляр русского перевода, сделанный Наркоминдел для Л.Б. Каменева.

№ П-100

*Телеграмма американского журналиста
Ф.А. Мэкензи в газету «Чикаго Дейли Ньюс» с отчетом о завершении
процесса*

9 августа 1922 г.

^а Так в документе, следует Герштейна.

^б Так в документе, следует включает.

^а Так в документе.

Так кончился один из самых любопытных процессов, даже для революционной России: старые товарищи, которые в продолжение двух поколений боролись вместе против царизма, сидели вместе в тюрьмах и шли рядом в цепях в Сибирь, теперь стоят друг против друга, как открытые враги, одни, опираясь на всю свою военную и законную мощь, у других нет даже никого, кто посмел сказать слово в их пользу. Гоц, лидер заключенных, спас жизнь Каменеву, в настоящее время главе Московской власти, в 1917 г., когда Каменеву угрожала толпа. В процессе выявляется особая горечь с обеих сторон, главная группа заключенных не проявляет ни малейшего раскаяния, прославляет себя своими преступлениями. Считая себя осужденными, они решили обратить процесс в гигантскую пропаганду своего дела. «Мы знаем, что мы осуждены, но мы не страшимся умирать»[.] – заявил один из лидеров, Гендельман, Трибуналу, когда во время разбирательства некоторые авторитетные большевики протягивали оливковую ветку, предлагая обвиняемым, если они будут придерживаться терпимых методов и порвут с белыми в эмиграции, освободить их и дать им возможность существовать, как отдельная политическая единица, заключенные не дали никакого ответа. Процесс выявил живую картину жизни за первые три года Советской Республики, когда правительство находилось под постоянными угрозами, вождям угрожала смерть от выстрелов, взрывов поездов, социалисты[-]революционеры сделали все[.] что могли[.] в сотрудничестве с белыми и союзниками, чтобы сокрушить большевизм, не останавливаясь ни перед чем, делая попытки подрывать армию, подделывая документы, поднимая восстания. Весь процесс велся настолько свободно, что совершенно поражало наблюдателей Западной Европы. Громадная публика открыто принимала участие в продолжение почти всего процесса. Заключенным дано больше свободы действия, чем вероятно где[-]либо в другом месте, они систематически нарушали ход процесса, отводом судей, делая оппозиции, произнося политические речи. Многие все еще надеются, что ВЦИК выскажется относительно приговоров и помилует их. Я нахожу мало оснований ожидать от ВЦИК исключительного мягкосердечия. –

Ф.А. МЭКЕНЗИ

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 128. Машинописный экземпляр русского перевода, сделанный Наркоминдел для Л.Б. Каменева. Вверху листа рукописная помета: «Телеграмма, посланная в “Чикаго Дейли Ньюс” 9/VIII»

№ П-101

Телеграмма корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» В. Дюранти с отчетом о завершении процесса

Не ранее 9 августа 1922 г.

Телеграмма корреспондента «Нью Йорк Таймс»

9/VIII ВЦИК постановил приостановить выполнение приговора над эсерами-конспираторами. Те, которые раскаялись, окончательно помилованы. 12 приговоренных к смерти из другой группы обвиняемых, хотя они все еще придерживаются антибольшевистской тактики, не будут расстреляны, «если эсеровская партия фактически прекратит всякие подпольные конспиративные акты терр[ора,] шпионажа и восстаний против Советского Правительства. Если же эсеровская партия будет продолжать те же самые методы борьбы против Советского режима, это неминусом^а приведет к их расстрелу». Это постановление, приведенное в прежних телеграммах «Нью Йорк Таймс», соответствует тому очень мягкому отношению к обвиняемым во время всего процесса. Напрашивается историческая параллель в случае с восстанием «Мон Маут» в Англии. Несчастные участники его были терроризованы судьей Джефрис в «кровавом судопроизводстве». Здесь наперекор всему тому, что может сказать Вандервельде или другие европейские социалисты, беспристрастный человек наблюдал полную свободу действия обвиняемых. В самом деле, всякий кто знаком с судопроизводством в Западной Европе, много раз удивлялся, почему Председатель Трибунала позволял подзащитным действовать, как они действовали. От начала суда с этим абсурдным инцидентом, когда обвиняемые заговорили о «стачке» против суда и о том, чтобы оставаться в своих камерах, если не будут взяты силой – до финала, когда они отказывались встать при входе суда для прочтения приговора, – обвиняемые вели себя таким образом, что ни один Западно-Европейский суд не терпел бы. Много раз в продолжение процесса, особенно в последние две недели им протягивалась оливковая ветка в виде обещания помиловать, если они признают очевидный факт установления советской власти. Коммунисты говорят, что они готовы предоставить эсерам обыкновенные политические права, но как всякое правительство они не могут допустить, чтобы эсеры были в связи с внешними врагами для организации убийств и заговоров. Несмотря на сильную оппозицию крайних элементов коммунистической партии эта великодушная политика проводилась все время высшим органом советской власти. В настоящее время приговор сделал дело справедливости, но постановление ВЦИКа оставило мост для эсеровской партии работать для будущей России. Если же они будут настаивать на преследовании интересов партии в ущерб интересам страны, они за это поплатятся, но если возьмут верх высшие патриотические соображения, им даны новые возможности. В настоящее время постановление ВЦИКа подорвало крылья тем европейским социалистам, которые выставляли обвиняемых, как мучеников.

ДЮРАНТИ. –

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 124. Машинописный экземпляр русского перевода, сделанный Наркоматом иностранных дел для Л.Б. Каменева.

^а Так в документе, вероятно, следует неминусомо.

III. ПОСЛЕПРОЦЕССНАЯ СТАДИЯ

ДОКУМЕНТЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

№ П-102

*«Протокол № 1
Совещания СО ГПУ и ИНО ГПУ по вопросу
о ликвидации работы правых с.-р. за границей»*

23 августа 1922 г.

Сов. секретно.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. САМСОНОВ, ДЕРИБАС, ТРИЛИС-СЕР, ПРОКОПЬЕВ.—
Н а ч а т о в 22 час.   К о н ч е н о в 23 часа.—

СЛУШАЛИ:

1. Распоряжение тов. ДЗЕРЖИНСКОГО о ликвидации с.-р. за границей.—

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Поручить ИНОГПУ в срочном порядке заняться выяснением связи с.-р. через миссии[,] в частности через Чехословацкую и Эстонскую.—

2. НКВД использовать материал о Адм[инистративном]. С.-Р. Центре и др. для соответствующих нот к Иностранным правительствам.

3. Развить работу закордонного агентурного аппарата по выявлению путей связи заграничных с.-р. с Россией, ту же задачу поручить прикордонным органам ГПУ в России.

4. СОГПУ поручается в срочном порядке выделить несколько осведомителей для направления через ИНОГПУ за границу.—

5. Меры[,] принятые ИНОГПУ применительно к пункту 5. записки тов. ДЗЕРЖИНСКОГО [,] признать правильными.—

6. ИНОГПУ поручается срочно исполнить § 7 записки тов. ДЗЕРЖИНСКОГО и согласовать разработку с СОГПУ.—

7. Архив КЕРЕНСКОГО оперативно изучить и разработать ИНОГПУ совместно с СОГПУ.—

8. ИНОГПУ предлагается в срочном порядке организовать за границей газетную кампанию против с.-р.

9. В рабочую комиссию по ведению агиткомпании в России включить представителя ИНОГПУ.—

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: С А М С О Н О В.—

— РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 99. Машинописная заверенная копия. Внизу листа делопроизводственная помета секретаря СО ГПУ Иванова о рассылке «т.т. ДЗЕРЖИНСКОМУ, УНШЛИХТУ, ЯГОДА, ТРИЛИССЕРУ и 1-экзем. В дело».

— Опубликовано: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 960.

№ П-103

*Шифротелеграмма руководства ГПУ местным
представительствам и губотделам о проведении
репрессий в отношении членов ПСР*

10 августа 1922 г.

ШИФРОМ
ЛИТЕР СПР
ВСЕМ ГУБОТДЕЛАМ ГПУ
КОПИЯ ППГПУ

В ЦЕЛЯХ ПОЛНЕЙШЕГО РАЗГРОМА ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВЫХ ЭСЕРОВ ГПУ ПРЕДЛАГАЕТ ПЕРВОЕ ПОЛУЧЕНИЕМ НАСТОЯЩЕГО НЕМЕДЛЕННО ПРОИЗВЕСТИ ЛИКВИДАЦИЮ ВСЕХ АКТИВНЫХ ЭСЕРОВ ВАШЕГО РАЙОНА ВТОРОЕ НА КОИХ БУДУТ ИМЕТЬСЯ ДОСТАТОЧНЫЕ ОБВИНЕНИЯ ИХ АКТИВНОСТИ ПЕРЕДАТЬ В РЕВТРИБУНАЛЫ А НА ОСТАЛЬНЫХ ПОДГОТОВИТЬ К ССЫЛКЕ НА ЧТО ЗАПРОСИТЬ РАЗРЕШЕНИЕ СОГПУ ТРЕТЬЕ ЛИКВИДАЦИИ НЕ ПРОИЗВОДИТЬ ЛИШЬ ПО ТЕМ АГЕНТУРНЫМ ДЕЛАМ КОИ В ИНТЕРЕСАХ РАЗРАБОТКИ ЛИКВИДАЦИИ ПОДЛЕЖАТЬ НЕ ДОЛЖНЫ ЗПТ НА ОТСРОЧКУ ЛИКВИДАЦИИ СПРАШИВАТЬ РАЗРЕШЕНИЕ СОГПУ ЧЕТВЕРТОЕ ВМЕСТО ПОДЛЕЖАЩИХ ИЗЪЯТИЮ ЧЕРЕЗ ГУБКОМЫ И ГУБИСПОЛКОМЫ ПОДГОТОВИТЬ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ ЗПТ ДАБЫ НЕ СОЗДАТЬ ОСЛОЖНЕНИЙ В РАБОТЕ СОВУЧРЕЖДЕНИЙ ПЯТОЕ В СЛУЧАЕ УСТАНОВЛЕННОЙ

АКТИВНОСТИ РАБОЧИХ ЭСЕРОВ ФИЗИЧЕСКОГО ТРУДА ЛИКВИДАЦИЮ ПРОИЗВОДИТЬ [С] СОГЛАСИЯ ГУБКОМА ШЕСТОЕ ДЕЛА АРЕСТОВАННЫХ ЗАКОНЧИТЬ В 2-Х НЕДЕЛЬНЫЙ СРОК СЕДЬМОЕ НА ТРЕТИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ НАРОЧНЫМ ПРИСЛАТЬ В СОГПУ СПИСКИ АРЕСТОВАННЫХ ПО ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ВОСЬМОЕ НАСТОЯЩЕЕ ПРИНЯТЬ К НЕУКЛОННОМУ ИСПОЛНЕНИЮ ТЧК НР 25706 10 АВГУСТА 1922 ГОДА ЗАМПРЕДГПУ УНШЛИХТ НАЧСОГПУ САМСОНОВ

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 94. Машинописная копия, заверенная секретарем СО ГПУ Ивановым 23 августа 1922 г.

№ П-104

*Шифротелеграмма руководства ГПУ
местным представительством и губотделам
о порядке информирования о проведении репрессий
в отношении членов ПСР¹²⁶*

Не ранее 10 августа 1922 г.

ШИФРОМ

ЦИРКУЛЯРНО
ВСЕМ ГУБОТДЕЛАМ ГПУ
КОПИЯ ППГПУ

[В]ДОПОЛНЕНИЕ НАШЕМУ НР25706 ОТ 10/8-22 Г. СОПЕРУПР ГПУ ПРЕДЛАГАЕТ ПОВЕСТИ НЕОСЛАБНУЮ И СИСТЕМАТИЧЕСКУЮ БОРЬБУ ПРОТИВ ПРАВЫХ ЭСЕРОВ ДЛЯ ЧЕГО НЕОБХОДИМО ПЕРВОЕ ВСЛЕД ЗА ПРОИЗВЕДЕННОЙ ОПЕРАЦИЕЙ ПО НАШЕМУ НР 25706 ОТ 10/8-22 Г. СИСТЕМАТИЧЕСКИ ЧЕРЕЗ КА[Ж]ДЫЕ ДВЕ ТРИ НЕДЕЛИ [В] ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОРИЕНТИРОВКИ ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРОИЗВОДИТЬ ОПЕРАЦИИ ВПРЕДЬ ДО КОНЦА СЕГО 22 ГОДА ВТОРОЕ ПОРЯДКОМ ПРОИЗВОДСТВА ОПЕРАЦИЙ ДОЛЖЕН СЛУЖИТЬ НАШ НР 25706 ОТ 10/8-22 Г. ТРЕТЬЕ ПО СОГЛАШЕНИЮ [С] ГУБКОМАМИ УСИЛИТЬ АГИТКОМПАНИИ ПРОТИВ ЭСЕРОВ РУКОВОДСТВУЯСЬ ПОЭТОМУ^а ВОПРОСУ НАПРАВЛЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ ЧЕТВЕРТОЕ ОСОБОВАЖНЫЕ ДАННЫЕ ГОДНЫЕ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕЧАТИ НАРОЧНЫМ НАПРАВЛЯТЬ СОГПУ ТЧК НАСТОЯЩЕЕ ПРИНЯТЬ НЕУКЛОННОМУ ИСПОЛНЕНИЮ ТЧК

« » августа 1922 года НР.....

ЗАМНАЧСОПЕРУПРГПУ ЯГОДА НАЧСОГПУ САМСОНОВ

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 95. Машинописная копия.

– Опубликовано: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 959.

№ П-105

*Шифротелеграмма руководства ГПУ
транспортным отделам об «изъятии» членов ПСР,
работающих на транспорте*

Не ранее 10 августа 1922 г.

ЦИРКУЛЯРНО
ШИФРОМ

ВСЕМ ТРАНСПОРТНЫМ ОТДЕЛАМ ГПУ, ГУБОТДЕЛАМ КОПИЯ ППГПУ
ВО ИСПОЛНЕНИЕ НАШЕГО НР 25706 ОТ 10/8-22 Г. И В ЦЕЛЯХ ПОЛНЕЙШАГО НЕДОПУЩЕНИЯ ПРАВЫХ ЭСЕРОВ НА ТРАНСПОРТ ПРЕДЛАГАЕМ ПЕРВОЕ В ТРЕХДНЕВНЫЙ СРОК С ПОЛУЧЕНИЕМ НАСТОЯЩАГО ИЗ'ЯТЬ ИЗ ЖЕЛДОРОЖНЫХ И ВОДНЫХ ПУТЕЙ ВСЕХ ПРАВЫХ ЭСЕРОВ БЕЗРАЗЛИЧИЯ^а ПОЛОЖЕНИЯ ВТОРОЕ [В] БУДУЩЕМ НИ ОДНОГО ПРАВАГО ЭССЕРА НА РАБОТЕ ТРАНСПОРТА ПОД ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ НАЧОТДЕЛОВ НЕ ДОПУСКАТЬ ТРЕТЬЕ ИЗ'ЯТЫХ РАЗБИТЬ НА ТРИ КАТЕГОРИИ АКТИВНЫХ МАЛОАКТИВНЫХ И ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ ЧЕТВЕРТОЕ ПЕРВУЮ ГРУППУ ПЕРЕДАТЬ [В] РЕВТРИБУНАЛЫ ВТОРУЮ НАПРАВИТЬ В ССЫЛКУ ЗАПРАШИВАЯ САНКЦИЮ ГПУ ТРЕТЬЮ ГРУППУ УСТРАНИТЬ С ТРАНСПОРТА ПО СОКРАЩЕНИЮ ШТАТОВ ЧЕТВЕРТОЕ О РЕЗУЛЬТАТХ ОПЕРАЦИИ ДОНЕСТИ СОГЛАСНО НАШЕГО НР 25706 ОТ 10/8-22 Г. ЗАМНАЧСОПЕРУПРГПУ ЯГОДА.

НАЧСОГПУ САМСОНОВ.

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 96. Машинописная копия.

№ П-106

*Постановление Оргбюро ЦК РКП(б)
«О дальнейшей борьбе против ПСР».
Из протокола заседания Оргбюро № 52, п. 7*

от 6 сентября 1922 г.

^а Так в документе, следует по этому.

^а Так в документе, следует без различия.

С л у ш а л и:

О дальнейшей борьбе
против ПСР (пост.
Оргбюро от 30/ 8 с.г.) (т.
Бубнов)

П о с т а н о в и л и:

Войти в Политбюро со следующим
предложением:

1) Считать все существовавшие
комиссии (тройки,
пятерки) по эсерам
ликвидированными.

2) Для централизации работы и для
использования материала, проходящего через ГПУ,
образовать специальную комиссию при Агитпропе
ЦК в составе тт. Радека, Бубнова, Самсонова, Попова
Н.Н. и Ашмарина.

Секретарь ЦК

В. Куйбышев

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 34. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП (б),
сделанная 8 сентября 1922 г., подпись – факсимиле. Круглая печать ЦК РКП (б). Выше
текста выписки штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания
Политбюро, протокол № 25, п. 22 от 7 сентября 1922 г.

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 101. Незаверенная машинописная копия с копии,
изготовленной работником Секретариата ЦК РКП(б) Е.М. Шерлиной.

№ П-107

*Письмо И.В. Сталина полпреду РСФСР
в Германии Н.Н. Крестинскому и наркому иностранных дел Г.В.
Чичерину с предложением принять
меры к освобождению из заключения немецкого
революционера Макса Гельца¹²⁷*

7 сентября 1922 г.

Сов. секретно

Тов. КРЕСТИНСКОМУ
Тов. ЧИЧЕРИНУ

Цека просит Вас в полуофициальном порядке нажать на Германское правительство в целях
освобождения из тюрьмы и отправки в Россию коммуниста Макса Гельца, томящегося в
тюремном заключении уже два года. Цека просит принять все зависящие от Вас меры. По
имеющимся у нас сведениям Германское правительство не прочь освободиться от Гельца при
известном нажиме с нашей стороны.

СЕКРЕТАРЬ ЦЕКА И. Сталин

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 295. Л. 44. Машинописный экземпляр того времени на
бланке ЦК РКП(б). Внизу бланка рукописная делопроизводственная помета работника
Секретариата ЦК: «Отправлено для посылки тт. Чичерину и Крестинскому. 7/ IX-22 г. в
23 ч. 15 м. Получил 7/ IX-22 г. Карахан».

№ П-108

*Протокол № 1 организационного заседания
комиссии при Агитпропе ЦК РКП(б) по проведению
кампании дискредитации партии эсеров*

15 сентября 1922 г.

СОВ[ЕРШЕННО] СЕКРЕТНО

Присутствуют тт. Радек К., Бубнов А., Попов Н.Н., Менжинский, Дерибас и Ашмарин.
Председатель – А. Бубнов. Секретарь – Михайлов

Слушали:

1. О работе комиссии

Постановили:

1. а) В своей работе комиссия пользуется
аппаратом ГПУ и Агитпропа ЦК РКП.

б) Комиссия созывается по мере
надобности;
установить день
заседания комиссии –
пятница 1 ч. дня.

в) Ближайшим сотрудником комиссии
является тов. Дерибас.

г) Секретарем комиссии является тов. М.
Михайлов.

2. О положении П.С.Р.
(т.т. Дерибас, Менжинский).

2. а) Признать необходимым продолжать
кампанию в прежнем направлении¹²⁸.

б) Цель кампании – дискредитация партии с.

- р. в массах путем анализа ее программы и тактики
- в) В кампании отождествлять линию заграничных с-ров и российского ЦК.
3. а) Издать речи защитников 2-й группы и просить тов. Радека написать к ним предисловие¹²⁹.
- б) Ускорить издание популярных брошюр и приговора (поручается тов. Попову Н.Н.).
- в) Поручить тов. Попову Н.Н. переговорить с тт. Степановым И.И. и Мещеряковым Вл. о написании ими брошюры «НЭП и партия эс-эров» (Чем отличается наша политика НЭПа от политики эс-эров?)
- г) Вопрос об опубликовании документов (перехвачен[ного] письма) снимается.
4. Признать постановку процессов принципиально целесообразной; поручить ГПУ представить к следующему заседанию комиссии свои соображения по отдельным делам.
5. Принять к сведению заявление т. Дерибаса.
6. Признать необходимым разоблачать выдумку о самоубийстве Тимофеева^а и т.д.
7. Признать необходимым написать статьи в связи с их исключением из партии с-р.
3. Об изданиях
4. О постановке новых процессов.
5. О ликвидации партии эс-эров бывшими членами партии.
6. О заграничных «известиях» по поводу сидящих в тюрьме с-р.
7. О Бунакове и Авксентьеве.

П. п.   Председатель   (А. Бубнов)
   Секретарь   (М. Михайлов)

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 103. Машинописная копия того времени, заверенная секретарем комиссии М. Михайловым и направленная в ГПУ. Вверху справа машинописная помета «№ 2 – тов. ДЕРИБАСУ».

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 36. Машинописная копия того времени, направленная И.В. Сталину. Вверху справа штамп секретного делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой «25/IX 22 г.».

№ П-109

**Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
«Об обмене Макса Гельца на Тимофеева».
Из протокола заседания Политбюро
ЦК РКП(б) № 27, п. 14**

от 21 сентября 1922 г.

СЛУШАЛИ:

Об обмене Макса Гельца на Тимофеева (Зиновьев)

ПОСТАНОВИЛИ:

Поручить русским делегатам в Коминтерне предложить через Герм[анскую] Комм[унистическую] партию немецкой с[оциал]-д[емократической] партии в виду ужасного положения, в котором находится Макс Гельц, обменять его на Тимофеева.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 296. Л. 25. Рукописный подлинник на бланке ЦК РКП(б). Внизу бланка помета о направлении выписки Г.Е. Зиновьеву. Л. 2. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Рыков, Сталин, Томский, Зиновьев, Молотов (кандидат), Калинин (кандидат), Каменев; члены ЦК тт. Радек, Дзержинский».

№ П-110

**Постановление Оргбюро ЦК РКП(б)
о периодичности докладов руководства ГПУ
о состоянии эсеровской партии.
Из протокола заседания Оргбюро ЦК РКП(б), № 81**

от 9 декабря 1922 г.

С л у ш а л и:

П о с т а н о в и л и:

^а Так в документе.

О еженедельных докладах т. Уншлихта по делу эсеров (Пост. Политбюро от 2/XI с.г. прот. № 34, п. 7) (т. Сталин)

Удовлетворить просьбу тов. Уншлихта о замене еженедельных докладов по делу эсеров – ежемесячными.

Секретарь ЦК В. Куйбышев

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 44. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 9 декабря 1922 г., подпись – факсимиле. Выше текста выписки напечатаны адреса рассылки: «т.т. Уншлихту и Политбюро».

№ П-111

*Проект письма руководства ОГПУ в Секретариат
РКП(б) о возможности изменения меры наказания
осужденным членам ПСР*

Не позднее начала января 1924 г.

Сов[ершенно] Секретно

В СЕКРЕТАРИАТ ЦК РКП(больш.)

В августе [19]22 г. Верховным Трибуналом по процессу ЦК ПСР были приговорены к высшей мере наказания 9 членов ЦК ПСР, а именно: ГОЦ А.Р., ТИМОФЕЕВ Е.М., ГИНДЕЛЬМАН^а М.Я., ЛИХАЧ М.А., РАТНЕР Е.М., ДОНСКОЙ Д.Д., ИВАНОВ Н.Н., ГЕРШТЕЙН Л.Я., МОРОЗОВ С.В.

Кроме того были приговорены к высшей мере наказания за участие в террористической работе и в участии в покушении на тов. ЛЕНИНА член боевой организации ЦК ПСР ИВАНОВА Е.А. и за участие в военной работе ПСР в 1918 году члены ПСР АЛЬТОВСКИЙ А.И. и АГАПОВ В.В.

Члены ЦК ПСР ВЕДЕНЯПИН М.А., РАКОВ Д.Ф., ФЕДОРОВИЧ Ф.Ф. и АРТЕМЬЕВ Н.И. были осуждены на 10 лет, а также член МК ПСР ЛИБЕРОВ А.В.

Члены ПСР ЛЬВОВ М.И., БЕРГ Е.С. и УТГОФ В.Л. были осуждены на 5 лет.

Приговор Верхсуда в отношении присужденных к высшей мере наказания постановлением ВЦИК был изменен и они были объявлены безсрочными заложниками на случай вооруженных и террористических выступлений С.-Р. против Соввласти.

В настоящее время ОГПУ полагает целесообразным смягчить приговор по делу ЦК ПСР, а именно:

Присужденным членам ЦК ПСР к высшей мере наказания и объявленным безсрочными заложниками ГОЦУ, ТИМОФЕЕВУ, ДОНСКОМУ, ЛИХАЧУ, ГЕНДЕЛЬМАНУ, ГЕРШТЕЙНУ, РАТНЕР, ИВАНОВУ, а также боевичке ИВАНОВОЙ заменить безсрочное заложничество 10 летним тюремным заключением. Уменьшение по отношению к этим лицам тюремного заключения на срок ниже 10 лет не целесообразно, т.к. они являются крупными политическими фигурами и С.-Р. убеждений и активности не потеряли и до настоящего времени. Кроме того, они уже отсидели по 3–4 года, зачитываемые в этот 10 летний срок.

Остальным членам ЦК ПСР[.] ВЕДЕНЯПИНУ, РАКОВУ, ФЕДОРОВИЧУ и АРТЕМЬЕВУ[.] присужденным к 10 годам[.] срок можно сократить до 7 лет, так-же зачтя предварит[ельное] заключение.

В отношении же не членов ЦК ПСР, а просто бывших активных работников [19]18–[19]19 г.г., в настоящее время не являющихся политическими фигурами, в значительной мере разложившихся, присужденных по делу ЦК ПСР к высшей мере наказания за участие в военной работе [19]18 г. АЛЬТОВСКАГО и АГАПОВА, а также присужденных к 10-ти годам ЛИБЕРОВА и на 5 лет ЛЬВОВА и БЕРГА, срок наказания таковым^б может быть сокращен еще в большей степени, а именно АГАПОВУ, АЛЬТОВСКОМУ, ЛИБЕРОВУ до 5 лет, а ЛЬВОВ и БЕРГ могут быть направлены в 3-х летнюю административную ссылку (БЕРГ – в Верный, ЛЬВОВ – в Чердынь).

Что касается осужденного на 5 лет УТГОФА, то в виду его крайне демонстративного поведения и непрекращающихся антисоветских выходок – сокращать ему 5-ти летний срок безусловно не следует тем более, что он сидит в тюрьме только с начала 1922 года. –

ВПРЕДОГПУ: ДЗЕРЖИНСКИЙ^в
НАЧСОГПУ^д (ДЕРИБАС)

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 135–136. Машинописный экземпляр на бланке ОГПУ с рукописными правками Т. Дерибаса.

^а Так в документе, следует ГЕНДЕЛЬМАН.

^б Вписано от руки над строкой.

^{в-г} Исправлено взамен ранее напечатанного ЗАМПРЕД ОГПУ ЯГОДА.

^д Вписано от руки взамен вычеркнутого ЗАМПРЕД.

№ П-112

*Записка Г.Е. Зиновьева Ф.Э. Дзержинскому
с просьбой подготовить информацию о причинах
самоубийства С.В. Морозова*

31 января 1924 г.

Тов. Дзержинскому
Дор[огой] тов.

Все «соцгазеты» полны рассказней о смерти Морозова. Говорят, что оно^а, как Евг. Сазонов, принес себя в жертву и пр. По-моему, крайне важно опубликовать сведения о действит[ельных] причинах его самоубийства. Очень советую заняться этим. Дайте материалы. Мы двинем тогда их в загр[аничную] печать.

Привет,
Ваш Г. Зиновьев.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 58. Л. 269. Рукописный подлинник на бланке председателя исполкома Коминтерна, подпись – автограф.

№ П-113

*Записка Г.Е. Зиновьева Ф.Э. Дзержинскому о форме официального
извещения о самоубийстве С.В. Морозова*

5 февраля 1924 г.

Тов. Дзержинскому
Письмо Мор[озова] печатать никак нельзя. Я советовался с Бух[ариным]. Его мнение – такое же.

Все, что остается – это: дать совсем короткое извещение от ГПУ сухого, формального характера с указанием, что самоубийство вызвано чисто личными интимного характера причинами. Часть поверит – другая – нет. Но тут уж ничего не поделаешь.

Привет
Г. Зиновьев

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 58. Л. 272. Рукописный подлинник на бланке члена Совета Института В.И. Ленина при ЦК РКП(б), подпись – автограф. Вверху бланка слева помета: «Т. Андреевой к делу» (подпись неразборчива).

№ П-114

*Письму Ф.Э. Дзержинского Г.Е. Зиновьеву
об обстоятельствах самоубийства во Внутренней тюрьме ОГПУ члена
ЦК ПСР С.В. Морозова*

Не позднее 5 февраля 1924 г.

ЛИЧНО

16/XI при очередном обходе Нач. СООГПУ ДЕРИБАС и Пом. Прокурора при ОГПУ т. КАТАНЬЯНА, зайдя к МОРОЗОВУ[,] было предложено воспользоваться Совхозом ввиду его неважного состояния здоровья по определению врача. МОРОЗОВ отказался, но просил ему дать анализ его мокроты.

В конце ноября во время голодовки в Бутырьках и Внутрен[ней] тюрьме заключенных ГОЦ сообщил между прочим, что Морозов нервничает и предложил соединить его на прогулку с кем[?]либо более спокойным, чем Гендельман, но когда ГОЦу было предложено взять МОРОЗОВА в свою группу (Гоц, Тимофеев, РАТНЕР)[,] он просил пока этого не делать, а когда это будет можно сделать[,], он, Гоц[,], сам об этом скажет.

После голодовки РАТНЕР из Бутырки была переведена во внутреннюю тюрьму и ей было предложено поселиться в двойной камере с кем[?]либо из своих сопроцес[с]ников. Она поселилась с Гоцем и Тимофеевым. ГПУ полагало, что она поселится с МОРОЗОВЫМ.

Накануне самоубийства т.е. 19/XII его посетила в обычном порядке Зам. Нач. СООГПУ т. АНДРЕЕВА и[,], осведомившись[,], нет ли заявлений и получил ли он просимый анализ мокроты – получила ответ, что заявлений нет, анализ получен и что теперь он спокоен за свои легкие (анализ был хороший). По свидетельству врача[,], он в последнее время стал довольно внимательно относиться к своему здоровью.

20/XII он покончил самоубийством[,], приняв ряд мер, которые не давали возможности помешать ему, например, собранные аккуратно в мешок вещи были повешены на стене с таким расчетом, чтобы кровать в волчек не была видна полностью.

При утренней проверке он был обнаружен со слабыми признаками жизни.

Никаких требований для себя или других до самоубийства он не предъявлял.

В оставленном письме на имя родных и заявлениях на имя ГПУ никаких замечаний партийного порядка нет, и то и другое исключительно личного содержания.

^а Так в документе, следует он.

Все изложенное является почти стенографически точной фиксацией событий, но ГПУ полагает, что все касающееся прямых намеков на личные переживания МОРОЗОВА в связи с Е. РАТНЕР не может быть использовано в печати.

Необходимо принять также во внимание и заявление ГОЦА после объявления ему о самоубийстве МОРОЗОВА: «Я бы очень просил не трепать его имени в печати». На это ему было отвечено, что если в заграничной прессе не появится никаких инсинуаций по поводу его смерти, то ГПУ не будет иметь никаких оснований это делать.

По мнению ГПУ[,] проект извещения в наших газетах, если в таком есть нужда[,] должен быть примерно нижеследующим:

ПРОЕКТ ИЗВЕЩЕНИЯ

«20 Декабря 1923 года осужденный по процессу ЦК ПСР С.В. МОРОЗОВ покончил жизнь самоубийством. О причинах личного характера можно догадываться по оставленному на имя родственников письму и заявлению его...».

ПРЕДОГПУ: (ДЗЕРЖИНСКИЙ)

« » февраля 1924 года.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 58. Л. 270–271. Машинописный подлинник, подпись – автограф. Дата не проставлена. На л. 270 сверху рукописные пометы рукой Ф.Э. Дзержинского: 1) «т. Хорошкевич. В дело Морозову»; 2) «Просьба вернуть со своим мнением».

№ П-115

Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР о сроке тюремного заключения члена ЦК ПСР Д.Д. Донского. Из протокола заседания Президиума, п. 21

от 4 июля 1924 г.

Слушали:

Постановили:

2. Другие вопросы:

б) представление пом[ощи]ника
Прокурора Республики о
разъяснении порядка зачета срока
предварительного заключения
осужденному по делу ПСР
гр[ажда]нину ДОНСКОМУ.
доклад т. Катаняна.

б) Признать толкование
прокурором ст. 31 УК о зачете
срока предварительного
заключения неправильным^а и
разъяснить, что согласно 31 ст.
УК осужденному ДОН-СКОМУ
надлежит зачесть в срок
назначенного ему наказания и
время[,] проведенное им в
предварительном заключении по
первому аресту (в 1919 году)
(Принято единогласно)

СЕКРЕТАРЬ ПЛЕНУМА – ВИШНЯК

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 59. Л. 37. Машинописная заверенная копия выписки, направленная в секретный отдел ОГПУ. На листе внизу резолюции: а) Г.Г. Ягоды на рассмотрение зам. Начальника СО ОГПУ Андреевой (воспроизведено машинописью); б) «т. Решетову. Выслать в Якутскую область на 3 года. Андреева».

№ П-116

Справка начальника 3-го отделения Секретного отдела ОГПУ И.Ф. Решетова об условиях нахождения в ссылке осужденных по процессу членов ПСР

Не позднее 27 декабря 1924 г.

СПРАВКА

^а Так в документе.

Гр[аждани]н ГОЦ от имени всех осужденных по процессу Ц.К. ПСР подал на имя Президиума ВЦИК^а заявление, в котором он пишет, что отправка цекистов, по отбытию ими срока заключения в ссылку, есть: «желание в скрытой форме, тайком от общественного мнения России и Запада, вернуться к смертному приговору», что ссылки и их семьи: «обрекаются на нечеловеческие условия», что ссылка – «издевательство и провокация».

До сего времени отбыли срок тюремного заключения и отправлены в ссылку 6 человек, а кончают и будут отправлены еще 2-ое.

1. ЗЛОБИН П.В. – 25/5 – 23 г. выслан сроком на 2 года в Уфу, работает, живет с семьей, материально не нуждается.

2. ГОРЬКОВ-ДОБРОБОЛЮБОВ Г.Л. – 7/9 – 23 г. был выслан, сроком на 3 года, в Царицин, бежал, желая перейти на нелегальное положение и активно работать в ПСР, арестован и заключен в концлагерь.

3. БЕРГ Е.С. – 21/1 – 24 выслан, сроком на 3 г. в Темир[-] Хан[-]Шуру Дагестанской области, живет с семьей, имеет работу, судя по письмам и докладам Губотдела, живет хорошо. Жена БЕРГА в письме от 15/XI с.г. к жене осужд[енного] РАКОВА, пишет: «Здесь дешевые фрукты. Если иметь монету и друзей, куда зайти, то жить можно. Дим. Фед., обязательно, пусть просится сюда, а потом и Флориан и Абрам и заживем мы на славу». Дим[итрий] Фед[орович] – РАКОВ, Флориан – ФЕДОРОВИЧ, Абрам – ГОЦ. Дальнейшие комментарии излишни.

4. ЛЬБОВ М.И. 21/1 – 24 выслан, сроком на 3 года в Чардынь Верхне-Камского Округа по месту ссылки его жены. Работы пока не имеет, получает достаточную материальную поддержку от общества помощи политзаключенным. В письмах на нужды не жалуется.

5. ДОНСКОЙ Дим[итрий] Дим[итриевич] 11/VII – 24 г. выслан сроком на 3 года в село Парабель Нарымского Края. Работает врачом Парабельской больницы, живет с семьей. О жизни Парабельской колонии ссыльных, жена ссыльного ЗЛАТОГОРОВА в письме от 2/XII – т.г., после описаний дешевизны квартиры и продуктов пишет: «Как видишь[,] умереть с голоду нельзя. Нам, приезжим, продают охотно... В общем я с удовольствием отдохну здесь зиму». Полная выписка из письма прилагается.

6. УТГОФ В.Л. выслан на Урал и направлен неделю тому назад для отбывания срока ссылки в гор. Тюмень. Сведений о том, как он устроился[,] в СООГПУ еще нет.

7. АЛЬТОВСКИЙ А. Ив[анович] кончает срок тюремного заключения 27/XII с.г. и по пост[ановлению] особ[ого] совещ[ания] при Колл[егии] ОГПУ будет направлен в адм[инистративную] ссылку в гор. Чардынь по месту ссылки его родственника по жене цекиста ЛЬБОВА.

8. РАТНЕР Е.М. кончает срок тюремного заключения 27/XII – т.г. и по пост[ановлению] особ[ого] совещ[ания] при Колл[егии] ОГПУ будет направлена для отбывания срока адм[инистративной] ссылки в гор. Усть-Цильму Печерского уезда, Архангельской губ.

Из данного перечня видно, что:

1. Цекисты, по отбытии срока заключения, направляются ОГПУ в самые разнообразные пункты – от южных Темир[р]-Хан-Шуры и Царицына до северных Печерского и Нарымского. То или другое место ссылки определяется в зависимости от степени политической активности высылаемого и связанной с этим необходимостью в большей или меньшей изоляции и состоянием его здоровья.

2. Цекистам назначаются обычные районы ссылки, в которые (это хорошо знает ГОЦ) отбывали и отбывают сейчас ссылку, ряд его товарищей по партии, так что, говорить о «мести» со стороны власти и жестокости «при выборе места ссылки[»] – по меньшей мере нелепо. Истерическое кликушество заявления ГОЦа и К-о вызвано не необходимостью спасти цекистов от кошмарных условий ссылки (эти условия ГОЦ знает не хуже ОГПУ), а совершенно особыми причинами.

ГОЦ и его товарищам, по состоянию партии с.-р. в данное время считаю необходимо добиться от Соввласти таких условий ссылки, при которых они могли бы или руководить деятельностью с.-р. в союзе, или бежать за границу и принять участие в работе З.Д. ПСР.

Отсюда и истерика и хватание за детей РАТНЕР, находящихся, кстати, в детском доме Наркомпроса и имеющие^а отца[,] и нелепые обвинения и т.д. и т.д.

Не исключена со стороны цекистов надежда использовать заявление, как прокламацию, для организации общественного мнения определенных кругов СССР и за границей в своих целях. За то, что заявление писалось не только для Президиума ВЦИК[,] говорит его исключительно вызывающий тон.

Чтобы раз навсегда покончить с этим вопросом, необходимо категорически дать понять осужденным членам Ц.К. ПСР, что ОГПУ, как до сих пор, так и в будущем, будет в своих решениях руководиться исключительно принципом политической целесообразности, не считаясь с тем, устраивает это или нет ГОЦа и других, что условия, при которых ГОЦ и К-о могли бы вести эсеровскую, антисоветскую работу – не будут ОГПУ допущены никогда.

^а Так в документе, следует имеющих.

Нач[альник] 3 отд[ела] СООГПУ:

(РЕШЕТОВ)

« » Декабря 1924 г.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 59. Л. 85–87. Машинописный экземпляр того времени. Датирован по содержанию документа.

№ П-117

*Письмо председателя ОГПУ Ф.Э. Дзержинского
И.В. Сталину о необходимости ареста находящихся
в ссылке членов ЦК ПСР*

6 июля 1925 г.

Еще во время нахождения во Внутренней и Бутырской тюрьмах всех осужденных по процессу ЦК п.СР^а, ОГПУ было известно из агентурных сведений, поступавших неоднократно из различных источников[,] о том, что Цекисты из тюрьмы руководят работой СР в России, через своеобразное Политическое Бюро в составе: ГОЦ, ТИМОФЕЕВА и РАКОВА, а в особо важных делах принимают участие кроме того еще РАТНЕР и ВЕДЕНЯПИН.

ОГПУ по освобождении Цекистов из тюрьмы отдавало себе ясный отчет в том, что часть Цекистов еще в ссылке будет вести партийную работу, другая часть убежит за границу, а остальные перейдут на нелегальное положение для ведения партийной работы в России. Последующая практика все предположения наши начинает оправдывать.

Так из-за границы сообщают:

«Прага сильно радуется по поводу частичной амнистии смертников (особенно рады, что ГОЦ на свободе) и думают со временем их всех выудить за границу, чтобы развязать себе руки для перехода партии к активной работе. Между прочим в данное время заграничная делегация п.СР находит, что сейчас почва в достаточной степени [в]спахана для того, чтобы п. СР могла заняться уже и террористической деятельностью в России.»

В одной из бесед арестованного КОЛОСОВА Евг. Евг. с членами Центральн[ого] Бюро п.с.р. последнего состава он заявил, что на предстоящий конгресс 2-го Интернационала будет послан представитель п. СР из России, причем он произведет большой фурор, ибо явится, как-бы воскресшим из мертвых. Члены ЦБ п.СР поняли это как указание на то, что поедет кто-то из крупных и освобождаемых цекистов. Известно, что за границей один раз ТИМОФЕЕВА уже «хоронили».

Очень быстро Цекисты установили связь с заграницей и ведут оживленную переписку. Очень большую переписку ведет жена ГОЦА. Особенно любопытными являются письма одной неизвестной Тани из Парижа, где определенно читается, что ГОЦ убежит за границу и даже назначается срок – конец Июля.

Сам – ГОЦ, из ссылки нелегальным путем отправил за границу в «Дни» известное письмо Эд. ФИММЕНУ, – помеченное, правда, задним числом (1 Января.)

Из заграницы же Цекисты получают и деньги. Получают через Кр[асный] Крест на своих жен, а ТИМОФЕЕВ один раз получил партийного содержания письмо и доллары через одно лицо[,] живущее в Киеве.

По прибытии в ссылку Цекисты сразу же об'единяют ссыльных, ведут среди них партийную работу, ведут большую переписку не только между собою, но и со многими другими ссыльными с.р. и целыми колониями ссыльных. Путем этой переписки стараются прежде всего учесть наличные эс-эровские силы и, затем уже дать им соответствующие директивы.

Из освобожденных в первую очередь Цекистов двое (ГОРЬКОВ-ДОБРОЛЮБОВ и ЛЬВОВ) уже из ссылки бежали, конечно[,] для партийной деятельности.

Пребывание Цекистов (коих за граница упорно называла и называет заложниками) на свободе приподняло настроение эс-эров в России и за границей, развязало им руки для начала террористической деятельности (настроения террористические у эс-эров растут)[,] подняло настроение ссыльных и позволило эс-рам питать некоторые надежды строить известные планы на усиление партийной работы, как за границей[,] так и в России

Поэтому ОГПУ полагает необходимым срочно произвести арест всех эс-эровских Цекистов, находящихся сейчас на свободе.

ПРЕД. О.Г.П.У.

(ДЗЕРЖИНСКИЙ)

6-VII-25

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 154–155. Машинописная копия. На л. 154 сверху делопроизводственные пометы: 1. «Копия»; 2. «Оставить в архиве». Справа штамп о принадлежности документа к архиву Ф.Э. Дзержинского.

– Опубликовано: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 965.

№ П-118

*Справка начальника 3-го отделения СО ОГПУ
И.Ф. Решетова начальнику СО ОГПУ Т.Д. Дерибасу
о местонахождении осужденных по процессу ЦК ПСР*

[Не позднее марта 1925 г.]

Секретно.

СПРАВКА

На запрос тов. ДЗЕРЖИНСКОГО
о ВЕДЕНЯПИНЕ и др. осужденным^а по процессу ЦК ПСР

^а Здесь и далее так в документе.

^а Так в документе, следует осужденных.

1. ВЕДЕНЯПИНУ М.А., как и всем Цекистам, будут зачтены все его аресты при Соввласти.

Срок тюремного заключения его кончается 5/8-25 г.

2. ВЕДЕНЯПИН – тактичнее, выдержаннее, осторожнее остальных цекистов, свою тактику он строит с таким расчетом, чтобы у ГПУ создать впечатление о своей относительной неопасности, посему считать его политически приличнее остальных цекистов, нет никаких оснований.

3. Наиболее активными врагами из цекистов являются: ГОЦ, ТИМОФЕЕВ, ВЕДЕНЯПИН, РАКОВ, РАТНЕР и активист[-]боевик ИВАНОВ.

Первые пять из них, являются руководящей головкой, своего рода Политбюро ЦК ПСР. За прошлый год ЦБ ПСР неоднократно получало постановления ЦК ПСР по вопросам организационным и политическим, причем эти постановления и решения принимались за весь ЦК, только ГОЦ[ем], ТИМОФЕЕВЫМ, РАКОВЫМ, ВЕДЕНЯПИНЫМ и РАТНЕР.

Неоднократно поступали в СООГПУ агентурные сведения о том, что эти 5 цекистов – эсеровская головка.

Поэтому этих цекистов мы должны держать особо крепко.

Кроме того в числе осужденных по процессу ЦК ПСР мы имеем таких боевиков-активистов – как ИВАНОВ, ИВАНОВА, УТГОФ, и отчасти АГАПОВ; и сторонников руководителей террористических актов, как ДОНСКОЙ и ГЕРШТЕЙН.

Среди цекистов имеются крупные и способные руководители местных организаций п.с.р.: АРТЕМЬЕВ, ЛИБЕРОВ, ЛЬВОВ, БЕРГ, ЛИХАЧ и АЛЬТОВСКИЙ.

Среди цекистов есть пользующиеся в партии громадным моральным авторитетом: – БЕРГ, ГЕНДЕЛЬМАН, ФЕДОРОВИЧ.

Все это – активные и серьезные враги, считающие борьбу с Соввластью, делом своей жизни и могущие устроить не мало пакостей при благоприятной к этому обстановке.

4. Из осужденных по процессу ЦК ПСР, кончили срок тюремного заключения:

1. ЗЛОБИН П.В. – 23/5-23 г. выслан в Уфу на 2 г., срок ссылки кончается 23 Мая [19]25 г.

2. ГОРЬКОВ-ДОБРЮЛОВ Г.Л., окончил срок 7/9-23 г., бежал из ссылки и 20/6-24 г., осужден на 3 г. в концлагерь. Содержится в Ярославле.

3. БЕРГ Е.С. – выслан на 3
21/1-24 г. года в Темир-Хан-Шуру.

4. ЛЬВОВ М.И. – " " " в Чердынъ Верхне-
21/1-24 г. Камского Округа.

5. ДОНСКОЙ Д.Д. " " " в Нарымский край.
11/7-24 г.

6. УТГОФ В.Л. 8/8-24 г. " " " в Тюмень

7. АЛЬТОВСКИЙ А.И. 27/XII- " " " в Темир-Хан-Шуру
24 г.

8. РАТНЕР Е.М. " " " в Самарканд
27/XII-24 г.

5. СОДЕРЖАТСЯ В БУТЫРКАХ.

1. АГАПОВ В.В. –	Кончает срок	4/X-25 г.
2. АРТЕМЬЕВ Н.И.	" "	20/III-25 г.
3. ВЕДЕНЯПИН М.А.	"	25/8-25 г.
4. ГОЦ А.Р.	"	20/5-25 г.
5. ГЕРШТЕЙН Л.Я.	"	19/4-26 г.
6. ГЕНДЕЛЬМАН М.Я.	"	15/III-26 г.
7. ИВАНОВА Е.А.	"	19/XII-26 г.
8. ИВАНОВ Н.Н.	" "	2/VIII-26 г.
9. ЛИБЕРОВ А.В.	"	2/5-25 г.
10. ЛИХАЧ М.А.	" "	25/I-26 г.
11. РАКОВ Д.Ф.	" "	30/X-25 г.
12. ТИМОФЕЕВ Е.М.	"	17/5-25 г.
13. ФЕДОРОВИЧ Ф.Ф.	"	23/III-26 г.

НАЧ. 3-ГО ОТД. СООГПУ: (РЕШЕТОВ)

— РГАСПИ, Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 147–148. Машинописный подлинник, подпись – автограф. На л. 147 штамп о принадлежности документа к архиву Ф.Э. Дзержинского.

ДОКУМЕНТЫ, ИСХОДЯЩИЕ ОТ ОСУЖДЕННЫХ

П-119

*Заявление М.Я. Гендельмана от имени осужденных
в Верховный Трибунал с требованием изменения
режима содержания в тюрьме*

18 августа 1922 г.

В Верх[овный] Трибунал
Михаила Яковлевича Гендельмана

В отношении нас, осужденных по делу Ц.К.П.С.-Р., во Внутренней тюрьме Г.П.У. установлен режим, специально, видимо, приноровленный к тому, чтобы вынудить нас на голодовку, с целью, надо думать, внести этим корректив в постановление Президиума ВЦИК о приостановлении исполнения над нами смертного приговора.

1) Во Внутр[еннюю] тюрьму нас доставили непосредственно из зала заседаний Трибунала после приговора. Нам не дали[,] так[им] обр[азом,] возможности захватить с собой самые необходимые из вещей, оставшихся в тюрьме на Кисельном пер[еулке] и до сих пор нам невозвращенных.

Более того: случайно оказавшееся при мне полотенце было у меня отобрано, а взамен мне было предоставлено висевшее в камере грязное полотенце с явными следами употребления его моим предшественником по камере. Койка была покрыта такой же унаследованной от предшественника, только еще более грязной простыней. Мое полотенце мне возвращено было только на девятый день.

Нет возможности сменить грязное носильное белье, так как мы лишены права получать передачи от родных с воли и передавать им обратно белье для стирки.

2) Мы лишены свиданий с родными и лишены возможности узнать что[-]либо об их здоровье и судьбе.

3) Мы лишены книг, газет, письменных принадлежностей для занятий. Если все это, не исключая даже газет, предоставлялось нам во время предварительного следствия, то тем менее может быть оправдано такое лишение после суда.

4) После двухмесячного всякого лишения нас прогулок во время процесса мы лишены их и теперь и принуждены круглые сутки проводить в камере без движения. Прежде мы прогулками во Вн[утренней] тюрьме пользовались.

5) Но и этого показалось мало для тех, в чьем ведении мы находимся. На десятый день моего пребывания на окно моей камеры навешен железный щит, хотя повода к этой мере я не давал. Так как окна и без того были замазаны, то в камере постоянный недостаток света.

6) Тогда, как во время прежнего пребывания в этой тюрьме, нас выпускали в уборную три раза в день, теперь выпускают только один раз[,] так[им] обр[азом,] зловонная параша круглые сутки отравляет воздух камеры. Других заключенных выпускают не менее двух раз в сутки, утром и вечером.

7) Пищевой режим состоит из хлеба и воды, так как в обед и ужин дают по миске грязной воды, на дне которой можно найти 1, самое большее 2 ложки гороха и рыбью кость. Но здесь я не возбуждаю никакого вопроса об изменении режима, так как для заключенных гораздо большую важность имеет вопрос о свиданиях и книгах, и так как тут приходится по[-]видимому, наталкиваться на непреодолимую традицию: сначала из обеда "для заключенных подкармливают тюремный персонал, а остатки доливают горячей водой"^{а-б}, и в таком виде предоставляют заключенным.

8) Я не стану перечислять всей системы мелких, но злостных ущемлений, имеющих, видимо, единственную цель – вызвать заключенных на эксцессы. Для примера укажу на самое невинное: когда я вчера передал через ст[аршего] надзирателя просьбу дать мне бумаги и чернила для заявления в Трибунал, мне было в этом отказано и только сегодня после обхода камер начальником тюрьмы моя повторная просьба была удовлетворена, при чем ко мне каждый раз шлют надзирателя с требованием кончать скорее заявление.

Так[им] обр[азом,] принятый в отношении нас режим является не чем иным, как применявшимся лишь в виде наказания к заключенным карцерным режимом старого строя (лишение свиданий, передач, книг, прогулок, щиты на окнах, содержание на хлебе и воде).

Гражданка Клара Цеткин, с прискорбием установившая на процессе, что, по ее мнению, русским социалистам в коммунистических тюрьмах живется лучше, чем германским коммунистам в буржуазных тюрьмах, могла бы теперь убедиться, что мое приглашение посмотреть на нас, если останемся живы, через некоторое время после приговора, имело полный смысл.

Ввиду изложенного я вижу себя вынужденным начать голодовку, если не будет дано разрешение на свидание с родными, на передачи, на пользование своими книгами, газетами и письменными принадлежностями для занятий.

Головку начну во вторник, 22-го августа, с утра.

Михаил Гендельман

Внутр[енняя] тюрьма Г.П.У., 18-е августа 1922 года.

^{а-б} Здесь и далее подчеркнуто в документе.

Р.С. Посылаю это заявление на имя Верх[овного] Триб[унала], т.к. по указанию гр. Самсонова мы продолжаем числиться за В[ерховным] Триб[уналом]. Если перечислены за другим учреждением, прошу переслать по принадлежности. Пользуюсь случаем сообщить, что у меня отобрали расписка в объявлении мне приговора, тогда как в действительности была объявлена только резолютивная часть приговора обо мне и моих товарищах, приговоренных к расстрелу. М. Гендельман.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 60. Л. 13–13 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф. На л. 13 сверху штамп ГПУ с рукописной датой «22 августа 1922 г.», входящий номер, а также резолюция Т.П. Самсонова: «т. Кузьмину. К делу Гендельмана».

№ П-120

*Письмо члена ЦК ПСР С.В. Морозова из Внутренней тюрьмы ГПУ
родным о своих настроениях после
завершившегося процесса*

22 сентября 1922 г.

Здравствуйтесь милые, дорогие, бесконечно был рад получить сегодня от Вас весточку (от 18/IX) и узнать, что все Вы здоровы.

Волнуетесь и беспокоитесь за меня Вы, право, напрасно. Выдумать что-нибудь новое, чего не было в царских тюрьмах, – довольно трудно, а ведь я, за долгие годы своего скитания по тюрьмам и каторге, не только многое видел, но многое и пережил и наст[оящий] режим, наверное, тяжел для тех, кто впервые находится в таких условиях, ну а для меня все это слишком хорошо знакомое, старое, с чем давно свыкся и от чего за небольшой промежуток воли не успел еще отвыкнуть. Новое, что теперь приходится переживать[,] вызывает лишь досаду и обиду за тех, кто это делает – совершенно ненужная и ничем не оправдываемая жестокость. Очень и очень прошу Вас не беспокоиться за меня, а главное не обращать внимания на разные «слухи», о чем пишет папа. Верьте мне, что режим, созданный для нас, не заставляет волноваться о нас. И думается мне, волнение Ваше вызывается не столько условиями нашего содержания в тюрьме, сколько возможностью применения к нам приговора, и вот об этом мне хочется с Вами немного поговорить. Переживания Ваши мне, конечно, понятны. Возможность потери близкого, родного человека – переживается больно и тяжело, и здесь, к глубочайшему моему сожалению, помочь Вам я ни в чем не могу, но скажу, если б у меня был сын и ему предстояла та же участь, мысль, что он жил так, как считал должным, в согласии со своим убеждением и не согнулся перед тем, что считал неправдой – доставляла бы мне большое утешение. Но Вы усугубляете тяжесть своих переживаний, думая, что мне трудно живется, что я волнуюсь и пр. – вот это совершенно неверно. Несмотря на мою любовь к Вам, на сознание, что приговор, приведенный надо мной в исполнение, доставит Вам много горя и печали, – я в этом возможном исполнении приговора нахожу и радостное для себя. Умереть за дело, кот[орое] считаешь правым – правдой, за то, во что ты веришь, – легко и радостно. То, что я сейчас являюсь заложником за Партию, – я считаю незаслуженной для себя величайшей честью, очень горжусь этим и, конечно, с достоинством переживу все, что мне предстоит. Верьте мне, мои дорогие, если б не мысль о Вас, что тягостно Вам все это переживать, то я теперь ликовал бы. Вот видите[,] как я отношусь к тому, что будет, а может и не будет, «да ведает то Аллах и его пророк Магомет великий», не волнуйтесь поэтому и Вы.

Сижу я в одиночке, вещи все отобрали, первое время не давали и книг, теперь дали две на неделю. Хожу в казенном белье, сплю на соломенной, как в каторге, подушке. До сих пор не могу получить свои гребенки и поэтому со дня суда волосы не причесывал, а отросли они зело, тоже и есть и борода, вид имею, вероятно, дикообразный. Прогулка минут 10–15, двор довольно хороший. Пища первое время была очень скверная, теперь лучше. Дают папиросы, но мало[,] и у меня к Вам просьба, если разрешат передачи, принести мне табак и спичек.

Напишите мне[,] как здоровье Валечки, одна она или с Катей? Сердечный им мой привет. Крепко, крепко Вас всех обнимаю и целую, ради всего святого не волнуйтесь за меня, право, я живу хорошо; всем знакомым и друзьям горячий, сердечный привет. Ваш Сергей. Маму поздравляю с бывшим только что днем именин. Борису и Клавдии мой сердечный привет, Тони и Мани^а.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 6. Л. 15–16 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф.

№ П-121

Предсмертное письмо С.В. Морозова родным и близким

20 декабря 1923 г.

Мои дорогие, родные, милые, знаю[,] как будет Вам тяжело и бесконечно больно узнать о моей смерти; мысль о Вас долго заставляла меня жить, я боролся с собой[,] насколько мог[,] и как видите, оказался слаб. Не под влиянием тяжелой минуты и настроения поступаю так, нет. В течении последних месяцев не было кажется, дня, чтобы не приходилось делать усилия удержаться от этого шага. Не нехочу, а не могу, нет сил больше жить такой жизнью, как моя. Годы каторги и прошлых лет тюрьмы, очевидно, сделали свое дело. Устал от тюрьмы, тюремных невзгод, а впереди все тоже и тоже. Но в прошлом своем я не раскаиваюсь. Судьба не раз предоставляла мне возможность изменить свою жизнь, но освобождаясь из тюрьмы[,] я всегда шел снова той же дорогой, какой, простите пошел бы и теперь. Это было жестоко по отношению Вас^а, не было возможности заботиться о Вас, давать Вам радость, но иной жизнью я жить[,] очевидно, не мог. Мой путь оказался мне не по плечу, я ухожу, но с сознанием исполненного, насколько позволяли силы, долга и честно прожитой жизни. И только мысль о Вас меня тяготит. Милые мама и папа, Вы редко жаловались мне, мама[-]таки никогда, на свою жизнь. Но[,] любимые мои[,] неужели вы думали, что я не знаю[,] как безпросветно тяжка она. Что часто кусок черного хлеба заменяет Вам обед и ужин. Однажды мне приснился сон, что умираете Вы от голодной смерти, и сейчас я знаю – недалеко это от действительности. И вот, вместо возможности когда-нибудь

^а Так в документе, следует Тоне и Мане.

^а Так в документе, следует к Вам.

помощи, а может быть радости и счастья, я приношу Вам сейчас горе и боль. Мама, милая мама, ты видишь я сознаю, что делаю, но скажи[,] голубка, еслиб у меня нашлись силы, если я смог отложить еще хотя на некоторое время разве, родная, я[,] зная тебя[,] не сделал бы этого. Ты меня знаешь и я уверен не обвините⁶ в забвении тебя. Милая, если Вам передадут мои вещи, я очень прошу тебя мое белье и шубу перешить себе. Голубчик Боря, мама будет отказываться, но ты[,] родной, заставь ее сделать. Так[,] дорогая Клавдия, когда позволит Вам время[,] посмотрите за мамой, она в прошлую зиму по нескольку месяцев не меняла «из экономии» белья, пыталась стирать сама, но толку[,] конечно[,] от этого мало. Левочку крепко за меня целуйте. Мама[,] когда будешь иметь адрес Лидии Семеновны, сообщая ей обо мне, напиши письмо по теплее, она совершенно одинока и ей тяжело будет узнать о моей смерти. Скажи ей, я с глубокой благодарностью вспоминаю ее, много светлого внесла она в мою жизнь. Прощайте и простите меня, горячо, горячо благодарю Вас всех за заботы, ибо⁸ мне, ласку, тепло и радость, мне данны[е]. Крепко, крепко обнимаю и целую. Мама, милая мама, как безумно тяжело тебе делать боль, прости[,] голубка родная[,] и ты[,] папа[,] прости. Сергей 20/XII – 23. Четверг.

Передавайте[,] пожалуйста[,] моим товарищам, что горячо их благодарю за доброе, сердечное ко мне отношение, заботу и внимание. Крепко их и их родных обнимаю. С.М. Я в письме не называю ни Жени ни Николая, Нау. Вас. Ан. – адресую его ко всем родным, близким. Дорогая Клавдия[,] передайте привет всем Вашим.

Я вполне спокоен, уложил вещи, написал заявл[ение] в ГПУ об их выдаче. Еще раз крепко всех обнимаю. Ваш Сергей.

Мысль, что[,] может[,] я поддался настроению и не сделал бы[,] если бы поборол себя, может быть для Вас тягостной, вот Вам доказательство, что я и кончаю, т.к. нет сил больше жить в тюремной обстановке, а не под влиянием настроения, я только, что принял яд, кот [орый] оказался не действительным[,] и хочу попробовать вскрыть Артели¹. Простите за эту приписку, но[,] может[,] она поможет Вам ...² пережить. Целую горячо и обнимаю.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 58. Л. 267–268. Машинописная незаверенная копия того времени, изготовленная в делопроизводстве ГПУ.

№ П-122

*Заявление члена ЦК ПСР Д.Д. Донского Прокурору РСФСР Н.В.
Крыленко о несогласии с определением окончания срока его тюремного
заключения*

24 июня 1924 г.

ПРОКУРОРУ РЕСПУБЛИКИ

Заклученного по делу Ц.К. ПСР
Д.Д. Донского

⁶ Так в документе.

⁸ Так в документе, следует обо.

¹ Так в документе, следует, видимо, артерии.

² Отточие в документе.

30 июня с.г. истекает пятилетний срок моего пребывания в тюремном заключении. Арестован был 30 марта 1919 года, и на первом же допросе в тот же день мне были предъявлены след[ователями] Пинесом и Эйдуком обвинения (принадлежность к Ц.К. ПСР и друг.), которые в основных чертах были затем выдвинуты против меня во время процесса 1922 года.

21-го Января 1921 года^а я был освобожден под поручительство Л.Б. Каменева с обязательством являться еженедельно на учет в ВЧК и без права выезда из Москвы (см. т. IV материалов предварительного следствия). Основное дело мое при этом не было прекращено (Ц.К. ПСР), т.к. через 3 месяца я был возвращен в тюрьму и при допросе 21 апреля 21 года^б мне не было предъявлено никаких, кроме этого обвинений.

Таким образом[,] я нахожусь 5 лет в тюрьме по этому делу. Однако решением прокуратуры, сообщенным мне гр. Катаньяном, мне было зачтено пребывание в тюрьме лишь с 21-го апреля [19]21 года и тем мне было прибавлено, за вычетом 3 месяцев пребывания на поруках, еще 1 г. 10 мес. лишения свободы.

Считая такой расчет неправильным, не соответствующим имеющимся уже прецедентам, нарушающим обязательное[,] казалось бы[,] для прокуратуры постановление Президиума Ц.И.К. Союза ССР от 14 января с.г. и прибавляющим мне без малого 2 новых года лишения свободы, я протестую против этого и прошу:

1) Пересмотреть решение прокуратуры,

2) к 30 Июня сообщить мне через подлежащие органы место моего нового жительства в ссылке.

С 1-го Июня^в я буду вынужден бороться за своевременное освобождение из тюрьмы всеми доступными средствами.

Бутырская тюрьма

Д. ДОНСКОЙ

24 июня 1924 года

— ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 59. Л. 36. Машинописная незаверенная копия. На листе вверху слева резолюция: «т. Решетову. Крыленко подписал сегодня письмо. 26/VI-24» (подпись неразборчива).

№ П-123

*Заявление члена ЦК ПСР Д.Д. Донского
Ф.Э. Дзержинскому с просьбой об изменении
назначенного ему места ссылки*

15 июля 1924 г.

Председателю Коллегии О.Г.П.У.

Гр. Дзержинскому.

Меня сейчас известили, что постановлением Особ[ого] Совещ[ания] при О.Г.П.У. от 11.VII с.г. мне назначен местом ссылки Туруханский край (даже не сам Туруханск^а) сроком на 3 года. Предполагая указанное место сделать местом постоянного моего жительства, взять туда с собой семью, я совершенно лишен возможности сделать это в данном случае.

Как мне известно из прошлых ссылок, это край, лишенный совершенно своего хлеба с очень суровым и резким климатом, который нельзя даже отнести к разряду «не густо населенных» (постановление Ц.И.К. С.С.[С.]Р. от 14 января с.г.), так как он прямо ненаселен и пустынен (15 тыс. жителей на 1 мил. 150 тыс. кв. верст). Не обладая сам особенно крепким здоровьем и имея в семье мать с пороком сердца 65 лет, жену и сына, страдающих и лечащихся от туберкулеза легких, я не могу разматривать свою поездку туда с семьей иначе, как обречение на гибель, если не всей, то значительной части ее. Ведь известно, что условия физической жизни и климата Туруханского края на столько губительны для не местных уроженцев, что в прежние времена 5 летний срок даже Якутии приравнивался к 4 годам Туруханского края, и при обилии 5 летних приговоров в то время вообще, и молодежь не ссылалась в Туруханск больше, чем на 4 года, в виду репутации Туруханска, как самого гиблого места.

^а Подчеркнуто в документе при печати.

^б Подчеркнуто в документе при печати.

^в Вероятно, следует июля.

^а Здесь и далее подчеркнуто в документе.

Оставляя же семью в Москве при отсутствии средств и при лишении моей жены возможности служить (ее уволили в этом году со службы по политическим причинам, т.е. из-за меня, ибо со стороны Г.П.У. против нее возражений не имелось), я снова попадаю в то же тяжелое положение, которое принудило меня добиваться зачета мне всего моего предварительного заключения и перевода меня из тюрьмы в ссылку.

Поэтому я настоятельно прошу Вас приостановить и пересмотреть решение Особ[ого] Совещания от 11 июля, назначить мне для жительства местность[,] по климатическим и физическим условиям не обрекающую на медленное вымирание, дать мне возможность личным трудом по специальности (врач) содержать себе⁶ и семью и воспитывать 13 летнего сына. Таким местом мне рисуется, если оставаться в пределах Сибири и вне линии жел[езной] дор[оги], Минусинск, в крайнем случае Тобольск, или нечто подобное с умеренным или южным климатом.

Об ответе прошу не отказать в извещении.

15/VII 24

Д. Донской

Бутырская тюрьма

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 59. Л. 54–54 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф.

№ П-124

*Заявление члена ЦК ПСР Д.Д. Донского
заместителю Председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде
с просьбой об избрании ему местом ссылки
Томской губернии*

19 июля 1924 г.

Зам[естителю] пред[седателя] Коллегии О.Г.П.У. гр. Ягода.

В дополнение к моему заявлению от 15 июля относительно назначенного мне места ссылки по постановлению Особ[ого] Совещ[ания] при О.Г.П.У. от 11 июля я прошу: 1. Отсрочить мне время моего выезда в ссылку⁶ до приезда в Москву, вызванных по телеграфу матери и сына, которые приедут вероятно на следующей неделе, чтобы увидеться со мной и с моей женой. Последняя, согласно полученному ей разрешению через гр. Хорошкевича отправляется сейчас же со мной на жительство в место ссылки, заарестовываясь для этого в соответственное время.

2. Заменить мне Туруханский край, если невозможно Минусинским или Тобольском, то хотя с. Колпашевым Томской губернии. По слухам[,] это место, как более возвышенное, менее опасно в климатическом отношении для туберкулезных (моя жена и сын больны туберкулезом), и кроме того там я смогу заняться медицинской работой, чтобы содержать себя и семью[,] с одной стороны[,] и заполнить свое время общепользным содержанием[,] с другой.

3. Предоставить возможность моей жене при следовании со мной на последней станции перед посадкой на пароход (хотя бы в сопровождении конвойного) закупить в этом городе необходимые для жизни в глуши предметы первой необходимости (муку, чай, сахар, керосин и т.д.)[,] чтобы не загромождать лишним багажом транспорт и не удорожать расходы на нашу отправку с самой Москвы. Моя жена, в виду отсутствия денег, лишена возможности поехать на свой счет или отложить закупки до места ссылки, где они во много раз дороже.

4. Разрешить мне в остающийся до отъезда период времени вставить передние зубы (резцы), без которых мне грозит расшатывание и выпадение остальных передних зубов и полная невозможность питаться твердой пищей, что, конечно, значительно отягчает жизнь в ссылке. Зубной врач Г.П.У., производивший удаление расшатавшихся резцов, считает возможным сделать нужный протез в течение недели и находит его абсолютно необходимым в виду отсутствия у меня прикуса.

19/VII 24

Д. Донской

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 59. Л. 56–56 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф. На л. 56 об. внизу резолюция Андреевой: «Т. Хорошкевич. 1) Объявить ему, что высылается в распоряжение ПП ОГПУ по Сибири 2) Отъезд отсрочить, 3) Жене разрешить ехать с ним, 4) О зубах переговорить с Зеленским. 22/VII-24».

КАМПАНИЯ В ПОДДЕРЖКУ ОСУЖДЕННЫХ

⁶ Так в документе, следует себя.

^{а-б} Здесь и далее подчеркивания в документе сделаны предположительно Андреевой.

^в Вписано сверху над строкой взамен вычеркнутого попрощаться.

№ П-125

*Письмо В. Войтинского секретарю Заграничной
Делегации ПСР Б.Н. Рабиновичу о ходе работы
над книгой о процессе «Двенадцать смертников»*

22 августа 1922 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Получил Ваше письмо. Передайте Вас.Вас.¹³⁰, что на нем лежит, между прочим, и освещение всей истории с выкраденными документами.

Я выбросил совершенно главу 3–6-ю («Как партия социалистов-революционеров боролась с большевиками»), а главу 4-ую слил со 2-ой, пополнив их матерьялами из Вашего меморандума.

Новый план моего памфлета таков:

Осужденные.

Преследования социалистов в Советской России.

Провокаторы на службе у Советской власти.

Накануне московского процесса.

Инсценировка народного гнева.

Комедия суда.

Приговор.

О позиции партии при этом плане мне придется говорить исключительно в главе 6-ой, и при том все время словами самих обвиняемых.

Глава 6-ая строится по такому плану: 5. Сперва описание хода процесса, затем рассмотрение дела по существу, в заключение – об обвиняемых.

Таким образом, темы моя и Вас. Вас. отчетливо разграничиваются.

Если будете еще говорить с Вас. Вас., передайте ему мое мнение о его части задачи. Мне кажется, что было бы хорошо, еслибы он мог привести текст постановлений партийных центров с точными датами и, вообще, выдержать статью в стиле документальной справки, своего рода делового досье. Это очень трудно, гораздо труднее, чем лирические излияния против большевистской сволочи. Но это, по-моему, именно то, что нужно в предполагаемом издании¹³¹.

Не можете ли прислать мне [№] 14–15 «Рев. России»? Помещенное в этом № письмо московских товарищей¹³², как мне кажется, должно войти в мою работу, а не в работу Вас.Вас.

Хорошо бы воспроизвести в брошюре прилагаемый автограф Вандервельда. Его можно было бы вклеить в главу 6-ую.

С искр[енним] Приветом
жму руку

Вл. Войтинский

22 авг. 1922 г.

– ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 12. Л. 78–79. Подлинник.

№ П-126

*Письмо секретаря Нью-Йоркской группы ПСР Н.К. Комякова
Заграничной Делегации ПСР*

1 октября 1922 г.

N.K. KOMIAKOFF
840 Forest Avenue
New York City
Секретарь Нью[-]Йоркской Группы

П.С.-Р.
1-го октября 1922 года.

Дорогие Товарищи: –

Вы возложили на нас очень тяжелую и прямо[-]таки непосильную задачу для маленькой Нью[-]Йоркской Группы. Поднять Америку с ее, по сравнению с Европой, специфически-медлительным характером совсем дело нешуточное, тем более, что прежние симпатии к русской демократии или замерли или находятся в какой[-]то недоуменной прострации. Их нужно совершенно заново восстанавливать. Причем, прежние подходы и прежние методы, которые были хороши при борьбе с русским самодержавием, оказываются абсолютно непригодными ни в отношении широких масс, ни в отношении отдельных друзей. Требуется длительная подготовительная работа. Почва для таковой за последнее время начинает мало[-]помалу кое-где обозначаться.

Сама Нью[-]Йоркская Группа бедна активными силами, да и то малое, что могло бы кое-что делать, в настоящее время безработицы так поглощено борьбой за личное существование, что почти не имеет физической возможности уделять время для работы в партийных интересах.

Ваше предложение об начатии компании застало Группу совершенно без средств и совпало с самым разгаром лета, когда все в городе настолько замирает, что нет никакой возможности установить контакт с нужными для дела организациями и отдельными лицами.

Рабочие круги Америки, как Вы знаете, сейчас вплотную прикованы к кризису своей страны и к разразившимся на этой почве грандиозным забастовкам, что, конечно, очень затрудняет привлечение их внимания к событиям в далекой России.

Все это поставило большие препятствия на пути предложенной Вами работы, но все же Группа имела за это время целый ряд заседаний и встреч и обещает сделать все, что будет в ее силах, но результат может выясниться не так скоро, как этого бы хотелось.

Пока же сделано следующее: 1) полученная от Вас декларация в связи с приговором над

товарищами размножена и распространена по всем соц. и раб. организациям и периодическим изданиям Соединенных Штатов и Канады; 2) было переведено немедленно и распространено по тем же путям, что и декларация, сообщение специального корреспондента о смерти тов. Тимофеева, которое появилось здесь в Еврейской Социалистической газете «Форвердс»; 3) была послана телеграмма на рабочий конгресс Канады по тому же самому поводу.

Главным нашим устремлением является создание объединенного комитета из рабочих организаций Америки, который мог бы повести широкую работу в защиту политических заключенных в России и в первую очередь, конечно, тех, над кем уже занесен меч смерти. Состоявшиеся две встречи с лидерами крупных рабочих организаций были пока неудачны, так как не все вызванные присутствовали, но обещание содействия от некоторых лидеров уже Группа имеет и в ближайшие дни выясниться более подробно, что можно сделать в этом направлении.

Издавать ежедневный биллетень^а Группа оказалась не в состоянии, налаженного аппарата нет, а обзавестись таковым хотя и можно, но чтоб вести издание[,] нужно оплатить регулярный труд двух человек – с ежедневным расходом в 15 долларов. В силу этого обстоятельства получаемый от Вас информационный материал передавался нами в местные газеты. Но гораздо лучше, если б^б Вы направляли информацию прямо и непосредственно по следующим адресам^в:

1) На английском языке 'The New York Call, 112-Lph Arc., New York, American Federation of Labor Washington D.C.

Justice, 3. W. IS Street, New York (attent. Mr. Danish)

Mr. M.Khinoy, c/a. «Forward», 145 E.B way, N^а.

2) На русском языке:

«Wecker, 145 E.Brodway, New York.

The Day, 183 E.B way, New York

Dos Naye Leban, 242 E.Bway, New York*.

Во втором случае можно взамен специальной информации можно^в высылать номера «Голоса России» или вырезки из него. Но в первом обязательно на английском языке, т.к. издания чисто американские, где русского языка не знают.

Относительно книги «Двенадцать смертников» Группа считает нецелесообразным расценивать по возвышенной цене, т.к. таких покупателей сейчас найти трудно, лучше первая комбинация, т.е. расценка по минимальной цене. Может быть практичнее будет цены на обложках книги не выставлять, а предоставить право фиксировать ее здесь на месте и весьма вероятно, что часть количества можно сбыть по возвышенной цене и в зависимости от этого то или иное количество может быть распространено и бесплатно. Относительно количества, в каком книга может быть распространена в Америке, трудно предсказать, так [как] практики у Группы на этот счет давно не было и в этом отношении Группа полагает, что «Издательство» должно соразмерить количество с расходами на издание, т.е. чтоб цена книги не оказалась высокой, что могло явиться главным тормазом^г ее распространения.

С товарищеским приветом (подпись)

P.S. Одновременно с письмом особо высылаются Вам копии распространенного нами материала среди Америк[анских] рабочих.

– ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 12. Л. 87–88. Машинописный подлинник на бланке секретаря Нью-Йоркской Группы ПСР.

№ П-127

*Доклад Заграничной Делегации ПСР Бюро
Международного Социалистического Интернационала*

1 апреля 1923 г.

Секретно.

ПОЛОЖЕНИЕ ПАРТИИ С.-Р. В РОССИИ.

Партия социалистов-революционеров всегда пользовалась в России большим влиянием. Поставив своей задачей, с самого возникновения ее (1899 г.) защиту интересов всех трудящихся – и рабочих, и крестьян, и трудовой интеллигенции, наша партия находила отклик своим идеям в широких слоях населения. Правда, до 1917 г. трудно было в цифрах учесть ее влияние и число членов партии, т.к. при царизме совершенно не было моментов ее легального существования: все ее организации были в подпольи, и даже не было парламентской с.-р фракции в Государственной Думе. Единственный раз, когда партия смогла принять участие в выборах в Госуд[арственную] Думу, это было в 1906 г. Несмотря на всю уродливость избирательного закона, партия тогда получила около 40 депутатских мест, а внесенный партией в Госуд[арственную] Думу основной аграрный законопроект, требовавший передачи всей земли трудящимся, собрал около 106 депутатских подписей. В дальнейшем партия не считала целесообразным участвовать в выборах в царскую думу и сосредоточила все свои силы как в области непосредственной борьбы с самодержавием, так и в профессиональном движении и в кооперации.

В 1917 г., когда партия смогла легально выйти на широкую арену деятельности, рост ее влияния выражался хотя бы следующими цифрами: При выборах в Учредительное Собрание партия с.-р. из 703 депутатских мест получила 416 мест. Из 36 миллионов избирателей в 59 избирательных округах, 20.000.000 избирателей (57 %) голосовали за с.-р.

При выборах в городские думы и земства всюду партия имела большинство. Почти во всех городах России городскими головами были члены нашей партии.

^а Так в документе, следует бюллетень.

^{б-в} Подчеркнуто в документе.

^{г-д} Вписано от руки.

^{е-ж} То же.

^з Так в документе.

^и Так в документе.

Партия насчитывала около 1.000.000 зарегистрированных членов, 80 ежедневных печатных органов.

Насколько велика была работа партии с.-р. в кооперации, особенно в сельско-хозяйственной, показывает состав различных кооперативных съездов. Так, членами п.с.-р. была представлена почти половина состава Всероссийского съезда кооперативных работников по культурно-просветительной деятельности (1918 г.).

Но война сорвала всю работу демократической России и породила большевизм и белых генералов, а этим загнала социалистов снова в подполье.

Положение партии при большевиках.

При большевиках организациям партии с.-р. пришлось уйти в подполье еще глубже, чем при царизме. Теперь сажают в тюрьму за одно название с.-р., даже в прошлом. Насколько сильны репрессии против с.р.[.] показывают недавние приговоры по делу Михайлова и Эстрина в Петрограде (смертный приговор за распространение с.-р. литературы) и молодого художника Шишкина в Москве (смертный приговор за хранение паспортного нелегального бюро и попытку поставить нелегальную типографию). Весь состав Центрального Комитета, избранный в 1917 г. и дополненный в 1919 г., сидит в тюрьме в качестве заложников. Несколько составов Центрального Бюро также сидят в тюрьме. Некоторые товарищи сидят уже свыше 4-х лет, многие в тюрьмах и в ссылке умерли.

И не смотря на все это, работа партии в ее прежнем выдержанном демократическом и социалистическом духе неуклонно продолжается. На место одних, арестованных, к активной работе подходят другие. В последнее же время, когда жестокость большевиков по отношению ко всем социалистам стала особенно сильной, наши организации стали еще активнее. Доказательством этого служит существование около 6-ти нелегальных типографий и выпуск периодических с.-р. органов, а также возникновение не только партийных организаций, но и областных объединений. Заграничная Делегация П.С.-Р. получает следующие партийные издания: «Листок Дела народа», изд. Центр. Бюро Партии, «Труд», изд. Московской организации, «Власть Народа», орган Уральского комитета, «Знамя Труда», орг. Одесского комитета, «Социалист-Революционер», орг. Пензенского комитета, «Голос Народа», орган Средне-Волжской областной организации, «Голос Социалиста-Революционера», орг. Харьковского комитета, «Дело Поволжья», саратовского комитета, «Революционное Дело», петроградской организации, «Бюллетень» Всеукраинского комитета П.С.-Р. Кроме перечисленных выше периодических изданий, Загр. Делегация получает также и издания неперiodические, например, «Кто такие С.-Р. и за что их судили?» – брошюра, изданная Южным Краевым Бюро Партии[.] затем около 10-ти печатных прокламаций, выпущенных по различным поводам (московский процесс, юбилей октябрьской революции, выборы в советы) и др.

Последний всероссийский съезд партии состоялся осенью 1921 г., после него было несколько областных съездов: кавказский, средне-русский, южный, украинский, сибирский. Во главе всей работы стоит Центральное Бюро, при арестах пополняемое представителями от местных организаций.

Надлежит отметить, что работа П.С.-Р. в городах тесно связана с данным состоянием пролетариата, распыление которого влечет за собой слабость действующей партийной организации и обратно – скопление и сцепление рабочих масс имеет непосредственным следствием рост и укрепление партийных с.-р. организаций, что показательно проявилось за последнее время в усилении партийной работы в местах повышающейся индустриальной деятельности.

Организационная работа в деревне наряду с образованием чисто партийных организаций, отмечалась, за последние годы, созданием массовых крестьянских союзов, под руководством партии.

Кроме чисто политической работы партия принимала деятельное участие в обороне кооперации от разрушающего натиска советской власти, а также вела в целом ряде губерний культурно просветительную работу.

Участия в выборах в советы партия не принимает, т.к. неприкосновенности личности для членов советов в России не существует: выбранный депутат с.-р. моментально арестовывается. Однако, был целый ряд случаев, когда в волостные советы проходило большинство крестьян – с.-р. Но благодаря поведению центральной большевистской власти работа независимых местных советов не смогла продолжаться и нескольких недель. При существовании Дальневосточной Республики¹³³ еще летом 1922 г. при выборах в Народное Собрание (парламент) с.-р-ы получили большинство голосов рабочих (о чем свидетельствуют не только с.-р-овские, но и социал-демократические газеты) и только красная армия и отдаленные сибирские местечки дали коммунистов.

Работа Партии С.-Р. за границей.

За границей Партию С.Р. представляет особая делегация, члены которой избраны и утверждены центральными партийными учреждениями в России. В настоящее время делегация имеет следующий состав (действительные члены и кандидаты): В.М. Чернов, Гр.И. Шрейдер, Н.С. Русанов, и С.П. Постников (в Германии), В.В. Сухомлин и М.Л. Слоним (в Чехии), Е.А. Сталинский (во Франции и Бельгии). Делегация периодически собирается для пленарных заседаний и имеет постоянный рабочий орган – секретариат (в Берлине). При Делегации (в Берлине) издается центральный партийный орган «Революционная Россия».

Задачи делегации заключаются в следующем:

Представительство партии в международном социализме – как на международных социалистических съездах, так и в отдельных странах.

Осведомление западно-европейских рабочих и американских рабочих о положении в России.

Издание Центрального печатного органа партии «Революционная Россия».

Издание книг и брошюр по идеологии и тактике партии.

Транспорт в Россию центрального партийного органа «Револ[юционной] России», других партийных изданий, а также и иной независимой литературы, в частности западно-европейских социалистических изданий, запрещенных в России.

Материальное и идейное содействие работающим в России товарищам.

Связь с с.-р.ами, находящимися за границей.

Организация помощи ссыльным и заключенным в советских тюрьмах и ссылке.

Содействие заграничным с.-р. группам в их работе среди эмигрантов (бывших военнопленных, молодежи и т.д.).

Установление постоянной связи с русскими партийными организациями.

Почти весь характер работы Делегации в 1922 г. определился известным Московским процессом, который был для партии не узко-партийным делом, но борьбой против всего коммунистического террора и режима. Так понимали этот процесс наши товарищи на суде, так понимала его и Заграничная Делегация. Поэтому вся кампания в связи с процессом была поставлена в широком международном масштабе.

а) Делегацией был приобретен ежедневный печатный орган «Голос России», который издавался в течение 7-ми месяцев, с Марта по Сентябрь 1922 г.

б) К Берлинскому совещанию был выпущен специальный меморандум на немецком, французском, английском и русском языках, посвященный большевистскому террору.

в) В течение 4-х месяцев издавался ежедневный бюллетень «Соц[иалист]-рев[олюционер]», дававший информацию как о ходе процесса[.] так и вообще о положении [в] России. Бюллетень этот издавался на немецком, французском, английском, итальянском и еврейском языках,

г) Издана на русском, английском, французском и немецком языках книга в 18 печатных листов «ЧЕ-КА».

д) Изданы открытки с фотогр[афиями] подсудимых с.-р. и их защитников.

е) В экстренных случаях разсылались телеграммы по 60-ти адресам социалистических организаций.

ж) Издана книга «12 смертников», на русском, чешском, французском, английском и немецком языках.

з) Было оказано содействие по отправке защитников-социалистов на Московский процесс.

и) Были совершены специальные поездки в Англию, Чехию, Бельгию, Францию, Болгарию, Италию, Прибалтику, Австрию.

На ряду со всей этой работой поддерживалась самая тесная связь с Россией.

Кроме работы в связи с процессом Делегацией выпущено было 10 номеров «Революционной России». До 1923 г. «Революционная Россия» транспортировалась в Россию в массовом количестве, теперь, в виду недостатка средств, количество пришлось сократить. Большевики настойчиво уничтожают не только агитационную, но и научную с.-р.-овскую литературу, легально изданную еще при царизме. Издан специальный циркуляр об изъятии этой литературы из всех библиотек. Поэтому, вследствие настойчивых просьб из России, делегацией разработана программа трех сборников по идеологическим и тактическим вопросам, статьи уже заказаны авторам.

За указанный период члены Делегации участвовали на французском, чешском, немецком, болгарском, бельгийском социалистических съездах, а также на совещании в Брегенце. К Гаагской конференции был издан специальный меморандум.

Помощь т[овари]щам, заключенным в советских тюрьмах[.] выражалась в сборе за границей средств и отправке в Россию посылок и денег.

В декабре 1922 г. делегация приняла самое активное участие в берлинском совещании с.-р., живущих за границей¹³⁴, представив доклады по всем обсуждавшимся на с[ъ]езде вопросам. На совещании были представлены следующие группы П.С.Р.: Пражская, Парижская, Лондонская, Берлинская, Эстонская, Варшавская.

Финансы Делегации.

В январе 1922 г. Загр[аничная] Дел[егация] получила из средств Центр[ального] Бюро, через одного товарища, находящегося в настоящее время в тюрьме в качестве смертника-заложника, 2750 английских фунтов. На эти средства и была поставлена вышеуказанная основная работа. В частности[.] одна покупка газеты «Голос России» обошлась в 600 фунтов. Кроме того, как всякая эмигрантская газета, «Голос России» требовал доплаты около 50 % всех расходов. Из этих же средств в Россию было переведено около 400 фунтов.

Около 160 фунтов было израсходовано в течение 8 месяцев на транспорт литературы. 100 фунтов издержано на поддержание почтовой связи с Россией.

Представительство, издания, агитация, содержание Делегации, выпуск «Револ[юционной] России», отправка защитников в Россию и пр., потребовали не только израсходования всей остальной суммы, но и других средств, каковые, за это время поступили, — от продажи изданий, различных сборов от с.-р., живущих за границей, а также от всяческих предприятий (концертов, лекций и т.п.).

Особенно горячее время процесса, его окончание и утверждение приговора, а потом невыясненное положение в первое время после вынесения приговора, — Август — Сентябрь 1922 г. — не позволяли считать с наличностью кассы, и заставляли нас сделать все возможное[.] чтобы спасти жизнь осужденных. В результате к 1 октября мы оказались совершенно без средств, и только вынужденная спешная продажа «Голоса России» редакции русской газеты «Дни» за 1/3 покупной нашей цены, т.е. за 30.000 чешск[их] крон дала возможность дальше вести работу.

Итак, с 1 октября 1922 г. начался новый период работы Делегации, — в сильно сокращенном масштабе, вследствие финансовых затруднений. Финансы делегации с 1 окт. по 1 апр. представляются в следующем виде:

ПРИХОД	—	1.	За	продажу		
«Голоса России».....					30.000	Кр.ч.
От агентства по счетам «Голоса						
Росс[ии]» (причитывалось до 1						
окт[ября] 1922 г.)						
.....			1.000.000	г. мар	2.000	" "
Возврат долга		II				
Интернационала.....			6.000	франк	12.000	" "
.....						
Из Америки за книгу «Чека» и						
сбор.....			1.000	долл.	34.000	" "

Из Берлина в пользу заключенных.....	1.400.000	г.м.	3.000	" "
Из Парижа в пользу заключенных.....	2.000	франк.	4.100	чешск. кр.
За продажу «Рев[олюцион-ной] России».....	800.000	г. мар.	1.500	" "
Различных поступлений.....	1.000.000	" "	2.000	крон чешск.
Итого.....			89.000	" "
РАСХОД: 1. Возврат долга				
по «Голосу России».....			6.000	чешск. крон
То же.....	250	долл.	8.500	" "
Послано в Россию.....	410	долларов		
и 9 посылок по.....	10	" "	90	долл.
Поездка на французск[ий] Соц[иалистический] съезд 2 делегатов.....			2000	" "
Поездка в лимитрофн[ые] страны?.....			1.000	" "
Почтовая связь с Россией.....			4.750	" "
Похороны т. Рубановича.....			3.000	" "
Изд[ание] «Рев[олюцион-ной] России».....	500	1200	1.000	3.500
Содержание делегации.....			10.000	" "
Уплата за транспорт «Рев[олюционной] России».....			1.500	" "
Бюллетень.....			1.000	" "
Бумага на сборники.....			1.200	" "
Адвокаты по Берлинскому процессу.....			700	" "
Помещение Делегации.....			1.000	" "
Различные расходы.....			4.000	" "
Бумага для «Револ[юционной] России».....			1.200	" "
Возврат долга П.А.Д.....			1.200	" "
" " О. И Н.....			2.100	" "
Дано в долг.....			950	" "
Итого.....			66.500	" "

Остаток на 1 апреля 1923 г.: 89.000 – 66.500 – 22.500.

Из этой суммы 12.000 чешск[их] крон неприкосновенны, так как принадлежат партийному фонду заключенных и ссыльных товарищей.

– Hoover Institution. B.I. Nikolaevsky Collection. Box 9. Folder 3. Подлинник.

№ П-128

*Листовки Московского Бюро ПСР,
выпущенные в связи со смертью члена ЦК ПСР
С.В. Морозова*

Не ранее января 1924 г.

[1.] НА СМЕРТЬ ЧЛЕНА ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТА^а
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ СЕРГЕЯ МОРОЗОВА

^а Так в документе, следует социалистов.

Если мне суждено еще быть на воле[,] мои небольшие силы будут отданы тому же делу, которому я служу уже пятнадцать лет: делу освобождения трудящихся, на борьбу за свободу народа против его угнетателей и поработителей.

Это было последнее слово т. Морозова на процессе социалистов-революционеров.

Ему не суждено было больше быть на воле.

21 декабря в одиночной камере внутренней тюрьмы ГПУ т. Морозов кончил счеты с жизнью: вскрыл себе артерии. Слишком поздно подоспевшие тюремщики нашли его остывшее тело и наполненные кровью кувшин и чайник.

Не мы его убили, не мы... он сам... смотрите, потрясая последней запиской мученика перед глазами его товарищей, истерически кричали следователи[-]чекисты.

Нет Вы, вы и Центральный Комитет Коммунистической партии. Вы убийцы и на Вас эта кровь. Кровь борца за свободу народа. На вашей совести. И когда народ предъявит Вам счет из всех Ваших преступлений, это будет одним из самых тяжких и позорных.

Сейчас Вы его будете скрывать всеми неправдами, чтобы эта мученическая смерть Вашего пленника-заложника не подорвала окончательно доверия к Вам со стороны международного пролетариата[,] не помешала признанию Вас буржуазными правительствами Европы. Вам не впервые прятать свои преступления. Но ведь кровь мученика за свободу нельзя скрыть. Она кричит на весь мир. Весь мир узнает. И не только рабочие и крестьяне – все, все в ком есть хоть капля человеческого, заклеят Вас позором.

ИМЕНЕМ РУССКИХ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ВЫ УБИЛИ БОРЦА ЗА ИХ СВОБОДУ.

Именем рабочих и крестьян борцов за свободу убивают только русские коммунисты. И рабочие и крестьяне России и Европы запомнят это надругательство над собою.

В своей революционной работе и при царизме и при коммунизме Сергей Морозов никогда не руководствовался тем, что грозит ему за эту работу. Не даром при царизме он выдержал семь лет каторги, а при коммунизме пять лет тюрьмы.

Вашим врагом я был, есть и останусь, бесстрашно заявил он перед лицом смерти коммунистическому суду.

И вражеский суд приговорил его к расстрелу, а исполнение приговора отложил на неопределенное время в зависимости от работы и тактики п[артии] социалистов-революционеров на воле и от общих политических условий.

Но не непрерывное ожидание притаившейся смерти убило нашего товарища. Смерти и предсмертной муки он не боялся. У него навсегда отняли возможность борьбы за свободу, за угнетенный народ. А в этой борьбе для Сергея Морозова был весь смысл жизни. И не зачем стало жить.

Смерть его не пройдет бесследно. Она будет призывом к борьбе. Но пусть не влечет она новых смертей. Пусть тов. Сандомир в Соловках[,] вскрывши артерии себе, чтобы своею смертью заявить протест против коммунистических насилий, пусть он будет последней добровольной жертвою.

Не смертью, борьбою будем протестовать против произвола, зверства и лицемерия кремлевских самодержцев.

Товарищи социалисты-революционеры, в подполье, окруженные чекистским шпионажем и провокаторами, ведущие тяжкую борьбу, не падайте духом. Наш погибший товарищ передал Вам омоченное своею кровью славное знамя партии социалистов-революционеров. Не спускайте его. Несите его с честью сквозь строй коммунистической клеветы, издевательства и террора вперед в царство правды, свободы и равенства.

Товарищи социалисты-революционеры, те что устали и отошли от борьбы, если Вы в душе остались социалистами-революционерами, смерть Сергея Морозова всколыхнет Вашу душу: он умер потому, что тюремные стены не давали ему бороться за правое дело. Не[у]жели сможете Вы на воле сидеть сложа руки перед его могилой. Ведь своею смертью он призвал и Вас к борьбе. Ведь те, другие его друзья и соратники за тюремной решеткой, и мы[,] его товарищи на воле, напрягающие силы в неравной борьбе, – мы все ждем Вас.

2. Товарищи рабочие и крестьяне. Вашим именем насильники коммунисты загнали в могилу бесстрашного борца за Ваше счастье и свободу. Вашим именем они мучат и убивают социалистов, наполнили ими тюрьмы. Так делал и царь... Но царь не смел пользоваться Вашим именем.

Неужели Вы будете молчать.

Объединяйтесь. Собирайте силы.

Партия социалистов-революционеров жива. Она зовет Вас. Она как и при царе, борется за Вас, за Вашу свободу.

МОСКОВСКОЕ БЮРО ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВО-ЛЮЦИОНЕРОВ.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 58. Л. 273–273 об. Машинописный экземпляр того времени. На л. 273 об. внизу помета: «тов. (фамилия неразборчива) в папку листовок ПСР в 1924 г.».